

Я. С. ГРОСУЛ

ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ
МОЛДАВИИ

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1982

Я.С.ГРОСУЛ

**ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ
МОЛДАВИИ**

63 3(2M)
Г88

Сборник включает монографические исследования, статьи и рефераты видного молдавского ученого-историка, члена-корреспондента АН СССР, академика АН МССР Я. С. Гросула, в которых раскрываются различные аспекты актуальной проблемы: прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России в 1812 году. В книге впервые публикуются работы «Автономия Бессарабии в составе России (1812—1828 гг.)», «Крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии» и др., которые отражают историческое значение присоединения Бессарабии к России для судеб молдавского народа и вносят существенный вклад в изучение этой важной проблемы. Для цельного представления о научном наследии академика Я. С. Гросула в сборник включены и некоторые ранее изданные труды, посвященные аграрным отношениям этого периода. Издание открывается научной биографией Я. С. Гросула и завершается хронологическим указателем его трудов.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, школ, аспирантов, студентов.

Ответственный редактор академик
АН МССР [И. К. Вартичан]

Г 10604—135 3.82.0505040000
M755(12)-82

© Издательство «Штиинца». 1982

ОТ РЕДАКТОРА

В этом году исполняется 70 лет со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, первого президента Академии наук Молдавской ССР Якима Сергеевича Гросула (1912—1976 гг.).

Жизнь и творчество этого видного ученого-историка, организатора науки и общественного деятеля совпали с периодом становления и утверждения науки в Советской Молдавии. Среди первых ученых республики он стал кандидатом, а потом доктором наук, опубликовал фундаментальные научные труды, подготовил высококвалифицированные кадры исследователей.

Перу Я. С. Гросула принадлежит около 300 трудов: монографий, сборников документов, учебников, статей, сообщений, докладов, речей. Ряд его работ остался неизданным.

Приступая к отбору трудов Я. С. Гросула для настоящего издания, составители испытывали затруднение: каким работам отдать предпочтение в большом и актуальном творческом наследии Я. С. Гросула. Решение было подсказано годом выхода в свет сборника: в 1982 г. исполняется 170 лет выдающемуся событию в исторических судьбах молдавского народа — прогрессивному акту присоединения Бессарабии к России.

Я. С. Гросул по праву является одним из пионеров научной разработки этой проблемы. И хотя диапазон его научных интересов был обширен и разнообразен, тема исторической роли 1812 г. является в его трудах центральной. Вот почему материалы настоящей книги и были сгруппированы вокруг этой научно и политически актуальной проблемы.

Сборник открывается статьей «Историческое значение присоединения Бессарабии к России для судеб молдавского народа», посвященной 150-летию этого исторического события.

Конкретным проблемам последствий прогрессивного акта 1812 г. в социально-экономической жизни Бессарабии посвящены два публикуемых монографических исследования Я. С. Гросула: «Аграрные отношения в Бессарабии (1812—1861 гг.)» и «Автономия Бессарабии в составе России (1812—1828 гг.)».

Первая работа, хотя и была опубликована ранее в монографии «Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861)», составляет единое целое с указанной работой по автономии Бессарабской области.

Вторая работа, научное редактирование которой было произведено И. А. Анцуповым, имеющая в основном завершенный

характер, осталась неопубликованной при жизни Я. С. Гросула. Автор не успел написать историческое введение к работе, использовать ряд, источников, отобранных им в архивах Ленинграда. Этот пробел был восполнен доктором исторических наук В. Я. Гросулом, который предпослав работе историографический очерк и привел в примечаниях выдержки из указанных архивных документов.

Теме исторического значения присоединения Бессарабии к России посвящены и два публикуемых реферата диссертаций Я. С. Гросула. Реферат кандидатской диссертации «Крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии» был прочитан автором в виде доклада на заседании Ученого совета Объединенного Украинского госуниверситета в г. Кзыл-Орда (Казахская ССР) 28 января 1944 г. Доклад носит отпечаток тех грозных лет Великой Отечественной войны, когда весь советский народ с оружием в руках отстаивал независимость нашей Родины. Это была точка отсчета в творчестве Я. С. Гросула: многие положения были впоследствии развиты в трудах автора и его учеников, от некоторых он отказался в процессе более углубленного исследования проблемы (см. комментарии к докладу). Второй реферат — «Крестьяне Бессарабии (1812—1875)» — излагает результаты изучения Я. С. Гросулом проблем социально-экономического развития Бессарабии в составе Российского государства вследствие прогрессивного исторического акта 1812 г. Более подробно эти проблемы раскрыты в изданных монографических трудах автора.

Публикуемый цикл работ Я. С. Гросула завершается статьей «Великий Октябрь и расцвет молдавской социалистической нации». В ней изложен итог исторического развития молдавского народа в семье народов нашей страны, показана неразрывная связь с завоеваниями Октябрьской революции. Молдавский народ вместе с великим русским и другими народами нашей страны сбросил оковы капиталистической эксплуатации и установил власть трудящихся. В братской семье советских народов молдавский народ, консолидировавшийся в социалистическую нацию, строит коммунизм — светлое будущее человечества.

Книга открывается биографией академика Я. С. Гросула (авторы — В. И. Жуков, П. В. Советов и О. Ю. Тарасов), завершается хронологическим указателем его трудов.

Материалы сборника были отобраны и подготовлены к печати Комиссией по научному наследию Я. С. Гросула в составе академика АН МССР И. К. Вартичана (председатель), докторов исторических наук В. И. Царанова (зам. председателя), В. Я. Гросула (ученый секретарь комиссии), кандидатов исторических наук И. А. Анцупова, Д. М. Драгнева, докторов исторических наук В. И. Жукова и П. В. Советова.

Академик

| И. К. Вартичан |

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АКАДЕМИКА ЯКИМА СЕРГЕЕВИЧА ГРОСУЛА

Жизненный и творческий путь Якима Сергеевича Гросула неотделим от пути становления и развития науки в Советской Молдавии. Сын своего народа, вступившего на путь строительства новой жизни, он был представителем первого поколения советских людей, которым Великий Октябрь дал путевку в жизнь и которые затем встали у руля социалистического строительства. Биография Я. С. Гросула является живым примером претворения в жизнь ленинской национальной политики, давшей возможность в полной мере расцвести талантам всех народов нашей страны, талантам, которые подавлялись и губились капитализмом и самодержавием. Только в условиях советского общества простой крестьянский сын из безызвестного молдавского села на берегу Днестра смог реализовать свои способности, стать видным ученым, общественным деятелем, внесшим большой вклад в развитие науки, образования и культуры своего края.

Яким Сергеевич Гросул родился 21(8) сентября 1912 г. в селе Карагаш близ г. Тирасполь в семье крестьянина-бедняка. С ранних лет, помогая отцу, познал трудную крестьянскую жизнь. Учиться начал в одной из первых молдавских школ, созданных в родном селе после гражданской войны. Любознательный, активный, он становится во главе первой пионерской организации, в числе первых вступает в 1929 г. в комсомол. Получив образование, Я. С. Гросул учителяствует в школе. Образованные люди на селе в те годы были редки. Молодой учитель ведет активную общественную работу, борется с неграмотностью. Комсомольцы села Слободзея избирают Я. С. Гросула секретарем ячейки.

Огромные социальные преобразования, происходившие в созданной в 1924 г. Молдавской Автономной ССР, требовали все большего числа образованных специалистов. Культурное строительство приходилось, начинать в условиях, когда 80% населения левобережной Молдавии не умело читать и писать. Одновременно с трудным процессом ликвидации неграмотности осуществлялась подготовка кадров интеллигенции. В Молдавской АССР, до революции в которой не было ни одного высшего учебного заве-

дения, стали создаваться вузы и техникумы. В них широким потоком хлынули дети рабочих и крестьян, жаждущие знаний. В их числе был молодой Я. С. Гросул.

В 1932 г. по рекомендации комсомола он поступает на рабфак, а в следующем году — на только что открывшийся исторический факультет педагогического института в Тирасполе, первого вуза республики. Активный общественник, отличник в учебе, Я. С. Гросул рано проявил интерес к научной работе. После окончания вуза в 1937 г. его, как способного студента, оставляют на преподавательской работе в институте.

Начались годы упорного самостоятельного труда, овладевания высотами научного и педагогического мастерства. Преподавателей вузов в то время не хватало, и Я. С. Гросул работает одновременно в педагогическом институте и в Тираспольском комвузе. Читает курсы лекций по истории СССР, диалектическому и историческому материализму. Возможно, что такое сочетание предметов преподавания уже тогда отражало возникший интерес молодого ученого к крупным проблемам истории, связанным с методологическим обобщением процессов социально-экономического характера. Во время работы в вузе Я. С. Гросул начинает заниматься научной работой, избрав в качестве объекта исследования проблемы аграрной истории Молдавии второй половины XIX в.

В 1938 г. молодого специалиста призывают на действительную службу в рядах Красной Армии. Среднеазиатский военный округ. Туркмения. Здесь проходит служба Я. С. Гросула. В условиях армейского быта, заполненного новыми заботами, молодой историк не оставляет занятий. Пополняет свой теоретический багаж, изучает труды классиков марксизма-ленинизма. Здесь в 1939 г. он становится членом Коммунистической партии.

После службы в Красной Армии Я. С. Гросул возвращается в Молдавию. Молодого коммуниста, способного преподавателя выдвигают на административную работу — он становится деканом исторического факультета. Одновременно продолжает преподавать, однако теперь уже читает лекции по истории средних веков и нового времени. Вынужденное изменение тематики лекционных курсов дало возможность Я. С. Гросулу понять исторические процессы всеобщего характера, шире подойти к своим научным вопросам, повысить эрудицию и исторический кругозор. Уже было собрано много фактического материала, изучено большое количество научной литературы, вчера написан первый вариант кандидатской диссертации.

Планы молодого ученого, как и всех советских людей, внезапно нарушила Великая Отечественная война. 23 июля 1941 г. Я. С. Гросул с группой ученых и преподавателей покидает Молдавию и направляется в эвакуацию. В Казахстане, в г. Кзыл-Орда он работает директором средней школы и преподавателем истории. В эти трудные для всей страны годы он отдает все силы

воспитанию детей и ни на день не прерывает научной работы. 28 января 1944 г. на заседании ученого совета Объединенного Украинского государственного университета Я. С. Гросул блестяще защищает кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянская реформа 1868 года в Молдавии».

Через месяц в феврале 1944 г. по направлению ЦК Компартии Молдавии Я. С. Гросул переезжает в г. Бугурusan Оренбургской области, где возобновляет свою деятельность Молдавский педагогический институт. Здесь он снова возвращается на пост декана исторического факультета и возглавляет кафедру истории СССР. После освобождения Молдавии от фашистских оккупантов вместе с институтом Я. С. Гросул возвращается в родную республику, где продолжает педагогическую и научно-исследовательскую работу.

В республике интенсивно развертывается процесс прерванноговойной социалистического строительства. Оккупация нанесла экономике и культуре страны колоссальный ущерб. В руинах лежали здания вузов и научных учреждений, многие специалисты не вернулись с фронта. Не хватало школ, учителей, учебников. В этих тяжелых условиях начался процесс возрождения культурной и научной жизни в Молдавии. Важным событием в развитии образования, науки и культуры республики явилось открытие в Кишиневе первого в истории края государственного университета, занятия в котором начались в октябре 1946 г.

Среди преподавателей и руководителей университета — доцент Я. С. Гросул, декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой истории СССР. Немногочисленный в то время профессорско-преподавательский коллектив университета трудился самоотверженно. Не было сколько-нибудь необходимого оборудования, отсутствовала научно-педагогическая литература. Нагрузка преподавателей выходила далеко за пределы положенной. Приходилось отдавать много опыта, времени и мастерства, чтобы при отсутствии учебников, литературы и оборудования студенты могли усвоить прочные знания.

В послевоенные годы наряду с педагогическим талантом ярко проявился талант Я. С. Гросула как организатора научных исследований. В условиях расширения научной деятельности, создания в Молдавии новых вузов и исследовательских учреждений все более необходимой стала организация комплексного центра, который бы объединял и направлял деятельность ученых разных специальностей. Такую задачу мог выполнить только центр академического профиля. Летом 1946 г. в Кишиневе начинается работа по организации Молдавской научно-исследовательской базы Академии наук СССР, директором которой становится крупный советский историк, вице-президент АН СССР В. П. Волгин. Спустя год, в сентябре 1947 г. по рекомендации Бюро ЦК Компартии Молдавии его заместителем назначается Я. С. Гросул. С этого времени его жизнь непрерывно связана с процессом

становления и развития академической науки в Молдавии. Работая под руководством такого выдающегося ученого и организатора науки, как академик В. П. Волгин, Я. С. Гросул овладевал спецификой организации научных исследований.

Послевоенная Молдавия имела еще слабо развитую сеть научно-исследовательских учреждений. Задача академической базы в этих условиях заключалась в оказании помощи республиканским органам в планировании науки и изучении природных ресурсов, истории и культуры края. Быстрое и успешное развитие исследований, необходимость дальнейшего усиления воздействия науки на экономику и культуру республики создали необходимые условия для расширения деятельности академических учреждений в Молдавии. В конце 1949 г. Молдавская научно-исследовательская база АН СССР была преобразована в Молдавский филиал АН СССР, который в тесном сотрудничестве с отраслевыми учреждениями и вузами призван был разрабатывать основные научные проблемы развития региона.

Первым председателем Президиума МФ АН СССР стал член-корреспондент АН СССР П. А. Баранов, известный ученый-ботаник и организатор науки. Его заместителем был назначен Я. С. Гросул, который с февраля 1954 г. возглавляет работу филиала уже как председатель его президиума. Под руководством Я. С. Гросула проходили процессы формирования академических научных учреждений, появления и развития новых направлений исследований.

Одновременно с большой организаторской работой в Молдавском филиале АН СССР Я. С. Гросул до 1960 г. преподает в Кишиневском государственном университете, где читает курсы лекций по истории СССР XIX в. и истории Молдавии, заведует кафедрой истории СССР. Нынешнее поколение историков Молдавии — ученых и преподавателей вузов и школ — по праву является его воспитанниками.

Научно-организаторская и преподавательская деятельность шла бок о бок с научно-исследовательской работой. Я. С. Гросула привлекает многоплановая проблема генезиса и развития капитализма в Бессарабии после присоединения в 1812 г. к России. Зарождение буржуазных начал он связывал с ослаблением гнета Османской империи в Дунайских княжествах, вызванным успехами России в осуществлении своей политики на Балканах.

После 1812 г. в Бессарабии сложились благоприятные условия для народнохозяйственного развития и формирования в недрах феодализма капиталистического уклада. Раскрытие и обоснование этих положений было намечено в первом научном труде Я. С. Гросула — в кандидатской диссертации, а затем в большой исследовательской статье «Разложение феодально-крепостнических и формирование капиталистических отношений в Молдавии в первой половине XIX века»¹.

И в кандидатской диссертации, посвященной крестьянской реформе 1861 г. в крае, и в рассматриваемой статье Я. С. Гросул подчеркивает прогрессивный характер исторического значения присоединения Бессарабии к России как необходимое условие роста новых отношений. «Присоединение к России Бессарабии, — пишет автор, — также, как и других окраин, которые находились на более низкой ступени экономического развития, чем Россия, было не только прогрессивным явлением, но, по существу, единственным спасением от жестокого турецкого феодального гнета. Прогрессивность этого явления состоит именно в том, что под влиянием более развитого в экономическом отношении государства, каким являлась для народов национальных окраин Россия, был ускорен затянувшийся там процесс разложения феодально-крепостнических отношений и созданы предпосылки для перехода к новому, более прогрессивному способу производства»².

В числе коренных причин, приведших после 1812 г. к положительным изменениям в социально-экономическом развитии края, Я. С. Гросул обоснованно отмечал выход Бессарабии из системы Турецкой империи, обрекавшей экономику на тяжелое с длительными периодами застоя и упадка положение. В составе Российской державы появилась возможность тесного хозяйственного сближения с развитыми губерниями, включения в капиталистический рынок Европы, что ускоряло процесс первоначального накопления капитала и переход к капиталистическим формам производства³.

Вместе с тем Я. С. Гросул с глубоко научной объективностью оценивает политику царского самодержавия в стране, в ее национальных окраинах. Он подчеркивает субъективные устремления царизма к укреплению в Бессарабии базы феодальной эксплуатации крестьян, к расширению и упрочению своего влияния на Балканах⁴. Однако объективные последствия влияния России на Балканские страны имели большое положительное значение.

Уже в данной статье автор показал в общих чертах те изменения в социально-экономическом плане, которые свидетельствовали о существенных сдвигах в дореформенный период.

К 1812 г. Бессарабия представляла собой малонаселенную область, особенно в южных уездах — местах бывших кочевий татар- ногайдцев — вассалов Османской империи, выселенных оттуда русскими властями. Во всем междуречье Днестра и Прута в 1812 г. насчитывалось лишь 240 тыс. жителей, вместе с коренным молдавским населением здесь проживала определенная часть украинцев, русских, евреев, греков, армян, цыган. Подъем экономики, развитие производительных сил при такой малой заселенности были невозможны. Я. С. Гросул показал произошедшие большие перемены в численности населения края за полстолетия после 1812 г. За это время оно увеличилось почти в 4 раза и достигло миллиона человек⁵. Главными факторами, оп-

ределившими столь высокие темпы увеличения численности населения, явились естественный прирост, миграционные процессы (бегство в эту национальную окраину, где отсутствовало крепостное право, помещичьих крестьян из внутренних губерний, а также переселение правительством государственных крестьян и выходцев из-за границы — болгар, гагаузов, немцев и некоторых других).

С давних времен Бессарабия, благодаря хорошим природно-климатическим условиям, располагала большими ресурсами для сельскохозяйственного производства. Но оно находилось на очень низкой ступени развития из-за жестокого феодального угнетения крестьянства со стороны турецких завоевателей, греков-фанариотов и местного боярства. Ослабление после 1812 г. феодального гнета, быстрое заселение края способствовали росту запашки, увеличению поголовья скота, выращиванию хлебных культур, винограда, табака и др. При господстве в первой половине XIX в. феодального способа производства, отмечает Я. С. Гросул, в экономике края стали обнаруживаться новые производственные отношения. Все большее значение играет товарно-денежная форма, усиливается связь помещичьих и крестьянских хозяйств с внутренним и внешним рынком, растут города и местечки. В городах и селах увеличивается ремесленное население, вместе с помещичьими мануфактурами появляются и купеческие, растет объем производства⁶.

Проблема развития капитализма получает дальнейшее обоснование в докторской диссертации Я. С. Гросула⁷, послужившей основой крупной монографии о крестьянах Бессарабии 1812—1875 гг.⁸ Она явилась итогом длительных научных изысканий Я. С. Гросула, которые осуществлялись путем анализа многочисленных архивных и опубликованных материалов, дореволюционной и советской исследовательской литературы.

В книге анализ экономического развития края подчинен главной теме — о крестьянах Бессарабии (положение различных категорий, система их феодальной эксплуатации, борьба крестьян против помещичьего и государственного гнета, аграрная политика царизма в крае), но от этого он не теряет своего значения, так как проблема формирования элементов капитализма, его уклад прослеживаются не только сквозь экономическую сторону, но и социальную — процесс классовой дифференциации крестьянства.

В монографии полнее, чем прежде, автор раскрывает вопрос о заселении края, обращает внимание не только на общее быстрое и значительное увеличение населения, но и на те категории крестьян — государственные, резеши, болгарские, гагаузские, немецкие поселенцы, — которые были менее обременены феодальными устоями, чем основная масса крестьян — царане, а поэтому в их хозяйства могли быстрее проникнуть буржуазные отношения⁹.

Характеризуя развитие экономики Бессарабии после 1812 г., Я. С. Гросул анализирует важнейшие ее отрасли — сельское хозяйство, промышленность и торговлю. На основании изучения промышленности он приходит к выводу, что в первой половине XIX в. в недрах феодального строя появляется новый, капиталистический уклад¹⁰.

В сельском хозяйстве господствовала барщинная система, которая держалась на труде зависимых от помещиков царан. Развивались одновременно с этим капиталистические формы производства. Автор отмечает, что новые отношения укоренялись шире в южных уездах Бессарабии¹¹. Углублению процесса разложения феодальных отношений в сфере производства способствовала торговля, основными предметами которой были хлеб, скот. Торговля подрывала натурально-замкнутый характер хозяйства, способствовала развитию товарно-зернового производства и скотоводства¹².

В результате тщательного и всестороннего анализа хозяйственного и социального положения крестьян Бессарабии в дареформенный период Я. С. Гросул установил общие закономерности их развития как феодально-зависимой категории населения и выявил специфические черты, показав деформацию положения различных категорий крестьян под воздействием распространившихся буржуазных отношений.

Основой феодальной эксплуатации крестьян в Бессарабии, как и в целом в России, была собственность помещиков на землю. По сведениям автора, в крае накануне крестьянской реформы 1861 г. во владениях помещиков и монастырей было сосредоточено до 75 % всей земли и более 60% крестьян. Буржуазные отношения проникали в жизнь различных категорий крестьян не в одинаковой степени. Заметнее всего они укоренялись в хозяйствах резешей — землевладельцев-собственников, государственных крестьян, болгар и немецких колонистов. Находясь в несколько лучше материальном положении, чем царане, они скорее и легче вовлекались в торговую-промышленную деятельность, из их среды постепенно выделялась более зажиточная прослойка, которая перестраивала свое хозяйство на новых экономических основах¹³.

Важной стороной формирования новых отношений в дареформенной Бессарабии является крестьянское движение, которое получило свое отображение в монографии Я. С. Гросула. Исторически сложившиеся социально-экономические и политические условия в крае после 1812 г. — в первой трети XIX в., меньший, чем прежде, феодальный гнет, наличие значительного количества свободных земель на юге области, покровительственная политика в развитии производства и торговли в Бессарабии, проводимая правительством России, сдерживали крестьянское движение. Но с 1830 г. в связи с усилившимся ростом размеров помещичьих запашек (из-за выгодного сбыта помещичьего хлеба за границу)

феодальный гнет крестьянских масс усиливается, идет сокращение надельных земель. Правительство пытается законодательно закрепить дальнейшее закабаление крестьян помещиками путем введения «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.» Но протесты, борьба крестьян против этого мероприятия практическинейтрализовали действие указанных законов. Я. С. Гросул делает вывод, что крестьянское движение, нарастающее в последующие годы, свидетельствовало об углублявшемся изменении феодальных порядков, которые приходили во все большее противоречие с развивающимися буржуазными отношениями¹⁴.

Дальнейшим крупным шагом в исследовании процесса закономерной смены феодальной формации капиталистической применительно к Бессарабии явилась монография Я. С. Гросула о крестьянской реформе в Бессарабии, написанная в соавторстве с одним из видных историков МССР академиком АН МССР Ильей Григорьевичем Будаком¹⁵.

Ценность работы в решении указанной проблемы состоит прежде всего в том, что в ней впервые в нашей историографии в монографическом плане были проанализированы причины реформы, их особенности и последствия для утверждения в сельском хозяйстве капиталистических отношений. (Монографии о крестьянской реформе предшествовали кандидатская и докторская диссертации, где этой проблеме были посвящены значительные разделы.) Авторы установили, что реформа в крае была вызвана глубокими изменениями в социально-экономическом строе. В хозяйственной жизни со всей очевидностью сказывалась невыгодность труда феодально-зависимых крестьян, продолжала нарастать классовая борьба в деревне; углублялся общий кризис феодальной системы. Крестьянская реформа в Бессарабии по своей сущности являлась буржуазной, но такой же половинчатой и непоследовательной, как и «Положение 19 февраля 1861 года». Реформа подорвала сословный характер землевладения, но не уничтожила его. По-прежнему в руках помещиков-дворян оставались огромные владения, а крестьяне получали в надел участки в несколько десятин, что вынуждало их вновь идти в кабалу к господствующему сословию. Как показали авторы, буржуазный характер крестьянской реформы в Бессарабии проявился полнее, чем в центральных губерниях. Средний надел земли у крестьян здесь был несколько выше, выкупная подать меньше; сохранилась относительно широкая прослойка среди крестьян таких категорий (государственные крестьяне, резеши, болгарские поселенцы), которые в силу их хозяйственного устройства больше соответствовали капиталистической системе. По заключению Я. С. Гросула и И. Г. Будака, крестьянская реформа в Бессарабии создала условия для победы новых производственных отношений и установления относительного соответствия между ними и характером производительных сил¹⁶.

В начале 50-х гг., одновременно работая над этим фундаментальным исследованием, Я. С. Гросул много сил отдает созданию двухтомной «Истории Молдавии». Как один из авторов и член редколлегии он внес значительный вклад в создание этого первого марксистского обобщающего труда по истории края. В 1957 г. Высшая аттестационная комиссия присваивает Я. С. Гросулу ученое звание профессора.

50-е гг. в биографии Я. С. Гросула насыщены интенсивной и разносторонней деятельностью, отмечены большим творческим ростом. Под его руководством успешно и плодотворно развивался Молдавский филиал АН СССР. Я. С. Гросул был одним из главных инициаторов преобразования Молдавского научного центра в республиканскую Академию наук. Благодаря его усилиям в составе МФ АН СССР был создан целый ряд научно-исследовательских институтов и самостоятельных отделов, укрепилась материально-техническая база филиала, выросли квалифицированные научные кадры. Будучи председателем президиума МФ АН СССР, он одновременно возглавлял Институт истории. Во всей этой трудной и разносторонней деятельности ярко проявились организаторский талант Я. С. Гросула, умение направить научную деятельность на решение крупных проблем.

К концу 50-х гг. Молдавский филиал Академии наук СССР стал крупным научным центром, где были созданы необходимые предпосылки для преобразования его в Академию наук республики. Под руководством Я. С. Гросула была успешно проведена подготовительная работа, связанная с процессом организации академии. Достаточно отметить, что вся деятельность по разработке ее структуры, определению направлений исследований осуществлялась при его решающем участии.

АН МССР была открыта 2 августа 1961 г. Я. С. Гросул по праву стал одним из первых действительных членов первой в истории молдавского народа Академии наук и был избран ее первым президентом. Этот пост он занимал до последних дней своей жизни.

Деятельность Я. С. Гросула на посту президента Академии наук МССР остается яркой страницей в истории науки Молдавии как пример умелого руководства работой разностороннего научного коллектива.

1 июля 1966 г. общее собрание Академии наук Союза ССР избирает академика АН МССР Я. С. Гросула членом-корреспондентом АН СССР по специальности «История СССР». Это знаменательное событие стало признанием заслуг Я. С. Гросула, его вклада в советскую историческую науку и одновременно свидетельством авторитета академической науки Молдавии, которой он отдал всю свою жизнь. 1 ноября 1967 г. Президиум Верховного Совета МССР присвоил Я. С. Гросулу почетное звание заслуженного деятеля науки Молдавской ССР.

В 60—70-е гг. Я. С. Гросул активно разрабатывает широкий круг исторических проблем. Вышедшие из-под его пера исследования стали крупным вкладом в советскую историческую науку. Он выступает и как соавтор, редактор и организатор крупных работ по истории и историографии Молдавии. Тема развития капиталистических отношений в экономике дотреформенной Бессарабии стала одной из центральных в совместном труде Я. С. Гросула и И. Г. Будака о народном хозяйстве края после присоединения его к России¹⁷. Монография не только обобщала ранее выполненные исследования, но в значительной мере опиралась на новые материалы.

Авторы основательно проанализировали прежде всего главную отрасль экономики Бессарабии — сельское хозяйство, вскрыли большие положительные перемены в производстве хлебных культур, в виноградарстве и виноделии, садоводстве, животноводстве. Бессарабия из малопродуктивного района, доведенного до крайнего положения разорительным турецким господством, за короткий исторический срок (с 1812 по 1861 г.) превратилась в область с развитым товарным земледелием и скотоводством.

После 1812 г., отмечают Я. С. Гросул и И. Г. Будак, вследствие подъема производительных сил края и под влиянием прогрессивных изменений, происходивших в других местах страны, в Бессарабии ускорился процесс развития капиталистических отношений¹⁸. Феодальная база постепенно трансформировалась под воздействием буржуазных начал. Рост товарность производства, и прежде всего в поместичьих хозяйствах. С быстрым и значительным расширением последних крупные землевладельцы не могли обходиться лишь крестьянским трудом, который обеспечивал их прежде. Возникла настоятельная потребность в значительном его увеличении. Добиться этого старыми методами не удавалось: ни «Положение о царанах 1834 года», ни «Нормальный контракт 1846 года» не могли уже принудить основную массу феодально-зависимых крестьян к увеличению барщины. Приходилось искать иные пути, в том числе углублять специализацию хозяйства, применять усовершенствованные орудия труда, использовать по найму рабочую силу местных крестьян и отходников. Все это означало постепенную и сложную перестройку феодальных поместий, в которых все шире и прочнее закреплялись буржуазные начала.

Я. С. Гросул, И. Г. Будак выявили много ценных данных о процессе капитализации крестьянских хозяйств. В монографии отмечаются общие благоприятные факторы, которые способствовали развитию крестьянского хозяйства. Авторы подчеркивают, в частности, что после 1812 г. материальное положение основной массы сельского населения улучшилось, а уровень его жизни был выше, чем во многих губерниях Европейской России¹⁹. Отсутствие крепостной зависимости крестьян в крае, наличие у

части резешей земельной собственности и значительных наделов земли у государственных крестьян, болгарских, гагаузских поселенцев также способствовали укреплению новых отношений в селе, вели к социальной дифференциации. В 30—40-е гг. XIX в. в руках зажиточной верхушки в казенной деревне находилось кроме обычных наделов большое количество земли, в то же время 3,5 тыс. крестьян были безземельными²⁰. Буржуазные элементы значительную часть своих доходов тратили на покупку и аренду пахотной земли, наем рабочих, приобретение инвентаря и различных хозяйственных предметов.

Капиталистические отношения проникали и в промышленное производство. Как показано в монографии Я. С. Гросула и И. Г. Будака, после 1812 г. значительно быстрее, чем в предшествующие десятилетия, развивались в городах и селах ремесла и промыслы, увеличивался объем их производства, расширялся ассортимент изделий, углублялась специализация ремесла. Особенно широкое распространение получили извозный промысел, добыча соли, ловля рыбы. На базе ремесленного производства возникли многие капиталистические мануфактуры: текстильные, шерстомойки, табачные мастерские, салотопни, кирпично-чертежные. В конце рассматриваемого периода появляются паровые мельницы, винокурни, сахароварни²¹. Вместе с тем авторы отмечают, что отсутствие природных запасов топлива и минерального сырья, недостаток квалифицированной рабочей силы во многом тормозили подъем промышленности, и в отличие от сельского хозяйства, по общему ее объему Бессарабия стояла в нижнем ряду губерний Европейской России²².

Для характеристики перемен, наступивших в Бессарабии после 1812 г., Я. С. Гросул, И. Г. Будак проанализировали состояние внутренней и внешней торговли края за дореформенный период, что позволило им рассмотреть проблему проникновения в недра феодализма буржуазных начал не только в сфере производства, но и сбыта. Глубоко скрытые в феодальной толще новые явления находили преломление в торговле, которая быстро и значительно возрастила. По сведениям, которыми располагали авторы, ее объем в Бессарабии возрос с 40-х до середины 60-х гг. XIX в. в 7—8 раз²³.

Особенно важен для изучения темы развития капитализма в пореформенный период, когда происходило утверждение новой формации. Мы уже отмечали, что в работе Я. С. Гросула и И. Г. Будака о крестьянской реформе в крае были раскрыты более перспективные условия победы капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии, чем во многих других губерниях страны. О том, как возникали эти условия, показано в крупном монографическом исследовании Я. С. Гросула и И. Г. Будака о развитии народного хозяйства Бессарабии в пореформенный период²⁴. Эта книга тематически и хронологически явила продолжением ранее изданного труда по той же проблеме в дореформенный пери-

од. Таким образом, история народного хозяйства края, развитие капиталистических отношений получили освещение почти за весь период — от возникновения буржуазных начал до их завершающей стадии. Новая книга по богатству источниковой базы, значимости наблюдений и выводов также стоит на высоком профессиональном уровне.

Я. С. Гросул, И. Г. Будак показали, что утверждение капитализма в главной отрасли экономики Бессарабии — в сельском хозяйстве шло в сложных условиях перехода от барщинной к капиталистической системе, когда они еще тесно переплетались. Труднее всего становление новой формации протекало в северных и центральных уездах, где крестьянские массы вынуждены были прибегать к кабальным формам продажи своей рабочей силы, чтобы получить необходимый для жизни минимум земли. Они арендовали ее на условиях отработок и чаще всего «исполну», то есть обязывались отдавать половину урожая, собранного на арендованной земле²⁵. За выпас скота на поместичьих и кулацких землях крестьяне должны были выполнять определенные работы, используя свой инвентарь и тягловый скот. Отработками нередко возмещались хлебные и денежные долги, использование рабочего скота или инвентаря помещика. В силу исторически сложившихся особенностей заселения, социальной структуры и хозяйства в дореформенное время, на юге Бессарабии в эпоху капитализма феодальные отношения вытеснялись быстрее, и если в центральных и северных уездах преобладали элементы так называемого «прусского» пути капитализма, то на юге — «американского»²⁶.

Бессарабия, как показали авторы, относилась к тем немногим районам России, где в сельском хозяйстве сравнительно широко использовались машины, улучшенный инвентарь.

Известно, что важнейшим показателем капитализма является применение наемного труда. В пореформенный период в сельском хозяйстве Бессарабии использовался вольнонаемный труд как местных крестьян, так и из других губерний, в особенности в южной экономической зоне.

Сравнивая данные о темпах распространения капитализма в сельском хозяйстве, о глубине его проникновения в отдельных губерниях Европейской России и Бессарабии, Я. С. Гросул и И. Г. Будак пришли к заключению, что последняя стояла впереди многих районов страны²⁷.

Как и в предыдущей книге авторов о народном хозяйстве края, в монографии о пореформенном его развитии главное место по объему занимают материалы исследования различных отраслей сельского хозяйства (производство зерна, виноградарство и виноделие, садоводство, табаководство, огородничество и в заключение — животноводство), промышленности, транспорта, торговли, финансов. Все это неразрывно связано с анализом утверждения капитализма во всех областях народного хозяйства.

Накопленные в процессе изучения Я. С. Гросулом, И. Г. Буцаком материалы о развитии экономики Бессарабии в XIX — начале XX вв. легли в основу обобщающего труда «История народного хозяйства Молдавской ССР (1812—1917 гг.)», изданного в 1977 г., который является одним из четырех томов, где народное хозяйство рассмотрено с древнейших времен и по сегодняшний этап развития Молдавской ССР²⁸. Я. С. Гросул, будучи одним из авторов указанного тома, приложил много усилий к подготовке и редактированию всех томов.

Трудно переоценить вклад, внесенный Якимом Сергеевичем Гросулом в решение большой научной и политической проблемы развития капиталистических отношений в Бессарабии в XIX — начала XX в. С полной уверенностью можно сказать, что значение этого вклада выходит за рамки истории нашей республики, ибо помогает на ее примере исследовать данный процесс в целом по стране. Научные изыскания Якима Сергеевича выполнены на высоком профессиональном уровне, присущем лучшей части современной общесоюзной историографии, они нацеливают историков-исследователей на дальнейшее обогащение проблемы путем новых научных поисков.

Уделяя особое внимание истории аграрных отношений и экономической истории Молдавии XIX в., Я. С. Гросул обращается также к другим крупным проблемам истории, историографии, источниковедения, истории науки в республике. Много труда и таланта он внес в подготовку второго издания двухтомной «Истории Молдавской ССР». Как автор и соредактор этого важного труда Я. С. Гросул был удостоен в 1972 г. Государственной премии Молдавской ССР в области науки и техники.

В соавторстве с видным историком членом-корреспондентом АН МССР Н. А. Моховым им был создан ряд работ по историографии Молдавии. Они были обобщены в итоговой работе Я. С. Гросула и Н. А. Мохова «Историческая наука Молдавской ССР»²⁹. Оба автора внесли значительный вклад в создание источниковедческой базы исторической науки республики. При их непосредственном участии и под научной редакцией Я. С. Гросула было издано несколько томов ценнейших документальных публикаций по истории Молдавии и Румынии. Этими археографическими изданиями в научный оборот было введено большое количество интересных архивных материалов, проливающих свет на многие малоизученные аспекты исторического процесса Молдавии.

Я. С. Гросула интересовал широкий диапазон исторических проблем. Им написаны ценные работы по истории социалистической революции, общественной мысли Молдавии и по отдельным вопросам истории Социалистической Республики Румыния. Он — соавтор и соредактор программы и учебника по истории Молдавии для средней школы.

В последние годы Я. С. Гросул уделял много внимания кардинальным теоретическим проблемам перехода от феодализма к капитализму в странах Юго-Восточной Европы, типологии генезиса буржуазного общества в Молдавии. Эти сложные вопросы трактовались Я. С. Гросулом в широком плане историко-сравнительных исследований и обобщения материалов, касающихся других регионов Европы и Азии.

В советской исторической науке изучение на новых основаниях типологических особенностей перехода от феодализма к капитализму в Молдавии было во многом положено докладом Я. С. Гросула, подготовленного совместно с Н. А. Моховым и П. В. Советовым для Кишиневской сессии Всесоюзного симпозиума по аграрной истории в 1964 г.³⁰ В докладе, а также в ряде других работ была сделана довольно оригинальная и удачная попытка региональной типологизации процессов перехода от феодализма к капитализму не только для Молдавского княжества, но и для более обширного ареала земель Юго-Восточной Европы, находящегося под турецким владычеством. Было обосновано мнение о необходимости выделить в этом отношении Дунайские княжества в особый регион. Я. С. Гросул и его коллеги пришли к выводу, что материал, накопленный современной исторической наукой, позволяет наметить зону, в которой наблюдаются своеобразные черты перехода от феодализма к капитализму, отличную как от балканских районов Юго-Восточной, так и от стран Центральной и Восточной Европы.

Выявление Я. С. Гросулом совместно с Н. А. Моховым и П. В. Советовым сложившихся в период позднего феодализма особенностей развития аграрных отношений в Дунайских княжествах чрезвычайно важно для исследования процесса первоначального накопления. Вопрос этот был раскрыт по-новому в теоретическом и конкретно-историческом плане для Юго-Восточной Европы. Было установлено, что в Дунайских княжествах, как и в ряде районов Балканского полуострова, процесс первоначального накопления имел более слабый, заторможенный из-за турецкого владычества характер и, сравнительно с Восточной Европой, менее острую проблему создания рынка свободных рабочих рук при наличии своеобразного комплекса причин, задерживающих развитие наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности. В свою очередь выделенный регион отличался и от остальных балканских районов Османской империи.

Я. С. Гросул и его коллеги показали несостоятельность господствовавшей до тех пор в литературе постановки вопроса о генезисе капитализма в Дунайских княжествах, копировавшей рассмотрение проблемы соотношения различных сторон первоначального накопления с тех стран, где аккумуляция капитала происходила в условиях отсутствия колониального (или полуколониального) гнета, в то время как Молдавское и Валашское княжество находились под тяжелым турецким игом³¹. Актуаль-

ность этой новой постановки сохраняется до наших дней, особенно в связи с попытками в современной зарубежной историографии «улучшить» представление о турецком господстве в княжествах.

В результате этих новых исследований было установлено, что переход от феодализма к капитализму происходил в княжествах в особых условиях и отмечался помимо присущих ему обычных черт рядом своеобразных процессов конкретно-исторического характера. Разложение феодализма и генезис капитализма в сельском хозяйстве Дунайских княжеств сопровождался переходом от преимущественного развития товарного животноводства к преимущественному развитию товарного земледелия; от господства феодально-государственной эксплуатации непосредственных производителей к господству частновладельческой; от периода иноземного ига (когда из страны вывозились огромные материальные и денежные ценности) ко времени его ослабления, а затем и ликвидации. Если начало разложения феодализма и зарождение капиталистических отношений в крае имели много общего с балканскими районами Юго-Восточной Европы, то дальнейший процесс генезиса капитализма в сельском хозяйстве Дунайских княжеств и Бессарабии (более заметно с 30-х гг. XIX в.) пошел по таким путям развития, которые оказались более сходными с Центральной и Восточной Европой.

Эти новые теоретические изыскания были продолжены Я. С. Гросулом совместно с П. В. Советовым в докладе на Кишиневском международном симпозиуме по истории Юго-Восточной Европы в 1973 г.³² Теоретической предпосылкой доклада, получившего высокую оценку руководителя симпозиума академика Л. В. Черепнина и всех присутствующих, явилась мысль о необходимости рассмотрения во взаимосвязи типологии генезиса капитализма и внутриинформационных типологических сдвигов в недрах позднего феодализма.

Существенное значение имеет также разработанная Я. С. Гросулом совместно с Д. М. Драгневым и П. В. Советовым проблема резешского землевладения, бывшая одной из наиболее дискуссионных в историографии. В статье этих авторов, опубликованной в 1965 г.³³, была пересмотрена бытовавшая точка зрения о том, что резешское землевладение — это массивный остаток общинной собственности, сохранившейся с дофеодального времени вплоть до XIX в. Было показано, что резешское землевладение является чаще всего следствием разорения в период турецкого ига более крупных земельных владений. Это позволило специалистам по истории XIX в. различать остатки дифференциации от процессов разорения землевладельцев в период турецкого ига, от новых явлений социального расслоения капиталистического характера в молдавской деревне XIX в., что ранее нередко совмещалось.

Я. С. Гросул стал первым исследователем, обратившим внимание на изучение процесса развития науки в Молдавии. Им

были созданы первые работы, посвященные вопросам истории организации науки, развития основных направлений исследований в Молдавской ССР. Я. С. Гросул стал основателем и первым руководителем Молдавского отделения Советского национального объединения истории и философии, естествознания и техники, первым председателем Комиссии по истории науки и техники при президиуме АН МССР.

Являясь одним из создателей и первым главным редактором Молдавской Советской Энциклопедии, Я. С. Гросул вместе с академиком АН МССР И. К. Вартичаном внес большой вклад в подготовку и выпуск единственного пока в истории молдавского народа издания такого рода, отражающего успехи республики в социалистическом строительстве, науке и культуре.

Многогранность научных интересов, фундаментальный характер работ Я. С. Гросула, постоянная забота о росте научных кадров позволяют по праву считать его главой молдавской школы советских историков. Вся его деятельность как ученого была пронизана благородным стремлением к истине. Во имя ее вел он свой поиск, вступал в принципиальные, бескомпромиссные споры с нашими идеяными противниками. Поэтому его труды навсегда останутся острым идеологическим оружием в борьбе с фальсификаторами исторического прошлого и настоящего молдавского народа.

Огромную общественную работу нес на своих плечах этот неутомимый труженик науки. Он был делегатом XXII, XXIV и XXV съездов КПСС, II—XIV съездов Компартии Молдавии. Начиная с 1948 по 1963 г. и с 1966 г. до конца жизни, Я. С. Гросул был членом ЦК Компартии Молдавии. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 5—6-го и 8—9-го созывов, Верховного Совета Молдавской ССР 3—5-го созывов, активно работал в Комиссии по образованию, науке и культуре Верховного Совета СССР.

Я. С. Гросул достойно представлял научную общественность республики в Комитете по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР, в Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР, а также в Национальном комитете историков СССР.

Я. С. Гросул был одним из основателей и председателем (с 1950 по 1962 г.) Общества по распространению политических и научных знаний Молдавской ССР (ныне Молдавское отделение общества «Знание»).

Патриот-интернационалист, Я. С. Гросул много сил отдал укреплению дружбы между народами на посту председателя Молдавского отделения Общества советско-венгерской дружбы, заместителя председателя Молдавского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами, члена Молдавского комитета защиты мира, члена Парламентской группы СССР.

Родина, которой он посвятил свой труд, высоко оценила его заслуги. Я. С. Гросул был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и медалями. Венгерское правительство наградило его медалью в честь освобождения Венгрии от фашизма. Как активный лектор-пропагандист и руководитель Молдавского отделения общества «Знание» республики он внесен в Золотую книгу Почета Всесоюзного общества «Знание». В 1972 г. Всесоюзное правление этого общества удостоило его медали имени С. И. Вавилова.

Уже будучи больным, Яким Сергеевич не оставлял своей деятельности. Смерть застала его за работой над очередной монографией, за редактированием исследований по истории науки, написанных его учениками. До конца своих дней он оставался на ответственном посту верным своему долгну, своему делу. Память об этом замечательном человеке, большом ученом и руководителе живет в его трудах и свершениях, которым он посвятил всю свою жизнь во имя Советской Родины.

В. И. Жуков, П. В. Советов, О. Ю. Тарасов

¹ См.: Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков. Кишинев, 1950.

² Там же, с. 187—188.

³ Там же, с. 188.

⁴ Там же, с. 193—194.

⁵ Там же, с. 200.

⁶ Там же, с. 231—240.

⁷ Диссертация была защищена 12 декабря 1955 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР.

⁸ Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956.

⁹ Там же, с. 51—59.

¹⁰ Там же, с. 102.

¹¹ Там же, с. 110.

¹² Там же, с. 109.

¹³ Там же, с. 352—356.

¹⁴ Там же, с. 357—360.

¹⁵ Гросул Я. С., Будак И. Г. Крестьянская реформа 60—70-х гг. XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1956.

¹⁶ Там же, с. 4—5, 178.

¹⁷ Гросул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1967.

¹⁸ Там же, с. 132.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 139.

²¹ Там же, с. 388.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Гросул Я. С., Будак И. Г. Очерки народного хозяйства Бессарабии (1861—1905 гг.). Кишинев, 1972.

²⁵ Там же, с. 230—231.

²⁶ Там же, с. 234.

²⁷ Там же, с. 273.

- ²⁸ История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1977; История народного хозяйства Молдавской ССР (1917—1958 гг.). Кишинев, 1974; История народного хозяйства Молдавской ССР (1959—1975 гг.). Кишинев, 1979.
- ²⁹ Гросул Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука Молдавской ССР. М., 1970.
- ³⁰ Гросул Я. С., Мохов Н. А., Советов П. В. Современная историография об аграрных отношениях в Молдавии и Валахии периода перехода от феодализма к капитализму. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 г. Кишинев, 1966, с. 13—43.
- ³¹ Там же, с. 31.
- ³² Гросул Я. С., Советов П. В. Типологические пути позднего феодализма и переходного к капитализму периода в Дунайских княжествах. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 126—140.
- ³³ Гросул Я. С., Драгнев Д. М., Советов П. В. Основные этапы развития и разложения резенского землевладения в Молдавии. — Ученые записки Кишиневского государственного университета, т. 79, 1965.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ БЕССАРАБИИ К РОССИИ ДЛЯ СУДЕБ МОЛДАВСКОГО НАРОДА*

150 лет назад 16(28) мая 1812 г., в результате заключения между Россией и Турцией Бухарестского мирного договора Бессарабия была освобождена из-под трехсотлетнего ига Османской империи и вошла в состав России.

Это знаменательное событие было закономерным итогом освободительной борьбы, которую молдавский народ на протяжении веков вел при помощи русского и украинского народов против иноземных поработителей, и явилось поворотным этапом в жизни молдавского народа, предопределявшим его дальнейшие судьбы.

Присоединение Бессарабии к России, как и других национальных окраин и районов, имело исторически прогрессивное значение.

Прогрессивные последствия этого события могут быть прослежены на всех этапах дальнейшей истории молдавского народа. В результате этого исторического акта молдаване навеки связали свою судьбу с русским, украинским и другими братскими народами нашей Родины, обеспечили себе возможность более быстрого экономического и культурного развития, приобщились к революционной борьбе российских трудящихся, приведшей в конечном счете к созданию первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, в рамках которого все ранее угнетенные народы царской России в исторически короткий срок достигли небывалого расцвета всех своих творческих сил.

Огромное значение присоединения Бессарабии к России для судеб молдавского народа определяет живой интерес исторической науки к изучению этого события.

В русской дворянско-буржуазной, а также в молдавской и румынской буржуазно-националистической историографии значение присоединения Бессарабии к России трактовалось искажено. В оценке ярко проявились классовые взгляды историков.

* Публикуется по тексту, изданному в журнале «Вопросы истории», 1962, № 7, с. 48—68, с некоторыми сокращениями. — Примеч. ред.

Апологеты царизма всячески расхваливали «благодеяния», которые якобы принес царизм kraю. Так, русский историк-молдавовед А. Накко, давая оценку присоединению Бессарабии к России, писал: «В единении с Россией Бессарабия обрела спокойствие и мир, которого она не знала 20 столетий; вместо свирепых и диких людей, топтавших ее классическую почву, мы видим теперь единое, образованное и развитое общество граждан; вместо произвола и беззакония, царствовавших в этой стране, мы наслаждаемся самыми гуманными политическими и гражданскими правами; вместо бедности и нищеты — встречаем повсюду довольствие и роскошь; пустынные степи обращены в плодородные нивы...; наше юношество воспитывается в многочисленных школах края...»¹ Такую же идиллию рисовали в своих работах Ф. Ф. Вигель², П. Н. Батюшков³, Н. В. Лашков⁴. Эти историки и публицисты всячески затушевывали тяжелое положение трудящихся масс kraя, замалчивали их жестокую эксплуатацию царизмом, молдавскими и русскими помещиками и капиталистами, положение местной аристократии выдавали за положение всего народа. Одновременно все успехи, достигнутые в развитии экономики и культуры kraя, приписывались ими «умелой» царской администрации. Такие русские буржуазные историки-молдавоведы, как, например, А. Защук⁵ и Л. Кассо⁶, осуждавшие наиболее грубые формы колониальной политики царизма, в целом также стояли на позиции ее защиты.

С другой стороны, молдавские и румынские буржуазно-националистические историки, выражая интересы румынской буржуазии и стараясь «обосновать» захват в 1918 г. Бессарабии королевской Румынией, стремились отрицать историческую прогрессивность присоединения Бессарабии к России. Буржуазно-националистические историки П. Казаку, А. Бодур, И. Нистор и другие⁷ в своих работах всячески умаляли прогресс, достигнутый в kraе после присоединения Бессарабии к России, причем критике подвергалась не только политика царизма, но и все русское. Это делалось с вполне определенной целью создания антирусских, а после 1917 г. антисоветских настроений среди трудового населения kraя.

Марксистско-ленинская историческая наука дала единственную правильную оценку этому знаменательному событию. Советские историки показали, что присоединение Бессарабии к России, несмотря на реакционную политику, проводившуюся царизмом в kraе, несомненно, имело прогрессивное значение для молдавского народа. Путем анализа основных этапов предшествовавшей 1812 г. истории молдавского народа они раскрыли закономерность акта присоединения Бессарабии к России и определили, насколько это присоединение, со всеми вытекавшими отсюда последствиями, отвечало не интересам kraя «вообще», а в первую очередь интересам его трудовых масс.

Присоединение Бессарабии к России было подготовлено многовековым развитием политических, социально-экономических и культурных связей Молдавии с Россией.

Многочисленные археологические, исторические и лингвистические исследования и письменные источники убедительно доказывают, что еще в далеком прошлом в междуречье Днестра и Прута совместно проживали предки молдаван — волохи и славянские племена, что в формирование молдавского народа, в создание и консолидацию его государственности, в развитие его письменности и культуры славянские народы внесли значительный вклад⁸.

В конце XV столетия были заложены основы военно-политического союза между Московским государством и Молдавским княжеством, союза, который сыграл решающую роль в борьбе Молдавии против угрожавших ей агрессоров⁹.

Несмотря на героическое сопротивление, Молдавия в XVI в. попала на долгие столетия под тяжкое иго сultанской Турции. Господство Оттоманской порты было одним из наиболее мрачных периодов в истории молдавского народа. Оно привело к потере Молдавией своей политической независимости, низведению ее до положения провинции Оттоманской империи, ее «кладовой» и поставщика пушечного мяса.

Турецкие и татарские орды систематически вторгались в Молдавию, грабили и разоряли страну. Вот как описывает молдавский летописец XVI в. Азарий одно из таких напастей: «...И дошли до Романа, сжигая, грабя и уводя красивых женщин и девушек доброкосых, и грудных младенцев и девочек с нежным лициком, и стариков и молодых. Матери оставались без детей, и дети оставались сиротами. В Молдавии стояли тогда плач, стена-ния и вопли»¹⁰.

Разнузданный грабеж и систематическое разорение страны турецкими и татарскими полчищами довели экономику княжества до разрухи. Как справедливо отмечал К. Маркс, господство Оттоманской империи представляло собой «серезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-иллирийского полуострова»¹¹.

Трудовой народ Молдавии испытывал двойной гнет: иноземных захватчиков и местных феодалов. Тяжелое положение трудающихся масс усугублялось тем, что большинство молдавских феодалов превратилось в прямых пособников турецкого султана и татарского хана. Вот почему здесь национально-освободительная борьба сплошь да рядом переплеталась с борьбой классовой.

Поскольку украинские земли также подвергались нашествиям крымских татар — вассалов Оттоманской порты, а трудящиеся испытывали гнет польских феодалов и украинских шляхтичей, нередко трудовой народ Украины и Молдавии выступал совместно против своих иноземных поработителей и местных угнетателей. Классовая солидарность угнетенных народных масс Мол-

давии и Украины, в частности, проявилась в восстании Мухи, в действиях гайдукских и гайдамацких отрядов¹².

Яркую страницу в истории национально-освободительной борьбы молдавского и украинского народов в конце XVI в. представляют собой совместные боевые действия молдавских воинов и прославленных запорожских казаков, которые под водительством Иона Воды Лютого, гетманов Сверчевского, Подковы, Лободы и Наливайко громили ненавистных турецко-татарских захватчиков и их верных прислужников — молдавских феодалов¹³. Трудовые массы Молдавии активно участвовали в освободительной борьбе украинского народа под водительством Богдана Хмельницкого¹⁴.

Историческое решение Переяславской рады 1654 г. о воссоединении Украины с Россией положило начало новому этапу во взаимоотношениях Молдавии с Русским государством. Оно открыло перспективы для освобождения молдавского народа при помощи России от ненавистного турецкого ига. Молдаване горячо приветствовали воссоединение братских украинского и русского народов. По примеру Украины Молдавия неоднократно обращалась в Москву с просьбой о принятии ее в русское подданство (1656, 1674, 1684, 1698, 1739 гг. и др.)¹⁵. Знаменательными событиями в истории Молдавии было заключение в 1711 г. договора между Петром I и Дмитрием Кантемиром и вступление русских войск на молдавскую землю для борьбы против Порты¹⁶. Однако международное положение не позволило в то время осуществить чаяния молдавского народа об освобождении от турецкого порабощения и присоединении к России.

Важное значение в установлении дружественных взаимоотношений между Молдавией, Россией и Украиной имели культурные связи. Они благотворно сказывались на развитии молдавской культуры, чему в значительной мере способствовала общая славянская письменность. Открытие в 1640 г. с помощью Киевской академии Ясской славяно-греко-латинской академии, создание в 1641 г. первой типографии в Молдавии, оборудование для которой было прислано из Москвы, Киева и Львова, работы русских живописцев по украшению памятников архитектуры, обмен книгами и произведениями искусства¹⁷, влияние передовой русской общественной мысли¹⁸ — все это красноречиво свидетельствует о большом вкладе, который внесли представители русской и украинской культуры в развитие просвещения, литературы и искусства Молдавии. Поистине «свет к нам пришел из Москвы», как об этом образно говорил древний молдавский книжник. Россия стала второй родиной для таких замечательных деятелей молдавской культуры, как Николай Спафарий-Милеску и Дмитрий Кантемир, чьи творческие дарования пышно расцвели на русской земле.

Победы, одержанные Россией над Турцией в войнах второй половины XVIII — начала XIX в., дали могучий толчок нацио-

нально-освободительному движению народов, угнетаемых султанской Турцией, и явились важной вехой на пути дальнейшего укрепления дружественных отношений между молдавским народом и народами России. Несмотря на субъективно захватнические цели политики царизма на Балканах, победы, одержанные русскими чудо-богатырями в ходе русско-турецких войн, приводили к ослаблению Порты и приближали час освобождения по-рабощенных ею народов. К. Маркс образно выразил настроение балканских народов, когда писал, что они «...ожидают из Петербурга своегоmessию, который освободит их от всех зол»¹⁹.

Молдавский народ активно участвовал в русско-турецких войнах XVIII—начала XIX в., происходивших и на территории Молдавии. Тысячи молдавских волонтеров сражались в рядах русских войск под командованием прославленных полководцев Румянцева и Суворова, Багратиона и Кутузова. Трудящиеся Молдавии снабжали русскую армию продовольствием и фуражом, обеспечивали транспортными средствами, служили проводниками и доставляли русскому командованию ценные данные²⁰. В этот период укреплялись также торговые связи Молдавии с Россией²¹, развитие которых до этого тормозилось господством Турции.

В договорах России с Турцией большое место уделялось положению балканских народов, в том числе и Дунайских княжеств. В Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 г. был целый раздел (16-я статья, состоящая из 10 пунктов), посвященный Молдавии и Валахии. Условия этого договора значительно ослабили позиции Турции в Молдавии и Валахии, в результате чего положение народов этих княжеств облегчилось. Статьи договора помогали угнетенным Портой народам бороться за свое освобождение, способствовали росту их национального самосознания²². В результате заключения между Россией и Турцией Яссского мирного договора (1791 г.) из-под турецкого господства была освобождена и присоединена к России территория между Бугом и Днестром, в том числе и левобережные районы современной Молдавской ССР.

В результате русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и заключения Бухарестского мирного договора была освобождена из-под владычества Оттоманской порты и присоединена к России территория между Днестром и Прutом, названная позже Бессарабией. Без помощи народа России, с которым молдавский народ тесными узами связал свои исторические судьбы, он, как и народы Балканского полуострова, не смог бы сбросить игу турецкого султана.

Таким образом, даже самый беглый обзор исторического пути молдавского народа до 1812 г. убедительно свидетельствует о том, что освобождение Бессарабии от турецкого порабощения и ее присоединение к России в полной мере отвечали интересам и чаяниям молдавского народа, боровшегося на протяжении веков

против ига Оттоманской Порты и неоднократно обращавшегося за помощью к России.

В эти годы были заложены основы в дальнейшем окрепшей дружбы между молдавским, русским и украинским народами.

Положительные последствия присоединения Бессарабии к России проявились уже в первые десятилетия после этого исторического акта. Молдавский народ избавился от варварского гнета турецких феодалов. Прекратились разорительные набеги турецких орд на города и села Бессарабии. В результате упорной борьбы крестьян из коренного населения и переселенцев в определенной мере были пресечены произвол и беззакония местных феодалов²³.

После 1812 г. отмечается определенный подъем экономики края. Несмотря на то, что русский царизм своей реакционной политикой задерживал развитие национальных окраин, все же в Бессарабии после ее присоединения к России создались значительно более благоприятные условия для экономического подъема, чем в составе Оттоманской Порты.

При этом следует отметить, что царизм, стремясь ускорить освоение вновь присоединенного края, создавал здесь на первых порах сравнительно льготные условия для поселения. Это, по мнению правящих кругов, должно было укрепить симпатии народов Балканского полуострова, боровшихся против турецкого гнета, к России. Бессарабия должна была служить для них примером процветающего края, освобожденного Россией от турецкого ига.

После 1812 г. происходило быстрое заселение территории между Днестром и Прутом, ранее бесконечно разоряемой и опустошаемой иноземными захватчиками. В результате стихийного переселения крестьян из других губерний России и правительственної колонизации, а также увеличивавшегося естественного прироста быстро возрастало население края. С 1812 по 1861 г. оно выросло в четыре раза²⁴.

Быстрое увеличение населения, с одной стороны, и все большее втягивание Бессарабии в орбиту общероссийского рынка — с другой, способствовали росту производительных сил, разложению феодальных и развитию новых, капиталистических отношений.

С каждым годом расширялись площади посевов зерновых. С 1814 по 1861 г. они возросли почти в 9 раз²⁵. Значительно увеличились площади садов и виноградников. Быстро развивалось животноводство. За 35 лет (с 1816 по 1850 г.) поголовье скота в Бессарабии увеличилось почти в четыре раза²⁶. Резко повысилась и товарность сельскохозяйственного производства. Если за 1816—1825 гг. среднегодовой сбор зерновых составлял 8200 тыс. пудов, то есть в среднем по 16 пудов на душу населения, что значительно ниже среднегодовой нормы потребления, то за 1860—1869 гг. среднегодовой сбор зерна на душу населения уже

составил 34 пуда, из которых 12 пудов шло на продажу²⁷. Еще более быстро происходило развитие экономики Бессарабии в пореформенный период²⁸. В. И. Ленин отмечал, что Бессарабия стала одним из районов торгового земледелия²⁹.

Однако большая часть, притом лучших земель, и основная масса скота находились в руках помещиков. Последние производили и основную часть сельскохозяйственной товарной продукции. Трудовые же массы продолжали по-прежнему испытывать всю тяжесть самодержавного и буржуазно-помещичьего гнета.

Развивалась, хотя и медленно, промышленность (главным образом переработка местного сырья). Тем не менее появление даже мелких предприятий имело важное значение для экономики края. Во второй половине XIX в. в Бессарабии развернулось железнодорожное строительство, что способствовало росту торговли, улучшению условий товарного обращения, увеличению ввоза промышленных изделий из России и вывоза молдавских товаров. С появлением капиталистических промышленных предприятий и железных дорог, ростом городов начал зарождаться рабочий класс. Источниками его формирования являлись приенные русские рабочие и коренное население. Это обстоятельство впоследствии сыграло большую роль в развитии революционного движения.

Присоединение Бессарабии к России способствовало приобщению передовых представителей молдавского народа к богатейшей культуре русского народа. Глубокий след оставил в культурной жизни края пребывание в Молдавии великого русского поэта А. С. Пушкина³⁰. Сблизившись во время своего пребывания в Кишиневе с молдавскими писателями К. Стамати и К. Негруци, А. С. Пушкин оказал большое влияние на их творчество. Пушкин с любовью изучал быт молдавского народа, собирая народные песни, легенды, этнографический материал. На молдавские мотивы им написан ряд произведений. Под воздействием передовой русской литературы сложилось творчество молдавских писателей А. Донича, А. Руссо, А. Хаждэу и др.³¹ В Бессарабию приезжали также видный украинский писатель М. Коцюбинский и великий пролетарский писатель А. М. Горький³².

Передовые представители русской интеллигенции, русские ученые сыграли большую роль в изучении края: его природы, растительности, животного мира, истории, языка и фольклора.

Ценные данные о природе и населении Молдавии остались нам в своих описаниях русские путешественники П. Сумароков³³, С. Михайловский-Данилевский³⁴, А. Демидов³⁵, А. Афанасьев-Чужбинский³⁶ и др.

Многое сделали для изучения экономики и статистики края русские ученые: профессор Новороссийского университета А. Скальковский³⁷, В. Семенов-Тянь-Шанский³⁸ и др.

Велика была роль передовых русских ученых в изучении природных богатств Молдавии с целью их практического использования. Примером этого могут послужить исследования выдающегося русского почвоведа В. В. Докучаева о почвах Молдавии³⁹, продолженные впоследствии видными представителями науки А. И. Набоких, Л. С. Бергом, Н. А. Димо.

Начинается сбор и накопление археологических, этнографических, лингвистических и фольклорных материалов. Первыми зачинателями и в этой области были русские ученые — славист Ю. Венелин⁴⁰, писатель, историк и этнограф А. Ф. Вельтман⁴¹, историк С. Надеждин⁴² и др.

Передовая русская наука оказала большое влияние на формирование научных взглядов местных ученых, получивших образование в Петербурге, Москве, Киеве. К их числу можно отнести видного молдавского почвоведа А. Гросула-Толстого⁴³, Я. Гинкулова, автора одной из первых грамматик на молдавском языке⁴⁴, А. Яцимирского, перу которого принадлежит более 200 научных работ в области славистики, молдавоведения, истории и этнографии⁴⁵, и др.

Прогрессивные тенденции и процессы развивались в Молдавии под влиянием передовых сил России вопреки угнетательской политике царизма, тормозившего развитие страны в целом и ее национальных окраин в особенности. Политическое бесправие и жестокий социальный гнет русских и молдавских помещиков были уделом трудящихся масс Молдавии. Царизм душил молдавскую культуру, держал народные массы в темноте.

Но России эксплуататоров, которую В. И. Ленин называл «тюрьмой народов», противостояла Россия трудящихся масс, боровшихся за раскрепощение страны, за освобождение от социального, национального и всякого иного гнета. Колонизаторская политика царизма была не только чужда, но и ненавистна русскому трудовому народу, также страдавшему от гнета помещиков и капиталистов. Его передовые представители активно поддерживали борьбу народов национальных окраин, в том числе и молдавского народа, включившегося в революционную борьбу народов России.

До недавнего времени при оценке присоединения Бессарабии к России советские историки делали основной упор на раскрытие прогрессивных последствий этого исторического акта для развития экономики края. Не отрицая важности этого фактора, думаем, что совершенно прав А. В. Пясковский, когда указывает, что для среднеазиатских народов, как и для других народов национальных районов России, основным, главным и определяющим в оценке прогрессивных последствий присоединения к России является приобщение трудящихся масс к революционной борьбе русского народа, приведшей к полному социальному и политическому раскрепощению людей труда⁴⁶. Это положение в полной

мере относится и к оценке прогрессивных последствий присоединения Бессарабии к России.

После 1812 г. революционное движение в Бессарабии прошло те же основные периоды, что и революционное движение в России: дворянский, разночинский и пролетарский. Русские революционеры оказывали большое влияние на развитие общественно-политической мысли и революционного движения в Молдавии.

Молдавия являлась одним из районов, где развертывалась деятельность декабристов. В Кишиневе действовала группа «Союза благоденствия», а несколько позже ячейка более радикального «Южного общества». Сюда неоднократно приезжал руководитель «Южного общества» П. И. Пестель, здесь продолжительное время жили декабристы В. Ф. Раевский, М. Ф. Орлов, А. П. Юшневский. Дом Орлова в Кишиневе был местом встреч передовых представителей русской и молдавской общественной мысли того времени⁴⁷.

Крестьянские выступления в Молдавии в 30—50-х гг. были составной частью классовой борьбы трудящихся России, приведшей к буржуазным реформам 60—70-х гг. XIX в. Нашло своих последователей в Молдавии и народническое движение, охватившее Россию в 70—80-х гг. Здесь действовали такие видные представители русских революционных народников, как А. Желябов, Н. Кулябко-Корецкий, А. Квятковский и др. Из среды молдавского народа вышли активные участники народнического движения Н. Зубку-Кодряну, Ф. Дениш, В. Варзарь и др.⁴⁸

Новый этап национально-освободительного движения в Молдавии, как и на других окраинах России, начался в конце XIX в., когда центр мирового революционного движения переместился в Россию и растущее движение российского рабочего класса возглавила созданная В. И. Лениным партия большевиков — знаменосец социалистической революции, пролетарского интернационализма и дружбы народов.

Самоотверженная, героическая борьба русского пролетариата сыграла решающую роль в освободительной борьбе трудящихся масс Молдавии, в создании и развитии местной социал-демократической организации — одного из отрядов РСДРП. Первые марксистские и рабочие кружки в Молдавии были созданы в 90-х гг. русскими революционными социал-демократами М. Л. Вельтманом (Павловичем), Я. Е. Боградом, М. М. Годлевским и др. При их помощи летом 1901 г. была создана искровская «Группа объединенного протesta», которая возглавила борьбу кишиневских рабочих и сыграла значительную роль в идеином разгроме местных «экономистов». В декабре 1902 г. кишиневские социал-демократы по примеру пролетарских центров страны создали комитет РСДРП⁴⁹. Широкому распространению ленинских идей среди трудящихся России способствовала деятельность кишиневской подпольной типографии «Искры»⁵⁰.

Во главе с ленинской партией трудящиеся Молдавии вместе со всем российским пролетариатом и крестьянством выступали в годы первой русской народной революции. В этот период в Молдавии в массовых политических стачках и демонстрациях участвовали тысячи рабочих. Крестьянские волнения охватили весь край⁵¹.

Первая русская народная революция 1905—1907 гг. показала, что трудящиеся массы Молдавии связывают свою надежду на социальное и национальное освобождение с героической борьбой пролетариата, с общей победой всех народов России над царизмом.

В феврале 1917 г. свершилась буржуазно-демократическая революция. В многочисленных посланиях и телеграммах трудящиеся Молдавии горячо приветствовали рабочих столицы и солдат петроградского гарнизона, восхищались их героизмом, выражали свою солидарность с их борьбой за достижение святых идеалов свободы.

Однако предстояли новые ожесточенные классовые бои против буржуазии и помещиков, против защищавшего их Временного правительства, эсеров и меньшевиков.

В период от февраля к октябрю из месяца в месяц разрасталось национально-освободительное движение трудящихся Молдавии, которое под руководством великой ленинской партии сливалось в единый революционный поток, направленный на свержение власти буржуазии. «Партия большевиков, — указывается в Программе КПСС, — соединила в один революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, общеноародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительную борьбу угнетенных народов России и направила эти силы на свержение капитализма»⁵².

В октябре 1917 г. в результате победоносного вооруженного восстания пролетариата столицы и солдат петроградского гарнизона, возглавляемого партией большевиков, было свергнуто Временное буржуазное правительство. II Всероссийский съезд Советов принял исторические декреты о мире и земле и образовал рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Пролетарская революция, победившая в центре страны, явилась могучим оплотом для трудящихся масс в их борьбе за свержение власти эксплуататоров на национальных окраинах, в том числе и в Молдавии. Однако здесь борьба за установление Советской власти происходила в сложных условиях и столкнулась с большими трудностями.

Молдавия и в 1917 г. являлась аграрным краем с малочисленным пролетариатом, который был распылен по многим мелким предприятиям. Поэтому здесь было более сильным и затянулось на более длительное время влияние мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров.

К тому же Молдавия являлась многонациональным краем. Здесь проживали бок о бок молдаване, русские, украинцы, болгары, гагаузы, евреи и народы других национальностей. Этим обстоятельством пытались воспользоваться молдавские, украинские, еврейские и другие буржуазные националисты для разжигания национальной розни, ослабления революции.

Осенью 1917 г. Молдавия оказалась в кольце очагов контрреволюции — Украинская рада отрезала ее, по существу, от центра России. Контрреволюционное командование Румынского фронта и Одесского военного округа оказывало военную помощь местной буржуазно-националистической контрреволюции, посылая карательные отряды для подавления крестьянского движения; королевская Румыния, находившаяся в заговоре с заправилами созданного молдавскими буржуазными националистами самозванного [органа] «Сфатул цэрий» («Краевой совет»), при помощи западных империалистических держав готовилась к оккупации Бессарабии и отторжению ее от революционной России.

В этих условиях огромное значение для борьбы трудящихся Молдавии за установление Советской власти сыграла помощь русских революционных солдат Румынского фронта. В городах и селах края были расположены многочисленные гарнизоны, состоявшие в основном из русских солдат. В железнодорожных, понтонах и других технических частях преобладали русские рабочие Петербурга, Москвы, Харькова, Донбасса. Они сыграли важную роль в создании большевистских организаций, в революционизации Советов, принимали участие в крестьянских сходках и, в свою очередь, приглашали крестьян на солдатские митинги; русские революционные солдаты всеми силами поддерживали борьбу крестьян против помещиков, защищали их от карательных отрядов казаков, распространяли правду об Октябрьской революции и Советской власти.

При поддержке солдат и их революционных организаций, руководимых большевиками, трудовое крестьянство Молдавии, претворяя в жизнь ленинский декрет о земле, захватывало помещичьи, монастырские и удельные земли; сельские и волостные комитеты превращались в органы народной власти на местах⁵³.

Под руководством большевиков трудовые массы Молдавии сплачивались вокруг русского пролетариата. Весь ход революции воочию убедил их, что только Советская власть несет им освобождение от всякого социального и национального гнета, что только в составе социалистической России перед ними открывается путь к новой, счастливой жизни⁵⁴.

Для оказания помощи трудящимся и революционным силам армии в борьбе за установление Советской власти в Молдавии Центральный Комитет Коммунистической партии, Советское правительство и лично В. И. Ленин направили на Румынский

фронт В. Володарского, С. Рошаля, многих представителей петроградского гарнизона и моряков Балтфлота. Вместе с большевиками Молдавии и Румынского фронта (А. Круссером, Я. Мелешиним, А. Христевым, И. Рожковым, И. Якиром) они возглавляли борьбу трудящихся края за власть Советов⁵⁵.

Преодолевая яростное сопротивление белогвардейской военщины, молдавских и украинских буржуазных националистов, правых эсеров, меньшевиков и бундовцев, группировавшихся вокруг контрреволюционного «Сфатул цэрий», трудящиеся края при братской помощи трудовых масс русского, украинского и других народов нашей страны, под руководством большевистской партии к концу декабря 1917 — началу января 1918 г. установили в Молдавии власть Советов.

Возникшее в результате победы Октября первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян заложило твердые основы новых взаимоотношений между всеми национальностями нашей страны. Оно провозгласило политику мира и дружбы, равенства и суверенности всех народов России. Октябрьская революция явилась переломным моментом и для исторических судеб молдавского народа.

Именно благодаря тому, что Молдавия явилась составной частью России, где впервые в истории человечества установилась власть рабочих и крестьян, она получила возможность в исторически короткий срок превратиться в цветущий край. Это обстоятельство советские историки рассматривают как важнейший и определяющий фактор при оценке прогрессивности присоединения Бессарабии к России.

Великий Октябрь открыл новую эру в истории человечества — эру социализма. Он является истоком всех успехов и достижений советских народов в коммунистическом строительстве. Вот почему, пожалуй, ни один вопрос так не фальсифицировался реакционной буржуазной историографией, как история Великой Октябрьской социалистической революции. Злостной фальсификации и искажению подвергалась и подвергается ныне также история борьбы за власть Советов в Молдавии.

Лживое, клеветническое освещение одних событий и полное замалчивание других, начавшееся на страницах буржуазных газет еще в ноябре—декабре 1917 г., продолженное в последующие годы румынской и молдавской буржуазно-националистической историографией⁵⁶, не прекращается и в послевоенный период⁵⁷, когда особенно обострилась борьба двух идеологий — коммунистической и буржуазной.

Реакционные буржуазные историки и публицисты стремятся доказать, что идеи Октябрьской революции были будто бы чужды трудящимся Молдавии, что молдавский народ не боролся за власть Советов, что эта власть была ему якобы насилиственно навязана Советским правительством при помощи русских солдат Румынского фронта.

Под флагом борьбы за создание так называемой «самостоятельной» национальной республики буржуазные националисты всячески проповедовали идею отторжения Бессарабии от революционной России. Это противоречило коренным интересам трудящихся Молдавии, которые в ходе трех русских революций на собственном опыте убедились, что только в союзе с пролетариатом всей страны, под руководством большевиков они смогут добиться подлинной свободы и истинного народовластия. Вот почему рабочие и крестьяне Молдавии плечом к плечу со всеми народами России самоотверженно отстаивали свою родную Советскую власть.

В годы военной интервенции и гражданской войны тысячи сынов Молдавии храбро сражались в рядах Тираспольского отряда, Краснознаменной 45-й дивизии и в других прославленных частях и соединениях Красной Армии, а также в партизанских отрядах Приднестровья. Молдавия дала таких героев гражданской войны, как Г. И. Котовский, С. Г. Лазо, И. Э. Якир, А. С. Круссер и др.⁵⁸ Активное участие в борьбе за власть Советов принимали и румынские интернациональные отряды, боровшиеся в рядах Красной Армии против белогвардейцев и интервентов.

В результате захвата зимой 1918 г. Бессарабии королевской Румынией, организованного международным империализмом, по-разному сложились судьбы трудящихся Левобережья и Правобережья Молдавии. В то время как трудовые массы Левобережья Молдавии при братской помощи других народов Советского Союза успешно осуществляли строительство социализма и добились крупных успехов в развитии экономики и культуры, трудящиеся Правобережья испытывали тяжкий колониальный гнет боярской Румынии.

Однако рабочие и крестьяне Бессарабии, познавшие на своем собственном опыте значение истинного народовластия, не приимились с вновь навязанным им игом эксплуататоров. Главной целью революционного движения в Бессарабии в 1918—1940 гг. было ее освобождение из-под власти боярской Румынии и воссоединение с советской Родиной. Победы советского народа в строительстве социализма, успехи Молдавской АССР воодушевляли бессарабских рабочих и крестьян.

Знаменательными вехами революционного движения явились Хотинское и Бендерское восстания 1919 г., боевые выступления кишиневского пролетариата в 1920 и 1924 гг., героическое Татарбунарское восстание, бурные революционные выступления рабочих Кишинева, Бельц, Измаила, Бендер, Оргеева, Аккермана и других городов в годы мирового экономического кризиса (1929—1933), антифашистское движение⁵⁹. Борьбу народных масс за освобождение от социального и национального гнета возглавила Коммунистическая партия Румынии, одним из отря-

дов которой с 1922 г. являлась Коммунистическая организация Бессарабии.

В процессе борьбы трудящиеся Бессарабии выдвинули из своей среды замечательную плеяду деятелей революционного подполья, бесстрашных борцов за освобождение Бессарабии: П. Ткаченко, Г. Борисова (Старого), Т. Крючок, К. Сырбу, Е. Сырбу, С. Ревеняла, Х. Лившиц, Л. Цуркан, И. Бужора, Я. Богуславского, А. Онику, Ю. Короткова, С. Бурлаченко, А. Гурова, И. Шимкова и многих других⁶⁰.

Бессарабские трудящиеся были преисполнены веры в то, что Советский Союз поможет им освободиться от боярской оккупации и воссоединиться с социалистической Родиной. Советское правительство, никогда не признававшее захвата Бессарабии, верное своей политике мира, настойчиво добивалось мирного урегулирования бессарабского вопроса. Борьбу Советского правительства за освобождение Бессарабии горячо поддерживали все народы нашей страны. И эта борьба закончилась победой. В конце июня 1940 г. Бессарабия была освобождена из-под тяжелого гнета оккупантов и воссоединилась с советской Родиной. Это было еще одним ярким проявлением братской помощи великого русского и других народов нашей страны трудящимся Молдавии.

Преданность трудящихся Молдавии своей родной Советской власти, любовь к советской Отчизне и верность братской семье народов СССР проявились в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Десятки тысяч сынов и дочерей молдавского народа самоотверженно сражались на фронтах Отечественной войны и в партизанских отрядах, отстаивая свободу и независимость социалистической Родины⁶¹.

За годы Советской власти в Молдавии произошли гигантские социально-экономические сдвиги. Советский общественный строй открыл перед молдавским народом путь к развитию его государственности, экономики и культуры.

Коммунистическая партия проделала большую работу по вовлечению ранее отсталых тружеников молдавских городов и сел в активную политическую жизнь. С восстановлением Советской власти в феврале 1920 г. в левобережных районах Молдавии, равно как в 1940 г. в Бессарабии, трудящиеся-молдаване наравне с русскими, украинцами и представителями других национальностей принимали активное участие в работе органов власти, партийных, профсоюзных и комсомольских организациях и т. д. Это имело большое значение для ликвидации политического неравенства и той политической отсталости, которую молдавский народ унаследовал от прошлого.

Огромное значение для молдавского народа имело строительство национальной советской государственности. «Проведение культурно-просветительной работы на молдавском языке, появление молдавской газеты, применение родного языка на сходах,

подбор молдаван — председателей сельских Советов, председателей комитетов незаможников и секретарей партийных ячеек — все это способствовало окончательному изживанию остатков старой забитости и усилило стремление к созданию Молдавской республики»⁶², — писала «Правда» в 1924 г.

Идя навстречу пожеланиям молдавских трудящихся, 12 октября 1924 г. З-я сессия ВУЦИК приняла решение об образовании Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Украинской ССР⁶³.

Образование Молдавской АССР было восторженно встречено не только трудящимися Левобережья, но и трудовым населением временно оккупированной Бессарабии. 19 апреля 1925 г. в связи с открытием первого съезда Советов Молдавской АССР действовавшая в глубоком подполье Коммунистическая организация Бессарабии в специально выпущенной листовке писала: «Там, за Днестром, в нескольких верстах от нас, творится новая и свободная жизнь. Там, в МАССР, рабочие и крестьяне получили возможность устраивать свободно свою национальную и трудовую жизнь... Мы приветствуем наших братьев в МАССР в их торжественный день и вместе с ними кликнем... «Да здравствует освобожденная Бессарабия, объединенная с МАССР!»⁶⁴.

Образование Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики было важной вехой в истории развития молдавского народа. Трудящиеся Молдавии благодаря осуществлению ленинской национальной политики впервые в истории получили возможность создать свою социалистическую национальную государственность. Советская автономия открыла еще больший простор для развития творческих сил молдавского народа, явилась могучим рычагом в деле подъема народного хозяйства и культуры республики, стала существенным фактором в формировании молдавской социалистической нации⁶⁵.

Следующим этапом в развитии молдавской государственности было образование 2 августа 1940 г. — после освобождения Бессарабии и воссоединения молдавского народа — союзной Молдавской Советской Социалистической Республики. Тем самым завершился процесс объединения всего молдавского народа в рамках социалистического государства⁶⁶.

Таким образом, из бесправной национальной окраины царской России Молдавия при Советской власти превратилась в равноправную союзную советскую социалистическую республику.

В последние годы, особенно после XX съезда КПСС, в результате развития социалистической демократии во всех сферах жизни страны еще больше увеличился удельный вес каждой республики в решении общесоюзных задач, расширены права союзных республик в руководстве хозяйством, в области бюджета, законодательства и т. д. Все это способствует дальнейшему укреплению нашего многонационального Советского государства и дружбы народов ССР.

В Молдавской ССР, как и в других братских республиках, у руля государственного руководства стоят люди из трудового народа, большинство которых — рабочие и крестьяне. В настоящее время в Верховном Совете Молдавской ССР из 281 депутата 171 — это рабочие и колхозники, а из 27 тыс. депутатов местных Советов рабочие и колхозники составляют 65,1%⁶⁷. Десятки тысяч трудящихся принимают участие в государственной и общественной жизни страны в качестве членов постоянных комиссий Советов, через профсоюзы, комсомол, а также путем предварительного обсуждения важнейших законов и народнохозяйственных планов... Особенно ярко проявилась политическая активность масс при обсуждении проекта Программы КПСС. По проекту Программы партии в республике на собраниях высказалось около 30 тыс. человек; в партийные органы и в редакции газет поступило 3675 писем и предложений⁶⁸.

Все это показывает, что происходит дальнейший расцвет социалистической демократии, укрепляется национальный суверенитет, основанный на равноправии, взаимном уважении и доверии, на братской дружбе между народами.

Новая Программа партии, принятая на XXII съезде КПСС, предусматривает всестороннее расширение и совершенствование социалистической демократии и усиление политической активности всех наций и народностей, их дальнейшее сближение и расцвет. В период... коммунистического строительства еще более тесным становится социально-политическое и идеиное единство всех наций и народностей, их сплочение вокруг Коммунистической партии.

В Программе КПСС выдвинута важная задача — до конца использовать и совершенствовать формы национальной государственности народов СССР... В братской семье народов за невиданно короткий срок Молдавская ССР совершила гигантский скачок в развитии экономики и культуры. С полным основанием можно сказать, что промышленность Молдавии — детище Советской власти. Сегодня Молдавия не аграрный придаток промышленного центра, как это было при власти буржуазии, а республика с высокоразвитой промышленностью. За какие-нибудь 16—17 лет на основе новейшей техники в республике были восстановлены и построены сотни промышленных предприятий. Средние ежегодные темпы роста промышленности в Советской Молдавии были выше средних темпов по СССР. Если валовая продукция промышленности СССР в целом за 1940—1960 гг. возросла в 5,2 раза⁶⁹, то за эти же годы в Молдавской ССР она увеличилась в 9 раз⁷⁰. В этом проявляется одна из важнейших черт национальной политики нашей партии, направленной на подтягивание ранее отстававших в своем развитии наций и народностей до уровня передовых.

Неразрывной частью ленинской национальной политики является строгое соблюдение социалистического принципа разме-

щения производительных сил. СССР представляет многонациональное государство, ...его социалистическое хозяйство развивается как единое целое с разумным разделением труда и правильным размещением производства.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Коммунистическая партия добивается того, чтобы в каждой республике развивались в первую очередь те отрасли народного хозяйства, которые обеспичены сырьевой базой и дают максимальный экономический эффект. Природные богатства Молдавии обусловили широкое развитие пищевой и легкой промышленности, а также промышленности строительных материалов. В общесоюзном разделении труда Советская Молдавия стала одним из крупных экономических районов страны по производству вина, консервов, сахара, табака, растительных и эфирных масел и т. д.

По количеству вырабатываемых виноматериалов Молдавская ССР занимает первое место в стране; по производству табака и выработке шалфейного масла — второе; по производству подсолнечного масла и консервов — третье; по производству сахара — шестое⁷¹. Ныне Молдавская ССР выпускает консервов почти в 3,5 раза больше, чем в 1913 г. производилось во всей царской России⁷². Не только в Советском Союзе, но и далеко за рубежами нашей Родины славятся молдавские вина и консервы. С каждым годом увеличивается их экспорт в Чехословакию, Англию и другие страны.

Снабжая другие районы фруктами, виноградом, изделиями пищевой и легкой промышленности, строительными материалами, Молдавия получает из братских республик прокат, уголь, нефть, автомашины, тракторы, комбайны, станки, хлопок и многое другое. Таким образом, осуществление на практике ленинского принципа размещения производительных сил открывает возможность для более полного использования богатств и производственных возможностей каждой республики, способствует интенсивному обмену между ними материальными ценностями, ведет к тесному сближению и объединению народов, содействует укреплению их дружбы и сотрудничества.

Добиваясь гармоничного развития народного хозяйства национальных республик и максимального использования в общенародных интересах не только сырьевых, но и трудовых ресурсов⁷³, Коммунистическая партия за последние годы уделяет большое внимание развитию в Молдавии таких отраслей промышленности, как металлообрабатывающая, машиностроительная, электротехническая и др.

В недалеком прошлом, всего лишь немногим более двух десятилетий назад, в правобережную Молдавию ввозились даже серпы и косы, не говоря уже о более сложных изделиях промышленности. Сейчас промышленность республики освоила производство глубоководных насосов, электроприборов, низковольтной электроаппаратуры, модернизированных машин для литья под

давлением, точильно-шлифовальных станков, центробежных насосов, винодельческих прессов, силовых трансформаторов, радиопроводов, электропечей, стиральных машин, электродвигателей, осциллографов и другого оборудования.

Промышленные товары, изготовленные в Молдавии, поставляются не только в другие районы нашей Родины, но и во многие зарубежные страны: ГДР, Чехословакию, Польшу, Румынию, ДРВ, Кубу, Йемен, Бирму и др.

Ярчайшее доказательство экономического расцвета Молдавии — создание в республике прочной энергетической базы. Если в 1913 г. в Молдавии было произведено всего лишь 900 тыс., а в 1940 г. — 17,2 млн. кВт·ч. электроэнергии, то в 1960 г. уже было произведено 676,7 млн. кВт·ч⁷⁴.

Величайшим достижением республики за годы Советской власти является развитие рабочего класса и подготовка большого отряда кадров инженерно-технических работников. В 1960 г. по сравнению с 1940 г. численность рабочих и служащих выросла более чем в 4,5 раза, а инженерно-технических работников — в шесть раз⁷⁵. Да и рабочие стали не те, что при капитализме, — это в подавляющем большинстве технически грамотные кадры. Свидетельство тому — широкое развитие массового изобретательства, все возрастающее количество рационализаторских предложений, поступающих от рабочих. Дальнейшее развитие получила промышленность в целом. Объем промышленного производства Молдавской ССР в 1965 г. возрастет в 2,2 раза по сравнению с 1958 г. и в 17 раз по сравнению с 1940 г.⁷⁶

Как и для всей страны, решающее значение в ликвидации экономической отсталости, унаследованной от капитализма, наряду с индустриализацией имела для республики коллективизация сельского хозяйства.

Для Молдавии, где в прошлом почти 90% населения было занято сельским хозяйством и около 85% сельского населения влажило жалкое существование, решение аграрного вопроса имело первостепенное значение...

Канули в прошлое помещичье-кулацкая эксплуатация, страх перед разорением и нищета трудовых масс крестьянства, открылся широкий простор для развития всех отраслей сельского хозяйства, для подъема культуры земледелия, для проявления творческой инициативы и таланта людей труда. За годы Советской власти в Молдавии было создано многоотраслевое высокомеханизированное сельское хозяйство, [общирные колхозные нивы, огромные сады и виноградники — цвет и слава республики].

Если к моменту освобождения Бессарабии и воссоединения ее с советской Родиной в крае имелось всего 92 трактора, принадлежавших помещикам и кулакам, то теперь на полях Молдавии работает свыше 20 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 3,4 тыс. комбайнов, свыше 8 тыс. автомобилей⁷⁷ и много

других сложных сельскохозяйственных машин, полученных из ФСФСР, УССР, БССР и других братских республик.

Благодаря большой материально-технической помощи, оказанной республике, а также улучшению руководства со стороны партийных организаций в сельском хозяйстве республики, особенно после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.), достигнуты значительные успехи. Основные фонды колхозов выросли после сентябрьского Пленума ЦК КПСС более чем в пять раз⁷⁸. Валовая продукция сельского хозяйства республики увеличилась с 1953 г. по 1960 г. на 71%. В 1961 г. в республике было собрано 166,6 млн. пудов зерна⁷⁹, то есть столько, сколько предусматривалось [...] планом на 1964 г. Республика засыпала в закрома Родины 30,4 млн. пудов хлеба, или на 79% больше, чем в 1960 г.⁸⁰

Молдавия становится цветущим садом. Только за последние шесть лет в колхозах и совхозах республики заложено свыше двухсот тысяч гектаров садов и виноградников. Это значительно больше, чем было посажено в старой Бессарабии за все минувшее столетие. Валовой сбор винограда, плодов и ягод в Молдавии из года в год быстро увеличивается и в 1961 г. составил 725 тыс. т. [...]

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили достижения тружеников Советской Молдавии. В 1958 г. республика была награждена высшей правительственной наградой — орденом Ленина. Тысячи граждан Молдавии за проявленный ими героизм в труде получили ордена и медали Советского Союза, лучшие из лучших удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Приведенные данные о развитии промышленности и сельского хозяйства республики говорят о том, что в невиданно короткий срок Молдавия сделала поистине гигантский скачок в своем экономическом развитии, превратилась из отсталой аграрно-колониальной окраины в цветущую республику с развитой промышленностью и механизированным сельским хозяйством. Это стало возможным потому, что «экономическое развитие каждой советской республики есть результат братского сотрудничества и взаимопомощи всех советских народов»⁸¹. Только своими силами Молдавия не была бы в состоянии в такой короткий срок даже залечить те раны, которые нанесли война и фашистская оккупация ее народному хозяйству.

...В Молдавской ССР на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях и в государственном аппарате рука об руку с молдаванами в обстановке сердечной дружбы живут и работают трудящиеся многих других национальностей. Среди специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве республики, более 11 тыс. молдаван, около 11 тыс. русских, свыше 6 тыс. украинцев и 7 тыс. специалистов других национальностей⁸². Совместная работа на предприятиях, в учреждениях, в совхозах и колхозах привела к тесному взаимному

общению и сближению народов СССР. Стала шире взаимопомощь, крепче дружба между людьми различных национальностей. Совместная работа и единые задачи способствуют выработке общих черт духовного облика советских людей.

Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии, предусматривает дальнейший экономический и культурный расцвет советских республик. «Партия, — говорится в программе КПСС, — будет по-прежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии. Растущие в процессе коммунистического строительства блага необходимо справедливо распределять среди всех наций и народностей»⁸³.

Намеченные Программой перспективы развития СССР на ближайшее двадцатилетие говорят о том, что союзные республики будут впредь развиваться высокими темпами. По сравнению с 1958 г. в 1980 г. в Молдавской ССР выработка электроэнергии увеличится во много раз, причем особенно возрастет уровень потребления электроэнергии в сельском хозяйстве. На основе ускоренного технического прогресса, широкого внедрения комплексной механизации и автоматизации во много раз возрастет объем промышленного производства. Намечены большие ирригационно-мелиоративные работы, которые в несколько раз увеличат площади орошаемых земель и обеспечат устойчивые и в несколько раз более высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Значительно увеличится производство зерна, фруктов, винограда, овощей, технических культур, мяса, молока и т. д.

Успешно выполнить главную экономическую задачу СССР — создать материально-техническую базу коммунизма — означает для каждого народа, для каждой республики необходимость увеличить свой вклад в общее дело коммунистического строительства. А это требует дальнейшего еще более тесного объединения и согласования трудовых усилий республик, совершенствования социалистического разделения труда, правильного сочетания интересов СССР в целом и интересов каждой республики. Примером объединения усилий республик в решении важных народнохозяйственных задач может служить строительство Кучурганской электростанции на границе между Молдавией и Украиной. Эта электростанция, мощность первой очереди которой составит 600 тыс. кВт·ч, будет обеспечивать в будущем электроэнергией народное хозяйство Молдавии и ряда областей Украины. Ее строительство осуществляется силами Молдавского совнархоза и некоторых совнархозов Украины. Уже в настоящее время жизнь подсказывает необходимость создания некоторых межреспубликанских зональных органов для лучшей координации деятельности республик в осуществлении планов коммунистического строительства. Все это способствует укреплению дружеских уз между народами СССР.

Социалистический строй создал условия для неуклонного подъема материального благосостояния трудящихся. Советская власть обеспечила трудящимся право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости. Из года в год в Молдавской ССР, как и в других советских республиках, возрастает национальный доход и в связи с этим увеличивается реальная заработная плата рабочих и служащих и доходы крестьян⁸⁴.

В республике осуществляется большая программа жилищного строительства. За послевоенные годы восстановлено и построено вновь около 3 млн. кв. м жилой площади⁸⁵. Тысячи семей переселились в просторные, благоустроенные дома. Большое жилищное строительство развернулось в селах республики. За последние два года в селах Молдавии построено около 50 тыс. домов. Это означает, что каждая десятая семья за два года построила новый дом⁸⁶.

Большая работа проведена по улучшению здравоохранения. Построено много хорошо оборудованных больниц, поликлиник, здравпунктов, детских яслей и т. д. На 10 тыс. человек населения в Молдавии приходится больше врачей, чем на то же число жителей в Англии, Франции, Японии.

Мероприятия партии и Советского правительства по улучшению материальных условий жизни, труда, быта и охране здоровья населения обеспечили рост рождаемости и резкое снижение смертности.

За годы Советской власти в Молдавии осуществлена подлинная культурная революция, которая вывела трудовые массы из темноты и невежества. Молдавия стала республикой сплошной грамотности. В настоящее время в школах Молдавской ССР обучается 606 тыс. учащихся. На 3 млн. населения имеется 6 вузов и 32 средних специальных учебных заведения, в которых обучается 41,8 тыс. человек, в том числе в высших учебных заведениях — 21,6 тыс. студентов⁸⁷. За послевоенные годы молдавские вузы выпустили более 30 тыс. специалистов⁸⁸. Тысячи сыновей и дочерей молдавских рабочих и крестьян получили высшее образование в вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и других городов страны. В Молдавии, которая в недалеком прошлом занимала одно из первых мест в Европе по количеству неграмотных, ныне на каждые 10 тыс. жителей приходится в 2—3 раза больше студентов, чем во Франции и Западной Германии, и в 6 раз больше, чем в Турции.

Убедительным свидетельством торжества ленинской национальной политики является развитие науки в Молдавии. В республике насчитывается 46 научно-исследовательских учреждений. Крупнейшим научным центром является Академия наук Молдавской ССР. В научных учреждениях и вузах Молдавии работают 2292 ученых, в том числе 53 доктора наук и 608 кандидатов наук⁸⁹, которые в едином строю со всеми тружениками

республики преобразуют лицо родного края, приумножают его материальные и духовные богатства.

Свой вклад в общее дело коммунистического строительства вносят и историки республики. За последние годы ими проделана большая работа по осмыслению основных этапов исторического развития Молдавии и исследованию узловых вопросов ее истории. При этом главное внимание уделяется разработке по-слеоктябрьского периода, в частности проблемам борьбы за власть Советов в крае, национально-освободительному движению в Бессарабии в годы ее оккупации боярской Румынией (1918—1940), участию трудящихся Молдавии в Великой Отечественной войне, проведению колхозизации в республике и т. д.⁹⁰

Книги, журналы, газеты, радио, телевидение, кино стали достоянием широких масс трудящихся и прочно вошли в быт городского и сельского жителя. Ежегодно массовыми тиражами издаются сотни названий книг, десятки журналов, бюллетеней, газет. Большим достижением является перевод на молдавский язык и издание массовыми тиражами произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Молдавский народ получил возможность знакомиться на своем родном языке с лучшими произведениями русской литературы, с творчеством писателей братских республик. Это одно из ярких проявлений исторического процесса сближения и взаимного обогащения культур всех советских народов.

В республике насчитываются тысячи библиотек, клубов, домов культуры, киноустановок. В Молдавии созданы многочисленные университеты культуры, народные театры, хоровые коллективы и оркестры. В талантливых произведениях деятелей литературы и искусства Молдавии находят свое яркое отражение вдохновенный труд народа, его героические будни, его светлые устремления, сокровенные думы и чаяния.

Программа КПСС предусматривает дальнейший всесторонний расцвет социалистической культуры народов СССР. В Программе сказано: «Придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества»⁹¹.

Всемерное развитие социалистического содержания национальных культур означает усиление духовного единства наций, сближение этих культур. Программа предусматривает дальнейшее свободное развитие языков всех народов СССР, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждения. Одновременно с изучением родного языка трудящиеся национальных республик охотно изучают русский язык. Для тысяч молдаван он стал вторым родным языком. Это и понятно, ибо русский

язык в нашей стране — язык межнационального общения, дающий возможность приобщиться к великим богатствам русской и мировой культуры.

Выдающиеся успехи молдавского народа в развитии экономики и культуры являются одним из наглядных подтверждений положения Программы КПСС о том, что «в социалистическом обществе не только обеспечено политическое равноправие наций, создана советская национальная государственность, но и ликвидировано унаследованное от старого строя их экономическое и культурное неравенство»⁹²...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Накко А. История Бессарабии с древнейших времен. Т. 1. Одесса, 1873, с. 5—6.
- ² Вигель Ф. Ф. Замечание на нынешнее состояние Бессарабии. М., 1892.
- ³ Батюшков П. Н. Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892.
- ⁴ Лашков Н. В. Бессарабия к столетию присоединения к России. Кишинев, 1912.
- ⁵ Защук А. Бессарабская область. Ч. 1. СПб., 1862.
- ⁶ Кассо К. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913.
- ⁷ Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. 1812—1918. Iași; Boldur A. Contribuții la studiul istoriei românilor. Istoria Basarabiei. Vol. III, Chișinău, 1940; Ion J. Nistor. Istoria Basarabiei. Cernăuți. 1923; Basarabia. Monografie. Sub îngrijirea lui Șt. Ciobanu, Chișinău. 1926 и др.
- ⁸ Федоров Г. Б. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960; Смирнов Г. Д. Заселение романizedными племенами Пруто-Днестровского междуречья. — В кн.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960; Мохов Н. А. Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства. Кишинев, 1959; Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959; Рикман Э. А. К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, вып. 56, 1954; Пиогровский Р. Г. Молдавский язык и вопросы славяно-молдавских отношений в эпоху раннего средневековья. — Кишинев, Октябрь, 1951, № 6; Сергеевский М. В. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории. — Известия АН СССР. Отд. лит-ры и яз., т. V, вып. 4, 1946; и др.
- ⁹ История Молдавии. Т. 1. Кишинев, 1951, с. 146—149; 211—212; Мохов Н. А. Зарождение дружбы молдавского народа с великим русским и украинским народами (XV—нач. XVI в.). — Ученые записки Кишиневского государственного университета (КГУ). Т. XXVI, 1957.
- ¹⁰ Bogdan I. Letopisēul lui Azarie, Analele Academiei Romîne. Ser. II. Tom XXXI. Memoriile secțiunii istorice. București. 1909, p. 124.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 374.
- ¹² Мохов Н. А. Восстание украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1490—1492 гг. — Известия Молдавского филиала АН СССР (МФ АН СССР), 1953, № 3—4; Очерки истории СССР. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955, с. 808—810.
- ¹³ Руссов Е. М. Боевое содружество молдавского, великого русского и украинского народов в борьбе против Османской Турции в XVI—XVII вв. Кишинев, 1951 (на молд. яз.).
- ¹⁴ Ермоленко А. Украино-молдавские отношения (1648—1654 гг.). — В кн.: Воссоединение Украины с Россией. М., 1954.
- ¹⁵ Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961, с. 102—120; Шульман Е. Б. Русско-молдавские дипло-

- матические отношения в 1654—1656 гг. — Ученые записки Бельцкого государственного педагогического института, т. III, 1957, с. 25—55; *Они же. Русско-молдавское боевое содружество (1735—1739 гг.). Кишинев*, 1962, с. 51—66.
- ¹⁶ Энгельгардт Р. Ю. Из истории Прутского похода. — Ученые записки КГУ. Т. VI, 1953; *Кириченко Н. П. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 года. — Ученые записки Кишиневского государственного педагогического института (КГПИ). Т. VIII, 1958, с. 15—29.*
- ¹⁷ История Молдавии. Т. I, с. 237—257; История молдавской литературы. Т. 1. Кишинев, 1958, с. 9—129 (на молд. яз.); и др.
- ¹⁸ Черепнин Л. В. Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV—XVII вв. — В кн.: *Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 87—110; Урсул Д. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску-Спафария. Кишинев, 1955. Ермуратский В. Н. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956.*
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 377.
- ²⁰ Березняков Н. В. и Богданова В. А. Багратион в Дунайских княжествах. Кишинев, 1949; *Они же. Кутузов в Дунайских княжествах. Кишинев, 1948; Котенко И. А. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — Ученые записки Тираспольского педагогического института имени Т. Г. Шевченко, вып. III, 1957; Они же. Из истории участия молдавских отрядов в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. — В кн.: *Вековая дружба. Кишинев, 1961; Семенова И. В. Участие молдавского народа в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. — Ученые записки Института истории Молдавского филиала АН СССР (МФ АН СССР). Т. VI, 1958 г.; Гросул Г. С. и Даниленко Р. В. К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. — Известия МФ АН СССР, 1961, № 1 (80).**
- ²¹ Семенова И. В. Новые данные о торговых связях России с Дунайскими княжествами на рубеже XVIII—XIX вв. — Ученые записки Института истории МФ АН СССР. Т. 1 (10), 1959.
- ²² Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955, с. 337.
- ²³ Крыжановская К. П., Руссов Е. М. К вопросу о деятельности декабриста А. П. Юшневского по устройству задунайских переселенцев в Бессарабии. — Ученые записки Института истории, языка и литературы МФ АН СССР (ИИЯЛ МФ АН СССР). Т. VI. Кишинев, 1957; *Они же. О некоторых формах классовой борьбы задунайских переселенцев в первые десятилетия XIX в. — Известия МФ АН СССР, 1961, № 2 (80); Мунтян М. П. К истории совместной борьбы молдавских и украинских крестьян против феодально-крепостнического гнета в первой половине XIX в. — Ученые записки ИИЯЛ МФ АН СССР. Т. VI, 1957; Мещерюк И. И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг. Кишинев, 1957.*
- ²⁴ Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 58; Крыжановская К. П., Руссов Е. М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Сб. док. под ред. Л. В. Черепнина. Кишинев, 1957.
- ²⁵ Гросул Я. С. Указ. соч., с. 64—65.
- ²⁶ Там же, с. 82.
- ²⁷ Там же, с. 66—67.
- ²⁸ Будак И. Г. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в преобразованный период. Кишинев, 1954.
- ²⁹ Ленин В. И. Соч., т. 3, с. 218.
- ³⁰ Трубецкой Б. Пушкин в Молдавии. Изд. 2-е, доп. Кишинев, 1954.
- ³¹ Пушкин на Юге. Труды пушкинских конференций в Кишиневе и Одессе. Кишинев, 1958.

- ³² Рубенштейн А. Горький в Молдавии. — Днестр, 1961, № 6; Кидель А. Горький в Молдавии. — Там же, 1958, № 3; и др.
- ³³ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.
- ³⁴ Русская старина, т. 91, СПб., 1897.
- ³⁵ Демидов А. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию. М., 1853.
- ³⁶ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. СПб., 1863.
- ³⁷ Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I и II. Одесса, 1850—1853.
- ³⁸ Семенов-Тянъ-Шанский В. Россия. Т. XIV. Новороссия и Крым, СПб., 1910.
- ³⁹ См.: Полынов Б., Крупенников И., Крупенников Л. Василий Васильевич Докучаев. М., 1956.
- ⁴⁰ Панкратьев А. Филолог, историк, фольклорист Ю. Венелин. — Днестр, 1959, № 9, с. 143—146.
- ⁴¹ Кидель А. С. А. Ф. Вельтман 1800—1870. — Днестр, 1959, № 3, с. 130.
- ⁴² Надеждин С. Права состояния разных классов народонаселения Бессарабской области. Ч. I. СПб., 1843.
- ⁴³ Гросул-Толстой А. Обозрение рек, почв и местоположений Новороссийского края и Бессарабии в сельскохозяйственном отношении. — В кн.: Сборник статей о сельском хозяйстве юга России. Одесса, 1868.
- ⁴⁴ Гинкулов Я. Начертание правил Валахо-молдавской грамматики. СПб. 1840.
- ⁴⁵ Яцимирский А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906; Он же. Г. Цамблак, СПб., 1904; и др.
- ⁴⁶ См.: Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России. — Вопросы истории, 1959, № 8; Он же. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959.
- ⁴⁷ История Молдавии. Т. 1, с. 420—430; Крыжановская К. П., Руссов Е. М. Устройство Задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Кишинев, 1957; Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский. М., 1949; Он же. Декабристы в Кишиневе. (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев, 1961.
- ⁴⁸ Будак И. Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в по-реформенный период. Кишинев, 1960; Мунтян М. П. К вопросу об участии бессарабских народников в революционном движении России в 60—70-х гг. XIX в. — Ученые записки КГУ. Т. 33, 1958.
- ⁴⁹ Иванов Ю. и Шемяков Д. Революционное движение в Молдавии в 1905—1907 гг. Кишинев, 1955; Иванов Ю., Иткис М. Участие молодежи в революционном движении в Молдавии (1900—1917). Кишинев, 1958.
- ⁵⁰ Иванов Ю. Первая в России подпольная типография ленинской «Искры». Кишинев, 1960.
- ⁵¹ Иванов Ю. и Шемяков Д. Указ. соч.; Будак И. Г. Революция 1905—1907 гг. в Молдавии. Кишинев, 1955.
- ⁵² Материалы XXII съезда КПСС. 1962, с. 326.
- ⁵³ Иткис М., Немиров Й. Борьба крестьян Бессарабии за землю в 1917 г. Кишинев, 1957.
- ⁵⁴ Афтенюк С. Я. К вопросу патриотично-освободительного движения в Молдавии в 1917 г. — В кн.: Борьба за победу социалистической революции в Молдавии. Кишинев, 1957.
- ⁵⁵ Иткис М., Ройтман Н. Конференция большевиков Румынского фронта. — Коммунист Молдавии, 1958, № 1; Дыков И. Г. Большевики Румынского фронта в борьбе за установление Советской власти в Молдавии. — Коммунист Молдавии, 1961, № 7.

- ⁵⁶ Bogos D. La răspîntie. Moldova de la Nistru în 1917—1918. Chișinău, 1924; Ghibu O. Cum s'a facut unirea Basarabiei. Sibiu, 1925; Ciobanu St. Unirea Basarabiei. Studii și documente. Din istoria mișcării naționale în Basarabia. Chișinău, 1933; Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru 1812—1918. Iași; Pantea, Gh. Rolul organizațiilor militare în marele eveniment al unirii. Chișinău, 1933; Andronachi Gh. Albumul Basarabiei în jurul marelui eveniment al unirii. Chișinău, 1933.
- ⁵⁷ Подробнее об этом см.: Антонюк Д. И. Фальсификация истории борьбы за власть Советов в Молдавии в буржуазной историографии. Тезисы докладов Объединенной научной сессии Института истории АН МССР и Научного совета по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», посвященной истории социалистической революции в Молдавии. Кишинев, 1961.
- ⁵⁸ История 45-й Волынской Краснознаменной дивизии. Киев, 1929; Есауленко А. С. Революционный путь Г. И. Котовского. Кишинев, 1956; За Республику Советов. Воспоминания красных партизан Молдавии. 1918—1920 гг. Кишинев, 1958; Немиров И. В огне революции. Историко-биографический очерк о С. Лазо. Кишинев, 1958; Гильярова Е., Иткис М. Александр Круссер. Кишинев, 1961 (на молд. яз.).
- ⁵⁹ Березняков Н. В. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев, 1957; Юрченко А. Хотинское восстание. Киев, 1948. Дольник А. Бессарабия под властью румынских бояр (1918—1940 гг.). М., 1945; Смижко П. Татарбунарське повстання 1924 р. Київ, 1956; Копанский Я., Левит С. Борьба трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918—1940). Кишинев, 1957; Бобейко И., Копанский Я. Комсомол Бессарабии, в годы революционного подполья. Кишинев, 1958; и др.
- ⁶⁰ Борьба революционного подполья Молдавии. Кишинев, 1958; Довгопольй И. Павел Ткаченко. Кишинев, 1951; и др.
- ⁶¹ Афгенюк С., Елин Д., Левит С. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.). Кишинев, 1961 (на молд. яз.).
- ⁶² Правда, 1924, 2 сентября.
- ⁶³ III сессия ВУЦИК 8-го созыва. Харьков, 1924, с. 222—223; подробнее об образовании Молдавской АССР см. в кн.: Репида А. В. К вопросу об образовании Молдавской АССР. — Ученые записки КГПИ. Т. II, 1954; Корницов Г. М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за создание национальной государственности молдавского народа (1924—1940). — Ученые записки КГПИ. Т. IV. 1955; Афгенюк С. Я. К вопросу о создании советской государственности молдавского народа. — Известия МФ АН СССР, 1959, № 2 (56).
- ⁶⁴ Листовки коммунистического подполья Бессарабии. 1918—1940. Кишинев, 1960, с. 90—91.
- ⁶⁵ Грекул А. В. Формирование и развитие молдавской социалистической нации. Кишинев, 1955.
- ⁶⁶ Лазарев А. М. Образование Молдавской ССР. Кишинев, 1949; Афгенюк С. Я. Воссоединение молдавского народа и завершение процесса создания его советской национальной государственности. — В кн.: Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии. Кишинев, 1960.
- ⁶⁷ Заседание Верховного Совета Молдавской ССР пятого созыва (первая сессия). Стенографический отчет. Кишинев, 1959, с. 63; Советская Молдавия, 1961, 9 марта.
- ⁶⁸ Советская Молдавия, 1961, 28 сентября.
- ⁶⁹ Материалы XXII съезда КПСС, с. 190.
- ⁷⁰ Народное хозяйство СССР в 1960 г. Статистический ежегодник. М., 1961, с. 221.
- ⁷¹ Там же, с. 227.
- ⁷² Коммунист Молдавии, 1960, № 7, с. 55.
- ⁷³ Щелоков Н. Промышленность МССР. Кишинев, 1960, с. 32.

- ⁷⁴ По плотности населения Молдавия занимает первое место среди союзных республик — 88 человек на кв. км.
- ⁷⁵ Народное хозяйство Молдавской ССР в 1960 г. Статистический ежегодник. Кишинев, 1961, с. 70.
- ⁷⁶ Там же, с. 220, 224.
- ⁷⁷ Диордича А. Ф. Молдавская ССР в семилетке. 1959, с. 16.
- ⁷⁸ Народное хозяйство Молдавской ССР в 1960 г. Статистический ежегодник, с. 157.
- ⁷⁹ Советская Молдавия, 1961, 15 ноября.
- ⁸⁰ Об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства МССР. Сообщение ЦСУ МССР. — Советская Молдавия, 1962, 28 января.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Материалы XXII съезда КПСС, с. 190.
- ⁸³ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. II, 1962, с. 275.
- ⁸⁴ Материалы XXII съезда КПСС, с. 407.
- ⁸⁵ Визер Б. Подъем материального благосостояния колхозников Молдавии (1953—1958 гг.). Кишинев, 1961.
- ⁸⁶ Народное хозяйство Молдавской ССР в 1960 г. Статистический ежегодник, с. 200.
- ⁸⁷ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. II, с. 276.
- ⁸⁸ Об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства Молдавской ССР за 1961 г. Сообщение ЦСУ МССР. — Советская Молдавия, 1962, 28 января.
- ⁸⁹ Народное хозяйство Молдавской ССР в 1960 г. Статистический ежегодник, с. 304—305.— Советская Молдавия, 1962, 28 января.
- ⁹⁰ Советская Молдавия, 1962, 28 января.
- ⁹¹ Подробнее о работе молдавских историков см. в сообщении Левита С. Э. Широкий размах исторических исследований Молдавии. — История СССР, 1962, № 1.
- ⁹² Материалы XXII съезда КПСС, с. 407.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕССАРАБИИ (1812—1861 гг.)*

1. Феодальное землевладение

В системе материальных условий жизни общества (как учит марксизм-ленинизм) главную роль играет способ производства материальных благ, то есть уровень развития производительных сил и определяемый ими характер производственных отношений. Но и производственные отношения влияют на производительные силы, тормозят или стимулируют совершениеование орудий труда и хозяйственного опыта, всего образа жизни непосредственных производителей материальных благ. Характер производственных отношений — одно из важнейших условий развития народного хозяйства.

В Бессарабии в 1812—1861 гг., как и во всей стране, господствовали феодальные производственные отношения, которые уже стали тормозом развития сельского хозяйства, ремесла и промышленности, духовной культуры и т. д.

Характеризуя феодальную систему хозяйства, В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» всесторонне показал, что она предполагает господство натурального хозяйства; наделение непосредственного производителя средствами производства и землей в частности, а также прикрепление его к земле; личную зависимость крестьянина от помещика; крайне низкое и рутинное состояние техники¹.

Спецификой феодальной системы хозяйства, феодальных отношений в Бессарабии было то, что значительная часть сельского населения не была прикреплена к земле, не находилась в личной зависимости от землевладельцев. Но это обстоятельство не меняло существа феодальных отношений, так как главное средство производства — земля была собственностью феодалов и последние имели в своем распоряжении не только экономические, но и внеэкономические средства принуждения. К Бессарабии полностью применимо положение К. Маркса о том, что в эпоху

* Под заголовком «Аграрные отношения» раздел был опубликован в книге: Гросул Я. С. и Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861). Кишинев, 1967, гл. II, с. 77—142, автор — Я. С. Гросул.

феодализма «сельское население составляет еще значительно преобладающую часть нации.., земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает прибавочный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как основное условие производства»².

Феодальная система хозяйства в России начала разлагаться еще в XVIII в. В ее недрах развивались новые, капиталистические отношения, более благоприятные для развития производительных сил.

В Бессарабии XVIII в. наблюдалась консервация феодальных отношений, характерная для многих районов, находившихся под турецким владычеством. Присоединение края к России и включение его в российскую социально-экономическую систему значительно ускорили разложение феодальных и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Все же и в первой половине XIX в. господствующими в крае оставались феодальные отношения.

Вместе с тем после 1812 г. в Бессарабии постепенно происходили изменения в социальных отношениях, которые затронули и различные слои господствующего класса. Раньше принадлежность к господствующему классу определялась не только наличием земельных владений феодального типа, но и в значительной степени, а иногда исключительно, вхождением в феодально-государственную иерархию, дававшую доступ к господствовавшей в стране централизованной ренте. После 1812 г. происходил процесс оттеснения этих прослоек к более низким сословным группам. Теперь принадлежность к господствующему классу феодалов определяется главным образом наличием феодальной земельной собственности. В связи с этим господствующий класс терял свое былое положение.

Крупнейшими собственниками земли в Бессарабии были феодальное государство, бояре и другие группы землевладельческого дворянства, монастыри.

После 1812 г. собственностью государства стали обширные земли, на которых в свое время кочевали буджакские татары, переселенные в основном в Крым, а также владения турок и некоторых бояр протурецкой ориентации, бежавших за Прут и Дунай. Их площадь достигала, по нашим подсчетам, 1,5 млн. десятин. Часть земли вследствие царских пожалований перешла в руки молдавских бояр, русских сановников, генералов, офицеров и чиновников. На остальных казенных землях были поселены эмигрировавшие из-за Дуная болгары и гагаузы, а также немцы-колонисты, государственные крестьяне, казаки и др.

К середине XIX в. свободных казенных земель почти не осталось. Наделы, предоставленные в пользование крестьян упомя-

нутых категорий, оставались собственностью государства, что являлось экономической основой их зависимости от казны.

Казенные земли находились главным образом в южных уездах. Здесь же морскому ведомству и ведомству государственных имуществ принадлежало около 20 тыс. десятин леса³.

Крупные вотчины бояр и монастырей сложились задолго до XIX в. Согласно обстоятельным исследованиям П. В. Советова, в средневековой Молдавии условное землевладение военнослуживого сословия не имело значительного распространения. Крупные феодалы и турецкие завоеватели всячески противодействовали «испомещению» военнослужилых людей, чтобы ослабить центральную, господарскую власть, опиравшуюся, как правило, на мелких землевладельцев-дворян, а также на горожан. Господарская власть оказалась недостаточно сильной, чтобы создать своему главному союзнику в борьбе за централизованное государство широкую и прочную экономическую, земельную базу. Развитие условного землевладения в Молдавии не завершилось превращением его в полную и безусловную собственность дворянского сословия, как это было, например, в Русском государстве. Земельная собственность и привилегии военнослужилых групп не получили правового, сословного оформления, и они нередко растворялись в массе крестьян⁴.

Зато значительно усилились роль и влияние служилого боярства, которое получило доступ к господствовавшей в Молдавии XVII—XVIII вв. централизованной системе феодальной эксплуатации непосредственных производителей.

В результате этого происходило массовое разорение землевладельцев-вотчинников, получавших только сенюриальную ренту и возвышение феодалов, имевших доступ к главному каналу присвоения прибавочного продукта в виде централизованной ренты. В ходе перестройки крупное служилое боярство захватило в свои руки основной земельный фонд в княжестве, а те разоренные слои собственников, которые сумели сохранить мелкие участки земли, переходили к долевому землевладению, пополняя резешские села.

К XVIII в. земли господарского домена были почти полностью разданы боярам и монастырям, которые владели ею на правах вотчинной собственности с правом отчуждения и передачи по наследству⁵. Начиная с XVII в. родовые и так называемые благоприобретенные вотчины не могли быть конфискованы даже за измену и оставались в собственности боярского рода.

После 1812 г. вотчины бояр и монастырей были приравнены к помещичьему землевладению, которое в России также утратило характер временной и условной собственности. Царское правительство не только сохранило в Бессарабии крупное землевладение, но заботливо его оберегало и укрепляло. «Устав образования Бессарабской области», утвержденный в 1818 г., и «Учреждение для управления Бессарабской областью», введен-

ное в 1828 г., объявляли о признании за боярами всех прав и привилегий, дарованных в свое время молдавскими господарями и предоставлении им прав и привилегий русских дворян. Личные права бессарабских дворян, а также их недвижимая и движимая собственность, включая крепостных цыган, закреплялись за ними особыми грамотами и документами на вечные времена⁶.

Бессарабское дворянство пользовалось всеми привилегиями наравне с русскими дворянами. Права дворян ограничивались лишь в отношении владения крепостными крестьянами. Это положение вызывалось, во-первых, тенденцией русского правительства ограничить распространение помещичьего владения крестьянами⁷; во-вторых, отсутствием в Бессарабии крепостных крестьян (исключение составляли лишь крепостные цыгане, число которых было незначительно); в-третьих, стремлением царизма поднять свой престиж среди народов Балканского полуострова и тем самим создать более благоприятные условия для осуществления своих экспансионистских планов.

В материалах Бессарабского областного совета отмечалось: «Крестьяне, в Бессарабии поселенные и впредь поселяемые, исключая цыган, не могут быть в крепостном владении ни у бессарабских помещиков, ни у дворян российских. И вследствие чего российские дворяне, жительствующие в Бессарабии, могут кроме цыган иметь там крепостных людей, токмо дворовых, и то для личной и дворовой услуги, а не для поселения их на земле»⁸.

Кроме того, местным по происхождению помещикам запрещалось иметь крепостных из числа русских крестьян даже в качестве дворовых.

В связи с этим ограничением возникло множество споров и тяжб. При решении их местные власти в большинстве случаев противодействовали попыткам помещиков обзавестись на территории Бессарабии русскими по происхождению крепостными. Так, в 1841 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор в своем отношении министру внутренних дел по поводу владения бессарабским помещиком подпоручиком Нако Бурда русским крепостным крестьянином сообщил следующее мнение областного правления: «все бессарабские помещики вообще, в том числе и подпоручик Нако Бурда, как происходящий из местных дворян, не имеют права владеть в Бессарабии крепостными дворовыми людьми русского происхождения»⁹.

Экономическое положение и политические права духовенства после присоединения Бессарабии к России также определялись «Уставом образования Бессарабской области» 1818 г. В этом документе о духовенстве говорилось: «Права и преимущества духовенства касательно публичного вероисповедания сохраняются в полной их силе и свободе. Духовенство господствующей греко-восточной религии будет пользоваться всеми теми привилегиями и фундумами, достоянию церковному посвященными,

какие приобрело оно по грамотам молдавского правительства... Всякое имущество, принадлежащее собственно церквам и монастырям Бессарабской области всех вообще вероисповеданий, как-то села, деревни, хутора, рыбные ловли и прочие поземельные угодья, равно цыгане, капитальные суммы и другого рода жертвования, грамотами или записями утвержденные, останутся вечно их собственностью»¹⁰.

В начале XIX в. и в последующие десятилетия после присоединения Бессарабии к России дворянское и церковное землевладение намного расширились, преимущественно за счет земель бывших турецко-татарских владений. Уже в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и в течение десятилетия до генерального размежевания земель Бессарабии, проведенного в 1822—1828 гг., местные помещики захватили различными способами свыше 120 тыс. десятин земли. Царское правительство также щедро раздавало крупные участки земли, особенно на юге Бессарабии, местным боярам и русским сановникам. Только в первые два десятилетия после 1812 г. дворянам было пожаловано в Аккерманском, Бендерском и Измаильском уездах 300 тыс. десятин земли. Именно поэтому местные помещики рьяно поддерживали политику царизма, служили ему верной опорой¹¹.

Духовные феодалы — монастыри также расширяли свои земельные владения. Многие из них по размерам не уступали владениям светских феодалов.

О размерах помещичьего и церковного землевладения в первое время после присоединения Бессарабии к России исчерпывающие данные отсутствуют. Имеются неполные сведения о нем в материалах переписи 1817 г. Согласно экстрактам 1817 г., в Хотинском, Сорокском, Оргеевском (кроме 8 околов), Кишиневском, Бендерском и Аккерманском уездах¹² 133 владельцам принадлежало 635 137 фальч земли, то есть около 826 тыс. десятин.

Сохранились сведения о размерах помещичьих владений в указанных уездах.

Таблица 1. Помещичье землевладение в Бессарабской области
(по экстрактам 1817 г.)¹³

Земельная площадь поместья (в фальчах)	Количество владельцев	Процент к общему числу владельцев	Общая площадь земли в поместьях данной категории (в фальчах)	Процент к общей площади помещичьего землевладения
До 200	63	47,4	10 540	1,7
От 200 до 300	26	19,6	12 344	1,9
От 500 до 1000	14	10,5	9 409	1,5
От 1000 до 5000	10	7,5	30 280	4,8
От 5000 до 10 000	8	6,0	64 482	10,1
Свыше 10 000	12	9,0	508 082	80,0
Итого	133	100	635 137	100,0

По тем же данным, 68% удобной земли уездов, в которых была проведена перепись, принадлежало помещикам и монастырям.

В 1861 г. в Бессарабии насчитывалось 914 помещичьих имений площадью 2 271 360 десятин, что составляло около половины территории края. 498 имений (в том числе лишь 64 ненаселенных) площадью свыше 1 млн. десятин находилось в северных уездах, 303 имения (в том числе 85 ненаселенных) площадью 720 тыс. десятин — в центральных уездах. В южных уездах (Бендурском и Аккерманском) имелось 113 имений (в том числе 58 ненаселенных) общей площадью 535 тыс. десятин¹⁴. Таким образом, помещичье землевладение получило наибольшее распространение на севере. Немногим уступал ему в этом отношении центр. На юге количество имений было невелико, хотя площадь их была значительной.

Почти половина всей помещичьей земли (1 117 800 десятин) принадлежала 146 крупнейшим владельцам, то есть каждый из них владел в среднем 7600 десятинами¹⁵.

Боярин И. Балиш имел в разных местах края 160 тыс. десятин земли; одна лишь его вотчина Хатарничены достигала 120 тыс. десятин..

Среди крупнейших пожалований царского правительства, главным образом на юге, были: графу Бенкендорфу — 28 тыс. десятин, графу Канкрину — 28 тыс. десятин, графу Нессельроде — 10 тыс. десятин, генералу Сабанееву — 10 тыс. десятин, князю Мурузи — статскому советнику Стурдзе, князю Кантакузино — по 6 тыс. десятин.

Согласно данным 1850 г., из 232,4 тыс. десятин леса помещикам принадлежало 172,4 тыс. десятин, в том числе 56 тыс. десятин в Оргеевском уезде, 53,7 тыс. — в Кишиневском, 27 тыс. — в Хотинском, 16 тыс. десятин — в Бельцком уездах¹⁶.

В отличие от помещичьих имений большинства губерний Европейской России в Бессарабии численность крепостного населения на помещичьих землях и его роль в хозяйственной жизни были крайне незначительны. Крепостные цыгане и небольшое число крепостных — русских и украинцев, привезенных неместными дворянами, использовались преимущественно для личных услуг.

Согласно десятой переписи, за 271 владельцем числилось 5486 крепостных мужского пола. Только 59 помещикам принадлежало в среднем по 38 крепостных, а девяти — в среднем по 165 крепостных мужского пола¹⁷.

Помещичьи земли Бессарабии были заселены главным образом не крепостными, а лично свободными крестьянами — царями, выполнявшими за пользование землей разнообразные феодальные повинности.

В конце 50-х гг. на помещичьих землях проживало 121 284 царана мужского пола. Более двух третей этого количества на-

ходилось в северных уездах: Хотинском — 58 042, Бельцком — 38 701, Сорокском — 31 650. В центральных уездах — четвертая часть: в Оргеевском — 27 322, Кишиневском — 17 886. В помещичьих имениях двух южных уездов проживало лишь около 6% всех царан края (в Бендурском уезде — 10 116 человек, Аккерманском — 686)¹⁸. Не удивительно, что помещики юга испытывали недостаток рабочей силы и вынуждены были прибегнуть к наемному труду или сдаче земли в издолиную аренду.

Размеры имений и степень их заселенности царанами оказывали значительное влияние на характер помещичьего хозяйства. Крупные размеры имений северных и центральных уездов благоприятствовали ведению на превосходных черноземах товарного скотоводческого и зернового хозяйства. Товарность мелких имений была значительно ниже. На крупных земельных массивах юга помещики вели высокотоварное скотоводство, а затем зерновое хозяйство. Незначительность царанского населения вынуждала их прибегать к вольнонаемному труду и более совершенным орудиям производства, что привело в последующее время к более высокому уровню развития капиталистических отношений.

Особенностью помещичьего хозяйства в Бессарабии, как и в ряде соседних губерний правобережной Украины, была сдача значительного количества имений в аренду посессорам. В 1857 г. 176 имений из 900, или около 20%, были сданы в аренду¹⁹. Такая практика была распространена в Бельцком, Сорокском, а также Кишиневском и Бендурском уездах.

Эта система ведения хозяйства особенно тяжело отражалась на положении царан. Их хозяйства доводились до полного разорения. А. Афанасьев-Чужбинский, хорошо знакомый с положением бессарабской деревни, отмечал, что помещики лишь изредка живут в имениях и еще реже вмешиваются в управление, потому что имения отдаются в аренду посессорам — грекам, армянам, полякам, евреям и др. Заплатив помещикам определенную сумму, «посессор заботится только о наживе, и от подобного господина трудно ожидать гуманных стремлений, да и мечтать о гуманизме было бы как-то дико...»²⁰

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор вынужден был признать особо тяжелое положение царан в имениях, отданных в аренду. «Это условие (имеется в виду условие аренды — Авт.), — писал он бессарабскому предводителю дворянства, — приводит, во-первых, к тому, что посессор, естественно, желающий приобрести как можно больше выгод от посессии, предлагает поселянам довольно стеснительные условия; поселяне часто отказываются от них..., во-вторых, что при окончании срока посессии поселяне, оставаясь в неизвестности, какие условия им будут предложены новым посессором, не решаются делать посевов для последующей жатвы и вообще предпринимать какие-либо распоряжения по хозяйству, так что год, когда про-

исходит перемена посессоров, составляет для них время тяжелой неизвестности, приводящей их к разорению»²¹.

Монастырям в 1861 г. принадлежало 186 имений (в том числе 61 ненаселенное) площадью в 248 333 десятины. Большинство этих имений (74 населенных и 20 ненаселенных) площадью свыше 123 тыс. десятин находилось в северных уездах. В центральных уездах было 46 населенных и 37 ненаселенных имений площадью около 97 тыс. десятин. Лишь 9 монастырских имений, в том числе 4 ненаселенных, площадью в 28 тыс. десятин размещалось в южных уездах²².

Землевладение монастырей в Бессарабии составляло около 25% площади монастырских земель Европейской России. Но собственно бессарабским монастырям принадлежало немногим более 65 тыс. десятин; остальная же земля была «преклоненной», то есть пожертвованной или завещанной заграниценным монастырям, и большей частью их доходов распоряжались представители последних.

В монастырских имениях Бессарабии имелись большие массивы леса, которые в 1850 г. исчислялись почти в 40 тыс. десятин и составляли более шестой части всей площади леса в крае²³.

За пользование землей, принадлежавшей монастырям, отбывало феодальные повинности несколько тысяч царанских семейств. В конце 50-х гг. на монастырских землях числилось 31 284 царана мужского пола, в том числе в Сорокском уезде — 9722, Кишиневском — 8312, Оргеевском — 5013, Хотинском — 4903, Бельцком — 2690. В южных уездах в монастырских имениях проживало лишь 644 царана²⁴.

Дворянству и духовенству, составлявшим 3,3% сельского населения области, принадлежало около 72% всей удобной земли, в то время как основная масса производителей края — цараны, составлявшие около 60% населения, земельной собственности не имели²⁵.

По отдельным уездам картина была еще более разительной. В Хотинском, Сорокском и Оргеевском уездах помещикам принадлежало 94% всей удобной земли; в Бельцком уезде помещикам и монастырям — 99,7%, Сорокском — 99,5%, Хотинском — 97% земли. В центральных уездах помещикам и монастырям принадлежало 77% всей земли, а на юге, в Аккерманском и юго-западной части Бендерского уезда, помещики владели 30% всей удобной земли²⁶.

Изложенный материал наглядно свидетельствует о полном господстве феодальных форм собственности на землю. Но в Бессарабии, как и в других губерниях, шел процесс формирования и буржуазной собственности на землю, что является одним из признаков разложения феодально-крепостнической системы. Особым указом купцам, мещанам и царанам было разрешено покупать ненаселенные земли. На основании этого указа к 1861 году купцы и мещане приобрели около 400 тыс. десятин земли²⁷.

Промежуточное положение между господствующим классом феодалов и эксплуатируемыми податными сословиями крестьян и мещан занимали характерные для Бессарабии сословные группы бояринашей, мазыл и рупташой. Первые в большей мере сохранили некоторые черты привилегированных сословий; мазылы же и рупташи постепенно опускались до положения высших разрядов крестьян. Пользуясь рядом привилегий, располагая мелкой земельной собственностью, они, однако, разорялись и растворялись в других социальных прослойках.

Вопрос о происхождении и правовом положении бояринашей, мазыл и рупташей тщательно изучался местной администрацией. Собранный ею материал, сохранившийся в архивах и впервые вводимый здесь в научный оборот, заслуживает более подробного изложения.

Бояриниши — мелкие землевладельцы, получившие от молдавских господарей права личного дворянства за оказанные им особые услуги²⁸.

В отношении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора министру внутренних дел от 16 мая 1838 г. «О правах и преимуществах всех состояний жителей Бессарабии» бояриниши дается следующее определение: «Под именем бояринашей разумеется класс недворянского происхождения и не достигшей высших боярских должностей, но получивших низшие чины до вел-шатрая.. они пользуются правом личного благородства, но потомство их вступает уже в звание мазылов, не удерживая за собой отцовского преимущества ... Бояриниши изъемлются от телесного наказания и освобождаются по содержанию господарских грамот от платежа всех вообще казенных и общественных податей»²⁹.

В выписке из журналов государственного совета от 18 января и 10 февраля 1847 г. по делу о правах состояния бессарабских жителей о бояринашах указано: «Бояриниши пользуются правами личного дворянства, освобождаются от платежей всех вообще казенных и общественных податей и изъемлются от телесного наказания. Сыновья бояринашей поступают в государственную службу на правах детей личных дворян; если же кто из них до 22-летнего возраста не определится на службу, тот обращается в мазыльское звание без присвоения им преимущества их родителей»³⁰.

Бояриниши имели право на владение заселенными и незаселенными имениями в Бессарабской области, а также крепостными цыганами. Но им не разрешалось владеть крепостными крестьянами и дворовыми людьми русского происхождения³¹. Они освобождались от уплаты государственных и общественных податей, не могли быть подвергнуты телесному наказанию. Из бояринашей комплектовались кадры низших чиновников края.

Эта сословная группа постепенно изживалась, так как после 1812 г. она не пополнялась новыми пожалованиями этого звания,

а бояринаши, не поступившие на государственную службу до 22-летнего возраста, причислялись к мазылам. В 1842 г. числилось лишь 202 бояринаша³².

Мазылы в прошлом — одна из низших групп служилых людей, или более крупные чины, потерявшие должность в феодально-государственной иерархии. В отношении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора министру внутренних дел от 16 мая 1838 г. так определялись их происхождение и права: «Мазылы, потомки древнего молдавского дворянства, потерявшие права свои на сие звание или по небрежению к государственной службе, или по другим случаям, могут быть применены к российским однодворцам. Они издревле, составляя особый класс жителей княжества Молдавии, участвовали в платеже государственной казне подати под именем даждии и сверх сего употребляемы были по назначениям молдавских князей в разные поручения, приличных их званию»³³.

В последующем мазылы, ссылаясь на грамоты молдавских господарей, в подтверждение своих прав и привилегий пытались доказать, что из их среды выделялись бояре и дворяне. В действительности, надо полагать, не бояре и дворяне отпочковались от мазылов, а разорившиеся бояре и военные слуги пополняли эту категорию населения³⁴.

После присоединения Бессарабии к России права и привилегии мазыл были признаны царским правительством. Нами обнаружен интересный документ, который в значительной мере освещает спорный вопрос о положении этой социальной группы. Речь идет об определении местной администрации, в котором права и привилегии мазыл изложены следующим образом.

1. Мазылы и потомки их не могут подвергаться телесному наказанию без судебного приговора, утвержденного правительствующим сенатом! Они лишаются своего звания только за совершенные преступления по приговору суда.

2. Мазылы, живущие на владельческих землях, освобождались от личной земской повинности, но в случае надобности, по требованию начальства, наряжаются для выполнения сравнительно сложных поручений, требующих определенных знаний и опыта. Мазылы, живущие на казенных землях, отбывают все натуральные земские повинности по распределению своих сельских обществ. Как и все жители Бессарабской области, они освобождаются от рекрутской повинности.

3. Мазылы обязаны были уплачивать государственную подать и оброк. В упомянутом отношении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора министру внутренних дел от 16 мая 1838 г. они определялись в следующих размерах: государственная подать (даждия) — 9 руб. 35 коп., оброк — 2 руб. 10 коп. ассигнациями с семьи.

В журнале государственного совета за 1847 г. указано, что мазылы уплачивают казне подать в размере 2 руб. 67 коп. сереб-

ром и оброчных: при водворении на землях владельческих — по 60 коп. серебром, а на землях казенных — по 6 руб. 72 коп. серебром с семьи.

4. Даждю и оброк мазылы вносили в уездное казначейство. Наблюдение за своевременной уплатой повинностей вели соответственно городская и земская полиции. Мазылы, которые уклонялись от уплаты податей и повинностей или уплачивали их с опозданием, приравнивались к царанам и должны были подчиняться общим законам о неплательщиках казенных податей.

5. В каждом округе, заключающем в себе от 100 до 150 семейств, мазылы избирают из своей среды сроком на 3 года капитана (старшину мазылов), обязанность которого состояла в наблюдении за порядком в селениях, а также за исправным платежом податей и повинностей. Должность капитана мазылов была неоплачиваемой.

6. Мазылы, жившие на собственных и помещичьих землях, подчинялись местным полицейским органам, а спорные между ними дела решались в уездных судах.

7. Мазылы, жившие на государственных землях, подчинялись местному управлению государственных имуществ.

8 В целях создания общественного управления мазылы образовывали в составе волости отдельные сельские общества, если для этого было достаточно семейств, или включались в состав сельских обществ государственных крестьян.

9. Мазылам разрешался свободный переход с государственных на помещичьи земли.

10. Сыновья мазылов пользовались равными с русскими однодворцами правами для поступления на военную службу. Те же из них, которые оканчивали уездные училища, могли поступать и на гражданскую службу³⁵.

Основная масса мазыл исполняла обязанности кэлэршей — нижних полицейских служителей³⁶.

С течением времени права мазылов все более и более ограничивались. Так, земская полиция нередко принуждала их к выполнению поручений, не соответствовавших их званию, подвергала телесному наказанию. С 1828 г. по распоряжению Бессарабского областного правления мазылы обязаны были уплачивать земские повинности и вносить другие сборы «...наравне с обывателями-бирниками»³⁷.

Постепенно уменьшалась численность мазыл. Одни из них за различные проступки причислялись к сословию царан, другие разорялись и растворялись в смежных сословных группах. Мазылы жаловались на то, что «ныне, можно сказать, осталось им одно только голое название означенных (то есть привилегированных — Авт.) сословий...», а они, мазылы, остались ныне в самом жалком положении, ибо сколько боярское или дворянское сословие возвысилось, столько же права их от времени до времени начали упадать, так что наконец различие между мазылами

и ими (то есть боярами и дворянами — *Авт.*) дошло до того, что они начали считать себя фамилиями особенно высокими, а мазылы дошли до такого состояния, что даже не смеют называться происходящими от одного с ними корня, между тем как в Молдавии в прошедшие времена бояре назывались мазылами»³⁸.

Согласно восьмой переписи, в крае насчитывалось 7726 мазыл мужского пола³⁹.

Близкими к мазылам по своему экономическому и правовому положению были рупташи. Ранее, в XVII—XVIII вв., все лица, которым устанавливалась фиксированная раз и навсегда квота податей (рупта), становились фактически рупташами. Так что эта категория представляла собой пестрый конгломерат жителей. После освобождения Бессарабии в 1812 г. местная администрация придала этому термину специфическое понимание⁴⁰. В официальных материалах XIX в. они получили следующую характеристику: «Рупташи, происходящие от духовенства, то есть дети священников, оставшиеся в светском звании, по древним правилам и обычаям всегда сохраняли это наименование и в достоинстве своем равняются мазылам»⁴¹.

В «Уставе образования Бессарабской области» рупташам дана более обстоятельная характеристика: «Рупташи — суть жители привилегированного состояния. Сословие их заключает в себе потомков, происшедших от духовенства. Протоиерейские и пресвитерские дети поступают в звание рупташей. Класс сей не подлежит телесному наказанию без судебного приговора. Рупташи уплачивают подать под названием «даждии»; в сборе земельных повинностей рупташи участвуют наравне с мазылами»⁴².

Министр внутренних дел в своих замечаниях на представление Бессарабского областного совета о правах и привилегиях различных сословий Бессарабии указал на необходимость представить рупташам те же права, что и мазылам. Как недворяне, рупташи, подобно мазылам, не должны были находиться в ведении предводителей дворянства⁴³.

В журнальном постановлении государственного совета 1847 г. о рупташах сказано: «Рупташи, происходящие от духовенства, пользуются всеми правами, какие определены для мазылов»⁴⁴.

Документы, таким образом, свидетельствуют о намерении правящих кругов России, во-первых, уравнять рупташ с мазылами, во-вторых, официально обособить их от дворянства и положить конец попыткам выговорить для себя некоторые права и привилегии дворян.

Рупташи, поселенные на казенных землях, обладали теми же правами, что и российские однодворцы и подчинялись ведомству государственных имуществ. Причисленные к «свободным сельским обывателям», рупташи, как и мазылы, образовывали в составе волостей сельские общества, в которых, при наличии определенного количества семейств, учреждались сельские управления. В тех случаях, когда число семейств для образования

сельского общества было недостаточным, они присоединялись к обществам государственных крестьян⁴⁵.

Рупташи с 1817 г. платили государственную подать (даждию) в размере 15 левов со двора, с 1824 г. — 9 руб. 35 коп., ассигнациями с семьи, а также оброчную подать — 23 руб. 50 коп. с семьи на казенных землях и 2 руб. 10 коп. на владельческих землях. С 1847 г. они облагались государственной податью в размере 2 руб. 67 коп. серебром и оброчной — 6 руб. 72 коп. серебром с семьи. Рупташи, согласно официальным материалам, также «...участвуют в денежных земских повинностях и в общественном сборе по существующим постановлениям, несут повинность воинского постоя на общем основании, а также отбывают и прочие натуральные земские повинности по распределению своих сельских обществ, с соблюдением, однако же, древнего обычая, чтобы они преимущественно употребляемы были для препровождения войск, казенных транспортов и других важных поручений, требующих при исполнении людей более расторопных, но как жители Бессарабской области от рекрутской повинности свободны на неопределенное время»⁴⁶.

Рупташи, как и российские однодворцы, разрешали свои тяжебные дела на основе сельских полицейских и судебного уставов, изданных 23 марта 1839 г. для государственных крестьян..

Дети рупташей, также как и дети мазыл, могли поступать на военную службу с выслугой до обер-офицерского чина⁴⁷.

По восьмой переписи в Бессарабии числилось 3908 рупташей мужского пола⁴⁸.

Таким образом, рупташи и мазылы как по экономическому положению, так и по сословным правам выпали из состава господствующего класса, к которому они прежде принадлежали, и оказались в положении одного из привилегированных разрядов крестьян-однодворцев. Путь от дворянства и духовенства к крестьянству был для мазылов и рупташей тяжелым путем разорения и потери политических прав, а также упорной борьбы за сохранение хотя бы некоторых привилегий.

Еще ближе по своему экономическому и правовому положению к крестьянам были незначительные по численности сословные группы, именовавшиеся рупта де вистерия и рупта де камара.

По своему происхождению это были иностранные выходцы, а также местные жители, которые грамотами господарей наделялись некоторыми привилегиями. Часть из них вносила подати в государственную казну (вистерию), другая — в господарскую (камара). Согласно русским официальным материалам, до 1812 г. рупта де вистерия и рупта де камара пользовались только тем преимуществом, что не уплачивали вместе с царапанами или поселянами казенных податей⁴⁹. После присоединения Бессарабии к России эти группы некоторое время еще пользовались

признанием. Но в «Уставе образования Бессарабской области» 1818 г. рупта де вистерия и рупта де камара не упоминались. В одном из представлений Бессарабского областного совета указывалось, что «в Уставе образования Бессарабской области положительно означенны все состояния, на которые должны и могут быть разделены обитатели Бессарабии; ...особого разряда под именем рупта де вистерия и рупта де камара в оном не установлено; ... все старожилы должны поступать в классы, свойственных их породе, званию, роду жизни или ремеслу, и ... в Уставе оном отнюдь не предположено вводить какие-либо новые классы в области»⁵⁰

Вследствие многочисленных жалоб и ходатайств Бессарабский областной совет предложил сохранить эти звания только за теми лицами, которые располагают соответствующими документами бывшего молдавского правительства; потомков же их причислять по месту жительства к царанам или горожанам, наравне с которыми должны будут отбывать казенные подати и земские повинности⁵¹.

Это предложение было одобрено центральными органами власти. В журнальном постановлении государственного совета за 1847 г. были определены права и обязанности рупта де вистерия и рупта де камара, состоявшие в следующем:

1) «Представленное сим иностранным выходцам преимущество пред царанами в платеже казенных податей оставляется тем только из них, кои, получив от бывшего молдавского правительства документы на звание рупта де вистерия или рупта де камара, ныне в живых еще находятся.

2) Лица сии подчиняются платежу податей и денежных повинностей подобно мазылам, но не освобождаются от личной земской повинности; в отношении же наказания за преступления они подвергаются действию общих узаконений, наравне с прочими свободными сельскими обывателями.

3) Дети рупта де вистерия и рупта де камара должны поступить по месту их жительства или в цараны, или в городские обыватели и наравне с теми и другими отбывать все казенные подати и земские повинности.

4) Рупта де вистерия и рупта де камара в случае поселения на казенных землях присоединяются к сельским обществам государственных поселян и пользуются общими правами свободных сельских обывателей»⁵².

Это решение отразило фактически сложившееся положение. Так, в свое время группа задунайских переселенцев получила от молдавского господаря Александра Мурузи грамоту «...на звание рупта де вистерия с предоставлением некоторого преимущества в платеже вистерии податей и повинностей с каждого семейства по 13 левов 5 пар, а с каждого лева в ресуру⁵³ по 5 пар, повелев более никакими повинностями не обременять. На основании сего они поселились с семействами в городе Ке-

шиневе и отбывали следовавшие от них по грамоте повинности. По присоединении же Бессарабии к Российской державе, быв они причислены в числе здешних городских жителей болгарского сословия, стали отбывать все подати и повинности наравне с жителями»⁵⁴.

Группа рупта де вистерия и рупта де камара также были обречены на исчезновение. К середине XIX в. их числилось 63 семейства (в составе 172 душ) и 7 бурлаков⁵⁵.

Решением государственного совета был определен порядок оформления документов о принадлежности к привилегированным сословиям.

В журнальном постановлении 1847 г. указывалось, что для доказательства принадлежности к званиям бояринашей, мазылов, рупташей, рупта де вистерия, рупта де камара требовались, кроме документов, подтверждающих это звание, свидетельства под присягою не менее 12 лиц того же сословия. Законными признавались те документы, на которых имелись подписи молдавских господарей или печати вистерии и Дивана.

Таким образом, после присоединения Бессарабии к России среди прежних привилегированных сословий произошли определенные сдвиги. В состав господствующего класса были включены лишь группы, вмещавшиеся в схему общероссийской феодальной иерархии при том типе феодальных отношений, которые сформировались в России к концу XVIII — началу XIX в. Остальные группы вытеснялись и получили статус промежуточных групп или растворились в среде податного, преимущественно крестьянского населения. В других районах России подобные процессы имели место несколько раньше, в середине XVII—XVIII в.

2. Система феодальной эксплуатации крестьян

Основную массу сельского населения Бессарабии составляли цараны. Вопрос об их социальном положении в исторической литературе решается по-разному. Большинство буржуазных историков характеризовало царан как свободных земледельцев, не различая в должной мере их юридического и фактического положения после ликвидации крепостной зависимости в середине XVIII в. Лишь некоторые представители революционно-демократической мысли справедливо указывали на то, что лично свободные цараны были опутаны густой сетью феодальных отношений, и само освобождение было продиктовано интересами крупных феодалов и феодального государства⁵⁶.

Ценные наблюдения по этому вопросу содержатся в работах П. В. Советова. Он отмечает, что решающую роль в отмене личной зависимости царан в Молдавии середины XVIII в. сыграло то обстоятельство, что централизованная (государственная)

форма феодальной эксплуатации крестьян уже стала превалировать над вотчинными повинностями⁵⁷.

В первой половине XIX в. вне всяких сомнений, цараны были юридически свободными. Лишенные земельной собственности и вынужденные пользоваться землей помещиков и монастырей, они, однако, имели право перехода от одного землевладельца к другому, могли владеть недвижимой собственностью, переселяться в города, заниматься промыслами и т. д.

Личная свобода (в смысле отсутствия крепостной зависимости) царан была подтверждена уже первыми законодательными актами русского правительства — «Уставом образования Бессарабской области» 1818 г. и «Учреждением для управления Бессарабской областью» 1828 г. В «Уставе» 1818 г. провозглашалось, что «цараны или поселяне сохраняют право личной независимости от владельцев земель на прежнем основании. Имущество их существует быть защищаемо от всяких притязаний наблюдением областного правительства... Цараны сохраняют право перехода с земель одного владельца на земли другого, но на казенные земли не принимаются»⁵⁸. В проекте «Положения о царанах» 1819 г., которое легко в основу последующих постановлений об этой категории крестьян, прежнее законодательство было подтверждено: «Личная свобода царан в этом именно и состоит, что они и собственность их не зависят от помещиков»⁵⁹. Далее, по вопросу о праве перехода царан, указывалось: «...ежели поселяне с владельцем не согласятся довольствоватьсь такою пропорцией земли, какая на вотчине их жительства находится, тогда с позволением областного начальства и владельца передает из них число, смотря на надобность, и поселится на других землях, где поселяне сыщут сами таковые...»⁶⁰.

«Учреждение для управления Бессарабской областью» 1828 г. безусловно запрещало⁶¹ закрепощение царан. В нем подчеркивалось, что цараны, «...поселенные и впредь поселяемые, исключая цыган, не могут быть в крепостном владении ни у бессарабских помещиков, ни у дворян российских. И вследствие чего российские дворяне, жительствующие в Бессарабии, могут, кроме цыган, иметь там крепостных людей только дворовых и то для личной и дворовой услуги, а не для поселения их на земле»⁶¹.

«Положение о царанах или свободных земледельцах Бессарабской области» 1834 г. следующим образом определяло условия перехода царан: «Цараны, живущие на землях частных владельцев и землях духовного ведомства, могут свободно, по прошествии срока заключенных ими условий, или же и прежде, если владелец на сие согласен, переходить на земли других владельцев, равномерно заключая с ними условия на основании установленных в сем положении правил, они могут переходить и на свои собственные, если таковые имеются или приобретут, но на земли казенные ни в коем случае не принимаются. Пере-

ходя с земель одного владельца на другие, цараны могут взять с собой свой скот, собственные земледельческие орудия и все движимое имущество, но дома, на земле владельца построенные, если не было о сем постановлено особого условия, остаются за владельцами, а виноградные и фруктовые сады, до ныне самими царанами разведенные, буде так же не было о них особых условий, предоставляются им продать, однако же без права на землю, буде токмо помещик не пожелает оставить их за собой по оценке, при посредстве земского суда произведенной»⁶².

Право перехода царан на жительство в города и записи в городские сословия было подтверждено решением государственного совета 14 октября 1835 г., которое гласило, что «цараны, живущие на землях частных владельцев и на землях духовного ведомства, по прошествии срока заключенных ими условий или же и прежде, если владелец на сие согласен, а цараны, живущие на собственных землях во всякое время, могут переходить на жительство в города, в Бессарабской области находящиеся, и записываться в городское состояние»⁶³.

Наконец, личные права царан были подтверждены «Нормальным контрактом» 1846 г.⁶⁴

В правовом отношении молдавских царан, конечно, нельзя отождествлять с крепостными крестьянами России. Крепостные находились в личной зависимости от помещиков, а цараны были юридически свободными. Помещичьи крестьяне не могли по своей воле переходить от одного владельца к другому, переселяться в другие местности, зачисляться в иные сословия; цараны же при выполнении определенных условий имели право перехода, переселения в города, причисления к другим податным сословиям. Крепостные не могли вступать в брак без разрешения владельца, цараны имели право заключать браки без ведома землевладельца. Формы и размеры повинностей крепостных фактически определялись их владельцами, повинности же царан юридически ограничивались. Помещики имели право переселять, своих крепостных, продавать их деревнями, семьями и в одиличку. Цараны же могли быть переселены землевладельцем лишь с их согласия. Взаимные споры и иски крепостных разбирались и решались владельцами; спорные дела царан рассматривались в сельском суде, а наиболее важные — в так называемом земском суде. Крепостные не имели права приобретать в собственность недвижимое имущество, а их движимое имущество не охранялось законом. Цараны могли приобретать земли и движимое имущество, охраняемое законом. Помещичьи крестьяне по воле своих владельцев могли быть отданы в рекрутчи, сосланы на поселение в Сибирь и на каторжные работы. Таких прав в отношении царан бессарабские помещики не имели.

И все же царан нельзя считать свободными землевладельцами. Они находились в феодальной зависимости от помещиков и монастырей, на землях которых проживали. Право перехода

могло быть реализовано лишь с разрешения администрации и при отсутствии задолженности землевладельцу. И первое, и второе условия часто были невыполнимы.

Этот порядок сохранился с XVIII в., когда в Молдавском княжестве в связи с усилением феодально-государственной эксплуатации крестьяне были прикреплены к местунесения централизованной ренты и не могли покинуть село без разрешения государства⁶⁵.

После присоединения Бессарабии к России в связи с усилением сеньориальной эксплуатации большее значение приобрела зависимость крестьянина от землевладельца. Местные власти в угоду боярам и монастырям препятствовали переходу, а последние находили десятки способов закабаления царан.

Почти монопольная собственность феодалов и феодального государства на землю — основное средство производства в сельском хозяйстве — открывала широкие возможности для феодальной эксплуатации крестьян. Цараны, в частности, находились под гнетом помещиков, монастырей, крепостнического государства. Не имея земельной собственности, вынужденные пользоваться землей помещиков и монастырей, они оказывались в феодальной зависимости от землевладельцев, в пользу которых выполняли ряд повинностей.

Предоставление царану надела, его хозяйство на этом наделе «было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»⁶⁶, что В. И. Ленин считал характерной чертой феодально-крепостнических отношений.

Экономическое положение царана, его почти хроническая задолженность землевладельцу мешали ему реализовать право перехода, не говоря уже о других препятствиях, которые создавались местными властями и помещиками.

«Не имея ни собственной земли, ни собственной усадьбы, — писал осведомленный современник, — царан никогда не выходил из-под влияния помещика»⁶⁷.

В течение длительного времени размеры наделов и повинности царан за пользование ими определялись так называемыми «обычаями земли», неписанными «законами земли». Продиктованные, естественно, сильной стороной, они отвечали интересам бояр, а также монастырей и ставили царан в угнетенное положение. Впоследствии они были оформлены законодательными актами молдавских господарей второй половины XVIII и начала XIX в.

Однако в условиях многократного превосходства централизованной системы феодальной эксплуатации вотчинные повинности, особенно барщина, фиксировались в Молдавском княжестве на более низком уровне, чем в большинстве других стран Восточной Европы.

Согласно акту 1749 г. господаря Константина Маврокордато была установлена 24-дневная барщина царана за каждый надел. «Вистерийские пункты» 1766 г. господаря Григория Гики сократили барщину до 12 дней в году, но на каждый день был установлен «урок». Впоследствии, во второй четверти XIX в. в Молдавском княжестве он был настолько велик, что, по меткому выражению К. Маркса, «...ни один циклоп не справился бы с ним в сутки»⁶⁸.

Кроме 12 урочных дней барщины, цараны обязаны были выполнять еще множество мелких натуральных повинностей. Таким образом, «Вистерийские пункты» Григория Гики знаменовали усиление эксплуатации царан.

Боярство и духовенство этим не удовлетворились. После представления митрополита и бояр, требовавших 36-дневной барщины⁶⁹, Григорий Гика в 1777 г. издал дополнение к «Вистерийским пунктам», согласно которым цараны были обязаны выполнять еще ряд работ в пользу землевладельца.

В начале XIX в., в условиях растущего товарного хозяйства, барщина и другие феодальные повинности царан возросли.

В 1805 г. законодательством господаря Александра Мурузи были установлены следующие размеры надела, выделявшегося землевладельцем царану: «пешему» — 8 десятин, владевшему одной парой волов — 12 десятин, двумя, тремя парами — 21 десятину, четырьмя парами волов и больше — 25 десятин. Тогда же был вновь увеличен размер «урока»⁷⁰, так что барщина фактически достигла 56 рабочих дней⁷¹.

После присоединения Бессарабии к России, согласно «Уставу образования Бессарабской области», цараны отбывали барщину и другие феодальные повинности «сходственно молдавским учреждениям». Нормы барщины, установленные А. Мурузи, сохранились в течение четырех десятилетий.

В 40-х гг. в обстановке дальнейшего роста товарно-денежных отношений и стремления помещиков к увеличению барской запашки, размеры царанских наделов и повинностей были изменены. Согласно «Нормальному контракту» 1846 г., надел был уменьшен на одну треть, а повинности — увеличены.

«Нормальный контракт» предусматривал выделение царанам таких наделов: «пешему» — 4 десятины, владельцу одной пары волов — 5,5 десятины, двух-трех пар — 8 десятин, четырех и больше пар волов — 13,5 десятины⁷².

В зависимости от величины надела барщина устанавливалась в размере 12—28 урочных дней в году. Цараны, не имевшие рабочего скота, отрабатывали 12 урочных дней личным трудом. Остальные отрабатывали барщину частично со скотом, и частично без него.

«Нормальный контракт» установил такие виды и нормы работы на один урочный день: вспахать по ниве 1 га, а по целине — 0,7 га; сжать, связать, доставить на место молотьбы и сложить

в скирду снопы с площади 0,4 га; скосить, высушить, скрестить и сложить в стог сено с 0,4 га; прополоть кукурузу на площади 0,5 га.

Царан должен был отбывать урочные дни весной, осенью и летом равными частями.

Кроме полевых работ, предусмотренных «урочными» днями, царан выполнял ряд других отработочных повинностей: по ремонту и строительству хозяйственных помещений, плотин и галей, перевозке топлива и других грузов.

По подсчетам Министерства внутренних дел, царан, владевший парой волов и получивший в пользование надел в 4 фальчи 41 пражину (5 десятин 1944 квадратных сажени), должен был отработать в хозяйстве помещика не менее 52 дней. В действительности для выполнения всех натуральных повинностей требовалось еще больше времени: по данным Дарагана — до 60 дней.

А. Афанасьев-Чужбинский о барщине царан писал: «Двенадцать рабочих дней в год, казалось бы, какое слабое вознаграждение за землю; но эта самая незначительность количества и должна была породить подозрение в существовании какой-нибудь недобросовестной лазейки ... везде, говоря о рабочих днях, помещик прибавит прилагательное пунктовый, а пунктовый день к обыкновенному рабочему дню относится как 1:8 или по крайней мере 1:7. Уроки работы так рассчитаны, особенно во время жатвы, что крестьянин с семьей едва отбудет один день в течение целой недели»⁷³.

За исправное отбывание повинностей каждым цараном отвечало все общество⁷⁴.

Помимо барщины, цараны были обложены оброком — «десятиной» (дижмой), причем с доставкой его в имение землевладельца.

Как правильно отмечает М. П. Мунтян, дижма, сохранившаяся вплоть до царанской реформы 1868 г., а в отдельных случаях и после реформы, занимала большое место среди повинностей царан. С каждого царанского хозяйства взыскивалась десятая часть собранного зерна, винограда и других плодов. Десятина, как правило, не взималась со скота, а также овощных культур, предназначенных для питания семьи царана⁷⁵.

М. П. Мунтян определяет денежное выражение «девяносты» с зерновых культур, исходя из стоимости валового сбора хлебов в царанских хозяйствах. Ниже приводим составленную им таблицу.

На основании приведенных данных М. П. Мунтян утверждает, что «...дижма от зерновых культур имела тенденцию к возрастанию»⁷⁶. Этот вывод нуждается в уточнении. Таблица свидетельствует, что в 1856—1859 гг. и тем более в 1851—1857 гг. дижма была ниже, чем в 1846—1850 гг. Размер ее оставался постоянным (девятая часть урожая), а колебание ее денежного выражения обусловлено, надо полагать, изменением

Таблица 2. Размер дижмы с зерновых культур в 40—50-х гг.⁷⁷

Годы	Среднегодовой валовой сбор (в четвертях)	Сбор дижмы (в четвертях)	Дижма в денежном выражении (в руб. серебром)	Количество царанских семей	Размер дижмы с одной царанской семьи (в руб. серебром)
1842—1845	852 462	85 246	281 311	84 256	3,3
1846—1850	1 181 224	118 222	513 427	86 000	5,97
1851—1855	1 548 549	154 854	397 974	99 000	4,0
1856—1859	1 382 923	138 292	522 314	100 000	5,22

цен на сельскохозяйственные продукты. Не учтено также падение курса рубля.

В той же работе М. П. Мунтян сделал правильные, на наш взгляд, подсчеты, согласно которым «вотчинные повинности царан по заключенным контрактам с помещиками составляли 23 рубля серебром, а если добавить дижму с зерновых культур — в среднем 30 рублей серебром в год»⁷⁸.

Введение «Нормального контракта» не ослабило феодальную эксплуатацию царан. Министр внутренних дел вынужден был признать, что «положение царан в материальном отношении нисколько не улучшилось и после издания «Нормального контракта» 1846 г.⁷⁹

Повинности, предусмотренные «Нормальным контрактом», были столь обременительны для царан, что часть из них соглашалась брать в пользование лишь небольшие наделы, многие вовсе отказывались заключать соглашение с землевладельцем на новых условиях. «Договоры по-прежнему не заключали, — писал министр внутренних дел, — а закон 1846 г., который должен был войти в действие везде, где не составлялись договоры, приведен в самом деле в исполнение только в немногих имениях и притом почти исключительно в северной части Бессарабии, в Хотинском и частично в Сорокском и Яссском (то есть Бельцком — Авт.) уездах»⁸⁰.

Развитие рыночных отношений также вело к усилению эксплуатации царан землевладельцами, ухудшению их экономического положения. Приспособливая свои хозяйства к условиям рынка, помещики и монастыри старались увеличить производство хлеба, учреждали конские заводы, обзаводились отарами овец-мериносов, создавали предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов. С этой целью они сокращали наделы царан и расширяли барскую запашку, увеличивали их повинности, опутывали долговыми обязательствами.

В 1850 г. цараны села Цибиприк Оргеевского уезда жаловались на то, что помещик отобрал у них большую и лучшую часть пахотных земель, виноградников и фруктовых садов, принуждая в то же время к выполнению прежних повинностей⁸¹. Цараны сел Мындык и Лермонтовка Сорокского уезда писали,

что посессор Оганович отнял поля, которыми они издавна пользовались и, предоставив им взамен плохие земли, увеличил повинности⁸². Помещик Макаров лишил царан села Карабатовки Бендерского уезда большей части пахотной земли и увеличил барщину⁸³.

В 60-х гг. происходит массовое обезземеливание царан в связи с предстоявшей реформой⁸⁴. Царанско землепользование систематически сокращалось.

В 1817 г., по данным «Росписи землевладения и сословного строя населения Бессарабии», в пользовании царан было около 80% всей помещичьей земли, а в 1861 г. по данным, представленным в Редакционные комиссии, — несколько более 65%. В некоторых уездах царанская запашка сократилась еще больше: в Бельцком уезде — на 50%, в Хотинском — на 58%⁸⁵.

В течение первой половины XIX в. царанский надел в крае уменьшился на одну треть, а в Хотинском, Бельцком и Сорокском уездах — почти наполовину.

Согласно данным А. Зашкука, в конце 50-х гг. на один двор царан приходилось в среднем по 6 десятин земли. Размер надела на двор колебался от трех десятин в Хотинском уезде до 10 десятин в Аккерманском и Бендерском уездах. На ревизскую душу в 1858 г. приходилось в среднем менее трех десятин⁸⁶.

Этот надел при тогдашнем уровне техники, трехпольной и переложной системах земледелия, многочисленных податях и повинностях не обеспечивал даже прожиточного минимума крестьянину и его семье. По подсчетам Ю. Янсона, для удовлетворения лишь продовольственных нужд населения черноземной полосы при урожае «сам-4» крестьянский надел должен включать 5 десятин на ревизскую душу⁸⁷.

Условия «Нормального контракта» землевладельцы систематически нарушали. Они самовольно увеличивали объем работы, полагавшийся на «урочный день». С царан требовали выполнения ранее существовавших повинностей (сдачи пряжи, кур, яиц и т. д.), отмененных «Нормальным контрактом». У них вымогали плату трудом и деньгами за пользование пастищем и выгоном для скота, хотя по «Нормальному контракту» они должны были предоставляться царанам без дополнительной оплаты⁸⁸. Крестьян вынуждали отбывать большую часть барщины в страдную пору.

Используя растущую задолженность царан, пользуясь поддержкой местных властей, землевладельцы препятствовали, если им это было выгодно, переселению земледельцев.

Отмена крепостнической правовой нормы при сохранении и фактическом усилении феодальной эксплуатации зачастую носила формальный характер. В результате отсутствия земли и сословной неполноправности царан крепостнический гнет оставался. В. И. Ленин отмечал, что формы и степень принуждения при феодализме могут быть самые различные, «начиная от

крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина⁸⁹.

Принуждение царан к выполнению тяжелой барщины, увеличение «уроков», перенесение отработочных дней на страдную пору, запрещение работать на своем хозяйстве до окончания работ в хозяйстве землевладельцев, введение добавочных повинностей в виде всевозможных «клак», увелечение натуральных и денежных поборов, произвол в отношении личности царана — таковы формы и методы помещичьей эксплуатации основной части непосредственных производителей.

Чтобы избавиться от жестокой эксплуатации и произвола землевладельцев, царане, в надежде улучшить условия жизни, стремились переселиться во владения других помещиков и на казенные земли. Движение за переселение на другие земли в 1812—1861 гг. происходило, по приблизительным подсчетам, в 77 царанских селах из общего количества 776; 26 сел было охвачено им целиком, а остальные — частично. Осуществило переселение свыше 10 тыс. семей, или, считая в среднем по 5 человек на семью, около 50 тыс. царан. В 1812—1835 гг., по имеющимся сведениям, стремилось к переселению 29 сел. В 1835—1861 гг. число таких сел увеличилось до 48. Переселение на другие земли — часть царанского и общекрестьянского движения за улучшение своего положения,—одно из проявлений классовой борьбы в бессарабской деревне⁹⁰.

Для того чтобы воспрепятствовать переходу царан с земель одних помещиков на земли других, местные власти затягивали на многие годы рассмотрение соответствующих прошений и нередко отвечали отказом, хотя предусмотренные законом условия перехода были выполнены.

Значительная часть крестьян, не добившись разрешения осуществить право перехода, в поисках лучшей доли самовольно переселялась на другие земли, в основном на юг. Это вызывало соответствующую реакцию судебных и полицейских властей. Они принимали срочные меры к розыску и возвращению бежавших на прежнее место.

Нередко землевладельцы сами разыскивали и возвращали беглецов, тем самым фактически распространяли свою власть на личность царана. Произвол принимал такие отвратительные формы, как зверское пытление и даже убийство помещичьими прислужниками бежавших царан.

Из 10 тыс. семей, пытавшихся в 1812—1861 гг. совершить переход во владения других помещиков и на казенные земли, осуществили свое право самовольно, то есть бегством 6322 семьи. Остальные, не получив официального разрешения, или остались на прежнем месте, или, предприняв попытку бежать, были вынуждены возвратиться на прежнее местожительство⁹¹.

Несмотря на усиление феодальной эксплуатации, не только правовое, но и экономическое положение царан Бессарабии бы-

ло несколько лучше, чем положение крепостных ряда губерний Европейской России. Меньше был размер барщины, большим — размер надела. Так, душевой надел крепостных крестьян составлял, в среднем, в Киевской губернии 1,94 десятины, в Подольской — 1,23, в Полтавской — 1,7 десятины.

Уровень жизни царан в Бессарабии был также несколько выше, чем в Запрутской Молдавии. Царанский надел в Бессарабии к середине XIX в. сократился в сравнении с 1805 г. меньше чем наполовину; в Запрутской Молдавии он уменьшился более чем в два раза. Повинности царан Бессарабии по условиям «Нормального контракта» возросли в расчете на одну десятину надельной земли примерно на одну треть; в Запрутской Молдавии они увеличились больше чем в два раза. Более высокая степень эксплуатации крестьян Запрутской Молдавии явствует из нижеследующей таблицы.

Эксплуатация царан землевладельцами усилилась как в Запрутской Молдавии, так и в Бессарабии, но в Молдавском княжестве она была значительно большей. Это было одной из главных причин перехода многих царан через Прут на территорию Бессарабии.

Цараны подвергались эксплуатации не только помещиками и монастырями, но и феодальным государством. Было бы, однако, ошибочным считать, что усиление вотчинной эксплуатации крестьян бессарабскими помещиками после 1812 г. было адекватным общему росту феодальной эксплуатации. Норма последней в целом не увеличилась в той же мере, в какой выросла эксплуатация крестьян в поместье, включая барщину. Произошло это потому, что (как будет показано далее) централизованная система феодальной эксплуатации крестьян не увеличилась, а, наоборот, сократилась.

Все же гнет феодального государства, лежавший на царанском населении края, был тяжелым.

При вступлении русских войск в пределы Бессарабии часть прежних податей и налогов была отменена. Вместо них, по свидетельству местной администрации, «...собирались с жителей деньги на мясную для войск порцию и сверх того поставляли они натурою для них разного рода провиант, также сено для

Таблица 3. Размеры наделов и повинностей царан Бессарабии и Запрутской Молдавии в первой половине XIX в.⁹²

Законодательные акты	Размер		
	надела (в га)	урочных дней*	всех повиннос- тей (в рабо- чих днях)
По указу Мурузи 1805 г.	8 —27	12	56
По «Нормальному контракту» 1846 г. в Бессарабии	4 —13,5	12—28	52
По «Органическому регламенту» 1832 г. в Запрутской Молдавии	3,4—7,7	12	96

лошадей, подводы, дрова и камыш для отапливания госпиталей и квартир, что все составляло втрое больше прежде платимого ими бира»⁹³.

Население мирилось с этими сборами и повинностями, так как они были легче прежнего податного бремени и вызывались потребностями борьбы против невыносимого турецкого гнета.

После присоединения Бессарабии к России цараны, как и все податные сословия, были освобождены от ряда государственных податей, налогов и повинностей на 3 года, а затем еще на 2 года⁹⁴. Однако были случаи, когда уездные чиновники «поптрадиции» собирали отмененные налоги в свою пользу⁹⁵.

Налоговое обложение, введенное в 1817 г., предусматривало уплату царанами пяти видов налогов, общий размер которых был значительно меньше платежей при турецко-фанариотском режиме. Таковы: бир — государственная посемейная подать в размере 15 левов; гоштина — налог в размере 4,5 пары с головы овец или коз; дижма — налог на свиней и пчел в размере 8 пары с улья и головы; вадрарит — налог на вино в размере 4 пары с ведра; погонарит — налог на посев табака в размере 1,5 аспра с погона⁹⁶.

Хозяйства царан облагались также земским сбором в размере около 9 левов в год.

Все государственные подати и налоги составляли в то время около 4 руб.⁹⁷ Фактические выплаты были большими вследствие пороков откупной системы сбора налогов, существовавшей до начала 20-х гг.

В 1823 г. государственное обложение царан было пересмотрено. Повысились штрафы за несвоевременную уплату налогов; бир увеличивался до 10 руб. ассигнациями (более 20 левов) в год; дижма, гоштина, погонарит и вадрарит заменялись единой податью в размере 2 руб. 10 коп. (приблизительно 4 лева 10 пар) с семьи в год⁹⁸. Земский сбор определялся в зависимости от размера необходимых земских расходов. На 1827 г., например, он был определен в размере 4 руб. 40 коп. ассигнациями (около 9 левов) со двора⁹⁹. Изменения 1823 г. привели к некоторому усилению налогового бремени, особенно тяжелого для беднейшей части царан («пеших»).

«Положение о царанах» 1834 г. унифицировало государственные подати и повинности. Цараны обязаны были уплачивать государственную подать (бир) в размере 10 руб. ассигнациями с семьи, а также земский и общественные сборы, составлявшие 4 руб. 65 коп. ассигнациями (всего 4 руб. 90 коп. серебром)¹⁰⁰.

В 1861 г. государственные подати и повинности царан оценивались в 4 руб. серебром¹⁰¹.

Цараны отбывали также государственные и земские натуальные повинности: участвовали в строительстве и починке дорог, содержании конюшн для почтовых лошадей, поставках фуража для нужд почты.

Общий размер государственных налогов и земских повинностей царанского двора с середины 20-х до 50-х гг. оценивался, по данным М. П. Мунтяна, в 9,28 руб. серебром¹⁰². В Молдавском княжестве налог с крестьянского двора равнялся на рубеже 20—30-х гг. примерно ста леям¹⁰³. Учитывая, что в это время один рубль серебром приравнивался к 7—10 леям¹⁰⁴, то есть в среднем к 8,5 лея, налог с царанского двора в Бессарабии составлял 79 лей и, следовательно, был меньше, чем в Молдове. В соответствии с Органическим регламентом в Молдавии происходило уменьшение налогов (одновременно с увеличением барщины)¹⁰⁵. Таким образом, и там наблюдалось явление, которое имело место в Бессарабии после 1812 г., — падение роли налогов и увеличение работ в пользу феодала, только произошло оно на два десятилетия позднее.

В первые годы после присоединения Бессарабии к России из общей массы царан по-прежнему выделялся ряд мелких категорий: скутельники, бреслаши, слуги. Численность их была невелика. В 1816 г. насчитывалось 4957 семейств скутельников, 1260 — бреслашней, 639 семейств слуг¹⁰⁶.

Это были группы лично свободных крестьян, использовавшихся на дворовых работах, а также в хозяйстве бояр и монастырей на условиях взаимного соглашения. О их роли в хозяйстве землевладельца свидетельствует один из документов бессарабского областного совета. В нем отмечалось, что бессарабские помещики ежели не будут иметь в имении своем нужного числа людей для хозяйства и сбережения обзаведений на мошиях (то есть в вотчинах — *Авт.*) у них имеющихся, то нельзя содержать в благосостоянии хозяйства их: скотина помещичья должна оставаться без пастуха, плуги без работников, поля, виноградники и леса без наблюдения, мельницы без мельников, дома их все разстроены и затем сами помещики претерпели бы знатнейшие потери и вовсе оставались бы в их состоянии разоренными»¹⁰⁷.

Бреслаши, как свидетельствуют документы, использовались в качестве огородников, садовников, пасечников, мельников, лесников, пастухов, табунщиков, охранников, плугарей и т. д.¹⁰⁸ Местная администрация отмечала также, что под бреслашами «разумеется сельская домашняя прислуга: плугари, лесничие, пасечники и проч.»¹⁰⁹.

Институт скутельничества появился в Молдавии в XVIII в. в условиях огромного возрастания централизованной ренты и был оформлен законодательно в 1742 г.¹¹⁰ Он представлял собой «систему несения крестьянами ряда повинностей не в пользу своего землевладельца-вотчинника, а в пользу того или иного должностного лица уездной или центральной феодально-государственной администрации»¹¹¹. Крестьянин мог не жить на земле феодала, к которому приписывался в качестве скутельника. Со-

гласно переписи 1772 г.¹¹², в таком положении находилось 35% всех дворов.

Бреслаши фактически были ответвлением скутельничества: они прикреплялись к феодалам на тех же принципах, что и скутельники¹¹³.

Существенные различия между этими группами крестьян установить трудно. По всей вероятности, они были незначительные и состояли, главным образом, в характере выполнявшихся ими работ, видах и размерах уплачиваемых государству податей.

Взаимные обязательства определялись добровольным соглашением, преимущественно устным — «по обычая земли».

Согласно сведениям, собранным позднее русской администрацией, соглашения эти были многообразны. «Договоры... следующие: в рассуждении поставки дров для отапливания домов боярских, сена для конюшен и другие, многие тому подобные; договоры же письменные делают иные из бояр в том, чтобы платить за них дачи, а они бы доставляли боярам дрова и прочие делали бы службы, иные же из бояр уславливаются, чтобы послушники и скутельники давали деньги на покупку дров и сена, а некои, чтобы, уплатя подати свои, служили бы боярам ради освобождения их от случаемых нарядов. Коротко сказать: сколько скутельников и послушников, столько и различных договоров бывает»¹¹⁴.

По истечении срока действия соглашения оно возобновлялось или же, если договоренности не удавалось достичь, землевладельцы с разрешения казначейства (вистерии) набирали других слуг.

Введение практики договорных отношений между землевладельцами и скутельниками, слугами свидетельствовало о том, что последние уже не находились в крепостной зависимости. Условия соглашений отражали не личную, а экономическую зависимость этих разрядов крестьян. Как явствует из документов, крестьяне не по принуждению, а по договоренности становились скутельниками и слугами; с другой стороны, феодалы по своему усмотрению могли отказаться от одних и привлечь других крестьян для использования в этой роли.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. численность скутельников, бреслашей, слуг регламентировалась. Но установленные нормы не соблюдались, бояре и монастыри произвольно увеличивали их количество, что уменьшало доходы казны. Поэтому господарская власть неоднократно поднимала вопрос о сокращении числа скутельников и других слуг. Так, в 1802 г. молдавский господарь Александр Суцо вновь подтвердил, что «...по общему совету решительно положено по чинам постоянное число скутельников»¹¹⁵.

Личная свобода скутельников, бреслашей, слуг от землевладельцев подчеркивалась во многих документах последующих лет. В них указывалось, что упомянутые слуги обязаны на об-

щих основаниях платить государственные подати (бир и другие), от которых освобождаются лишь на время, предусмотренное их соглашением с землевладельцами.

В представлении Дивана княжества Молдавии сенатору Красно-Милашевичу от 10 декабря 1810 г. отмечалось, что «скутельники есть бирники правительства, увольняются же только для услуг господам, а не то, чтобы были вечно господские и, ежели не захотят служить, господа удерживать их не сильны, но по приглашению других избирают, а сие обыкновение издревле»¹¹⁶.

Несколько позднее в определении Бессарабского областного совета также указывалось, что «бояре не имеют над ними никакой другой власти, как статей, на коих могут договориться, и ежели скутельники, послушники и слуги не захотят быть под боярами, то поселянами остаются; бояре же на место не захотевших иных избирают»¹¹⁷.

В связи с тем, что во второй половине XVIII и в начале XIX в. государственные подати были в несколько раз тяжелее повинностей, выполнявшихся в пользу землевладельца, крестьяне считали выгодным поступать в скутельники или бреслаши и тем самым освобождаться от части государственных податей. Это, в свою очередь, позволяло феодалам выбирать скутельников по своему усмотрению, обычно из числа зажиточных крестьян.

Утверждение М. П. Мунтяна о том, что скутельники мало чем отличались от крепостных, жизнью и бытом которых распоряжались бояре и чиновники¹¹⁸, неточно отражает действительное положение этой группы крестьян.

В начале XIX в. соглашения между указанными категориями крестьян, с одной стороны, и землевладельцами, с другой, по-разному решали вопрос об уплате государственных податей и сборов.

По свидетельству русских чиновников, многие скутельники сами платили подать, «...делали же услуги господам своим за облегчение только их от повинностей и налогов, а многим из господ платят деньги за избавление их от налогов; сколько же есть таковых господ, которые с благодарностью платят денежную подать за скутельников своих, от них же получают за то сугубую пользу или через употребление их в выгоднейшие для себя службы, или, договорясь, получают с них в год некую сумму денег»¹¹⁹.

Все эти сделки неизбежно сокращали доходы казны, и русская администрация края также добивалась уменьшения численности скутельников, бреслашей, прислужников.

В мае 1810 г. сенатор Красно-Милашевич предложил Дивану «...всех несправедливо присвоенных скутельников, значащихся по приложенными спискам, состоящих в служении у бояр, чины имеющих, у сыновей бояр, не получивших еще чинов и потому не имеющих права ни на какое число скутельников, и у вдов

боярских, как долженствующим иметь скутельников в половину меньшее против чинов мужей их и пользуются напротив большим оных числом, а равно и у жен бояр, имеющих скутельников сверх числа при живших мужьях, всего 2587 людей, обратить в настоящее их звание бирников и, причислив к сим последним, ввести в отправление всех податей и повинностей, на бирниках лежащих»¹²⁰.

Вскоре после образования Бессарабской области был поставлен вопрос о ликвидации института скутельников, бреслашой, послушников и слуг.

В отношении бессарабскому областному правительству от 28 мая 1818 г. наместник Бессарабской области Бахметев предложил «...всех вообще поселян, состоящих в звании скутельников, бреслашой и слуг, освободить от сей обязанности, обратить немедленно в состав общих повинностей наравне с прочими обывателями»¹²¹.

В июне того же года областной совет принял соответствующее решение и дал указание исправничествам и городским полициям об упразднении названных разрядов крестьян. Материальные потери бояр, по мнению областного совета, компенсировались тем, что с присоединением Бессарабии к России местные дворяне приобрели право занимать государственные должности за определенное жалованье, получать чины, ордена и т. д.¹²²

Освобождение русской администрацией скутельников, бреслашой и слуг от обязанностей перед феодалами, перевод их на положение царан имели положительное значение, ибо после ликвидации турецкого господства государственные подати уменьшились, а повинности крестьян в пользу помещиков все возрастили¹²³.

Таким образом, к концу 20-х гг. категории скутельников, бреслашой и слуг перестали существовать, но лица, к ним принадлежавшие, еще некоторое время выделялись из общей массы царан.

Несомненно, что столь быстрая ликвидация института скутельничества вызывалась теми типологическими сдвигами в системе феодализма, которые наметились после 1812 г. Не случайно уже вскоре после присоединения Бессарабии к России новые власти стали отрицательно относиться к возможности пожалования светским и духовным феодалам в качестве скутельников царан, проживавших на землях других феодалов. Характерна в этом отношении просьба коллежского секретаря Ивана Янова от 26 июня 1812 г., обращенная к местной администрации, оставить ему скутельников только на основании того, что «скутельников имею в собственном моем селении и никому отягощения не делаю»¹²⁴.

Следовательно, пожалование царан, живущих в чужих селах в качестве скутельников, противоречило господствовавшим в России формам феодальной зависимости.

Второй по численности категорией крестьян Бессарабии были резеши. Особенность их социального положения состояла в том, что они являлись свободными собственниками земли.

Вопрос о происхождении и характере резешского землевладения — один из наиболее дискуссионных в историографии феодальной Молдавии. В значительной мере он освещен в работах Я. С. Гросула, Д. М. Драгнева, П. В. Советова¹²⁵.

Касаясь содержания термина «резеш», Д. М. Драгнев и П. В. Советов пишут: «Владельцы идеальной доли на севере Руси часто выступают под названием «сябры». Молдавский термин «резеш» имеет во многом аналогичное содержание. Как и «сябр», «резеш» употребляется не только для обозначения свободных крестьян, но и земельных собственников вообще (соучастников, складников и т. д.), иногда даже крупных феодалов, совместно владеющих неразделенными вотчинами... Со временем за термином «резеш» все чаще вскрывается в источниках именно землевладение крестьянского типа»¹²⁶. Этими же авторами было установлено, что резешское землевладение XVI—XVIII вв. в своей основной части не является остатком свободной общины дофеодальных времен, а «новообразованием», появившимся в результате разорения мелких, средних и даже крупных землевладельцев в XV—XVII вв.¹²⁷ Процесс пополнения состава резешей разоренными элементами господствующего класса продолжался и в XVII—XVIII вв. В результате этого, несмотря на систематические в течение веков захваты земель феодалами, резешское землевладение не только сохранялось, но и расширялось. В составе землевладельцев середины XVIII в., собственников одного и больше сел, было мало потомков землевладельцев XV—XVI вв. Зато они встречаются на положении мелких земельных собственников — резешей. Значительная часть разорившихся землевладельцев «окрестьянивалась» и растворялась в среде резешей¹²⁸.

В первой половине XIX в. приток разоренных вотчинников в среду резешей ограничивается, зато в нее стали проникать буржуазные элементы, приобретавшие резешские земли (купцы, мещане, чиновники).

В течение веков в резешских селах сохранялось так называемое долевое землевладение, которое отличалось от общины марки тем, что при наличии неразделенных земельных угодий, находившихся в общем пользовании, каждый резеш-дольщик имел право собственности на свою долю всех земель села. До определенного времени эта доля не была отмежевана и право собственности на нее имело идеальный характер. Свою идеальную долю резеш мог свободно продать, завещать и наследовать, дробить, распоряжаться ее частями. При смене владельцев новый собственник получал не реальный участок, а соответствующую идеальную долю¹²⁹.

По мере углубления имущественного и социального неравенства долевое землевладение распадается, и все больше резешских сел переходит к полному или частичному подворному землевладению. Идеальная доля оформляется в реальный участок земли. Процесс этот завершился лишь к началу XX в.

В первой половине XIX в. в одних резешских селах уже произошел раздел основной части земель между семьями. Здесь сохранялись только некоторые остатки долевого землевладения. В других селах практиковалось еще общее пользование угодьями с их частными уравнительными переделами для приведения реального землепользования в соответствие с идеальной долей каждого резеша. Существовало однако, и ряд сел, почти не охваченных подобными переделами, где в подворном владении и землепользовании находились лишь наиболее ценные земли (пашни сенокосы), а отдельные угодья (выгоны, леса, воды) оставались еще в общем пользовании, и каждый резеш по-прежнему знал лишь свою идеальную долю. Постепенно удельный вес первой категории неуклонно рос за счет последней, а по мере этого завершался и процесс полного распада долевого землевладения¹³⁰.

Правда, в отдельных резешских селах на протяжении длительного времени из-за малоземелья наблюдалась консервация более ранних ступеней распада долевого землевладения. Так, у группы резешей, известной под названием «пармаки» («пармакары»)¹³¹, долевое землевладение сохранялось в основной части земель села во второй половине XIX в. Участки земли, которыми они пользовались, были настолько незначительными, что самостоятельное ведение хозяйства было почти невозможно, и поэтому они владели ими «в неразделе». Малоземелье заставляло «пармакаров» пользоваться владельческой землей при условии выполнения соответствующих повинностей. У пармакаров сохранилась круговая порука при выполнении государственных повинностей¹³². Кроме резешей-«пармаков» исследователи поземельных отношений в резешском селе XIX в. различают также резешей-однодворцев, резешей-царан, резешей-помещиков, купцов, мещан.

Резеши-однодворцы именовались так вследствие подворного владения пашнями, садами, виноградниками и приусадебными участками. В лесах, лугах, выгонах, сенокосах, водах однодворцы в той или иной степени владели идеальными долями и пользовались этими землями, как и пармаки. При оплате государственных податей и выполнении повинностей они не были связаны круговой порукой.

Резеши-цараны — это часть резешей, которая потеряла реальные участки земли, сохранив лишь свои идеальные доли в некоторых угодьях. Пахотные и другие земли они брали в пользование у землевладельцев на условии выполнения владельческих повинностей. Когда резеши-цааране уходили из своего села

и, следовательно, теряли возможность пользоваться неразделенными угодьями, они отличались от царан только своим происхождением.

Увеличение объема владельческих повинностей переселившихся на помещичьи земли резешей-царан заставляло последних обращаться к администрации с просьбой о разрешении им вернуться на свои земли¹³³. Однако стоявшие на страже интересов помещиков местные власти старались помешать этому. Постановлением бессарабского областного совета от 28 мая 1835 г. переселение крестьян из владельческих имений на собственные земли разрешалось только при наличии в частной собственности не менее 8 десятин земли на семейство.

Наконец, историки XIX в. называли резешами нескольких помещиков, купцов и мещан на том основании, что, владея участком земли в резешском селе, они обладали всеми поземельными правами резешей в данном селе (например, преимущественной покупки здесь земли).

В официальных документах, а также в литературе, служащей одним из источников истории Молдавии первой половины XIX в., резешей, не принадлежавших к определенному привилегированному сословию, обычно причисляли к основной категории крестьян Бессарабии — царанам, с оговоркой, что цараны — собственники земли называются резешами¹³⁴. Поэтому резешей трудно выделить из общей массы царан и представить полные и точные сведения об изменении их численного состава и удельного веса в хозяйственной жизни края.

По данным переписи 1803 г., проведенной в Молдавском княжестве, между Прутом и Днестром, то есть на территории Бессарабии, указано 112 резешских сел, в которых проживало около 6 тыс. семей¹³⁵ при общей численности царан, составлявшей около 34 тыс. семей.

Согласно переписи 1817 г. в Бессарабии показано 148 резешских сел, в которых проживало около 10 тыс. семей, или, считая в среднем по 5 душ на семью, — 50 тыс. человек. Они владели 152 тыс. десятин земли¹³⁶.

В середине XIX в., по данным Д. П. Семенова, в 155 резешских селениях насчитывалось 43 968 резешей, владевших 132 449 десятинами земли. В 67 селениях господствовала долевая форма землевладения. Здесь проживали в основном резеши-«пармаки», общая численность которых составляла 20 930 ревизских душ (или около 50% общего количества резешей), имевших в своем владении 61 211 десятин земли¹³⁷.

К 1861 г. численность резешей составляла 67 583 души мужского пола, которым принадлежало 283 925 десятин земли. В их числе 20 930 резешей-«пармаков» владели 61 210 десятинами земли, находившимися в долевом владении. Остальная земля была в подворном владении¹³⁸.

Резеши населяли, главным образом, Оргеевский, Кишиневский, Сорокский, Бельцкий и частично Хотинский и Бендерский уезды¹³⁹.

Феодальное угнетение резешей осуществлялось в форме захвата их земель соседними помещиками и обложения государственными податями и повинностями. Помещичья запашка расширялась не только за счет царанских наделов, но и за счет резешских земель.

Архивы местной администрации изобилуют материалами о наступлении помещиков и монастырей на резешское землевладение. В 1812 г. резеши села Луцены Оргеевского уезда писали, что соседний помещик, купив земельные участки нескольких резешей, затем овладел землей всего села; захват былсанкционирован Диваном¹⁴⁰. Таким же путем завладел большей частью земли резешей сел Пугачены, Хирчогены и Цуцены боярин Матвей Костаки¹⁴¹. В 1814—1817 гг. путем скупки боярин Стурдза овладел землями резешей села Ветрянка Хотинского уезда и села Хирчены Сорокского уезда¹⁴². В 1832—1861 гг., отклонив 25 из известных нам 26 исков резешей, областной суд санкционировал захват земли резешей многих и многих сел¹⁴³. За счет резешей увеличили свои земельные владения также Фрумушицкий, Гербовецкий, Шабский-Вознесенский и другие монастыри¹⁴⁴.

В 1861 г. около половины резешских земель принадлежало помещикам, монастырям, купцам и другим богатым владельцам¹⁴⁵. С 1817 по 1861 г. крестьяне-резеши потеряли до 40% своих земель: 20 тыс. десятин единоличного владения и 86 тыс. десятин земли, которыми владели совместно с эксплуататорскими элементами резешского села. За это время, по неполным данным, помещики и монастыри полностью овладели резешскими землями в 12 и частично в 26 селах. Это было одной из причин сокращения резешского землевладения в расчете на душу населения. В 1817 г. оно составляло в среднем по 3,8 десятины, а в 1861 г. — по 2,1 десятины земли.

Не случайно, конечно, наблюдалось резкое уменьшение количества земли у резешей северных и центральных уездов, где давление помещиков и монастырей было особенно сильным. В 1861 г. на одного резеша в среднем приходилось в Хотинском уезде — менее 1 десятины, Сорокском — 3 десятины, Яссском — 2 десятины, Оргеевском — 1,5 десятины, Кишиневском — 2 десятины¹⁴⁶.

Безземельные и малоземельные резеши пополняли категорию царан и наравне с ними, вынужденные пользоваться землей помещиков и монастырей, подвергались тяжелому феодальному гнету.

Основной формой феодальной эксплуатации резешей было взимание государственных и земских податей, а также обложение государственными и земскими натуральными повинностями.

В течение первых пяти лет после присоединения Бессарабии к России резеши, как и все жители края, были освобождены от некоторых государственных податей и повинностей¹⁴⁷.

По окончании льготных лет, то есть с 1817 г., резеши платили те же государственные подати и отбывали те же повинности, что и царане: «бир» — по 15 левов с семьи и бурлака; «гоштину» — по 4,5 пары с головы овец и коз; десятину с пчеловодства; «вадрарит» по 4 пары с ведра вина; «погонарит» — по 1,5 лева с погона посева табака. Земский и общественный сборы составляли 8 левов и 35 пары с хозяйства¹⁴⁸.

Общая сумма налогов, податей и сборов исчислялась в 4 руб. серебром.

«Положение о царанах» 1834 г., унифицировавшее государственные подати и повинности, предусматривало уплату резешами государственной подати («бира») в размере 10 руб. с семьи, а также земского и общественного сборов в размере 4 руб. 65 коп., всего 14 руб. 65 коп. ассигнациями, или 4 руб. 90 коп. серебром¹⁴⁹.

К 1861 г. государственные подати и повинности резешей, владевших землей на правах частной собственности, оценивались в 16 руб. 30 коп. серебром; резешей, владевших землей на правах общинной собственности, — 4 руб.¹⁵⁰.

Кроме государственных налогов и податей резеши отбывали также государственные натуральные повинности. Самой тяжелой среди них была подводная: она отнимала у них ежегодно от 5 до 10 рабочих дней¹⁵¹.

В условиях прогрессировавшего обезземеливания уплата резешами казенных налогов и отработка ими государственных натуральных повинностей представляли огромную трудность и ускоряли разорение основной массы хозяйств.

С присоединением Бессарабии к России в собственность Русского государства поступили обширные, почти не заселенные земельные массивы.

Из политических соображений, а также в целях быстрейшего освоения новоприсоединенной области большое количество земли было пожаловано в собственность русским и бессарабским помещикам. Часть государственных земель была предоставлена в пользование выходцам из зарубежных стран, переселенцам из внутренних губерний, казакам Дунайского (позднее Новороссийского) казачьего войска. Казенная земля сдавалась и в долгосрочную аренду частным лицам. Последние, нуждаясь в рабочей силе, привлекали на эти земли как местных, так и пришлых крестьян. За пользование землей крестьяне отбывали так называемую барщину («панщину»), размер которой определялся «добровольным» соглашением между крестьянами и арендаторами¹⁵².

На обширные казенные земли юга (Бендерский, Аккерманский, Измаильский уезды) переселялись государственные кре-

стяне из великорусских и украинских губерний, однодворцы, отставные солдаты, цараны северных и центральных уездов Бессарабии, не желавшие пользоваться помещичьей землей на кабальных условиях, цараны, не приписанные к сельским обществам, и т. д.

В 1814—1815 гг. был решен вопрос о переселении 159 семей государственных крестьян из Таврической губернии; в 1822 г. — 256 семейств малоземельных однодворцев из Харьковской губернии; в 1824—1830 гг. — 3600 государственных крестьян из нескольких внутренних губерний; в 1827 г. на правах государственных крестьян было поселено 702 семейства военнослужащих¹⁵³.

Все это пестрое население государственных земель, главным образом юга и частично Хотинского уезда, впоследствии составило сословие государственных крестьян. И в этом случае сословие государственных крестьян, по меткому определению Н. М. Дружинина, превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения¹⁵⁴.

Размещение государственных крестьян в пределах области было неравномерное. Наибольшее число казенных селений размещалось в Аккерманском и Бендерском уездах, где к 1857 г. их насчитывалось 76. В Хотинском уезде было 10, Измаильском градоначальстве — 11, Кагульском уезде — 3 селения.

Накануне Крымской войны, в 1852 г., численность государственных крестьян обоего пола составляла 71 869, в том числе в Аккерманском узде — 40 299 душ, в Бендерском — 21 911, Хотинском — 4 813, Кагульском — 1 700 и в Измаильском градоначальстве — 3 146 душ¹⁵⁵.

После Парижского мира количество селений государственных крестьян в пределах Бессарабской области уменьшилось. В 60-х гг. в трех округах Бессарабской палаты государственных имуществ (Аккерманском, Бендерском и Хотинском) насчитывалось 82 казенных селения.

Уменьшилась и численность казенных крестьян, составлявших в 1861 г. несколько менее 68 тыс.

Государственные крестьяне составляли около 10% общего числа жителей края.

Национальный облик этой катехории населения был пестрый. Основную массу ее составляли молдаване, украинцы и русские. Кроме того, среди казенных крестьян, как свидетельствует приводимая таблица, можно было встретить евреев, цыган, болгар и других.

Таким образом, разряд государственных крестьян Бессарабии образовался из различных по социальному и национальному составу прослоек и групп.

Государственные крестьяне находились в феодальной зависимости не от частных владельцев, а от государства. В начале XIX в. самодержавие уже не практиковало пожалования госу-

Таблица 4. Численность и национальный состав разряда государственных крестьян обоего пола Бессарабии в 50-х гг.¹⁵⁶

Годы	Молдаване	Украинцы	Русские	Евреи	Цыгане	Болгары	Всего
1851	42 407	18 838	8728	543	94	33	70 643
1856	39 396	24 434	9525	782	96	34	74 267
1861	41 048	19 470	6507	575	125	57	67 782

дарственных крестьян в собственность частным лицам. Эти крестьяне не могли быть проданы, обменены, произвольно лишены собственности. Испытывая давление, контроль и вмешательство правительственные чиновников в личную и хозяйственную жизнь, государственные крестьяне все же были более самостоятельны, чем частновладельческие крепостные, целиком зависевшие от произвола помещика. Они могли покупать землю, вступать в имущественные сделки и обязательства, защищать свои права собственности по суду. Население казенной деревни в большей мере, чем помещичьей, могло заниматься торговово-промышленной деятельностью, переходить в сословия мещан и купцов, переселяться в другие места.

Закон 1847 г. «О правах состояния жителей Бессарабской области» распространил на государственных крестьян края общероссийское законодательство, касавшееся этого разряда крестьян¹⁵⁷.

Орудием внеэкономического принуждения государственных крестьян к выполнению феодальных повинностей были специальные административные органы, вначале министерства финансов, а затем министерства государственных имуществ. Эти же функции выполняли и органы крестьянского самоуправления, находившиеся под контролем правительственные чиновников.

До середины 20-х гг. государственными крестьянами Бессарабии ведала так называемая казенная экспедиция; сбор податей и налогов отдавался на откуп. Тогдашние формы управления государственными поселенцами в Бессарабии в большой мере напоминали систему управления имениями, состоявшими на «хозяйственном положении» в Литве, Белоруссии, Прибалтике, Правобережной Украине.

В 1826 г. по предложению новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова, обеспокоенного ростом недоимок и потерями казны, государственные крестьяне были переданы в ведение волостных управлений¹⁵⁸.

В 1827 г. было образовано 6 волостей: две в Аккерманском уезде — Татарбунарская и Олонештская; две в Бендерском уезде — Каушанская и Чимишлийская; одна в Измаильском уезде — Хаджи-Курдская и одна в Хотинском уезде.

Основная задача волостного управления состояла в том, чтобы держать крестьянскую массу в узде и выколачивать из нее подати и недоимки.

Со времени реформы П. Д. Киселева, с 1839 г., казенной деревней ведала областная палата государственных имуществ. Одновременно в уездах были созданы окружные управлении: Аккерманское, Бендерское, Хотинское, которым подчинялись первоначально 6 волостей, 3 местечка и 98 селений.

Министерство государственных имуществ в интересах фиска приняло ряд мер по улучшению хозяйственного положения казенной деревни, 21 января 1834 г. было принято постановление о поощрении крестьян за усовершенствование своего хозяйства. В декабре 1841 г. издан указ о зачислении ветеринарных врачей на службу при палатах государственных имуществ. 5 марта 1842 г. подписан указ об открытии в Бессарабской области училища садоводства 2-го разряда. 9 декабря 1849 г. Министерство государственных имуществ объявило о назначении поощрительных денежных премий в размере от 15 до 25 руб. за успехи в садоводстве и огородничестве¹⁵⁹. В целях дальнейшего развития виноградарства и виноделия в Бессарабии правительственный сенат разрешил 20 марта 1853 г. свободную торговлю вином в казенных селениях и в колониях Бессарабской области¹⁶⁰.

Значительные средства министерство государственных имуществ израсходовало в крае лишь в начале своей деятельности (24,3 тыс. руб. в 1839 г., 19,5 тыс. — в 1840 г.). Затем расходы резко сократились (в 1845 г. — 6 тыс., в 1850 г. — 10,9 тыс., в 1860 г. — 3,7 тыс. руб.)¹⁶¹.

Реформа П. Д. Киселева в определенной мере содействовала усилению зажиточной верхушки казенного села. Большой части государственных крестьян она принесла лишь расширение мелочного вмешательства в их жизнь администрации министерства государственных имуществ и увеличение поборов на ее содержание.

Государственные крестьяне, переселившиеся в Бессарабию на казенные земли, водворялись на основе утвержденных 18 августа 1824 г. правил: на каждое семейство отводилось по 30 десятин земли, крестьяне освобождались на 3 года от платежа податей, несения рекрутской и других повинностей, а также от содержания воинского постоянного поста¹⁶².

В документах государственного совета указывается, что государственные крестьяне Бессарабии были наделены землею при генеральном межевании 1822—1828 гг. и «...тогда каждому селению нарезано было по 30 десятин на наличное семейство и по 10 десятин на будущее семейство»¹⁶³.

Казенные крестьяне наделялись землей на правах общинного пользования. Пахотные земли, выделенные общине, подвергались периодическим переделам между всеми хозяйствами и бурлаками. Остальные угодья находились в общем пользовании.

Община имела право самоуправления и была связана круговой порукой в уплате податей и выполнении натуральных повинностей.

Со временем наделы государственных крестьян сокращались в связи с ростом народонаселения, поселением на отведенных община землях семейств, к ней не принадлежащих, выходцев из Запрутской Молдавии, отстраненных от своих должностей лиц духовного звания, мещан, отставных солдат. Так, в селе Спасское Аккерманского уезда было принято 12 семейств мещан из городов Измаил и Килия¹⁶⁴.

Резко сокращались крестьянские наделы в связи с выделением новых семейств. Так, в селе Дивизия Аккерманского уезда к 1840 г. в результате увеличения количества семейств земельные наделы сократились до 9 десятин¹⁶⁵, в селе Кицканы Аккерманского уезда к 1858 г. — до 14 десятин¹⁶⁶.

В то же время часть крестьян получила при поселении участки земли меньше установленных размеров. Усиление земельного голода в государственной деревне объясняется также захватами казенных земель помещиками, передачей земель государственных крестьян новороссийским казакам, городам и т. д. В Бессарабии, также как и в других губерниях России, происходила «настоящая лихорадочная охота за земельными угодьями. Сильные землевладельцы захватывали участки более слабых соседей, вторгались на территории казенных имений и вступали друг с другом в продолжительные судебные тяжбы»¹⁶⁷.

О захвате бессарабскими помещиками казенных земель имеется множество сведений. В 1839 г. владелец вотчин Станишты и Ворничены захватили 96 десятин земли, находившейся в пользовании государственных крестьян села Гижево¹⁶⁸, помещик Стратеску в 1838 г. — 18 десятин казенной земли селения Фитешты. Здесь же 18 десятин захватила помещица Драконова¹⁶⁹.

В ряде сел крестьянам по генеральному межеванию было предоставлено земли более чем по 30 десятин на семейство, так как правительство было заинтересовано в раздаче всех земель, расположенных вокруг селения, чтобы взыскивать возможно большие налоги. Крестьяне пользовались этими землями на протяжении десятилетий. Палата государственных имуществ нередко отрезала часть земель от селений с наделами, превышавшими норму, и передавала ее селениям, в которых недоставало земли до установленной нормы. Но такие переделы были связаны с большими трудностями; прирезанные участки находились на большом расстоянии от места жительства крестьян, которые нуждались в приезде земли. Возникала нежелательная чересполошка.

Уже к середине 40-х гг. фактические размеры надела в селениях государственных крестьян были неодинаковыми. В 50 селениях (из общего числа 97), о которых удалось обнаружить

сведения, размеры наделов на семейство были следующими: более 30 десятин — в 15 селениях, 25—30 десятин — в 11, 20—25 десятин — в 8, 15—20 десятин — в 7, 10—15 десятин — в 3, меньше 10 десятин — в 6 селениях¹⁷⁰.

Таким образом, в 15 из 50 селений наделы были больше установленной нормы, а в 35 селениях наделы были меньше установленной нормы, порой снижаясь до 8—9 десятин на семью.

В связи с отторжением в 1856 г. южной части Бессарабии к княжеству Молдавии отошло 21 селение государственных крестьян. При установлении новой государственной границы земли некоторых казенных селений оказались разделенными, и в ряде случаев наделы казенных крестьян сократились. В последующие три года многие государственные крестьяне переселились из отторгнутых земель в пределы оставшейся в составе России Бессарабии. Они были размещены в казенных селениях и получили ряд льгот: освобождение от уплаты податей в течение 8 лет, пособие в размере 35 руб. на семейство для устройства хозяйства и т. д. Это также вело к сокращению наделов государственных крестьян. К концу 60-х гг. наделы казенной земли на семью составляли в среднем 20,7 десятины. Наиболее низкими были наделы государственных крестьян Хотинского уезда (11,32 десятины), самыми высокими — в Бендерском уезде (21,12 десятины)¹⁷¹.

Несмотря на заметное уменьшение наделов, государственные крестьяне были обеспечены землей намного лучше царан и большей части резешей.

Всей земли в пользовании государственных крестьян в 1846 г. находилось 356 806 десятин, в том числе 329 141 десятина удобной. В 1866 г. (после отторжения части южной Бессарабии от России) соответственно 281 364 и 261 102 десятины¹⁷². Из них в Аккерманском уезде — 138 322 десятины, Бендерском — 113 971, Хотинском — 8809 десятин¹⁷³.

Система феодальных отношений между государством-землевладельцем и казенной деревней, пользовавшейся его землей, была несколько мягче взаимоотношений между помещиками и их крепостными¹⁷⁴. В. И. Ленин отмечал, что среди государственных крестьян «меньше царила кабала»¹⁷⁵.

Все же государство выступало по отношению к казенным крестьянам в качестве феодала, применявшего не только экономические, но и внеэкономические меры принуждения.

Государство эксплуатировало крестьян посредством взимания денежной подати, оброка, земских сборов и принуждения к отбыванию трудовых повинностей. Размер надела устанавливался государством, оно же могло изменить его или совсем лишить крестьянина права землепользования. Экономические взаимоотношения между собственником земли — государством и ее дер-

жателями и плательщиками феодальной ренты — государственными крестьянами определяла податная система.

Налоги, взимавшиеся государством, являлись формой присвоения созданного трудом крестьян прибавочного продукта. Рента, получаемая с казенных земель, совпадала с государственными налогами¹⁷⁶.

Своеобразие положения бессарабской казенной деревни заключалось в том, что оброк, являясь платой за пользование казенной землей, взимался не с земли, а с ревизских семей и душ (булаков)¹⁷⁷.

Экономическое положение государственных крестьян в значительной мере зависело от тяжести налогового гнета.

До 1825 г. в казенных селениях Бессарабии существовала налоговая система, мало чем отличавшаяся от той, которая применялась в Молдавском княжестве до присоединения края к России. Все жители облагались посемейной податью (биром) в размере 15 левов. Кроме того, они облагались непостоянными ежегодными денежно-натуральными сборами: дижмой — десятой долей хлебов, фруктов и сена; гоштиной — сбором с овец и коз по 13 аспр за каждую и с владельцев их по 12 аспр; вадратитом — сбором с владельцев виноградников по 12 аспр от каждого ведра выделенного вина и особо по 3 аспра за ярлык к бочке при продаже; погонаритом — сбором с посевов табака по 2,5 лева за каждый погон; десятиной — сбором с пчел и свиней — по 24 аспра за улей или свинью и сверх того по 12 аспр с владельцев¹⁷⁸.

Эта система податей и сборов, сдававшихся на откуп, представляла широкие возможности для наживы, спекуляций и злоупотреблений.

Решением комитета министров от 11 ноября 1824 г. подесятинные сборы были упразднены, а вместо них вводилась постоянная оброчная подать в размере 23 руб. 50 коп. ассигнациями с семейства и 5 руб. 70 коп. с булаков. Кроме того, устанавливался иной размер бира и диждии: по 10 руб. ассигнациями с семейства и булака. За единицу обложения оброком бралась семья с 30-десятинным наделом. Новая система обложения вводилась в действие с января 1825 г.¹⁷⁹

Отмена откупов и натуральных поборов, введение постоянного налога имели прогрессивное значение. Но установленный денежный оброк не соответствовал реальной земельной обеспеченности казенной деревни. Положенный в основу обложения 30-десятинный посемейный надел имел место лишь в селениях южных уездов, да и на юге к 40-м гг. он уже значительно сократился. Размер оброка оставался неизменным в течение 37 лет¹⁸⁰.

Реформа П. Д. Киселева не внесла существенных изменений в податное обложение государственных крестьян Бессарабии. В отличие от ряда других губерний оброчная подать не была

переложена с душ на землю и промыслы. Это объясняется, во-первых, тем, что налоговая реформа требовала огромной работы по измерению земли и доходов крестьян, а она была проведена прежде всего в губерниях, находившихся в более тяжелом положении, чем Бессарабия; во-вторых, косностью царской администрации, которая, несмотря на выгодность этой реформы для казны, не сумела провести ее повсеместно в жизнь. К 1855 г. только в 18 губерниях была закончена работа по описи казенных земель и установлены размеры доходности этих земель, что и дало возможность переложить оброчную подать с душ на землю. Бессарабия в число этих губерний не попала.

Несколько позже были внесены в податную систему изменения, распространенные на Бессарабию. Указом сената от 30 декабря 1861 г. бир и оброк были увеличены на 5%. На однодворцев как привилегированную прослойку действие этого закона не распространялось. В 1867 г. оброчная подать была увеличена еще на 60 коп. серебром. В результате этого перед реформой (1869 г.) крестьяне платили оброк в размере 7 руб. 5 коп. серебром с семейства и 63 коп. серебром с бурлака, а также бир в размере 3 руб. 60 коп. серебром как с семейства, так и с бурлака. Оброк был увеличен в таком же размере, как и в центральных губерниях (по минимальному пятипроцентному увеличению), но государственная подать повышена почти на 26% (с 2 руб. 86 коп. до 3 руб. 60 коп. серебром), чего в центральных губерниях не наблюдалось. Основная масса бессарабских государственных крестьян на протяжении всего рассматриваемого периода по размерам платежей находилась на уровне высокоблагаемых губерний России¹⁸¹.

Наряду с биром и оброком казенные крестьяне края облагались земской повинностью, общественным, мирским и некоторыми другими сборами.

Налоговая эксплуатация крестьян неуклонно возрастила. Так, на душу мужского пола приходилось всех налогов: в 1841 г. — 5 руб. 44 коп., а в 1869 г. — 7 руб. 63 коп. серебром, то есть за 28 лет они увеличились на 40% (без учета курса рубля)¹⁸².

Государственные крестьяне выполняли многочисленные натуральные повинности: постайную, подводную, дорожную, пикетную, по содержанию рассыльных при земской полиции, по борьбе со стихийными бедствиями, по обработке общественных запашек и другие. Эти повинности отвлекали крестьян от работы в своем хозяйстве, уменьшали возможности промысловых занятий. Особенно тяжелы они были в страдную пору. Натуральные повинности в 40—60-х гг. в денежном выражении выросли с 1 руб. 21 коп. до 14—15 руб. серебром с семьи¹⁸³.

Особенно тяжелой для крестьян была постайная повинность. За 10 лет, с 1849 по 1858 г., крестьянами была отведена для войск в переводе на одни сутки 3 839 461 квартира. В одном

только 1853 г. крестьяне отвели 2 256 866 квартир на одни сутки¹⁸⁴. В этом году в каждом крестьянском доме военный постай продолжался в среднем 352 дня.

Одним из показателей налогового гнета, несоразмерности доходов крестьянских хозяйств с размерами податей и повинностей был рост недоимочности. Уже к 1838 г. недоимки государственных крестьян составили 223 251 руб. 58 коп.¹⁸⁵

Хотя податное обложение государственных крестьян Бессарабии было в основном такое же, как во внутренних губерниях, и несмотря на его увеличение в первой половине XIX в., экономическое положение бессарабской казенной деревни было более благоприятным. Она лучше обеспечивалась землей, благодаря садам и виноградникам извлекала более высокие доходы, располагала большим количеством скота.

Специфика хозяйственного освоения юга Бессарабии обусловила значительный удельный вес в общей массе населения и в хозяйственной жизни края задунайских переселенцев, главным образом болгар и гагаузов, а также немцев-колонистов. Это была привилегированная прослойка крестьянского населения, так как она щедро наделялась землей и пользовалась различными льготами. Царское правительство заботилось о привлечении выходцев из-за рубежа не только в целях быстрейшего заселения Бессарабии и увеличения доходов казны, но и в целях повышения своего престижа на Балканах. Зажиточная прослойка колонистов рассматривалась и как социальная опора царизма в крае.

В первые годы после присоединения Бессарабии к России задунайские переселенцы осели на частновладельческих землях или казенных землях, вскоре пожалованных местным боярам и русским сановникам. По договоренности с ними они отрабатывали 12 урочных дней и отдавали десятую часть продуктов земледелия и животноводства. Не удовлетворяясь этим, землевладельцы пытались распространить свою власть на личность переселенцев, по сути закрепостить его. Последовали жалобы болгар и гагаузов, переходы их к другим землевладельцам, самовольные переселения на казенные земли. В борьбе против крепостнических притязаний Балша, Стурдзы, Манук-Бея, Ди-ческу и других бояр они получили поддержку прогрессивных представителей местной администрации, особенно будущего декабриста А. Юшневского¹⁸⁶.

В 1819 г. появился указ правительства об устройстве задунайских переселенцев. Согласно указу каждая семья получила участок удобной земли площадью 60 десятин. Переселенцы освобождались от рекрутской повинности на 50 лет и от ряда налогов на 10 лет. Им предоставлялось право перехода в другие сословия и свобода вероисповедания¹⁸⁷.

Приток задунайских переселенцев заметно увеличился. В 1816 г. в Бессарабии насчитывалось около 11 тыс. болгар и

гагаузов. В 1841 г. в 73 поселениях их числилось свыше 64 тыс. человек. В 1853 г. в пользовании болгар и гагаузов трех южных уездов находилось 527,6 тыс. десятин удобной земли¹⁸⁸.

Немцы-колонисты появились на юге Бессарабии в 1814 г. К 60-м гг. их числилось около 26 тыс. В середине 50-х гг. в пользовании колонистов находилось 250 тыс. десятин удобной земли. Каждая семья получила в вечное и потомственное пользование 60 десятин земли. Немцы-колонисты были полностью освобождены от рекрутской и ряда других повинностей, а также от уплаты части податей на 10 лет; неимущим предоставлялась ссуда в размере 270 руб.¹⁸⁹

Феодальная эксплуатация задунайских переселенцев и немцев-колонистов осуществлялась государством, землями которого они пользовались. В силу упомянутых выше причин она была менее тяжелой, чем эксплуатация государственных крестьян. Согласно указу правительства сената от 22 декабря 1819 г., переселенцы по истечении льготного срока платили государственную подать в размере 70 левов, или, по тогдашнему курсу, 46 руб. 66 коп. с семейства в год. К середине 30-х гг. порядок обложения изменился, и болгары стали платить государственную подать из расчета 77 коп. за одну десятину земли.

Немцы-колонисты с 1819 г. уплачивали поземельную подать из расчета 15 коп. с десятины, а к 1836 г. — бир в размере 10 руб. ассигнациями и оброчную подать — 23 руб. 50 коп. с семьи. Кроме того, и те, и другие несли земскую повинность, оценивавшуюся в 4 руб. 65 коп. с семьи¹⁹⁰.

Особую категорию сельского населения края составляли цыгане. Она подразделялась на две группы: коронных цыган, принадлежавших казенному ведомству и находившихся в ведении областной администрации, и частновладельческих — крепостных, принадлежавших боярам, монастырям, бояринашам, мазылам. Вместе с небольшим количеством крепостных, которых русские помещики могли использовать лишь в качестве дворовых, частновладельческие цыгане составляли немногочисленную в крае прослойку крепостных людей, принадлежавших феодалам.

Согласно «Уставу образования Бессарабской области» 1818 г. коронные цыгане платили казенную подать (даждию). Частновладельческие были освобождены от казенных и общественных податей и выполняли повинности лишь в пользу своих господ¹⁹¹.

Место этой прослойки населения в хозяйственной жизни края было незначительным вследствие небольшой ее численности и кочевого образа жизни. Владельческие цыгане использовались главным образом в качестве дворовых слуг и ремесленников. В этой роли они и ценились их собственниками. В одном из представлений Бессарабского областного совета отмечалось, что в связи с законодательным ограничением повинностей царан «...для помещиков и монастырей цыгане суть единственная по-

мощь в хозяйственном быту, а многие недостаточные дворянские семейства и поддерживаются одною только прислугою своих цыган»¹⁹².

Русская администрация Бессарабии неоднократно ставила вопрос о ликвидации кочевого образа жизни всех цыган и уменьшения численности цыган, находившихся в частном владении. Попытки решения первой части этой задачи закончились провалом вследствие применения чисто административных, принудительных методов, а также отсутствия у цыган орудий и на выков сельскохозяйственного производства. При решении второй части задачи в 30—40-х гг. был предпринят ряд половинчатых мер.

Бессарабский областной совет решил «обложить владельческих цыган умеренною податью и земскою повинностью, дабы тем заставить владельцев их иметь при домах своих только нужное число цыган, а остальных поселить на землях своих или же продать в другие руки для скорейшего сим способом улучшения жребия цыган и искоренения бродяжничества их»¹⁹³.

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов предложил сохранить право владения цыганами и покупки их лишь за дворянами, а бояринашам и мазылам, сохранив собственность на цыган, запретить их покупку. Крепостных цыган, владение которыми не будет подтверждено документами, передать в ведение казенного ведомства и поселить на казенных землях. Воронцов предложил также обложить крепостных цыган податью наравне с русскими дворовыми людьми, которую уплачивали бы их владельцы, и тем самым побудить последних поселить цыган на своих землях¹⁹⁴.

Численность крепостных цыган уменьшилась и в 1837 г. составляла лишь 9103 души¹⁹⁵.

В 1848 г. государственный совет принял решение, которое неизбежно вело к дальнейшему сокращению количества крепостных цыган. В нем указывалось: «Цыган, на принадлежность коих владельцы не представлят таких доказательств, кои по подробном их рассмотрении признаны будут законными, освободить из крепостного состояния, и из них способным к ремеслам или промыслам дозволить прописываться по городам в мещане или цехи с согласия обществ; всех же прочих перечислять, подобно коронным цыганам, согласно Высочайшему указу 29 мая 1839 г., к Дунайскому казачьему войску»¹⁹⁶. Частновладельческие цыгане облагались податями и повинностями наравне с дворовыми других русских губерний. Помимо земских повинностей «по раскладке», взыскивалась подать за дворовых в размере 95 коп. серебром с души в год, а с поселенных на владельческих землях — по 30 коп. Разрешалась продажа крепостных цыган семьями¹⁹⁷.

Коронные цыгане, как оседлые так и неоседлые, по указу 29 мая 1839 г. передавались вместе с предназначеною для их

поселения землею Дунайскому казачьему войску и приравнивались с ним в правах и обязанностях¹⁹⁸. Коронные цыгане находились в несколько лучшем положении, чем частновладельческие.

Кроме частновладельческих цыган, крепостные встречались в Бессарабии как исключение. Это были дворовые, принадлежавшие дворянам не местного происхождения, прибывшим в край по месту службы или земельного пожалования. Решением государственного совета 1847 г. эти крепостные были приравнены в правовом отношении и по обложению податями и повинностями к дворовым людям остальных русских губерний¹⁹⁹.

Изложенный материал свидетельствует о том, что после присоединения Бессарабии к России система феодальной эксплуатации крестьян претерпела значительные изменения. Социально-экономическая зависимость крестьян от государства ослабла; усилилась их эксплуатация феодалами-землевладельцами. В целом же материальное положение основной массы сельского населения улучшилось, и уровень ее жизни был несколько выше, чем во многих других губерниях Европейской России.

3. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве

Социальные условия развития народного хозяйства Бессарабии в течение пятидесятилетия после ее присоединения к России характеризуются не только господством феодальных отношений. После 1812 г. вследствие подъема производительных сил края и под влиянием социально-экономических изменений, происходивших в других районах страны, в Бессарабии ускорился процесс развития капиталистических отношений. Он нашел свое выражение в росте товарности помещичьего и монастырского хозяйства, сравнительно широком использовании наемного труда, применении более совершенных орудий производства. Приспособливаясь к потребностям рынка, крупные хозяйства в значительной мере специализировались на производстве определенных видов сельскохозяйственной продукции. О разложении системы феодальных отношений свидетельствовала также предпринимательская деятельность крупных землевладельцев, в частности создание ими предприятий по переработке продуктов земледелия и скотоводства.

К середине XIX в. капиталистические отношения были развиты в помещичьем хозяйстве Бессарабии в большей мере, чем в хозяйстве помещиков многих других губерний России. Объясняется это рядом обстоятельств: отсутствием крепостных и ограниченными возможностями феодальной эксплуатации зависимых категорий крестьян, прежде всего царан — в северных и центральных уездах; отсутствием крепостных и незначительно-

стью прослойки царан — в южных уездах; благоприятными условиями сбыта сельскохозяйственной продукции на внешнем и всероссийском рынках.

Пока не представляется возможным, к сожалению, дать обобщающие сведения об использовании в хозяйствах крупных землевладельцев наемного труда, применении совершенного инвентаря и машин. Вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Накопленные данные использованы в последующих главах при характеристике отдельных отраслей сельского хозяйства. Они и дают основание говорить о сравнительно быстрой эволюции помещичьих хозяйств по капиталистическому пути.

Тот же процесс происходил в хозяйстве крестьян. Он обнаруживался в расслоении крестьянства, превращении части крестьян в батраков и наемных рабочих, эксплуатации их труда зажиточной верхушкой, росте товарности и порой специализации хозяйств.

Отсутствие крепостной зависимости крестьянского населения, обладание частью резешей земельной собственностью, наличие у государственных крестьян и колонистов значительных наделов земли, благоприятные условия сбыта сельскохозяйственной продукции — все это содействовало сравнительно быстрому развитию капиталистических отношений в бессарабской деревне. У различных категорий крестьян оно протекало с неодинаковой степенью интенсивности: медленнее — в царанской и резешской деревне, быстрее и глубже — в казенной деревне и поселениях колонистов.

С развитием товарно-денежных отношений, возрастанием роли рынка, к которому могли приспособиться лишь зажиточные хозяйства, увеличивалось количество обедневших и разорившихся царан. К началу 60-х гг., по данным бессарабского областного предводителя дворянства Мурузи, 25% царанских семей не имело ни скота, ни земледельческих орудий. 40% хозяйств владело движимым имуществом на сумму лишь до 100 руб.²⁰⁰

В особо тяжелом положении находились малоземельные царане Хотинского уезда. Здесь в конце 50-х гг. из 26 тыс. семей 3 тыс. имели только приусадебные участки, а 5 тыс. — до одной десятины полевой земли²⁰¹. Эта среда прежде всего поставляла батраков для окрестных помещичьих хозяйств и наемных рабочих в южные уезды. По данным К. Ермолинского, в конце 50-х и в 60-х гг. из Хотинского уезда ежегодно уходило на сезонные заработки более 3,5 тыс. семей — почти 15% всех ревизских семейств²⁰².

Имущественное положение царан учитывалось уже при наделении их помещичьей землей. Последнее осуществлялось таким образом, что вело к углублению экономического неравенства. Царан, имевший две пары волов, получал в два раза, а

имевший четыре пары волов — в три раза больший надел, чем «пеший». Вследствие этого удельный вес податей и повинностей в общих расходах первых был значительно меньше, чем вторых. Чем больше скота и земли было у царана, тем больше средств он мог выделить для расширения хозяйства, тем лучше он мог использовать условия рынка.

Имущие цараны получали в пользование землю на более выгодных условиях. В секретной записке бессарабскому губернатору надворный советник Дабижа сообщал, что «зажиточные цараны... почти во всех селениях, даром почти... «пользуются» большим количеством фальч земли»²⁰³. Из других документов известно, что в селе Ходороуцы Хотинского уезда при разделе земли в 1866 г. богатые цараны захватили большие и лучшие участки²⁰⁴. В селе Фундуры Бельцкого уезда зажиточным семьям было отведено по 20—30 и больше фальч, а остальным — лишь по 4 фальчи земли. При взносе же землевладельцу денег «обложили всех равно платою»²⁰⁵.

В царанской деревне выделялась богатая прослойка, постепенно приобретавшая черты сельской буржуазии. Принадлежавшие к ней крестьяне арендовали за денежную плату землю помещиков и монастырей, брали в посессию вотчины, эксплуатировали наемный труд, занимались торговлей и ростовщичеством.

Так, в Хотинском уезде зажиточные цараны арендовали помещичью землю на срок до 7 лет, уплачивая в среднем 3 руб. 70 коп. за десятину²⁰⁶. Цараны села Миток Оргеевского уезда в 1857 г. взяли в посессию вотчину Нямцкого монастыря за 1575 руб. в год²⁰⁷. Известны случаи, когда разбогатевшие цараны арендовали целые имения и излишек земли сдавали мелкими участками в субаренду²⁰⁸.

Согласно данным Мурузи, 25% всех царанских семейств, составлявших зажиточную прослойку, владели движимым имуществом на сумму более 1000 руб., а 10% — на сумму более 2 тыс. руб.

Нижеследующая таблица, составленная на основании данных Мурузи, дает представление о степени имущественного расслоения царанской деревни.

Таблица 5. Имущественное положение царан Бессарабии в начале 60-х гг.²⁰⁹

Группы царан	Процент к общему количеству царанских дворов	Стоимость движимого имущества (в руб.)
I	25	имели в собственности только дом
II	40	до 100
III	25	до 1000
IV	10	до 2000

Если учесть, что, по данным того же документа, пара волов оценивалась в 120—150 руб., то окажется, что 40% царанских дворов, владевших имуществом стоимостью до 100 руб., следует отнести к бедняцкой группе, так как в лучшем случае они могли иметь в своем хозяйстве одну корову или одного во-

ла. 25% царанских семейст в первой группы могли обеспечить себя средствами существования, вероятно, лишь продажей своей рабочей силы.

С другой стороны, выделялись владельцы земли, улучшенных орудий труда, скота, закабалявшие своих односельчан, эксплуатировавшие наемный труд.

Имущественное и социальное расслоение резешского села было значительно глубже расслоения села царанского. Этому способствовали длительный процесс проникновения в резешское село феодалов-землевладельцев, а также купцов, чиновников, священников, право купли-продажи земли, податный гнет.

При переходе резешского села от долевой к подворной форме владения землей установившееся на протяжении веков неравенство идеальных долей отдельных резешей находит теперь отражение в фактически неравном владении и пользовании землей. Так, в 1843 г. был произведен раздел хотара между резешами села Суслений де Сус. Согласно родословной села, одним батрынам²¹⁰ досталось по 367 фальч, другим — по 183 фальчи. Из этих владений были, в свою очередь, выделены реальные участки каждого резеша из селища, поля и леса с учетом совершенных покупок и продаж. В результате этого одни резеши стали собственниками десятков фальч земли, другие — одной-двух фальч. Были и такие резеши, которые располагали меньше одной фальчи земли²¹¹. Подобное неравенство феодального типа, появившееся в условиях развития товарно-денежных отношений середины XIX в., несомненно становилось исходной точкой для капиталистического расслоения.

Однако вряд ли можно согласиться с тем, что любое неравенство долей в резешском селе было результатом и показателем процесса нарастания капиталистического неравенства. При таком подходе не учитываются особенности происхождения резешского землевладения, которое к XVIII — середине XIX в. в основной массе было результатом действия тенденции раздробления более крупных земельных комплексов, а не остатком свободной общины раннефеодальных времен. Поэтому неравенство долей могло быть результатом не социальной дифференциации капиталистического характера среди свободных общинников, а следствием особенностей развития феодализма. Феодальная дифференциация резешей вследствие разорения вотчинников разных категорий идет из глубины веков. Уже в XVI в. встречались разительные контрасты. В XVII—XVIII вв. их количество возрастает. Вот почему в историографии, где эти факты нередко принимались за показатель буржуазного расслоения, имело место преувеличение степени развития капитализма в сельском хозяйстве, в частности, в резешских селах²¹².

Исследование проблемы социальной дифференциации капиталистического типа в резешских селах требует особой постановки, которая учитывала бы происхождение их землевладения.

В противном случае своеобразные остатки старой, феодальной формации могут быть представлены как проявления нового — генезиса капитализма. Окончательный ответ на вопрос о степени развития капитализма в резешских селах можно дать лишь после статистического исследования всех без исключения резешских сел.

Однако и на данном этапе изучения проблемы можно привести немало примеров социального расслоения внутри резешских сел вследствие развития товарно-денежных отношений. Так, в январе 1837 г. резеши села Минчены Оргеевского уезда жаловались Бессарабскому областному правлению на сорезеша М. Котруца, который стал присваивать их земли²¹³. М. Котруца, что особенно важно, являлся не чужаком, проникшим в село, а разбогатевшим местным жителем. Подобные же случаи имели место и в других селах²¹⁴. Переход родовых участков к богатым односельчанам, которые, согласно закону, имели преимущественное право покупки, облегчался тем, что обедневшие резеши, опутанные многочисленными долгами, вынуждены были продавать свои участки по ценам в 2—3 раза ниже рыночных. В середине XIX в. десятина резешской пахотной земли покупалась за 100—150 руб. (десятина выпаса — за 75—100 руб.), в то время как помещики в том же селении продавали ее за 300—400 руб.²¹⁵

О распределении земли между различными группами резешей наглядное представление дает нижеследующая таблица.

Как явствует из таблицы, к 1861 г. большая часть резешской земли, свыше 53% ее площади, была сосредоточена в руках резешей — помещиков, купцов и мещан; более трети всех резешей утратили землю, перешли на положение царан и пользовались помещичьей землей, отрабатывая феодальные повинности. Средний размер владения резешей — помещиков, купцов и мещан составлял около 340 десятин, а у резешей-однодворцев средний размер земельной собственности едва превышал 3 десятины на ревизскую душу.

Таблица 6. Землевладение и землепользование основных групп резешей в конце 50-х гг.²¹⁶

Группы резешей	Число ревизских душ	Процент к общему числу резешей	Кол-во земли в их владении (в десятинах)	Процент к общему кол-ву резешской земли	Средний размер надела или имения на ревизскую душу (в десятинах)
Резеши-пармаки	20 930	31,0	61 211	21,6	2,9
Резеши-однодворцы	23 038	34,1	71 239	25,1	3,1
Резеши-цаараны	23 169	34,3	—	—	—
Резеши-помещики, купцы и мещане	446	0,6	151 476	53,3	339,6
	67 583	100,0	283 926	100,0	—

У резешей-пармаков находилось в пользовании менее 3 десятин общинной земли на ревизскую душу. Если учесть, что 2198 резешей-однодворцев и резешей-пармаков имели в своем владении 43 960 десятин земли (в среднем от 15 до 35 десятин на ревизскую душу), то окажется, что на долю основной массы резешей приходилось в среднем около трех десятин на ревизскую душу²¹⁷.

К 1861 г. 34,3% всех резешей Бессарабии лишились земли и перешли на положение царан²¹⁸.

На основе углублявшегося имущественного и социального неравенства шел процесс формирования классовых групп резешского села. На смену различиям сословным все в большей мере выдвигались различия классовые. К резешской общине применительно положение В. И. Ленина о том, что «имущественные различия крестьян внутри общины глубже различий разных юридических разрядов крестьян...»²¹⁹.

Царизм стремился сохранить резешское землевладение, считая зажиточных резешей своей опорой в деревне. В 1863 г. резешские земли были причислены к категории неделимых имуществ²²⁰. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор в отношении на имя министра внутренних дел выразил полное согласие с решением правительства и указал, что «отнесение резешских земель к числу имений нераздельных, как имеющее целью сохранения в области сословия мелких собственников-землевладельцев — самого надежного консервативного элемента, действительно не может не заслужить полного одобрения в политическом отношении»²²¹.

С той же целью общее собрание сената в 1885 г. объявило резешское землевладение крестьянским общинным землевладением.

Но эти усилия не могли надолго задержать распад резешского землевладения, обусловленный всем ходом социально-экономического развития края. В конце концов царизм вынужден был признать свою неудачу. «Положение» 4 февраля 1875 г. фактически свело на нет закон 1863 г. о неделимости резешских вотчин, а сенат в 1905 г. отменил свое решение 1885 г., объявив, что владельцы «резешских вотчин не составляют общества в смысле юридического лица и что земли находятся у них на праве частной и личной собственности»²²².

Условия заселения государственных земель способствовали сравнительно раннему имущественному и социальному расслоению казенной деревни. Как уже отмечалось, не все поселения государственных крестьян обеспечивались землей в одинаковой мере. Внутри деревни материальное положение поселенцев также было различным. С самого начала оказались в тяжелом положении те из них, которые имели небольшое количество скота, инвентаря, денежных средств. В еще большей мере бедство-

вали беглые, которые, как правило, не имели каких-либо орудий и средств производства.

Налоговый гнет также не был одинаковым для всех государственных крестьян. Подати распределялись сообразно количеству земли, в то время как доходность хозяйства зависела также и от количества скота, инвентаря, рабочих рук. У зажиточной части крестьян при более высокой доходности удельный вес податей и повинностей был, естественно, ниже и менее отяготительным для хозяйства.

Процесс расслоения казенной деревни и — на его основе — развитие в ней капиталистических отношений ускорялись тем, что государственные крестьяне были лучше большинства других категорий сельского населения обеспечены землей, меньше обременялись мелочным вмешательством землевладельца в их хозяйственную и личную жизнь, проживали ближе к удобным путям сообщения и портам.

Уже в 30—40-х гг. в руках зажиточной верхушки казенного села сосредоточилось значительное количество земли сверх обычных наделов, которую она удерживала различными способами, в том числе подкупом местных властей. Такая верхушка имелась, например, в казенных селениях Чимишлийской, Каушанской, Татарбунарской и Горджикурдской волостей Аккерманского и Бендерского уездов.

С другой стороны, в 30-х гг. среди государственных крестьян края насчитывалось около 3,5 тыс. безземельных²²³. В селе Рухотин Хотинского уезда на 124 ревизских души приходилось 100 десятин земли, 6 лошадей, 2 коровы, 19 овец и коз²²⁴.

Имеются интересные данные о бюджете государственных крестьян Хотинского уезда в 50-х гг., которые также свидетельствуют о расслоении казенного села. Они извлечены из материалов окружного управления государственных имуществ. Соответствующим образом сгруппированные, они дают довольно наглядную картину.

Достаточно взглянуть на размеры годовых расходов различных групп крестьян, чтобы убедиться в значительном различии их имущественного положения. Зажиточные крестьяне почти половину средств тратили на покупку и аренду пахотной земли, наем рабочих, приобретение инвентаря и различных хозяйственных предметов, то есть на расширение хозяйства.

Расходы средней группы были почти в три раза меньше, чем зажиточной. К ней применимо положение В. И. Ленина о том, что она с большим трудом покрывала расходы по ведению хозяйства; на расширение же его (наем и покупку земли, наем рабочих, приобретение инвентаря) даже в урожайные годы могла выделить небольшую часть расходов, а в большинстве случаев едва сводила концы с концами, часто прибегала к займам и подсобным заработкам. Среднее крестьянство было неустойчиво и представляло из себя материал для образования, с

Таблица 7. Расходы государственных крестьян Хотинского уезда в 50-х гг.²²⁵

Назначение расходов	Размер годового расхода на душу (в руб.)		
	зажиточных крестьян	середняков	бедняков
Уплата податей и прочих денежных сборов	15—18	10—14	5—10
Наем пахотной земли	6—10	—	—
Покупка сена	12	4—8	—
Наем рабочих	35—50	3—5	—
Приобретение одежды	10—15	4—6	4—6
Приобретение обуви	8—12	3—5	1—2
Покупка соли, рыбы и прочих продуктов питания	11—21	8,5—11,5	5—7
Приобретение хозяйственных предметов (колес, железа и других)	8—10	5—7	2—5
Покупка спиртных напитков	12—30	6—9	3—5
Отправление религиозных обрядов	0,5—1	0,5—1	0,5—0,7
И т о г о	117,5—179	44—66,5	20,5—35,7

одной стороны, сельской буржуазии, а с другой — сельского пролетариата²²⁶.

Что касается бедноты, то ее расходы, как видно из таблицы, составляли лишь 20,5—35,7 руб. в год. Значительную часть их поглощали подати и сборы. Только ничтожные средства расходовались на приобретение одежды и обуви. Жизненный уровень бедноты был очень низок и, чтобы обеспечить сеяя средствами существования, она обращалась к посторонним заработкам, то есть продавала свою рабочую силу.

О формировании буржуазной верхушки казенного села свидетельствуют и другие данные. На сельскохозяйственной выставке 1847 г. в Кишиневе среди 200 участников выставки насчитывалось 185 государственных крестьян²²⁷. Это были владельцы сравнительно крупных хозяйств, имевшие возможность использовать улучшенные орудия труда, высокоурожайные сорта семян, достижения агротехники.

Среди участников выставки 1863 г. были государственные крестьяне, которые владели обширными садами и виноградниками, засевали десятки десятин зерновыми, содержали большое количество скота. Так, крестьянин В. Ф. Крецу из села Чобручи Аккерманского уезда имел 3,75 десятины сада и виноградника; от продажи фруктов и вина он получил доход в размере 552 руб. серебром²²⁸. Крестьянин Роженко из села Петропавловка Бендерского уезда владел виноградником на площади в 2 десятины, засевал ежегодно около 150 десятин зерновыми и 40 десятин льном, содержал до 60 голов крупного скота и 250 голов тонкорунных овец. Он арендовал землю соседних помещиков, сбывал хлеб в Одессе и Аккермане, а скот — на местных рынках²²⁹.

Разбогатевшие государственные крестьяне закабаляли обедневших или разорившихся односельчан, эксплуатировали труд людей, прибывавших на заработки из северной и центральной Бессарабии, а также из других губерний.

Так и в казенной деревне складывались предпосылки формирования в крае новых классов: сельской буржуазии и сельскохозяйственного пролетариата.

Хорошая обеспеченность землей, податные и другие льготы, некоторые сословные привилегии способствовали образованию богатой прослойки переселенцев и колонистов. Она также эксплуатировала менее зажиточную часть односельчан, окрестное непривилегированное население, а также пришлых наемных рабочих. Она арендовала земли помещиков и государственных крестьян, вела обширные торговые операции. Болгары и немцы-колонисты в большей мере, чем другие категории крестьян, были втянуты в товарно-денежные, капиталистические отношения.

По свидетельству современника, уже в середине 40-х гг. «в сущности каждый колонист есть торговец, ибо он не довольствуется упрочением своего только продовольствия, а старается производить иногда в десять и даже в сто раз больше хлеба, овощей, вина, сена, нежели ему нужно, и разводить и кормить скот для продажи на базарах, ярмарках и в больших торговых городах, каковы: Одесса, Измаил или Бельцы»²³⁰.

Среди болгар в 1847 г. насчитывалось 13 гильдийских купцов и 435 торговцев, не записанных в гильдии. Они отправляли большие гурты скота на ярмарку в г. Бельцы, крупные партии зерна в Одессу и Измаил. По данным А. Скальковского, в 40-х гг. среднегодовой торговый оборот болгарских поселенцев составлял около 2 млн. руб. ассигнациями. Он отметил также, что в 1846 г. болгары купили 12,6 тыс. десятин земли и арендовали 12,2 тыс. десятин²³¹. Согласно подсчетам Ю. Янсона, в начале 60-х гг. болгары вывозили около 100 тыс. четвертей хлеба²³².

Не только эволюция помещичьего хозяйства, но и процессы, происходящие в царанской и резешской деревне, в селениях государственных крестьян, задунайских переселенцев и колонистов, свидетельствовали о разложении системы феодальных отношений в сельском хозяйстве Бессарабии и формировании в нем капиталистического уклада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ленин В. И. Полн. соб. соч., т. 3, с. 184—185.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 346.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 82, л. 157—159.

⁴ Советов П. В. Условное землевладение в Молдавии в XVI—XVIII вв. и его отличие от других стран Восточной Европы. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958, с. 128.

⁵ История Молдавской ССР, т. 1, Кишинев, 1965, с. 185—193.

- ⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 114, 2 ст., 2 отд., л. 369.
- ⁷ Катаев И. М. Законодательство о крестьянах при императорах Павле I и Александре I. — Великая реформа, т. II. М., 1911, с. 70—85.
- ⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 114, 2 ст., 2 отд., л. 185.
- ⁹ ЦГИА СССР, оп. 26, 1841 г., 3 ст., I отд., д. 91, л. 1—2.
- ¹⁰ ПСЗ, т. XXXV, № 27357.
- ¹¹ Гросул Я. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 114—115.
- ¹² Отсутствуют сведения о землевладениях в Бельцком, 8 околах Оргеевского и Измаильском уездах.
- ¹³ Бессарабия в момент присоединения к России. Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 года. — Труды Бессарабской губернской ученою архивной комиссии, т. III.
- ¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1886 г., д. 93, ч. II, л. 199.
- ¹⁵ Гросул Я. Указ. соч., с. 114.
- ¹⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 82, л. 157—159.
- ¹⁷ Троицкий А. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861, с. 45.
- ¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1886 г., д. 93, ч. II, л. 199.
- ¹⁹ Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область, СПб., 1862, с. 219.
- ²⁰ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию, ч. II. СПб., 1863, с. 21.
- ²¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7226, л. 1—2.
- ²² ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1886 г., д. 93, ч. II, л. 199.
- ²³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 82, л. 157—159.
- ²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1886 г., д. 93, ч. II, л. 199.
- ²⁵ Гросул Я. Указ. соч., с. 113—114.
- ²⁶ Ясон Ю. Исследование о хлебной торговле в Одесском районе, СПб., 1870, с. 211—212; Защук А. Указ. соч., с. 30.
- ²⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7485, л. 124.
- ²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 114 (2 ст., 2 отд.), л. 30.
- ²⁹ Там же, л. 32.
- ³⁰ Там же, л. 426.
- ³¹ Там же, л. 31.
- ³² Там же, л. 379.
- ³³ Там же, л. 32.
- ³⁴ Там же, л. 96—97.
- ³⁵ Там же, л. 32, 426.
- ³⁶ Там же, л. 93.
- ³⁷ Там же, л. 94.
- ³⁸ Там же, л. 95.
- ³⁹ Там же, оп. 23, 1838 г., д. 48 (2 ст., 2 отд.), л. 2.
- ⁴⁰ История Молдавской ССР, т. 1, с. 329.
- ⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1284; оп. 23, 1838 г., д. 48 (2 ст., 2 отд.), л. 35.
- ⁴² ПСЗ, т. XXXV, № 27357.
- ⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 114 (2 ст., 2 отд.), л. 51.
- ⁴⁴ Там же, л. 426.
- ⁴⁵ Там же, с. 353.
- ⁴⁶ Там же, л. 354.
- ⁴⁷ Там же, л. 385.
- ⁴⁸ Там же, оп. 23, 1838 г., д. 48 (2 ст., 2 отд.), л. 2.
- ⁴⁹ Там же, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 144 (2 ст., 2 отд.), л. 37.
- ⁵⁰ Там же, л. 112.
- ⁵¹ Там же, л. 37.
- ⁵² Там же, л. 427.
- ⁵³ Ресура — подать, предназначенная для содержания чиновников государственной администрации.

- ⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 114 (2 ст., 2 отд.), л. 115.
- ⁵⁵ Там же, л. 381.
- ⁵⁶ Гросул Я. Указ. соч., с. 127—132.
- ⁵⁷ Советов П. В. Пути развития крепостного права в феодальной Молдавии. — Тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, с. 171.
- ⁵⁸ ПСЗ, т. XXXV, № 27357.
- ⁵⁹ Постановление пунктов об обязанностях к владельцам вотчин царан или земледельцев Бессарабской области. Кишинев, 1918, с. 11.
- ⁶⁰ Там же, с. 20.
- ⁶¹ ПСЗ. Собр. 2-е, т. III, № 1834.
- ⁶² Там же, т. IX, № 6739.
- ⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. XV, д. 11, 1842 г., л. 175—176.
- ⁶⁴ ПСЗ. Собр. 2-е, т. XXI, № 19881.
- ⁶⁵ Драгнэв Д. М. К вопросу о праве перехода молдавских крестьян в середине XVIII в. — Известия Академии наук МССР, 1963, № 2, с. 43—50.
- ⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184.
- ⁶⁷ Защук А. Указ. соч., с. 225.
- ⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 249.
- ⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. XV, 1832 г., д. 11, л. 31.
- ⁷⁰ Uricarul, partea II, Iași, 1852, р. 172.
- ⁷¹ Xenopol A. Istoria românilor din Dacia Traiană, v. IX, р. 179.
- ⁷² ПСЗ. Собр. 2-е, т. XXI, № 19881.
- ⁷³ Афанасьев-Чужбинский А. Указ. соч., с. 20.
- ⁷⁴ ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 71, л. 33—34.
- ⁷⁵ Мунтян М. П. Налоги и повинности царан Бессарабии в первой половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год, с. 551—552.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же, с. 552.
- ⁷⁸ Там же, с. 553.
- ⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. I, л. 308.
- ⁸⁰ Там же, д. 3, ч. I, л. 331.
- ⁸¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5758, л. 3.
- ⁸² Там же, д. 8183, л. 1.
- ⁸³ Там же, д. 5755, л. 15—16.
- ⁸⁴ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 922, л. 282; д. 923, л. 1637.
- ⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 6, д. 38, л. 97.
- ⁸⁶ Гросул Я. Указ. соч., с. 145—146.
- ⁸⁷ Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, 2-е изд. СПб., 1881, с. 70—71.
- ⁸⁸ Ермолинский К. Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду. М., 1886, с. 17.
- ⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.
- ⁹⁰ Гросул Я. Указ. соч., с. 137—138.
- ⁹¹ Гросул Я. Указ. соч., с. 141—142.
- ⁹² ПСЗ. Собр. 2-е, т. XXI, № 19881; Uricarul..., partea II, pp. 126—139; A. Xenopol. Istoria românilor..., v. IX, р. 179.
- ⁹³ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 79, л. 503.
- ⁹⁴ ПСЗ, т. XXXIII, № 25848.
- ⁹⁵ Кассо Л. А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913, с. 204.
- ⁹⁶ Защук А. Указ. соч., с. 56.
- ⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 6, д. 60, л. 21—22.
- ⁹⁸ [Корнилович.] Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой..., с. 66.
- ⁹⁹ ЦГА МССР, ф. 22, оп. 1, д. 997, л. 90—102.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1635, л. 27—28.
- ¹⁰¹ Там же.

- ¹⁰² Мунтян М. П. Указ. соч., с. 550.
- ¹⁰³ Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-х гг. XIX в.). М., 1966, с. 106, 309.
- ¹⁰⁴ ЦГВИА, ф. 438, д. 61, л. 11.
- ¹⁰⁵ Гросул В. Я. Указ. соч., с. 309.
- ¹⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 113, л. 20, 26.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 22, 26.
- ¹⁰⁸ Там же, л. 5.
- ¹⁰⁹ Там же, д. 114 (2 ст., 2 отд.), л. 240.
- ¹¹⁰ Гросул В. Я., Дмитриев П. Г., Советов П. В. Переходные формы феодальной эксплуатации крестьян в Молдавии XVIII — начала XIX вв. (Кто такие скутельники?). — Известия Академии наук МССР, 1967, № 2, с. 3—46. В литературе по этому вопросу имеются другие мнения. Так, М. П. Мунтян считает, что скутельники появились после отмены института вечин, то есть после 1749 г. Мунтян М. П. Некоторые данные о скутельниках Бессарабии в начале XIX в. — Ученые записки Кишиневского государственного университета, т. 65.
- ¹¹¹ Гросул В. Я., Дмитриев П. Г., Советов П. В. Указ. соч., с. 9.
- ¹¹² Там же, с. 13, 16, 17.
- ¹¹³ Там же, с. 29, 30.
- ¹¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 113, л. 12.
- ¹¹⁵ Там же, л. 25.
- ¹¹⁶ Там же, л. 12.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Мунтян М. П. Некоторые данные о скутельниках Бессарабии в начале XIX в. — Ученые записки Кишиневского госуниверситета, т. 65, с. 59.
- ¹¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 113, л. 13.
- ¹²⁰ Там же, л. 8. Установить число семейств или душ по этим данным трудно, так как в одну люду входило в разное время и в различных районах страны от 1 до 12 семейств.
- ¹²¹ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 2, д. 394, л. 5.
- ¹²² ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 113, л. 27.
- ¹²³ Там же, л. 26.
- ¹²⁴ ЦГА МССР, ф. 4, д. 78, л. 46.
- ¹²⁵ Гросул Я. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956; Гросул Я., Драгнэв Д. М., Советов П. В. Основные этапы развития и разложения резешского землевладения в Молдавии. — Ученые записки Кишиневского государственного университета, т. 79.
- ¹²⁶ Драгнэв Д. М., Советов П. В. О резешском землевладении в Молдавии XVI — середины XVIII в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.
- ¹²⁷ Драгнэв Д. М., Советов П. В. Перестройка структуры землевладения Молдавии XV—XVIII вв. — Ежегодник аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. Таллин, 1967 (рукопись).
- ¹²⁸ Драгнэв Д. М., Советов П. В. О резешском землевладении в Молдавии XVI — середины XVIII в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г., с. 262—264.
- ¹²⁹ Там же, с. 255.
- ¹³⁰ Гросул Я. С., Драгнэв Д. М., Советов П. В. Указ. соч., с. 177—178.
- ¹³¹ «Пармак» — мера длины, величину которой представляет первый состав большого пальца руки. «Пармакар» — владелец незначительного земельного участка.
- ¹³² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2011, л. 313.
- ¹³³ Там же, ф. 3, оп. 2, д. 200, л. 47—260.
- ¹³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, 1845 г., д. 1708, л. 1051; Защук А. Указ. соч.
- ¹³⁵ Codrescu T. Condica, leizilor, v. II, pp. 231—232.
- ¹³⁶ Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III.
- ¹³⁷ Семенов Д. П. Статистический очерк крестьянского землевладения и

- землепользования в Европейской России, СПб., 1904, с. 12—13.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Codrescu T. Condica lezilor, v. 11, р. 231—232.
- ¹⁴⁰ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 32.
- ¹⁴¹ Там же, д. 841, л. 38.
- ¹⁴² Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III, с. 14—15, 109.
- ¹⁴³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2498, л. 1—3; д. 161, л. 9—12; д. 374, л. 7; д. 163, л. 82—84; д. 8774, л. 2—27, 45—75; д. 2898, л. 45—54; д. 2690, л. 3.
- ¹⁴⁴ Защук А. Указ. соч., ч. II, с. 217, 221, 230, 233.
- ¹⁴⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8009, л. 56—58.
- ¹⁴⁶ Гросул Я. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 189.
- ¹⁴⁷ ПСЗ, т. XXXIII, № 25935.
- ¹⁴⁸ Защук А. Указ. соч., ч. II, с. 55—56.
- ¹⁴⁹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1635, л. 27—28.
- ¹⁵⁰ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1635, 2039; Защук А. Указ. соч., с. 55—60.
- ¹⁵¹ Там же, ч. II, с. 71—73.
- ¹⁵² Ермолинский К. Указ. соч., с. 20, 21.
- ¹⁵³ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, 1822—1828 гг., д. 1914, оп. 1; 1820—1832 гг., д. 585, л. 158, 159; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 41, л. 26, 32, 33; [Корнилович]. Указ. соч., с. 63.
- ¹⁵⁴ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, с. 43.
- ¹⁵⁵ Анциупов И. А. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке, (1812—1870 гг.), с. 23.
- ¹⁵⁶ Там же, с. 23.
- ¹⁵⁷ ПСЗ. Собр. 2-е, т. XXII, № 20927.
- ¹⁵⁸ [Корнилович]. Указ. соч., с. 121—127, 295—327, 386.
- ¹⁵⁹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 18, л. 28—32.
- ¹⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 18, д. 5221, л. 38—40.
- ¹⁶¹ Там же, ф. 565, оп. 14, д. 2198, л. 2—12; д. 2203, л. 2—5; д. 2208, л. 2—6; д. 2213, л. 2—6; д. 2217, л. 3—7.
- ¹⁶² ПСЗ, т. XXXVIII, № 29684.
- ¹⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1869, д. 94, л. 57.
- ¹⁶⁴ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 118, л. 10.
- ¹⁶⁵ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 11, л. 1—2.
- ¹⁶⁶ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 54, л. 11—12.
- ¹⁶⁷ Дружинин Н. М. Указ. соч., с. 84.
- ¹⁶⁸ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 2, л. 1—104.
- ¹⁶⁹ Там же, д. 7, л. 35, 36.
- ¹⁷⁰ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 11, 27, 32, 54.
- ¹⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1869 г., д. 94, л. 57.
- ¹⁷² Анциупов И. А. Указ. соч., с. 76—79.
- ¹⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1869 г., д. 94, л. 57.
- ¹⁷⁴ Дружинин Н. М. Указ. соч., т. 1, с. 34.
- ¹⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 310.
- ¹⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.
- ¹⁷⁷ Анциупов И. А. Указ. соч., с. 51.
- ¹⁷⁸ Там же, с. 52.
- ¹⁷⁹ Там же, с. 54.
- ¹⁸⁰ Там же, с. 55.
- ¹⁸¹ Там же, с. 55, 56.
- ¹⁸² Там же, с. 56.
- ¹⁸³ Там же, с. 59.
- ¹⁸⁴ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 56, л. 69.
- ¹⁸⁵ Там же, д. 3196, л. 75.
- ¹⁸⁶ Мещерюк И. И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг., с. 90—96.

- ¹⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 3, д. 2468, л. 35—41.
- ¹⁸⁸ Гросул Я. Указ. соч., с. 53—58.
- ¹⁸⁹ Грошевич А. А. Современное направление в крестьянском полевом хозяйстве Аккерманского уезда и необходимость его изменения, с. 10—11.
- ¹⁹⁰ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 985, л. 5—8; ф. 2, оп. 1, д. 2327, л. 18.
- ¹⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 114 (2 ст., 2 отд.), л. 114.
- ¹⁹² Там же, л. 145.
- ¹⁹³ Там же, л. 339.
- ¹⁹⁴ Там же, л. 346—347.
- ¹⁹⁵ Корсаков. Законы народонаселения России. Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841.
- ¹⁹⁶ Там же, с. 428.
- ¹⁹⁷ Там же.
- ¹⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 19, 1834 г., д. 114 (2 ст., 2 отд.), л. 357.
- ¹⁹⁹ Там же, л. 428.
- ²⁰⁰ Там же, ф. 1181, оп. т. XV, 1866 г., д. 93, ч. II, л. 327—329.
- ²⁰¹ Там же, д. 97, ч. II, л. 197.
- ²⁰² Ермолинский К. Указ. соч., с. 28.
- ²⁰³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, л. 73, 74.
- ²⁰⁴ Там же, д. 8010, л. 3.
- ²⁰⁵ Там же, д. 7043, л. 73, 74.
- ²⁰⁶ Ермолинский К. Указ. соч., с. 19—21.
- ²⁰⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6885, л. 1.
- ²⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, 1866 г., д. 93, ч. II, л. 329.
- ²⁰⁹ Там же, л. 327—329.
- ²¹⁰ Батрыны — «дедичи» или «отчики», под которыми подразумевались первоначальные держатели определенного участка земли резешской вотчины в соответствии с родословной села.
- ²¹¹ Гросул Я. С., Драгнев Д. М., Советов П. В. Указ. соч., с. 177.
- ²¹² Stahl H. H. Contribuții la studiul satelor devălmase românești, vol. III, 1965, р. 418—419.
- ²¹³ История Молдавии. Документы и материалы. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861 гг.), ч. I, с. 272—277.
- ²¹⁴ ЦГАДА, ф. 1299, д. 5466, л. 215—216.
- ²¹⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6993, л. 2.
- ²¹⁶ Гросул Я. Указ. соч., с. 175.
- ²¹⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8009, л. 58.
- ²¹⁸ Там же, л. 56—58.
- ²¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 9.
- ²²⁰ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6993, л. 8.
- ²²¹ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 66, д. 44, л. 87.
- ²²² Гросул Я. С., Драгнев Д. М., Советов П. В. Указ. соч., с. 179.
- ²²³ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 3196, л. 53.
- ²²⁴ Там же, л. 69.
- ²²⁵ Там же, д. 56, л. 4—5.
- ²²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 173—174.
- ²²⁷ ЦГИА СССР, ф. 398, д. 3182, л. 24, 41—43.
- ²²⁸ Там же, д. 11045, л. 1—9.
- ²²⁹ Там же, л. 14—21.
- ²³⁰ Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и в Новороссийском крае. — Журнал министерства внутренних дел, 1848, кн. 3, с. 353—354.
- ²³¹ Там же, с. 323, 354.
- ²³² Янсон Ю. Указ. соч., с. 225.

АВТОНОМИЯ БЕССАРАБИИ В СОСТАВЕ РОССИИ 1812—1828 гг.

Предисловие

Основные работы Я. С. Гросула были посвящены социально-экономической истории, прежде всего истории крестьянства. Было несколько причин, почему он избрал именно это направление исторической науки. Прежде всего, это отражало ее общую тенденцию, с самого зарождения обратившую основное внимание на вопросы производства и историю жизни и деятельности производителей материальных благ. Применение диалектико-материалистического подхода к историческому процессу выразилось в науке в углубленном изучении экономики, народных движений, развития классов и классовой борьбы. В этом отношении молдавская историческая наука не являлась исключением. Были, однако, и заметные отличия, что объяснялось трудной судьбой молдавского народа, основная часть которого более двух десятилетий после утверждения Советской власти в других районах нашей страны находилась в составе королевской Румынии, где о марксистском изучении его прошлого не могло быть и речи.

Исследуя прежде всего социально-экономическую историю, Я. С. Гросул постоянно проявлял интерес к различным другим проблемам прошлого и настоящего Молдавии. Если обратиться к изданным им трудам, то можно отметить работы по историографии, политической истории, истории новейшего времени, и даже средних веков. Одна из тем, которая издавна находилась в поле зрения исследователя, — это устройство Бессарабии после ее присоединения к России в 1812 г.

Изучение социально-экономического и политического развития Бессарабии в составе России — одна из кардинальных проблем деятельности Я. С. Гросула как историка. О них он начал писать еще в кандидатской диссертации. Там же он впервые коснулся административного устройства, вопросов государственного регулирования не только экономической, но и внутриполитической жизни этого края. Очерк об административном устройстве Бессарабии после ее присоединения к России был опубликован Я. С. Гросулом в «Истории Молдавии» в 1951 г.¹ Он стал

первым трудом по этой теме в советской литературе. И важен прежде всего цельным подходом автора к рассматриваемой проблеме, оценками и выводами. Без особых изменений этот очерк вошел в XIV главу «Истории Молдавской ССР», вышедшей через четырнадцать лет после первого издания². Из дополнительных материалов, которые были использованы при подготовке второго издания, автор привлек прежде всего статью своих учеников И. А. Анцупова и В. И. Жукова, вышедшую в 1957 г. Именно в процессе подготовки второго издания Я. С. Гросул задумал написать специальный монографический труд по проблемам внутриполитического устройства области в 1812—1828 гг. Впервые автор предисловия узнал об этих планах в 1965 г. Примечательно, что Я. С. Гросул связывал их с новым подходом к оценке социально-экономических процессов в Молдавии, который тогда обозначился в молдавской исторической науке и которому он способствовал своими предшествующими работами и непосредственным участием в очень перспективных начинаниях группы молдавских специалистов, занимавшихся как историей феодализма, так и историей капитализма. В свете этих новых изысканий многое воспринималось убедительнее и лучше.

У Я. С. Гросула уже имелся значительный материал для подготовки новой работы, но он предполагал написать ее в сравнительно-историческом плане и сопоставить положение Бессарабии в составе России со многими другими российскими окраинами, выявить общие черты и особенности. Он начал изучать литературу о Польше, Финляндии, Кавказе, Прибалтике, а также заново перечитывать прежде всего законодательные акты Бессарабии и России в целом. Большое внимание он уделял вопросам изучения ленинградских архивов, откуда за многие годы работы почерпнул значительное количество материалов.

Основная работа над книгой осуществлялась в 1966, 1967 и 1968 гг. Было написано три варианта монографии, последний из которых датируется январем 1969 г. и публикуется в настоящем сборнике. Но и его Я. С. Гросул рассматривал как один из этапов работы, ибо, например, ленинградские архивы в нем почти не использованы. Речь идет прежде всего о фонде 1308 (Канцелярия по управлению Бессарабской области), а также о фонде «Департамент законов», где имеются проекты управления Бессарабией и другими российскими окраинами, а также о фонде «Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии», ведавшего составлением и изданием Полного собрания законов Российской империи. В последнем фонде хранится переписка по составлению законов в различных районах Российской империи, в том числе и гражданского уложения Бессарабии.

В будущем Я. С. Гросул предполагал изучать литературу по истории церкви и некоторые документы выходцев из среды деятелей церкви того периода, хранящиеся в ЦГА МССР. Такое внимание к церковным материалам не было случайным, ибо

еще П. Батюшков, автор книги о Бессарабии³, обратил внимание на большую роль руководителей бессарабской церкви, прежде всего ее главы Г. Банулеско-Бодони, в оформлении бессарабской автономии после 1812 г. Это не было преувеличением, ибо церковь всегда играла большую роль не только в духовной жизни Молдавского княжества, но и в гражданских делах, и молдавский митрополит являлся вторым человеком в государстве по своему положению и влиянию.

Еще один важный момент, которому Я. С. Гросул намеревался уделить большое внимание, это — историография вопроса. В качестве образца историографии он приводил книгу Л. В. Чепренина «Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв.», где этому вопросу уделено значительное внимание. В работе было важно выявить различные точки зрения не столько по частным проблемам, сколько по главному вопросу — оценке роли автономии и причин ее упразднения. Здесь очень важно определить как классовые, так и политические позиции авторов, писавших по этим проблемам. Известно, что проблемы бессарабской автономии не были сняты с повестки дня после 1828 г., то есть после ее фактического упразднения. Бессарабское дворянство и духовенство поднимали их и позднее, особенно в период между 1905—1917 гг., когда молдавские националисты, стремясь к укреплению своих позиций в kraе, вернулись к бессарабской автономии и в своих программах требовали восстановления Устава 1818 года⁴. Этим самым они хотели противопоставить свои планы планам большевистской партии, ее программе по национальному вопросу. В историографии Я. С. Гросул намеревался проследить различные этапы в трактовке проблемы и показать принципиальное отличие подхода советских исследователей от буржуазно-дворянских историков.

Автор считал название своей будущей книги предварительным, рабочим. В дальнейшем, после окончания работы над ней, он предполагал найти более подходящее название. Мы, понятно, оставляем его таким, какое дал автор в последнем варианте. Несмотря на то, что предполагалось значительно расширить работу и многое изменить, она в настоящем виде является самостоятельным произведением, со сравнительно обширным и весьма примечательным заключением. Мы ее публикуем без каких-либо изменений содержания, лишь внеся определенные редакционные поправки. Поскольку сохранился большой фактический материал, собранный автором, то нам не представляется особого труда подготовить примечания и историографию вопроса, ибо многие труды, имеющие отношение к монографии, уже комментировались самим Я. С. Гросулом и, более того, впервые были упомянуты им в советской литературе. Параграф под названием «Литература» в монографии «Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.)» был первой сравнительно обширной историографической работой в молдавской советской литературе, специально

посвященной истории Бессарабии XIX в.⁵ Его мы взяли за основу при написании историографического введения к издаваемой монографии, обратив, естественно, внимание на те вопросы, которые имеют прямое отношение к управлению Бессарабией в первые годы после ее присоединения к России.

Административное устройство в Бессарабии в 1812—1828 гг. уже привлекало внимание многих авторов — специалистов-исследователей, работавших в области истории, государства и права, путешественников, местных администраторов, военных специалистов и пр. Можно выделить несколько групп авторов как по хронологическому принципу, так и по их идеологическим интересам, существенно влиявшим на отражение событий того времени. Первая группа авторов — это современники, хорошо знавшие положение вещей в самой Бессарабии. Их сочинения в основном ценные как важные источники. Мы имеем в виду прежде всего работы П. Куницкого, Н. Байкова, П. Свинына, Ф. Вигеля и Я. Сабурова, весьма разных по своему объему, литературному уровню и, прежде всего, по степени отражения основного вопроса, интересующего нас.

Небольшая книжка П. Куницкого была первой работой, отразившей положение в Бессарабии сразу после ее присоединения к России. Объем содержащейся в ней информации весьма незначителен, но сведения эти, хотя и кратки, весьма точны, ибо сообщаются большим знатоком местного края, проживавшим здесь многие годы. П. Куницкий был видным деятелем церкви, трудившимся также и в области просвещения. В течение долгих лет он являлся одним из ближайших сотрудников Г. Банулеско-Бодони и был хорошо осведомлен о настроениях в среде местного боярства и духовенства, неплохо разбирался также в основных направлениях деятельности царской администрации. Выходец с Украины, где он окончил Полтавскую (Славянскую) семинарию, будучи учеником Г. Банулеско-Бодони, он ... стал ректором Сокольской семинарии в Яссах, а с 1813 г. — первым ректором Кишиневской семинарии, которой руководил до 1821 г.⁶

Работа П. Куницкого носит фрагментарный характер, но на 30 ее страницах автор успел рассказать не только о границах Бессарабии, ее климате, населенных пунктах, экономике и жителях, но и о местных законах и управлении. Он подчеркнул, что «права и законы Молдавии, как и политическое состояние ее, зыбки и не тверды и основываются на господарских хрисовах и законах Юстиниана, но это лишь формальная сторона дела, ибо в действительности в этом крае господствует право сильного, и воля и прихоть начальства являются законом для подчиненных»⁷. Далее П. Куницкий специально подчеркивал: «поэтому обыватели сего края, освободившись от таковых угнетений присоединением к России, не только не пожалеют о правительстве, под каковым они доселе были, но еще с великою радостью примут те права и законы, какие им даны будут»⁸.

Эту мысль не только о необходимости, но и о скорейшем изменении существовавшего положения, П. Куницкий проводит неоднократно. В разделе книги «Правительство» он отмечает создание во вновь присоединенном крае военным начальством Временного правительства под председательством гражданского губернатора, руководствующегося молдавскими правом и обычаями. Но вновь подчеркнув господство здесь права сильного, он отмечает, что «сие Временное правительство требует исправления как для пользы казны, так и для обеспечения новых российско-подданных»⁹, и останавливается на главных, естественно, по его мнению, несовершенствах этого правительства. Их он усматривает в отсутствии прокурора в губернском правительстве (термин П. Куницкого — *В. Г.*), стряпчих, то есть чиновников по судебному надзору в уездах, что не дает возможности следить за деятельностью исправников и других чиновников. К числу несовершенств он относит и отсутствие казенной палаты и, в связи с этим, отсутствие должного надзора за состоянием финансов.

Трудно ожидать от П. Куницкого понимания основных пороков тогдашней системы управления, но он с полной уверенностью утверждал: «...нет сумнения, что сие правительство в нынешнем положении долго состоять не может, и со временем, когда общее государственное управление воспримет действие свое и в сем крае, образуется к лучшему благоденствию оного и пользе казенной»¹⁰.

Книжка П. Куницкого была написана в ожидании скорейших перемен, но, как можно понять, он не думал, что они будут носить кардинальный характер. Вместе с тем, автор видел в будущих преобразованиях путь к совершенствованию местной экономики и культуры¹¹.

Работа Н. Байкова представляет собой обширную докладную записку, опубликованную значительно позднее, хотя по времени написания относящуюся к 1813 г.¹² Она принадлежит перу чиновника, присланного из Петербурга специально для изучения дел на месте. П. Куницкий жил в этих местах, знал местные нравы и обычай. Кроме того, он имел такого сильного покровителя, как Г. Банулеско-Бодони, с одной стороны, отстаивавшего автономию Бессарабии, с другой, бывшего доверенным лицом царского правительства и русской церкви. Н. Байков же прибыл в качестве уполномоченного и составил свою записку как служебное донесение, предназначавшееся министру внутренних дел А. Б. Куракину. В монографии дается характеристика записки Н. Байкова и оцениваются цели и результаты его миссии. Мы же отметим лишь то, что наряду с некоторыми общими местами работы П. Куницкого и записки Н. Байкова, не предназначавшейся для публикации, в них есть ряд особенностей. Н. Байков смотрел на Бессарабию как бы со стороны, сравнивая ее положение и с внутренними губерниями, и с некоторыми национальными окраинами. Он более категорически призывает ограничить

права молдавских исправников и прямо критикует первого гражданского губернатора С. Стурдзу. Н. Байков выступает за сужение местной автономии и в качестве примера приводит Грузию, в которой уже были введены общероссийские учреждения, и особенно Крым, по его мнению, наиболее близкий по своему положению к Бессарабии.

Очень сходно по характеру своего происхождения с запиской Н. Байкова описание П. Свинына, выезжавшего в Бессарабию по заданию правительства, примерно, с теми же целями. П. Свинаин прибыл в край через два года после Н. Байкова. Он более обстоятельно обследовал положение вещей, но, в отличие от своего предшественника, не столь категоричен в своих выводах относительно местного управления и не столь резко выступает против молдавского боярства. Если Н. Байков был отрицательно настроен против многих местных обычаем и являлся одним из виновников отстранения от должности С. Стурдзы, впрочем, уже находившегося в преклонном возрасте и не проявлявшего особой энергии как гражданский губернатор, то П. Свинаин проводил свою работу в сотрудничестве с комиссией молдавских бояр и в качестве ближайшего помощника имел видного впоследствии молдавского писателя К. Стамати — опытного администратора и образованного человека. Работа в контакте с молдавскими боярами была, по-видимому, не единственной причиной, почему, в отличие от централизаторской записи Н. Байкова, П. Свинаин (наверняка с ней знакомый) склонялся к сохранению местной автономии. Сыграла свою роль и определенная установка сверху, учитывавшая стремление господствующих слоев Бессарабии (и) социальной опоры царского правительства сохранить свои привилегии и обычай. Нельзя также не учитывать и существования в среде центральной администрации двух основных подходов к управлению окраинами: кроме сторонников насильтвенной русификации любыми средствами, в центральном аппарате сохранились и сторонники попавшего в опалу М. М. Сперанского, предложившего после Эрфуртского свидания Александра I и Наполеона в 1808 г. план реорганизации внутреннего управления Россией на принципах административной автономии ряда национальных окраин¹³. Подобные планы строились не случайно. Царское правительство в борьбе с Францией намеревалось таким путем привлечь на свою сторону господствующие слои Финляндии, Польши, Литвы. Кроме того, Сперанский считал, что введение конституционных актов на местах будет способствовать приспособлению к требованиям времени и впоследствии поможет принять подобный основной закон в России в целом.

После 1812 г. — ссылки Сперанского и ослабления позиций его сторонников в правительственном аппарате — сохранились силы, считавшие необходимым проведение конституционистской политики на некоторых окраинах. К их числу, по-видимо-

му, относился и П. Свињин, работу которого облегчило то, что Бессарабию постоянно рассматривали как пример для Балкан, и требования местного боярства не могли не учитывать, «Описание...» П. Свињина, как и записка Н. Байкова, не предназначавшееся для печати и опубликованное через 50 лет¹⁴, — важный документ для отражения политики российского правительства в Бессарабии. Оно довольно подробно раскрывает не только управление областью, но и состояние ее хозяйства. Значительное место в описании занимают сведения о местном бессарабском праве, изучению которого автор уделил основное время поездки в Бессарабию.

Во многом иную позицию занял другой свидетель тех времен — Ф. Вигель. Тоже царский чиновник, некоторое время бывший бессарабским вице-губернатором, он выступает как откровенный противник автономии. Мемуары Ф. Вигеля хорошо известны, также как известны и свойства его характера — человека весьма пристрастного и желчного, снискавшего славу карьериста и доносчика. Реакционность Ф. Вигеля следует рассматривать не только как его личные качества, но и учитывать время написания воспоминаний. В отличие от предыдущих работ, еще сохранивших влияние либеральных исканий Александра I, „Воспоминания“ Ф. Вигеля писались в эпоху Священного союза, когда на первый план выступали задачи борьбы с передовыми идеями того времени и особенно заметными стали перемены во взглядах российского самодержца. Конституционные проекты стали явно непопулярными в официальных кругах, и Вигель дал волю своим страстиам. Дело не только в том, что он остро бичевал молдавских бояр, в среде которых было много людей порочных и алчных, — существование вопроса заключалось не в оценке моральных качеств господствующих слоев в Бессарабии. Ф. Вигель стоит на принципиально иной платформе, нежели, например, П. Свињин, и не считает необходимым заигрывать с местными феодалами¹⁵.

В эпоху восстаний гетеристов и Тудора Владимиреску в 1821 г., когда Александр I публично осудил восставших, подобные подходы шли в русле общей политики. Они прокладывали путь николаевской реакции и были весьма примечательными своей прямолинейностью и ограниченностью.

Иной подход к местным делам характерен для книги Я. Сабурова, выпущенной вскоре после упразднения бессарабской автономии. Я. Сабуров — сторонник гибкого управления российскими окраинами, рекомендовавший учитывать особенности Бессарабии¹⁶. Он призывал к рационализации бессарабской экономики и ограничению произвола помещиков, в определенной степени отстаивая интересы крестьян, особенно мелких собственников — резешей. Острие критики Я. Сабуров направлял прежде всего против арендаторов, считая их причиной многих зол как для помещиков, так и для крестьян¹⁷.

Таким образом, еще до 1828 г. в специальной литературе в вопросе управления Бессарабии явно выделяются два направления — консервативное и либеральное, причем оба — в среде господствующего класса. Их представители выступали с позиции интересов помещиков и духовенства, но предлагали различные пути управления новой юго-западной окраиной России. Борьба этих двух направлений прослеживается во всей последующей дворянско-буржуазной литературе, отражавшей бессарабскую историю, и в течение многих десятилетий в ней велась полемика между сторонниками гибкого правления с учетом местных особенностей и централизаторами-консерваторами, полагавшими, как Ф. Вигель, что можно править, опираясь только на военную силу. Эти два направления не были, однако, единственными. Еще до упразднения бессарабской автономии постепенно выделяется третье направление — революционное, представленное в 20-е гг. декабристскими публицистами и писателями. Бессарабия была одним из центров деятельности декабристов, которые проявляли значительный интерес к жизни местного населения и задумывались над вопросами управления национальными окраинами. Известно, что декабристы разрабатывали различные аспекты национального вопроса, но в его разрешении не высказывали полного единства. В литературе уже отмечалось, что декабристам не были присущи националистические тенденции, они отличались терпимостью к традициям других народностей, признавали их права на самобытность¹⁸. Эти черты были общими для всех декабристов. Вместе с тем между воззрениями П. Пестеля, М. Орлова, К. Рылеева, А. Юшневского, В. Раевского и др. на разрешение национального вопроса были заметные отличия¹⁹. Декабристы с пониманием относились к конституциям в Польше и Финляндии, видя в этом ступень к принятию конституции в России в целом, хотя некоторые из них оценивали отмену крепостного права в Эстонии как ущемление прав русского народа²⁰. Наиболее радикальное разрешение национального вопроса предлагали члены самой левой декабристской организации — Общества соединенных славян, выдвинувших план создания славянской федерации, в которую входили бы как славянские, так и неславянские народы, в том числе и молдаване. Предусматривалось, что каждый народ будет обладать своей конституцией — демократическим основным законом, учитывающим национальные особенности этого народа. Верховная же власть передавалась собранию представителей республик, образовавших федерацию.

К сожалению, многие произведения декабристов не увидели свет, другие были опубликованы значительно позднее. Их отношение к управлению Бессарабией еще должно стать предметом специального изучения, хотя частично уже отражено в сочинениях ряда советских, в том числе и молдавских авторов, о чем будет идти речь в дальнейшем. Известно, что А. Юшневский

благожелательно относился не только к болгарам и гагаузам, но и к молдаванам. Подобный подход характерен и для В. Раевского, автора «Записки о Бессарабии», считавшего природными жителями Бессарабии — молдаван и выступавшего с позиций защиты интересов простого народа²¹.

Таковы основные работы, посвященные состоянию Бессарабии после ее присоединения к России вплоть до 1828 г., написанные современниками, представляющие интерес как свидетельства очевидцев и включающие в себя различные подходы к бессарабской автономии. Их работы не были в то время единственными. Можно, например, отметить одну из книг И. Яковенко²², воспоминания А. О. Дюгамеля²³, записки А. И. Рибопьера²⁴ — русских дипломатов, побывавших в Бессарабии и оставивших некоторые сведения о ней, интересных прежде всего своей фактической стороной. Никаких особых корректив в прежние точки зрения они не вносят. К сожалению, пока не удается обнаружить каких-либо специальных публикаций, вышедших из среды местного населения того времени. Но о настроениях крестьян мы узнаем из их действий — крестьянских движений, побегов, жалоб и т. д. Господствующие же слои, борясь за свое привилегированное положение, оставили ряд документов, о которых будет говориться в монографии. Специальных книг они в то время не выпускали, но, например, хорошо известно их отрицательное отношение к запискам Ф. Вигеля и вообще ко всяkim попыткам урезать их права и привилегии. При всем этом события 1828 г. они не встретили в форме какого-либо значительного протеста, не оставили никаких опубликованных сочинений.

В середине XIX в. намечается новый подход к изучению управления Бессарабией соответствующего периода. В литературе, ей посвященной, начинают преобладать, а затем и полностью господствовать сочинения исследовательского характера, ибо свидетелей событий 10—20-х гг. становится все меньше. Из работ этого рода прежде всего выделяются сочинения офицеров русской армии, тщательно изучавших положение в Бессарабии с различных точек зрения. Подполковник А. Дараган составил первое из опубликованных подобных сочинений, где показал себя сторонником официальной точки зрения на управление областью. Он привел ряд сведений хозяйственного и внутриполитического характера, впоследствии использовавшихся многими исследователями²⁵. Более солидным было исследование другого офицера генерального штаба А. Защука, впоследствии дослужившегося до генерала. Его работа²⁶ — самое крупное исследование по Бессарабии того времени. В отличие от А. Дарагана, отстаивающего привилегии дворян-помещиков, А. Защук был либералом — довольно типичным представителем поколения 60-х гг., заметно укрепившего свои позиции накануне и после крестьянской реформы 1861 г. и отражавшего настроения под-

нимавшейся буржуазии и обуржуазившегося дворянства. В книге А. Зашука приведены местные законы области и некоторые моменты ее управления. А. Зашук призывал учитывать и национальные особенности, и вообще своеобразие этой окраины России не столько прямо, сколько излагая соответствующим образом собранный им богатый фактический материал.

На работах другого офицера — выпускника Петербургского артиллерийского училища, профессора Новороссийского (Одесского) университета Алексея Накко — следует остановиться особо. А. Накко был выходцем из среды молдавских бояр и хорошо знал не только молдавский язык, но и имел некоторые личные связи с молдавскими боярами, еще помнившими особенности управления Бессарабией до 1828 г. Сам он некоторое время занимал административные посты в Кишиневе и Бендерах²⁷, был неплохо знаком с местными законами и судебной, и административной практикой. Его работы заслуживают внимания не только потому, что он много лет изучал историю Бессарабии, опубликовал несколько специальных томов по этой теме, но прежде всего потому, что он специально занимался вопросами управления Бессарабии накануне и после ее присоединения к России. В 1879 г. он публикует обширную статью о гражданском управлении в Дунайских княжествах в 1806—1812 гг.²⁸, для написания которой впервые широко использовал так называемый фонд сенаторов, хранившийся в кишиневском архиве и содержащий обширные сведения о различных сторонах жизни в Дунайских княжествах периода русско-турецкой войны. Здесь А. Накко остановился на характере господарской власти в княжествах накануне войны и господарстве Александра Ипсиланти, дал описание деятельности Диванов Молдавии и Валахии и прочее. Касаясь бессарабских районов, точнее тех районов, которые вошли в состав Бессарабской области, А. Накко писал: «молдавская часть Бессарабии подчинялась тем же безобразным порядкам, которыми управлялись и княжества. Только здесь жители находились еще в худшем сравнительно положении, нежели запрутские братья их, т. к. они имели соседями своими с севера турок, от которых избавились в начале войны, а с юга татар, кочевавших еще в Буджакских степях. Соседство дикой азиатской орды делало жизнь этих жителей почти невыносимую, подвергая их, сверх внутренних насилий и грабежей, еще внешним нападениям разбойничьих шаек, загонявших скот и уводивших людей в неволю»²⁹. Особенно подробно рассказывает А. Накко о деятельности в этих местах сенаторов С. Кушникова и А. Красно-Миляшевича, председательствовавших в Диванах княжеств и по существу возглавлявших гражданскую администрацию. Автор описывает состав канцелярии сенаторов, подчеркивая, что многие ее чиновники впоследствии поселились в Бессарабии и сыграли определенную роль в устройстве края, присоединенного к России в 1812 г. Он также отмечал отличия

в подходе к местным обычаям и злоупотреблениям — более суровое у Кушникова и относительно мягкое у Красно-Милашевича.

Особое внимание привлекает работа А. Накко, посвященная транжданскому устройству Бессарабии в 1812—1828 гг.³⁰ — первая сводная работа подобного рода. В монографии она много раз упоминается, и мы остановимся на ней лишь в самых общих чертах. А. Накко выступает как последовательный апологет политики царизма и видит в бессарабской автономии прежде всего волю самого Александра I. Упразднение этой автономии, по мнению автора, прошло совершенно безболезненно, хотя и неожиданно — сами бессарабцы не осознали его значения и тех «благ», которыми они раньше пользовались³¹. Если оценить сочинения А. Накко с точки зрения двух уже упоминавшихся направлений в среде господствующего класса, то он как бы занимает промежуточное положение между ними, склоняясь, однако, не к либералам, а к консерваторам. А. Накко, будучи хорошим знатоком бессарабского прошлого, привел в нем ряд интересных и ценных для исследователей данной проблемы сведений.

В буржуазно-дворянской литературе дореволюционной России можно отметить еще ряд работ, где вопросы бессарабской автономии отразились в большей или меньшей степени. Это сочинение известного исследователя Новороссийского края А. Скальковского³², монография П. Батюшкова³³, ряд изданий, вышедших в XIX — начале XX в. в Бессарабии, среди которых можно отметить «Записки Бессарабского статистического комитета», «Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии», «Труды Бессарабского церковно-археологического общества», работы П. Крущевана³⁴, Н. Лашкова³⁵, И. Халиппы³⁶ и др. По своему фактическому материалу они мало что дополняли к сочинениям А. Накко, не содержали в себе сколько-нибудь новых определений и выводов. Из группы этих сочинений несколько больший интерес представляет монография П. Н. Батюшкова — хотя во многом компилятивная, но значительное явление для своего времени (тем более, что она вышла еще до работы А. Накко, опубликованной в 1900 г.). В этой книге содержится наиболее полная для того времени информация по истории Бессарабии XIX в. Много материалов привел автор по заселению края в первое время после присоединения к России и о мероприятиях царского правительства в нем. Он специально останавливается на причинах создания бессарабской автономии. П. Батюшков особо подчеркивал, что вполне естественное введение в области сразу же после ее присоединения к России русского управления с русским языком не было сделано из-за значительных уступок, как он считал, местному населению (он его называет румынской народностью). Причины создания бессарабской автономии П. Батюшков видит, в частности, в особых условиях присоединения края, когда силы России были направ-

лены прежде всего на борьбу с Наполеоном и делами Бессарабии заниматься было некогда. Влиянию митрополита Гавриила Банулееско, сыгравшего, по его мнению, важную роль в первоначальной истории Бессарабии, П. Батюшков в значительной степени приписывает сохранение в Бессарабии тех же порядков гражданского и церковного управления, какие временно действовали в Молдавском и Валашском княжествах в период войны 1806—1812 гг., то есть местного представительства и самоуправления³⁷. Отмену автономии П. Батюшков не комментировал, хотя намекал, что она объяснялась разностью этнического состава Бессарабии и исторических ее преданий и подчеркивал при этом особую роль новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова, по мнению П. Батюшкова, хорошо понимавшего «невыгоды и злоупотребления Верховного совета»³⁸.

В ряду сочинений, в той или иной степени относящихся к проблемам автономии Бессарабии, следует также отметить некоторые работы по истории бессарабской церкви. Несколько примечательных статей было помещено в «Кишиневских епархиальных ведомостях», начавших выходить в 1867 г. и включавших материалы не только по церковной жизни, но и по ряду других вопросов бессарабской жизни. Привлекала внимание церковных историков неординарная личность Г. Банулееско-Бодони, в определенной степени повлиявшего на то, что Кишинев стал главным городом Бессарабии, а сама она обрела особое административное устройство в составе России. Ему были посвящены крупные статьи В. Скворцова³⁹ и, особенно, В. Жмакина⁴⁰ и солидная монография видного деятеля российской церкви А. Г. Стадницкого, много занимавшегося не только церковной, но и гражданской историей Бессарабии.

А. Стадницкий подробно описал жизненный путь Г. Банулееско-Бодони и его деятельность по организации бессарабской епархии и гражданскому устройству области. Он подчеркивал, что «в образе управления новоустроемою епархию митр. Гавриил просил дозволить ему принаравливаться к местным обычаям... поелику сие не будет противно коренным российским гражданским и церковным узаконениям, как по уважению недавнего присоединения здешнего народа к Российской империи, так и по тому, что по гражданской части предоставлены оному прежние молдавские права»⁴¹. Автор осветил сравнительно малоизвестный в литературе вопрос о противоречиях между Гавриилом и первым бессарабским гражданским губернатором С. Стурдзой по проблемам положения бессарабской церкви, для которой Гавриил добивался больших прав, но встретил противодействие губернатора⁴². Специальный раздел своей монографии А. Стадницкий посвятил участию Гавриила в гражданском устройстве Бессарабской области⁴³.

Широко привлекая материалы кишиневского архива, автор рассказал о роли Гавриила в борьбе с бегством населения обла-

сти за границу в связи с разразившейся чумой и со слухами о приходе турок и намечавшемся закрепощении крестьян русскими помещиками, слухами, явно противоречащими друг другу. Он привел целиком несколько материалов о пожеланиях бояр по дальнейшему устройству Бессарабии и посреднической роли Гавриила между ними и царскими властями. Здесь же публикуется полностью реескрипт Александра I от 1 апреля 1816 г. на имя Гавриила, где среди прочего писалось: «...учредил я на первый раз временное в Бессарабии управление, положив оному в основание давнишние ее обычаи и преимущества. Не приступая к окончательному его образованию, я хотел прежде научиться из опытов и ожидал, что время и обстоятельства, а также точные обо всем донесения покажут мне, каких должно ожидать последствий от сего опыта?»⁴⁴. И далее: «Мое намерение состоит в том, чтобы даровать ей (то есть Бессарабской области — В. Г.) гражданское управление, сообразное с ее правилами, обычаями и ее законами; все состояния жителей имеют равное право наследие своих предков и на мое к ним благоволение, и все: духовенство, дворянство, граждане и народ должны найти равную защиту и покров в сем новом образовании»⁴⁵.

А. Стадницкий заметно идеализировал своего героя и всячески стремился в хорошем свете показать роль церкви в устройстве нового края. О феодальной ее сущности он, понятно, ничего не говорил, но его книга — примечательное явление в историографии вопроса, ибо насыщена новым материалом и отражает те стороны вопроса, которые другие авторы освещали в меньшей степени. Защищая интересы церкви, А. Стадницкий вместе с тем выступает как представитель больше буржуазного, нежели дворянского направления в историографии, точнее является как бы продолжателем либерального направления в оценке бессарабской автономии 10—20-х гг. XIX в.

Ряд работ, имеющих большее или меньшее отношение к теме монографии Я. С. Гросула, был опубликован юристами. Можно упомянуть публикацию местных законов, например, переиздание на русском языке сборника Андронаке Донича, вышедшего в Яссах в 1814 г.⁴⁶, или законов Арменопуло⁴⁷. В большом количестве представлены издания исследовательского характера: сочинения В. Линовского⁴⁸, А. Егунова⁴⁹, М. Шимановского⁵⁰, О. Пергамента⁵¹, Г. Гинса⁵² и др.

Наибольшее внимание привлекают исследования Л. А. Кассо, бессарабского помещика, ставшего видным юристом и дослужившегося до поста министра просвещения. Реакционные взгляды его хорошо известны. Он был одним из тех представителей царской администрации, которые вели активную борьбу против революционного движения, но при всем этом Кассо являлся видным специалистом по истории государства и права, и его работы по истории Бессарабии свидетельствуют о нем, как о довольно осведомленном исследователе.

В 1907 г. Л. Кассо издал книжку о византийском праве в Бессарабии, где остановился на ряде моментов политики царского правительства в Бессарабии и, в частности, на видах этого правительства в вопросе гражданского устройства области. Л. Кассо писал, что «в истории русского влияния и воздействия на участь христианских народностей Балканского полуострова окончательное приобретение восточной части Молдавии, называемой ныне Бессарабией, давало возможность России показать воочию, каким образом православная империя могла устроить быт одноверческого населения, освободившегося от власти султана и его ставленников»⁵³. Л. Кассо также подчеркивал стремление центральной власти сберечь национальную самобытность местных жителей и сохранить в связи с этим прежние основания правовой жизни. Он кратко описал административное устройство области в первое время после ее присоединения к России и охарактеризовал основные этапы становления, а затем упразднения бессарабской автономии. Трактуя эти вопросы, Л. Кассо опирается, в основном, на труды своих предшественников. Интересны характеристики и оценки, правда не отличавшиеся полной определенностью и свидетельствовавшие о том, что автор не установил четко своей позиции в уже традиционной борьбе точек зрения между либералами и консерваторами. В начале XX в. консервативное направление заметно трансформировалось и выступать с теми же лозунгами, как в эпоху господства крепостного права, было уже невозможно. Консерваторы явно стремились скрыть свои истинные побуждения. Так и Л. Кассо в этой работе не склонялся к четким оценкам. Сказывались не только его монархические наклонности, с одной стороны, но и то, что он был бессарабским помещиком, с другой, в среде которых нередко в идеализированном плане сохранялись некоторые воспоминания, щедшие от дедов и прадедов о былом особом положении Бессарабии. Л. Кассо, однако, счел нужным написать следующее: «Можно отметить только, что Верховный совет доброй памяти после себя не оставил в Бессарабии; его винили в медлительном разбирательстве, жаловались на преобладание в нем представителей меньшинства, которые мало заботились об интересах большинства населения, хотя нужно иметь в виду, что в некоторых резких отзывах о деятельности совета слышатся отклики тех постоянных и мелких столкновений, которые происходили тогда между местными боярами и представителями русской администрации»⁵⁴.

Работа Л. Кассо была посвящена прежде всего местному праву, и он прямо подчеркивал, что не собирается особо останавливаться на «попытке русской государственной власти организовать провинциальную самостоятельность»⁵⁵, но стремление его занять серединную позицию весьма примечательно для эпохи после революции 1905—1907 гг., когда консерваторы и мо-

нархисты предприняли попытку приспособиться к веянию времени.

Более подробно тема гражданского устройства раскрывается в основной работе Л. Кассо по истории Бессарабии, вышедшей в 1913 г.⁵⁶ Здесь не только рассматривается дипломатическая сторона русско-турецкой войны 1806—1812 гг., и, в частности, подготовка и заключение Бухарестского мира 1812 г., но и помещен специальный раздел о положении в Бессарабии в первые годы после присоединения ее к России. Он носит не только обобщающий характер, но и исследовательский, поскольку автор использует важные материалы из архивов центральных учреждений царского правительства, многие из которых еще не были известны исследователям. Л. Кассо связал устройство бессарабских административных дел с проблемами заселения области и распределением земель и рядом других вопросов внутреннего и внешнего характера. Он подчеркнул, что прежнюю форму правления в княжествах, существовавшую во время войны, «нельзя было сохранить, ибо недостатки председательствования русских сенаторов в Дивах Валашского и Молдавского княжеств за 1808—1812 гг. были слишком явны»⁵⁷. Кстати, он упомянул об устройстве особого комитета по молдо-влахийским делам, образованного в Петербурге в феврале 1812 г., который должен был выработать основания нового устройства княжествами, но не сделал этого вследствие заключения мира 1812 г.⁵⁸ Он полагал, что Красно-Милашевич намеревался остаться в Бессарабии и управлять ее гражданской частью и потому обосновался в Кишиневе со своим аппаратом⁵⁹.

В работе Л. Кассо имеется и ряд других деталей, относящихся к устройству Бессарабии того периода и не нашедших должного отражения в других работах или даже впервые им самим приводимых. Он отметил особенность управления краем в 1812—1813 гг., когда гражданский губернатор должен был подчиняться командующему армией. И даже после увольнения Чичагова в начале 1813 г. Кутузов, хотя и名义上 являлся его начальником, пока не был подчинен центральной власти, как и в других районах России (Указ 31 мая 1813 г.)⁶⁰. В числе сторонников особого управления Бессарабией с сохранением автономных начал Л. Кассо видит не только С. Стурдзу и, особенно, Гавриила Бодони, но и адмирала Чичагова и И. Каподистрия, роль которого высоко оценивал. По Л. Кассо, первый органический закон Бессарабии был выработан еще в 1812 г. в виде проекта временного правления, составленного прежде всего И. Каподистрия, одобренного Чичаговым и утвержденного Александром I. Таким образом, он приобретал характер закона, к которому были сделаны определенные дополнения в 1813 г.⁶¹

Л. Кассо далее проанализировал мероприятия центрального правительства по устройству Бессарабии, ослабление и усиление позиций сторонников автономии, а затем постепенное ее упразд-

нение в период подчинения Бессарабии в административном плане новороссийскому генерал-губернатору М. Воронцову. Примечательно, что Л. Кассо, ссылаясь на воспоминания Ф. Вигеля, отразил настроения местного бессарабского дворянства, считавшего, что при Воронцове, воспитанном в английском духе и хорошо знавшего о роли английской конституции, бессарабское самоуправление получит поддержку и развитие⁶². Но именно Воронцов повел последовательную борьбу против особого положения области. Л. Кассо отмечает одобрение его действий со стороны центрального правительства и, среди прочего, подчеркивает, что после смерти Гавриила Бодони и отхода о: дел И. Каподистрия не было лиц, способных поднять голос в защиту бессарабской автономии⁶³. Скорее как попытка красочного заключения, чем как исследовательский вывод, звучат слова Л. Кассо по поводу отмены бессарабской автономии: «Раздражения не было, но долго оставалась грусть о правах, случайно полученных и случайно потерянных»⁶⁴. И дальше: «Но кто помнит Верховный совет в Бессарабии? Если была грусть по нем у бессарабских дворян, то она давно канула в прошлое и неизвестна нынешнему поколению дворян, отпраздновавшему столетие 1812 года. Верховный совет забыт потому, что он для края ничего не сделал»⁶⁵.

Вывод о случайно приобретенных и потерянных правах явно не вязался с богатым фактическим материалом, приведенным автором и свидетельствовавшим о значительной борьбе не только внутренних сил в самой Бессарабии, но и в центральном правительственноем аппарате, отстаивавших различные пути управления окраинами. Ни о какой случайности эти материалы не говорили. Что же касается того, что эти события были полностью забыты, то и здесь Л. Кассо проявил полную политическую близорукость, а порой и простое незнание фактов. Мы уже отмечали проявление интереса к особому устройству Бессарабии после 1812 г. в период между 1905—1917 гг., но министр просвещения тогдашней России не столько не понимал, сколько не хотел понять наличия национального вопроса в стране и необходимости его разрешения. В этой работе Л. Кассо еще больше склонился к позиции представителей консервативного направления, хотя это не всегда явно выражал.

Через год он публикует небольшое исследование об одном из самых первых кодификаторов бессарабского права — Петре Манеге. Эта работа носила уже частный характер, но автор привел некоторые новые данные о подготовке уложения в Бессарабии того времени. Он снова подчеркнул, что «граф Воронцов, как известно, не сочувствовал ни бессарабскому Верховному совету, ни вообще обособлению этой области среди остальных русских губерний и, препровождая новый проект бессарабского уложения в Петербург, он охотно подчеркивал, что эта работа была начата и доведена до конца без всякого руководства с его

стороны»⁶⁶. Л. Кассо отметил, что в новых условиях 20-х гг. XIX в. большая работа, проведенная П. Манегой, осталась без результата.

Сочинения Л. Кассо по истории Бессарабии и ее праву были заключительным этапом работы дворянско-буржуазных специалистов по этому вопросу, ибо незначительные сведения, которые содержались в последующих изданиях до 1917 г., ничего нового не добавили. Они свидетельствовали об определенной эволюции российского консерватизма, который сохранил основные позиции в духе монархизма и централизма. Л. Кассо, при всей его неплохой профессиональной подготовке и знании многих материалов, так и остался консерватором не только в своей политической деятельности, но и в науке, хотя некоторые представители консервативного лагеря в те годы уже требовали учета специфики окраин, в частности Бессарабии⁶⁷.

В 1918—1944 гг. вопросы бессарабской истории рассматриваемого периода изучают буржуазные историки Румынии и Бессарабии. Направленность их изданий хорошо известна, в частности, она получила оценку в сводной работе Я. С. Гросула и Н. А. Мохова по историографии Молдавии⁶⁸. Полного единства в публикациях буржуазных историков не было и не могло быть. Нередко они вступали между собой в открытую полемику и обвиняли друг друга в плохом знании предмета и пр. А. Болдур, например, не соглашался с И. Нистором по поводу причин трактовки отмены автономии Бессарабии, которую последний видел в общей политике Николая I⁶⁹. В свою очередь, Н. Иорга бросал упреки А. Болдуру в недостаточно критическом описании бессарабской истории, призывая по существу концентрировать внимание на «страданиях румын»⁷⁰. Г. Безвикони весьма своеобразно оценивал деятельность губернатора Бессарабии Гартинга, что уже А. Болдуром воспринималось, как попытка реабилитировать методы этого генерала-администратора, известного своей борьбой против бессарабского боярства⁷¹. При всем отличии отдельных характеристик, общего в этих изданиях было значительно больше. Дело не только в основном классовом подходе, но, как правило, и в националистической направленности этих изданий. Все они привлекают внимание своей претенциозностью, желанием показать в негативном свете присоединение Бессарабии к России в 1812 г. Они рассматривали отмену бессарабской автономии как абсолютное зло, как логическое продолжение русификаторской политики царизма. Существо этих работ было именно таковым, и здесь уже не играло роли то, что Г. Безвикони и А. Болдур хорошо знали русские работы и часто их цитировали в своих изданиях, а Н. Иорга не знал и не хотел знать русского языка. В своем большинстве работы буржуазных историков Румынии и Бессарабии противопоставлялись изданиям русских дворянских и буржуазных историков, не говоря уже о работах советских ученых. Если в среде историков

дореволюционной России дворянско-буржуазного лагеря в целом отмена бессарабской автономии рассматривалась как позитивное явление, молдавские националисты и историки королевской Румынии единодушно заняли противоположную позицию.

Немало было сказано ими о бессарабской автономии, хотя, как правило, эти исследователи не только не ввели в оборот значительного числа новых источников, но или не знали, или не хотели знать даже того документального багажа, который находился на вооружении у русских буржуазно-дворянских историков. Примечательно, что в 1923 г. в Кишиневе издается на румынском языке работа Л. Кассо о византийском праве в Бессарабии, а в Бухаресте — его работа о Петре Манеге. На французском языке публикуется часть книги о России на Дунае⁷², но румынские историки предпочитали цитировать лишь те места сочинения Л. Кассо, которые можно было использовать для критики положения Бессарабии в составе России. Преимущественно в этих целях использовались и другие российские издания до 1917 г., хотя, как правило, им уделялось внимание далеко не в той степени, которое они заслуживали.

Одним из первых представителей буржуазно-националистического лагеря, кто обратился к вопросу бессарабской автономии, был Шт. Чобану. В 1923 г. он выпустил монографию под названием «Румынская культура в Бессарабии под русским господством», где предпринял попытку всячески очернить последствия присоединения Бессарабии к России и доказать, что этот акт был несчастием для местного населения⁷³. Он не приводит ни одного нового факта, лишь комбинирует то, что было известно раньше, пытаясь тем самым доказать правомочность своей концепции.

Еще менее документированной в этом плане является статья в коллективной монографии, как называли ее составители, а фактически в сборнике статей, под названием «Бессарабия», автором которой был И. Зaborовский. В ней лишь схематически дается очерк административного устройства области в рассматриваемое время с обычными для подобного рода работ выводами⁷⁴.

Нет нужды анализировать другие издания этого плана, остановимся лишь несколько подробнее на сочинениях А. Болдура, автора специальной монографии под названием «Автономия Бессарабии под русским господством в 1812—1828 гг.»⁷⁵, выпущенной в 1929 г. А. Болдур использовал некоторые материалы кишиневского архива и частично русскую дореволюционную литературу. В отличие от Л. Кассо, он уже в предисловии подчеркивает, что после революции 1905 г. возрождается идея бессарабской автономии, а в период революции 1917 г. она приобретает широкую популярность⁷⁶. Он стремится придать своему изданию характер спокойного объективного исследования, но политические цели все-таки проглядывают довольно от-

четливо. А. Болдур последовательно останавливается на русской администрации в княжествах в 1806—1812 гг., устройстве Бессарабии после 1812 г., борьбе между генералом Гартингом и молдавским боярством, чему посвящает специальную главу, и др. Особенno много он пишет о подготовке и принятии Устава 1818 г. и его действиях, а также отдельно о деятельности Верховного совета. Для А. Болдура больше характерен формально-юридический подход, фактическое же положение вещей он освещает значительно меньше.

Примечательны некоторые трактовки А. Болдура, пытавшегося показать, что царское правительство не хотело считаться с нуждами местного населения. Он подчеркивал, что «Устав 1818 г. ... не является вовсе реставрацией или подтверждением молдавских учреждений. Он является продуктом вольного творчества русского правительства»⁷⁷. Вместе с тем А. Болдур явно противоречил себе, говоря о том, что в Бессарабии применялся как бы принцип дуализма, то есть учитывались и молдавские и русские законы и установления и что «закон 1828 г., который ликвидировал автономию, был только кульминационным логическим пунктом дуализма прошлого»⁷⁸. В противовес Л. Кассо А. Болдур стремился доказать, что упразднение автономии встретило противодействие местного населения, а в противовес другому российскому автору Б. Нольде, утверждавшему о неподготовленности бессарабского боярства управлять областью, — показать, что в прошлом господствовавшая прослойка делала это с успехом⁷⁹. Лейтмотивом книги А. Болдура явилась идея утери Бессарабией ее национальных прав, что, как он подчеркивал, было общей судьбой всей России⁸⁰.

Рассматриваемая книга не была единственной работой А. Болдура по бессарабской автономии. Через одиннадцать лет он вернулся к ней в своем третьем томе по истории Бессарабии, где уделил целый раздел под названием «Автономия Бессарабии»⁸¹. Никаких новых фактов он здесь не привел и, по существу, дал резюме своей предыдущей книги. В этом разделе явно выражены стремление автора показать русификаторскую политику царизма, нежелание видеть позитивных моментов в присоединении Бессарабии к России.

Таково наследие буржуазной и дворянской русской и румынской историографии. Как можно убедиться, написано, в общем, немало. Были и специальные работы типа сочинений А. Накко и А. Болдура, и работы, имевшие к данной теме весьма близкое отношение, как, например, Л. Кассо, И. Халиппы и др. Анализируя их в целом, мы, кроме подбора довольно значительного фактического материала и высказываний отдельных интересных соображений, видим и коренные методологические изъяны, явную приверженность сочинений буржуазных авторов интересам своего класса, политической обстановке времени написания той или иной работы. Русская и румынская буржуазные историо-

графии заметно отличались и оценкам опиываемых событий и соответствующим подбором фактов, призванных подтвердить эти оценки. Современная буржуазная литература во многом является их наследницей. Не приводя каких-либо новых значительных материалов, представители ее взяли на вооружение и источники, и положения старой историографии, хотя по своим оценкам они ближе к заключениям историков буржуазной Румынии, более устраивающих их своей антирусской и антисоветской направленностью. Специальных работ по истории автономии Бессарабии начала XIX в. в послевоенной буржуазной историографии долгое время не было, этот вопрос лишь частично затрагивали в изданиях общего характера. Но в 1976 г. в Нью-Йорке вышла монография Джорджа Ф. Джусбери «Аннексия Бессарабии Россией (1774—1828 гг.). Исследование экспансии империи»⁸², большая часть которой посвящена именно бессарабской автономии в составе России.

Д. Ф. Джусбери исследовал вопросы, которые находятся в центре внимания публикуемой монографии Я. С. Гросула. Он использовал значительную литературу и источники на русском, румынском и других языках, хотя, например, книга А. Болдура по бессарабской автономии, также как и некоторые другие исследования советских и зарубежных авторов им не упоминаются. Не привлекает автор и советские и зарубежные архивные материалы. Книга Д. Ф. Джусбери написана, в основном, в традиционном хронологическом плане, с постановкой ряда проблем, по мнению автора, в наибольшей степени соответствующих правильному разрешению основного вопроса. Сразу же бросаются в глаза тенденции книги. Так, он постоянно называет бессарабских молдаван румынами и объясняет это тем, что употребление данного термина вызвало у него основное затруднение, но он предпочел его вместо терминов молдаване и валахи, чтобы не вызвать путаницы⁸³ (?! — В. Г.). Вместе с тем именно неправомерное применение термина румыны по отношению к бессарабским молдаванам и порождает путаницу в работе Д. Ф. Джусбери. Он приводит выдержку из одного документа, где упоминается молдавский народ и тут же называет его румынами⁸⁴. В другом месте⁸⁵ он упоминает документ, где якобы пишется о румынском образовании в Бессарабии, тогда как в оригинале говорится об образовании молдавском⁸⁶. И подобная тенденция прослеживается по всей работе, явно сбивающая неискушенного читателя с толку и побуждая его делать необоснованные выводы.

Останавливаясь на событиях до 1806 г., автор подает как предысторию Бессарабии факты общественной жизни в Молдавии и Валахии, не отмечая своеобразия Бессарабии, в частности то, что половина ее территории уже была захвачена турецкими и татарами феодалами. Он не пишет, что Бессарабия, тысячелетиями являвшаяся ареной многочисленных войн, более чем на

сто лет была избавлена в результате присоединения к России от каких-либо вооруженных конфликтов. Не отмечает он и ряд других важных позитивных изменений в Бессарабии после 1812 г. в области сельского хозяйства, торговли и пр., таким образом, проблемы административного устройства подаются в отрыве от важнейших явлений в жизни бессарабского населения и, тем самым, искажается исследование присоединения Бессарабии к России.

В книге имеется ряд серьезных ошибок фактологического характера. Джусбери совершенно необоснованно утверждает, что «новая провинция не имела шансов для улучшения состояния экономики»⁸⁷, тогда как этот тезис полностью опровергают статистические данные о положении в Бессарабии в XIX в., широко известные исследователям⁸⁸. Говоря о Буджаке, куда переселились во время войны 1806—1812 гг. беженцы из-за Дуная, Джусбери почему-то пишет, что эти земли еще в то время стали собственностью императорской фамилии, тогда как после ухода турок и татар они были переданы под управление молдавского Дивана⁸⁹. Дело, впрочем, не в отдельных неточностях, а в том, что книга Джусбери преследует цель показать общую неудачу политики российского правительства в области административного строительства в Бессарабии из-за невозможности совместного существования различных народов. И это при том, что Джусбери признает незначительность бессарабского национализма⁹⁰.

Книга Джусбери стала, таким образом, последним образцом буржуазной трактовки бессарабской автономии в составе России, с одной стороны являясь продолжением старых концепций, с другой — отражением попыток современной буржуазной историографии подать прошлое с позиций интересов сегодняшнего дня.

Естественно, что советские исследователи должны были противопоставить буржуазно-дворянскому наследию свои работы, основанные на принципах марксизма-ленинизма, и, ни в коей мере не обеляя российское самодержавие, дать объективную оценку сущности бессарабской автономии и причин ее ликвидации.

Как уже говорилось, первый очерк о гражданском управлении Бессарабии в советской литературе был написан Я. С. Гросулом в «Истории Молдавии» в 1951 г. Это был краткий очерк, но автор попытался диалектически подойти к оценке событий, учитывая как позитивные моменты исторического развития, так и негативные явления. Несколько позднее к изучению этой проблемы обратился юрист А. В. Сурилов, защитивший в 1953 г. кандидатскую диссертацию по вопросам общественного устройства и управления Бессарабии в первой половине XIX в.⁹¹ На основе материалов своей диссертации А. В. Сурилов публикует в Одессе и Кишиневе несколько статей⁹², где используются до-

кументы из архивов Одессы и Ленинграда. Работы А. В. Сурилова носят, естественно, юридический характер, но представляют интерес и для историков соответствующей подборкой материала, знанием проблем государства и права, для отражения которых необходима специальная юридическая подготовка.

В 1957 г. была опубликована уже упомянутая статья И. А. Анцупова и В. И. Жукова о реформах управления Бессарабией с 1812 по 1828 г.⁹³ Ее авторы дали краткое описание управления области в рассматриваемое время и довольно широко использовали для этого кишиневские архивы. Они полемизировали с А. В. Суриловым по вопросу описания структуры административных учреждений Бессарабии в 1813—1818 гг. и дали в качестве приложения схему административного управления и суда Бессарабии по «Учреждению» 1828 г. Авторы, в целом, положительно оценивали реформу 1828 г., но, вместе с тем, критиковали политику царизма по борьбе с молдавской культурой и молдавским языком⁹⁴.

В 60-е гг. интерес к этим проблемам в исторической литературе несколько ослаб. Они находили лишь косвенное отражение. Например, во втором издании «Истории Молдавской ССР», как уже говорилось, без особых изменений был включен очерк Я. С. Гросула, в книге В. С. Кульчицкого, вышедшей во Львове, давалось самое краткое изложение административного устройства Бессарабии⁹⁵ и т. д. Несколько больше стали писать на эту тему в 70-е гг. В 1974 г. выходит книга Г. К. Федорова⁹⁶, где имеется специальная глава о государственно-административном устройстве Бессарабии и в обобщающем плане говорится о мероприятиях 1812—1828 гг. Работа эта носит правоведческий характер и не привлекает новый исторический материал. В свою очередь отдельные, впервые употребленные источники по данному вопросу, мы находим в книгах историков Л. Н. Оганян⁹⁷, И. Ф. Иоввы⁹⁸, очередных изданиях книги Б. А. Трубецкого о пребывании А. С. Пушкина в Молдавии⁹⁹ и др. Вместе с тем все настоятельнее требовалась специальная монографическая работа об управлении Бессарабией в первое время после ее присоединения к России, и решение этой задачи предпринял еще в середине 60-х гг. Я. С. Гросул. Он считал недостаточным изучение этой проблемы только в плане истории государства и права или истории общественного движения. Он намеревался тесно связать изменения в управлении областью с социально-экономическими трансформациями в крае, с изменением характера феодальных отношений в Бессарабии после ее включения в состав России, дальнейшим развитием капиталистических отношений и европеизацией производственных отношений. К сожалению, выполнить все задуманное Я. С. Гросул не успел. Но и в таком виде, в каком его исследование публикуется в настоящем сборнике, оно представляет значительный интерес. Кроме всего прочего, оно является самым крупным произведением на дан-

ную тему, превосходя по объему не только работу А. Накко, но и книги А. Болдура и Д. Ф. Джусбери.

После того как был завершен данный вариант монографии, автор продолжал сбор материалов, которые он намеревался включить в работу в дальнейшем. Этот материал, особенно ценные источниками из ленинградского архива, был взят за основу примечаний, которыми мы посчитали необходимым снабдить книгу.

В. Я. Гросул

Введение

К концу XVIII и началу XIX вв., как утверждали многие русские дворянские и буржуазные историки¹⁰⁰, в процессе успешного объединения своих исконных земель Россия вышла к своим естественным рубежам. С этого времени начинается следующий этап в политике царского правительства, который характеризуется присоединением к России ряда новых нерусских территорий. Внешнеполитические устремления царизма, особенно в южном и юго-восточном направлении от границ Российской империи, были обусловлены интересами помещиков-крепостников, стремившихся к развитию феодализма вширь, к распространению крепостного права на новые территории и к овладению наиболее удобными торговыми путями к внешним рынкам. Искчерпав возможности развития феодализма вглубь, помещики проявляли большой интерес к освоению степных окраин империи, куда переселялась значительная часть государственных и беглых крепостных крестьян.

Дальнейшее развитие товарного хозяйства, рост капиталистических мануфактур стимулировали заселение окраин Российской империи [...]

Этим устремлениям царизма в южном и юго-восточном направлении благоприятствовало то, что в начале XIX в. обострился кризис Османской империи и усилилась национально-освободительная борьба подвластных Турции народов, обращавших свои взоры и надежды на Россию. Царизм стремился использовать благоприятную обстановку — упадок султанской Турции и симпатии балканских народов — в своих целях.

Однако политика царизма на Балканах и Ближнем Востоке встречала активное противодействие европейских старых колониальных держав — Англии, Франции и Австрии, которые стремились к захвату и дележу турецких владений и не хотели допустить Россию к новым восточным рынкам.

К тому же порабощенные Турцией и Персией народы, ожидавшие и неоднократно просившие Россию о помощи, хотели сбросить ярмо иноземных поработителей и обрести независи-

мость. Поэтому в дипломатических переговорах с русским правительством о переходе в русское подданство представители Молдавского княжества¹⁰¹ и грузинских царств¹⁰² всегда отстаивали суверенитет своих государств. Сложившаяся обстановка в начале XIX в. не позволила некоторым народам отстоять свой суверенитет. Они стояли перед дилеммой — быть ли дальше под властью турецкого султана и персидского шаха или войти в состав России. Некоторые более дальновидные правители — грузины, армяне и азербайджанцы на Кавказе и Молдавского княжества на Юго-Западе отдавали предпочтение второму варианту.

В начале XIX в. ряд территорий, заселенных нерусским населением, был присоединен к России. В одних случаях присоединение проходило добровольно, на основании договоров, как это было с грузинским Карталийско-Кахетинским царством в 1802 г.¹⁰³, в других случаях присоединение осуществлялось в результате войны — в 1809 г. была присоединена Финляндия, в 1812 г. — Бессарабия, а в 1815 г. — Польша, позже — Арmenия, Азербайджан и другие территории.

В такой сложной обстановке с самого начала присоединения этих земель перед царизмом встала очень сложная проблема — как организовать управление в этих национальных окраинах. В довольно сложной внутренней и внешней обстановке начала XIX в. старые военно-административные методы управления были не совсем подходящими. Изменившаяся обстановка в Европе после Французской буржуазной революции конца XVIII в. требовала от царизма иного подхода и иных методов управления в новоприсоединенных территориях. Чтобы закрепить свои позиции на этих территориях, обеспечить освоение их естественных ресурсов, а также создать прочную базу для дальнейшего усиления своего влияния на Ближнем Востоке и на Балканах, царское правительство решило вести более гибкую политику в национальных округах, меняя ее. В частности эту политику царизм стал применять и в области организаций административного устройства и управления в национальных окраинах на западе и юго-западе страны.

На этой основе, на основе политики «лавирования», и появились на некоторых нерусских окраинах автономные начала (в Грузии и Бессарабии) или даже конституционные (в Польше и Финляндии) во внутреннем административном устройстве и управлении. Но с самого начала царское правительство допускало это как временную меру, причем на разных окраинах по-разному, в зависимости от внутренней и внешней обстановки.

Необходимо рассмотреть эволюцию политики царизма в этом вопросе, раскрыть внутренние и внешние причины этой эволюции, разобраться в существе этой политики, выявить ее особенности на различных окраинах.

По Бухарестскому миру 1812 г. Бессарабия — территория между Днестром, Прутом, Дунаем и Черным морем — была

присоединена к России. С самого начала определились большой интерес и особые отношения царского правительства к этому краю.

В области административного устройства и управления царизм проводил здесь ту же политику, что и на других национальных окраинах, — политику укрепления своих классовых позиций, стремился к созданию прочной социальной базы путем насаждения во всех административных и судебных органах преданных ему чиновников из числа русских и молдавских землевладельцев.

Вместе с тем, учитывая местные особенности края и, главным образом, интересы молдавских бояр, а также внешние обстоятельства, царское правительство временно (с 1812 по 1828 г.) сохранило в Бессарабии выгодное боярству административное устройство, существовавшие до того в крае поземельные отношения, местные законы и обычаи. В связи с этим здесь была образована Бессарабская область с сохранением автономных начал в управлении.

В тех случаях, когда абсолютизм в России приближался к своему апогею, появление такой области с почти автономной организацией управления было явлением необычным и диссонировало с общей тенденцией политики царизма на национальных окраинах. Но царизм рассматривал эти незначительные отклонения как временную меру. Такие временные уступки в виде автономии в административном управлении с привлечением в органах управления представителей местной феодальной знати были предоставлены еще некоторым национальным окраинам, присоединенным к России в начале XIX в., — Грузии, Финляндии, Польше, а в 1827 г. и Армении.

Почему царизм пошел на такие временные уступки в Бессарабии?

Немаловажную роль в этом сыграли и интересы царизма внешнего порядка. Бессарабская область в числе других окраин Российской империи занимала особое положение. Она являлась важным фактором укрепления позиций царизма на Балканах. Народы Юго-Восточной Европы — сербы, болгары, греки, молдаване и валахи, находившиеся под властью султанского гната, в борьбе за свое освобождение обращали свои взоры и возлагали надежды на помощь со стороны единоверной им России.

В осуществлении своей политики на Балканах царскому правительству важно было иметь эти народы на своей стороне и использовать в своих целях национально-освободительную борьбу для ослабления позиций своих противников на Балканах. По замыслам царизма, важным средством завоевания симпатийбалканских народов в то время должна была стать присоединенная к России Бессарабия, куда был открыт свободный доступ беженцам — переселенцам из-за Дуная и Прута (болгарам, гагаузам, сербам, грекам, молдаванам и валахам). Именно поэтому

му переселенцам и всем жителям края предоставлялся ряд облегчений — налоговые льготы, освобождение от рекрутской повинности и сохранение местных особенностей в управлении областью. При этом царское правительство всячески старалось показать, что оно и впредь будет оказывать помощь всем балканским народам в их борьбе за освобождение.

Эти внешнеполитические обстоятельства явились одной из причин временного сохранения автономных начал и местных особенностей в управлении краем. Были к тому и причины внутреннего порядка¹⁰⁴.

Накануне вторжения Наполеона в Россию¹⁰⁵ царское правительство, опасаясь усиления оппозиции со стороны крупных прутурецких настроенных молдавских бояр, не хотело осложнить обстановку резкими и быстрыми изменениями во внутреннем управлении этого края. Значительная часть крупного молдавского боярства и без того была сильно задета, ибо в результате этого акта часть их имений осталась за пределами границ Российской империи и они вынуждены были, в определенные специальным соглашением сроки, продать их¹⁰⁶.

Кроме того, внутреннее положение края к тому времени характеризовалось тяжелой хозяйственной разрухой, явившейся следствием продолжительной войны, проходившей на ее территории, и длительного хозяйствования турецких завоевателей. Это вызвало недовольство широких трудовых масс.

Участились случаи бегства крестьян из Бессарабии. Недовольные бояре пытались воспользоваться создавшимся положением, распространяли ложные слухи о том, что крестьяне Бессарабии будут закрепощены и, тем самым, заманивали крестьян из Бессарабии в свои имения за Прутом¹⁰⁷.

В такой сложной внутренней обстановке, чтобы не осложнить ее еще больше, царское правительство решило не производить в Бессарабии сразу больших изменений во внутреннем административном управлении, предоставить ей определенную автономию с сохранением на первое время местных особенностей, законов и обычаяев¹⁰⁸.

В Бессарабии было введено уголовное и финансово-налоговое законодательство империи, но было сохранено местное гражданское законодательство, основанное на местных обычаях и византийских кодексах.

За всеми сословиями сохранялись прежние права и привилегии. Местная знать теряла лишь некоторые из прежних своих льгот, малые совместимых с регулярным сбором налогов, — право иметь скутельников¹⁰⁹, но взамен этого ей предоставлялись все права русского дворянства. Все жители края до 1817 г. освобождались от налогов и на 50 лет — от рекрутской повинности. Предоставленные льготы, права и преимущества во внутреннем управлении, а также наличие большого пространства неосвоенных плодородных земель (особенно на юге Бессарабии) привле-

кали сюда большое количество переселенцев и иностранных колонистов. Это привело к быстрому заселению края и его экономическому подъему.

Таким образом, в первые годы после присоединения к России царское правительство проводило в Бессарабской области, также как и в Восточной Армении, более осторожную и гибкую политику. Это выразилось, в частности, в создании Временного областного правительства, в количественном преобладании молдавских бояр над русскими чиновниками в аппарате управления, декларативном подтверждении личной свободы крестьян — царем и в сохранении молдавского языка в делопроизводстве, церквях, школах и др. Однако главная направленность политики царизма в управлении краем оставалась прежней и общей для всех национальных окраин — постепенная ликвидация местных особенностей и введение здесь, как и в других присоединенных областях, общеприменимых форм управления, общероссийского законодательства. [...] Безнадежность такой политики вынужден был впоследствии признать даже один из приближенных Александра I, ярый монархист и реакционер Александр Стурдза¹¹⁰. [...] А. Стурдза был сторонником русификации [...], но против насилиственных методов ее проведения. Он считал, что применение насилиственных методов является «...явным заблуждением и политической нетерпимостью, которое не к лицу державе-победительнице и опекуну». По его мнению, «...моральный перевес и распространение благосостояния из центра к окраинам стирают местные различия гораздо вернее, чем предписаны однообразия приказным путем»¹¹¹.

В первый период своего царствования Александр I пытался проводить именно такую политику в отношении управления национальными окраинами, то есть политику некоторых уступок местному элементу, рассматривая, однако, это как временную меру.

На протяжении первой трети XIX в. политика царизма в отношении национальных окраин, в том числе и Бессарабии, претерпела значительные изменения: [...] власть наместника увеличивалась, а права областного правительства всемерно урезывались. Царское правительство как бы стало раскаиваться в предоставлении национальным окраинам «мудрых уступок». Усилилась тенденция к централизации управления. [...]

Некоторые исследователи связывали эти изменения в политике царского правительства по отношению к национальным окраинам личными качествами, настроениями Александра I, его «протрезвением» и избавлением от пагубного влияния французского «либерализма».

В действительности изменение политики царизма, его методы управления в национальных окраинах определялись теми глубокими процессами социально-экономического порядка, которые происходили в России в целом, — разложением феодально-

крепостнических и формированием капиталистических отношений, обострением антикрепостнической борьбы и общественно-политического движения. Это объяснялось также и усилением классовой борьбы и национально-освободительного движения в Европе (события 20-х гг. XIX в. в Италии, Испании).

Поэтому важно проследить эти изменения, выявить особенности этой политики и ее эволюцию в зависимости от внутренних процессов в стране и внешних факторов. Проследить также, как в зависимости от изменения во внутренней политике царизма в центре страны изменялись и его отношения к национальным окраинам, в том числе и Бессарабии, менялись формы и методы административного управления этими окраинами. Необходимо определить и выделить этапы этой политики царизма в Бессарабии. При этом следует учесть, что в Бессарабии было два хозяйственных района: юг области — колонизуемый район и остальная часть (центральные и северные уезды), населенная издавна главным образом молдаванами. В обеих частях было много различий в экономической структуре, различной была и политика царизма в области административного управления этими частями.

Эти вопросы в общем плане впервые были поставлены в первом томе «Истории Молдавии» в главах автора данной работы¹¹², затем в работах И. И. Мещерюка¹¹³, А. В. Сурилова¹¹⁴ и в статье И. А. Анцупова и В. И. Жукова¹¹⁵. Однако в советской исторической литературе еще недостаточно исследованы как общие принципы областного управления Бессарабии, так и особенности в управлении, касающиеся различных разрядов и групп населения юга — позже заселенной части Бессарабии, — государственных крестьян, задунайских переселенцев, колонистов и других приравненных к ним групп населения.

§ 1. Управление Бессарабии в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

До присоединения Бессарабии к России на ее территории не было единого управления. Административное устройство и управление, как и ее территория, были раздроблены и не идентичны. Основная часть Бессарабии — центральные и северные уезды — являлись составной частью Молдавского княжества иправлялись молдавским господарем и Диваном (правительством). Южная часть — Буджакские степи, или собственно так называемая Бессарабия — принадлежала и управлялась ногайскими татарами, которые находились в вассальной зависимости от Турции. Турецкие «райя» (города и крепости Хотин, Бендери, Аккерман, Измаил, Килия и Рени с их окрестностями) управлялись турецкой администрацией во главе с пашой¹¹⁶.

Административное устройство основной части Бессарабии, как и всего Молдавского княжества, представляло собой следующую структуру: вся территория была разделена на уезды (цинуты), волости (окоале) и городские и сельские управы.

Всеми делами управления в стране руководил Диван, который непосредственно подчинялся господарю. Господарская власть была деспотичной, ее воля должна была исполняться беспрекословно. Однако Диваном руководили представители крупного боярства и духовенства.

Диван Молдавского княжества объединял в своем составе 6 департаментов: финансовых, административный, юстиции, военных дел, внешних сношений и духовных дел. Первенствующим членом Дивана был митрополит, а ведущим департаментом являлся департамент финансов (вистерия).

Руководитель департамента финансов — великий вистиер — являлся самым влиятельным должностным лицом в Диване, он почти бесконтрольно распоряжался государственной казной, доходами страны (податями, налогами, откупами, натуральными повинностями и пр.).

Исполнительно-оперативным органом Дивана была его канцелярия во главе с великим логофетом. Делопроизводство канцелярии Дивана было простым и довольно ограниченным. Главное его содержание состояло из периодических докладов обзорного порядка о деятельности департамента, доведения до департаментов распоряжений господаря и Дивана и ведения денежных счетов.

Диван не заводил никаких архивных дел. Из-за отсутствия твердо установленных писанных законов все делопроизводство основывалось на личном произволе управляющих. Письменная отчетность впервые была введена русской администрацией в период занятия княжеств русскими войсками в 1806—1812 гг.¹¹⁷

Общее собрание Дивана созывалось весьма редко и главным образом для решения внешнеполитических дел. Как правильно отмечает А. Накко, «Диван был собранием олигархов, а не правильно организованным правительственным учреждением»¹¹⁸.

Диван управлял цинутами (уездами) через исправников. Им подчинялись околаши (волостные старшины) и старосты. Главные функции всех этих чиновников состояли в сборе податей и налогов.

На должности исправников назначались именитые бояре, а околашей и старост — бояре второй и третьей категорий.

Сложившиеся в период турецкого господства в Молдавии (в том числе и Бессарабии) нравы и обычаи способствовали продаже должностей. Сам господарь, по существу, покупал свой сан у турецкого султана, члены Дивана — у господаря, исправники — у членов Дивана, околаши и старосты — у исправника. В результате на административных должностях оказывались те, кто больше платил.

Вся власть, все административное управление на местах сосредоточивались в руках исправников. Они были всесильными владельцами в уездах — администраторами, судьями и полицейскими. А. Болдур сравнивает положение исправника в Бессарабии с положением и функциями русских воевод середины XVII в., хотя и не оговаривает это. Их «назначение» проводилось также, как и «назначение» исправников в Бессарабии. В своем прошении к царю воевода обычно просил отпустить в такой-то город или уезд на воеводство «прокормиться»¹¹⁹.

В учреждениях, от которых зависело назначение на должность воеводы (разряд, приказ), была установлена плата, которая требовалась от претендента на пост воеводы. По окончании срока службы в этой должности (2—3 года) эти суммы возвращались воеводам с процентами, уплачиваемыми из налогов от населения. В Молдавии, однако, назначение на пост исправника проводилось иначе: преимущество давалось тому, кто больше платил, и уложенные суммы не возвращались. Зато исправник здесь пользовался и большими правами.

Как правильно указывает А. Кизеветтер, русское правительство принимало некоторые меры по количественному ограничению злоупотреблений воевод, хотя оно оказывалось еще бессильным полностью подчинить этого «агента» (воеводу — Я. Г.) центральной власти. Воевод при выезде из Москвы на воеводства в Сибирь, например, проверяли и описывали все запасы, которые они брали с собой. Когда они смещались, размеры их имущества также проверялись и сравнивались с тем, что было у них перед назначением. Лишнее конфисковывалось в пользу государства¹²⁰. Но этим, конечно, злоупотребления не прекращались.

Исправники в Бессарабии, как и во всем Молдавском княжестве в начале XIX в., были в этом отношении на более вольготном положении. Их никакие комиссии не проверяли ни перед назначением, ни по смещении. Поэтому они свободнее осуществляли злоупотребления, произвол и насилия над населением уезда.

Таким образом, А. Болдур сравнивает, по-существу, молдавских исправников именно с русскими воеводами, которые назначались также на уезд. При этом он упускает, вернее умалчивает, завуалируя одно важное обстоятельство. Он говорит о безграничном самоуправстве и бесконтрольном произволе молдавских исправников начала XIX в., сравнивает их действия, по-существу, с русскими воеводами XVII в.¹²¹ А это ведь разные эпохи. Следовательно, А. Болдур сравнивает несравнимое. При всех бюрократических пороках царской администрации в начале XIX в. в России действовали писаные законы, ограничивающие в определенной мере произвол царских чиновников в управлении. Административные должности не являлись предметом купли-продажи.

В Бессарабии, как и во всем Молдавском княжестве, система купли-продажи должностей еще сохранялась и была большим бедствием и тяжелым бременем для народа, ибо каждый, кто покупал свою должность на определенный срок (от одного до 3 лет) стремился за это время путем применения всевозможных форм и методов государственного фиска (порой и прямым грабежом), выручить затраты в два-три раза большие в целях личного обогащения¹²². Сложившаяся система откупа должностей и разорительные войны привели княжества и Бессарабию к «окончательному опустошению»¹²³.

Централизованная форма присвоения прибавочного продукта через налоговые обложения для молдавских бояр и чиновников до и в первые годы после присоединения Бессарабии к России была основной¹²⁴. Большим полем деятельности для чиновников-бояр была в этом плане война.

Один из исследователей истории Бессарабии Л. Кассо так характеризует состояние административного управления этого края до присоединения к России: «На самом деле то, что называется административным правом, не существовало в Молдавском княжестве, и не могло, конечно, оказаться и в Бессарабии: право и обязанности местной администрации не были определены ни одним законом; исправникам и их помощникам-околашам в уезде и капитанам в mestechках предоставлялся полнейший произвол, и только лишение их мест могло ввести временный корректив; служебная же ответственность должностных лиц, не существовавшая в княжестве, была также неизвестна в Бессарабии, пока имперские законы не были распространены на эту область»¹²⁵.

Бессарабское право основывалось в то время на старых земских обычаях, нигде не записанных, а также на отдельных компиляциях из византийских законов. Но, как указывает Кассо, суды в княжествах одинаково мало знали обычаи и законы¹²⁶. В судебном Диване было специальное должностное лицо — толкователь законов, который при отсутствии твердо установленных писанных законов и знающих людей в Диване всегда по-своему трактовал существовавшие обычаи и византийские кодексы.

То же самое отмечает и другой автор: «Занимая все посты в Диване и администрации, чиновники-бояре держали в своих руках всю страну: ...не руководствуясь никакими законами или правилами, они облагали население налогами по своему усмотрению, взимая иногда втрое больше, чем это было предусмотрено. Практиковалась продажа прав взимания налогов»¹²⁷.

Такое состояние управления в Дунайских княжествах — Валахии и Молдавии (в том числе и в Бессарабии) в период турецкого владычества общепризнано не только в русской¹²⁸, но и в иностранной дореволюционной литературе¹²⁹.

В период войны 1806—1812 гг. и занятия Дунайских княжеств и Бессарабии русскими войсками гражданское управле-

ние было подчинено главнокомандующему русских войск, непосредственно его заместителю по гражданской части, который одновременно назначался и председательствующим в Диванах Валахии и Молдавии.

К этому времени Дунайские княжества с их большими природными богатствами [...] находились в бедственном положении¹³⁰. Феодальный гнет бояр, длительное господство турецких захватчиков, расточительное правление господарей-фанариотов, а также многочисленные войны, которые проходили на этой территории, довели край до обнищания и разорения. Местная администрация собирала с населения двойные и тройные подати, объясняя это потребностями военного времени¹³¹.

Например, проверкой, проведенной по поручению командования русской армией, было установлено, что крупный боярин Александр Маврокордат, помимо положенных ему денежных и натуральных повинностей, под видом закупки скота для русской армии собрал с крестьян Хотинского уезда и присвоил себе еще 110 тыс. лей.

Молдавское боярство по вопросу об отношении к России и войне не было единодушным. Мелкие бояре в своей массе были на стороне России. Часть же крупных бояр, связанных своими экономическими интересами и политическим положением с турецкими властями, чуть ли не открыто встала на сторону Турции. Эти бояре саботировали действия русской администрации, организовывали заговоры против русского командования. Они рассматривали приход русских войск в княжества как угрозу их бесконтрольному ограблению народа.

В предшествующих русско-турецких войнах, когда русские войска занимали Дунайские княжества, русское командование почти не вмешивалось в дела внутреннего управления. В период этой войны создавшееся внутреннее положение в Молдавии и Валахии заставило русское правительство и командование Дунайской армией срочно принять меры по административному устройству княжеств.

В 1808 г. господарь Ипсиланти, заподозренный в связях с Турцией и поддержке протурецкой группировки бояр, былмещен, а Диваны княжеств преобразованы¹³². Вместе с тем структура управления и чиновничий аппарат на местах были сохранены прежние. Царское правительство не хотело осложнять положения и противопоставить себе весь местный боярско-чиновничий аппарат, лишить их доходных должностей. Цариэм и здесь с самого начала заигрывал с местной знатью.

Однако в целях некоторого ограничения произвола местных бояр и контроля за деятельностью господарской администрации был учрежден пост управляющего гражданской частью при главнокомандующем Дунайской армией. На этот пост был назначен русский чиновник С. Лошкарев, а с 1808 г. — сенатор С. С. Кушников. Он же был председателем в Диванах Молдавии

п Валахии и являлся связующим звеном между военными властями и местной гражданской администрацией.

Непосредственная задача русской администрации заключалась в создании крепкого тыла для русской армии, снабжении ее продовольствием и всем необходимым.

В инструкциях, данных сенатору Кушникову русским правительством через главнокомандующего генерала Прозоровского от 17 февраля 1808 г., указывалось: «Главная цель попечений ваших должна быть та, чтобы при продовольствии войск, в том kraе находящихся, жители не несли излишних тягостей, чтобы... сколь можно охранено было строгим по всем частям соблюдением правосудия со стороны земского правительства»¹³³.

Однако и после подчинения главного административного управления русскому командованию, несмотря на строгие инструкции, положение дел в княжествах, в том числе и Бессарабии, оставалось еще тяжелым. Для снабжения армии требовалась поставки продовольствия и фуражка, возрастила также подводная повинность для перевозки различных грузов, связанных с потребностями армии. К тому же чиновники-бояре по-прежнему пользовались положением войны для личного обогащения, разоряя население различными самоуправными налогами.

Как неоднократно отмечал главнокомандующий генерал Багратион, создалось такое положение, что обворовывалось население всячими путями, и продажные чиновники-бояре все сваливали на русскую армию¹³⁴.

В задачи председательствующего в Диванах входило прежде всего санкционирование их решений, недопущение злоупотреблений со стороны членов Диванов, контролирование выполнения Диванами требований армии, установление размеров налогов и повинностей, распределение расходов вистерии.

Чтобы выполнить эти функции, требовалось, прежде всего, упорядочение управления, ограничение волниющих злоупотреблений, устранение бояр-изменников. Ограничавая произвол бояр, русское правительство достигало двойкой цели: во-первых, улучшалось снабжение русской армии, а, во-вторых, этими мероприятиями оно завоевывало симпатии не только населения Дунайских княжеств, но и балканских народов, что имело большое политическое значение. Хотя состав и порядок делопроизводства на первых порах оставались в основном прежними, влияние председательствующего в Диванах быстро возрастало.

Новая администрация провела ряд прогрессивных мероприятий. Была введена денежная отчетность и под угрозой строгого наказания запрещены взятки и купля-продажа должностей; было упорядочено судопроизводство и приняты меры к ускорению решения дел. Для наблюдения за выполнением этих решений при Диванах были учреждены специальные исполнительные комитеты¹³⁵, а при сенаторе Кушникове была создана особая

канцелярия, состоявшая из председателя, чиновников по особым поручениям — ревизоров и секретарей¹³⁶.

Сопротивление части боярства мероприятиям русского командования и русской администрации в княжествах вынудило Багратиона и Кушникова ввести такие порядки, которые обеспечивали четкое выполнение заданий русского командования по обслуживанию армии. Для этого потребовалось обновить состав Диванов¹³⁷ — и на должности исправников были назначены лица, лояльно относящиеся к России¹³⁸. Была введена новая система делопроизводства в государственном аппарате и в суде.

Русское командование и администрация уделяли большое внимание тому, чтобы чиновники-бояре Молдавии и Валахии не обременяли население излишними налогами под видом сборов для русской армии.

Багратион писал валашскому Дивану: «Безопасность собственности есть после сохранения жизни и чести первейшее право всякого гражданина, под защитой благоустроенного правительства живущего. Но безопасность сия ни в каком государстве, ни в какой области существовать не может, если подати, которые каждый обыватель по состоянию своему уплачивать обязан, не будут с точностью определены»¹³⁹.

Багратион строго наказывал тех бояр-чиновников, которые в целях собственной наживы незаконно собирали от населения налоги вдвое, втрое больше установленных. Для проверки на места направлялись специальные ревизоры и назначенные комиссии¹⁴⁰.

Однако по роду занятий функции Кушникова и его канцелярии все же были временными. Он не уполномочен был коренным образом изменить местный порядок в администрации, а призван был лишь улучшить, усовершенствовать его.

В своей деятельности в княжествах русская администрация опиралась на бояр, как на мелких и средних, так и на часть крупных, которые стремились к освобождению княжеств из-под турецкого ига.

Мероприятия русского правительства по упорядочению управления княжествами имели положительное значение для страны: Но они вызывали сопротивление тех, кто в результате этих мероприятий терял значительную часть своих прежних доходов, так как контроль, установленный над доходами края, устранил бояр от участия в их распределении.

В Бухаресте был раскрыт и ликвидирован заговор крупных бояр — сторонников Турции, заговор Варлаама и Константина Гпки¹⁴¹.

Крупные валашские бояре, недовольные введением новых порядков управления, отстранением их от доходных должностей, установлением строгого контроля над распределением доходов, и, подстрекаемые агентами Турции, Австрии и Франции, образовали сильную оппозицию против русской администрации и

командования русских войск. Они добивались восстановления прежних выгодных им порядков управления посредством вмешательства иностранных держав. В этих целях бояре вступили в тайную переписку с султанским двором в Константиноополе, а также с французскими и австрийскими агентами¹⁴². Напав на след боярского заговора, русское командование поручило генералу Милорадовичу расследовать дело и принять меры к ликвидации опасности для русских войск. Заговор был раскрыт, его организаторы — крупные бухарестские бояре — были высланы из города, а в 1810 г. боярин Филиппеско был переселен в Россию¹⁴³.

Зима 1809—1810 гг. прошла в борьбе главнокомандующего русскими войсками Багратиона против местной боярской оппозиции. Была создана специальная комиссия по расследованию злоупотреблений чиновников-бояр¹⁴⁴. В соответствии с заключением этой комиссии Багратион наказывал крупных бояр за их лихоимство, грабежи, насилия и открытую измену. Это вызвало еще большее недовольство в местной боярской среде, начались интриги. В Петербург на Багратиона посыпались доносы. На основании полученных донесений о «беспорядке», якобы царившем в Дунайской армии, Александр I сменил главнокомандующего и председательствующего в Диванах. Вместо Багратиона был назначен генерал Каменский, а вместо Кушинкова — сенатор Красно-Милашевич¹⁴⁵.

Важными мероприятиями русской администрации явились объединение под единым управлением и унификация административного устройства и управления на территории всей Бессарабии (между Днестром, Прутом, Дунаем и Черным морем)¹⁴⁶.

В 1806 г. после вступления русских войск на территорию Дунайских княжеств бывшие владения буджакских татар, переселенных в 1807 г. в Крым, и турецкие райи были возвращены Молдавскому княжеству. Во время войны 1806—1812 гг. они наряду с прочими территориями Молдавского княжества управлялись молдавским Диваном через назначенных им исправников¹⁴⁷. На территории Буджака было создано три цинута: Бендерский, Аккерманский и Томаровский. Все они вместе с Хотинской районами были подчинены общему управлению молдавского Дивана.

В письме от 8 мая 1807 г. министр иностранных дел России А. Будберг сообщал главнокомандующему Дунайской армией Михельсону, что Александр I, одобрав его представление относительно рай Бендерской, Аккерманской и Килийской, «соизволяет, чтобы оные также, как и Хотинская, отданы были в управление молдавского Дивана, а равным образом и вся часть Бессарабии, которая войсками нашими занимается...»¹⁴⁸. В 1813 г. вся эта территория была включена в состав Бессарабской области¹⁴⁹.

Вследствие этого сложились более благоприятные условия для передвижения населения, роста торгово-ремесленной прослойки в бывших турецких крепостях, развития экономических связей внутри края. В то же время в крае сохранились некоторые особенности: прежнее гражданское законодательство, прежняя монета в обращении, цены и налоги, таможенная линия по реке Днестр (до 1830 г.) и т. д.

Административное объединение всех трех частей края при сохранении упомянутых особенностей вскоре привело к образованию единого бессарабского рынка как части общерусского рынка. Это было необходимым условием для повышения товарности хозяйства и развития капиталистических отношений, вместе с тем являлось важным свидетельством прогрессивности присоединения края к России.

Русская администрация под руководством Кушникова, а затем Красно-Милашевича еще в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. уделяла большое внимание и устройству переселенцев, колонистов, бежавших от султанского гнета и поселившихся на территории Буджака¹⁵⁰.

После ухода турок и татар на этой территории оставалось очень небольшое количество населения — молдаван, болгар, гагаузов, армян и др. Ее необходимо было заселить, в первую очередь устроить беженцев, поток которых непрерывно возрастал. Быстрошее заселение было одним из важных условий экономического подъема и успешного хозяйственного освоения малозаселенного Юга Бессарабии.

Болгары и гагаузы начали переселяться в Бессарабию в конце XVIII в.¹⁵¹, затем число их неуклонно возрастало. Они оседали в степях Буджака, близ городов Измаил, Килия, Рени и Аккерман, а также в Кишиневе. По данным Т. Голбана¹⁵², ко времени вступления русских войск в Дунайские княжества на территории Буджака насчитывалось:

Татар и турок	— 80 тыс.
Армян	— 30 тыс.
Православных (молдаван и болгар)	— 20 тыс.
Евреев	— 10 тыс.
Всего:	140 тыс. человек.

Первыми переселенцами из-за Дуная во время войны 1806—1812 гг. были казаки — «некрасовцы», которые в 1807 г. перешли на сторону России и по соглашению с главнокомандующим Михельсоном поселились на территории Буджака и сформировали два полка — буджакский и усть-дунаинский, положившие начало Дунайскому казачьему войску¹⁵³.

Вслед за «некрасовцами» из-за Дуная переселились болгары и гагаузы, сербы, армяне и греки. В 1808 г., при содействии

коменданта крепости Силистрии генерала Инзова, переселилась первая (во время этой войны) группа болгар в количестве 1 тыс. семейств и поселилась в районе Измаила, в низовьях Дуная¹⁵⁴.

Как справедливо отмечает И. И. Мещерюк¹⁵⁵, переселенцы из-за Дуная встретили радушный прием со стороны местного населения. Однако вскоре их положение осложнилось из-за притеснения местных бояр-исправников, «дурная слава о которых была хорошо известна...» По настоятельной просьбе переселенцев председательствующий в Диванах сенатор Кушников изъял колонистов из-под управления исправников-бояр и поручил их попечительство особым русским комиссарам, дав последним специальные указания об устройстве быта переселенцев. Политические соображения, стремление упрочить позиции и авторитет России на Балканах вынуждали русское командование пойти на уступки и дать ряд льгот задунайским переселенцам. В 1809—1810 гг. по распоряжению главнокомандующего русскими войсками генерала Багратиона переселенцы были освобождены от уплаты налогов и несения повинностей¹⁵⁶.

Багратион внимательно отнесся к переселенцам из-за Дуная. В приказе по армии от 7/19 сентября 1809 г. он призывал солдат и офицеров оказывать всяческую помощь, «дружбу и братскую любовь», дабы исполнением сих... добродетелей приобрести, сохранить и усилить приверженность тех... народов к нам... Сие самое и понуждает меня подтвердить ныне наистройнейшим образом, дабы все христианские обыватели оставались в полном мирном и неприкосновенном владении их собственностью и не претерпевали бы никаких обид и притеснений»¹⁵⁷.

Однако наибольшую заботу о задунайских переселенцах проявил главнокомандующий Дунайской армией М. И. Кутузов, который в своем специальном обращении к переселенцам гарантировал им освобождение от земских податей и повинностей на 3 года, а также пообещал предоставить земли для поселения по собственному выбору и подчинить их не Диванам Молдавии и Валахии, а «специально определенным российским офицерам»¹⁵⁸.

В результате принятых мер по ограждению интересов колонистов от посягательства местных бояр впоследствии приток переселенцев из-за Дуная в Бессарабию значительно возрос.

М. И. Кутузов уделял большое внимание внутреннему состоянию края в целом. Под его руководством русская администрация добивалась, чтобы крестьянское население своевременно сеяло и обрабатывало свои поля. В распоряжениях и указаниях комендантом гарнизонов Кутузов требовал содействия населению в проведении этих работ¹⁵⁹.

Население деревень, которые особенно пострадали в ходе войны, освобождалось от государственных повинностей¹⁶⁰. Кутузов пошел на сокращение подводной повинности, выполнявшейся местным населением для нужд армии.

Особые мероприятия были проведены в отношении переселенцев из-за Прута и Дуная (молдаван, болгар, гагаузов, сербов, цыган и др.), которые спасались бегством от турецкого гнета, переходя через фронт в места расположения русской армии. По распоряжению Кутузова, этих беженцев продолжали селить в южной Бессарабии. Для быстрейшего обзаведения хозяйством их представлялись различные льготы¹⁶¹.

Проводились и другие мероприятия. Установление отчетности о расходовании государственных средств, благоустройство городов и кладбищ за чертой города и сел¹⁶², упразднение привилегий, которыми пользовались иностранцы на основании разных договоров на территории княжеств¹⁶³, назначение гражданских врачей для борьбы с эпидемическими и другими заболеваниями — все эти мероприятия в то время были прогрессивными. Кутузов, как и Багратион, запрещал военным властям вмешиваться в дела гражданского управления.

Проводилась определенная работа по исследованию богатств недр земли. В 1810 г. в Молдавию из России была направлена группа мастеров-металлургов, которая занималась исследованием минеральных богатств страны. Русские мастера обнаружили наличие железа и золота в районах Бая, Хангу и Бележешть, а также в Нямецком цинките¹⁶⁴.

Наряду с этим русская администрация принимала меры по развитию духовной культуры края. Из Киева и других русских городов приглашались в Бухарест и Яссы ученые и учителя.

Говоря о положительной деятельности русской администрации и командования русской армии на территории Дунайских княжеств, необходимо отметить, что русские гражданские и военные власти [...] прежде всего преследовали цель укрепить тыл русской армии, привлечь симпатии народов княжеств и всего Балканского полуострова к России. При этом царское правительство стремилось опереться на местных бояр, сохраняло их основные привилегии.

В этом заключался смысл мероприятий русской администрации и командования в Дунайских княжествах. Однако, хотя субъективные цели царизма носили [классовый] характер, объективные результаты указанных мероприятий имели положительное значение для княжеств и их населения, так как прежний режим, установленный турецкими захватчиками, доводил эти страны до полного разорения.

§ 2. Временное законодательство и управление в 1812—1816 гг.

После присоединения Бессарабии к России, как и прежде в период войны на всей территории Дунайских княжеств, военная и гражданская власть в этом крае (до начала 1813 г.) была сосредоточена в руках командующего Молдавской армией адмирала

П. В. Чичагова, сменившего на этом посту М. И. Кутузова, который после подписания Бухарестского мира был отзван в Петербург¹⁶⁵. По поручению правительства Чичагов приступил к организации послевоенного административного управления Бессарабской областью в составе России¹⁶⁶.

К тому времени, однако, адмирал Чичагов свое главное внимание обращал на подготовку и отправку... войск к северо-востоку от Днестра¹⁶⁷. Поэтому для составления правил о временном управлении Бессарабской областью он привлек графа Каподистрия — одного из видных в то время знатоков восточных дел при Петербургском дворе и сторонника сохранения местных особенностей в управлении краем¹⁶⁸. Эта позиция в те годы согласовывалась с политикой временных уступок, проводимой правительством Александра I по отношению к некоторым вновь присоединенным территориям — Финляндии, Польши и др.

Подготовленный Каподистрия проект правил временного управления Бессарабской областью был представлен в июле 1812 г. Чичаговым правительству в Петербург¹⁶⁹. Вслед за этим 1 февраля 1813 г. вышел указ сената об учреждении Временного правительства Бессарабии по гражданскому управлению, во главе которого был поставлен молдавский боярин Скарлат Стурдзэ¹⁷⁰, переехавший в Россию и принявший русское подданство еще в 1792 г., то есть после Ясского мира¹⁷¹. С созданием Временного правительства Бессарабской области и вступлением в исполнение своих обязанностей гражданского губернатора Скарлата Стурдзы завершило свою деятельность и было ликвидировано управление по гражданской части при главнокомандующем Дунайской армией, а его руководитель В. И. Красно-Милашевич был отзван в Петербург¹⁷². Последними мероприятиями этого управления на территории Бессарабии были: эвакуация своих архивов из Дунайских княжеств в Бессарабию (ныне архив сенаторов ЦГА МССР), снятие территории Бессарабии на план и краткое статистическое описание этого края.

Основные задачи Временного правительства Бессарабской области по проведению политики царизма здесь были определены «Временными правилами», составленными Каподистрия и одобренными царем, а также специальными инструкциями адмирала Чичагова, адресованными первому бессарабскому губернатору Скарлату Стурдзе¹⁷³.

В инструкциях губернатору С. Стурдзе сказано: «Надобно дать восчувствовать жителям Бессарабии выгоды отеческого и щедрого правления и искусственным образом обратить на область сию внимание пограничных народов. Последняя война занимала умы и надежды молдаван, валахов, греков, болгар, сербов и всех народов, привязанных к России... Итак, надобно сохранить привязанность сих народов... Бессарабия требует увеличение населения. Исходя из этого, болгарам, молдаванам, валахам и

сербам, которые ищут родину, вы можете предложить ее в этом крае, обеспечив их имущество и справедливость»¹⁷⁴.

Для достижения этой цели Чичагов предписывал «...поставить все в движение, чтобы возбудить в жителях этой области любовь к родине и правительству». Рекомендовалось организовать начальную школу, привлечь какой-нибудь заграничный богатый торговый дом в целях развития торговли в Бессарабии. Вместе с тем далее в инструкции указывается, что исходя из условий войны, «эта провинция должна стать продовольственным резервом и складом для военных нужд»¹⁷⁵.

Таким образом, в первом же пункте инструкции раскрывается основная политическая цель: использовать «благоустроенную Бессарабию как притягательный центр для балканских народов в интересах достижения внешнеполитических задач царизма на Балканах — укрепления там его позиций.

Мотивы внешнеполитического характера вынуждали царское правительство создать в Бессарабии такую систему управления, которая целиком соответствовала общей политике на окраинах, но с учетом некоторых местных особенностей. Чтобы привить подданным «любовь к отечеству и к его правлению», главнокомандующий русской армией на Дунае адмирал Чичагов предписывал Скарлату Стурдзе, чтобы «общественные должности были правосудно распределены; чтобы правота правителей ...заставила бессарабских жителей забыть отсутствие законов, приведенных в систему»¹⁷⁶.

Характерной чертой [...] политики царизма на окраине было стремление создать себе социальную опору в лице местной феодальной верхушки. Поэтому при осуществлении этих задач и в Бессарабии царское правительство, учитывая интересы местных бояр и чиновников, сохранило выгодное им административное устройство, прежние поземельные отношения, законы и обычаи земли. Однако царизм допускал это как преходящую меру.

«Правила» 1813 г. впервые официально закрешили за при соединенным краем наименование «Бессарабская область», которая включала в своих границах территорию между реками Днестр, Прут, Дунай и Черным морем. На этой территории было 12 административных единиц-уездов, 17 городов, 693 селения с населением более 43 тыс. семейств¹⁷⁷.

Новые «Правила» сохраняли в основе старую структуру управления. Оставалось прежнее деление властей на военную и гражданскую, функции верховной власти, как и во время войны, осуществлял главнокомандующий Молдавской армией. Военачальник и гражданский губернатор поддерживали связь с правительством и царским двором через главнокомандующего и назначались императором.

В должности гражданского губернатора оставался С. Стурдза, а в должности военачальника был назначен генерал Гар-

тинг¹⁷⁸. Губернатор по своему усмотрению назначал исправников. Последними могли быть только молдаване, присягнувшие на подданство России, или русские.

[Занятия] промышленностью, сельским хозяйством, наукой, искусством, различные денежные доходы, наличие движимого или недвижимого имущества давали право на гражданство. Эти права утверждались присягой на подданство России. Воинские части и крепости на территории области были подчинены военному начальнику области, но последний по тем же мотивам внешнеполитического порядка не имел права вмешиваться в дела гражданского управления, а обязан был в случае необходимости предоставить гражданскому губернатору помочь войсками.

В этом отношении «Временные правила 1813 года», введенные в Бессарабии, выгодно для местной знати отличались от правил административного управления, введенных на других вновь присоединенных национальных окраинах, например, в Грузии (1802 г.), где военные власти не только вмешивались, но по существу местную администрацию там представляли русские офицеры в звании «капитан-исправников»¹⁷⁹.

В Кишиневе и в Хотине были учреждены полицмейстерства, которые руководствовались общерусскими законами и подчинялись гражданскому губернатору. В городах-крепостях полиция подчинялась комендантом крепостей¹⁸⁰.

С опубликованием в 1813 г. первого закона об управлении краем было создано областное правительство Бессарабии, во главе которого стали молдавские бояре, молдавские и русские чиновники. Согласно этим «Правилам» в Бессарабии в основном сохранялись старые феодальные обычаи. Всеми делами внутреннего управления ведал гражданский губернатор, который одновременно являлся и председателем областного правительства. Областное правительство состояло из Общего собрания и двух департаментов, которые в свою очередь делились на три экспедиции.

В составе первого департамента были созданы экспедиции: гражданских или судебных дел, уголовных и следственных, городской и земской полиции.

Второй департамент состоял также из трех экспедиций: статистики, финансов и торговли. В состав экспедиций назначались советники из русских чиновников и молдавских бояр, причем последним давалось преимущество. Соотношение между числом молдавских и русских чиновников было 7:5¹⁸¹.

Гражданские и уголовные судебные дела решались по действующим в Бессарабии местным указаниям и обычаям, а полицейские дела отправлялись по общерусским законам¹⁸².

Ни одна экспедиция не была уполномочена принимать какие-либо решения по текущим делам, они занимались только

подготовкой дел. Решение выносилось большинством голосов собранием каждого департамента.

Общее собрание, состоявшее из всех советников департаментов под председательством губернатора, обсуждало и окончательно решало все дела, поступающие из департаментов, а также те, которые представляли сам губернатор.

В этом плане бессарабское областное правительство до 1815 г.¹⁸³ пользовалось большими правами чем, например, верховное грузинское правительство, решения которого подлежали обжалованию в правительственный сенат¹⁸⁴.

Дела велись на русском и молдавском языках параллельно, поэтому каждый департамент имел две канцелярии; на молдавском языке обязательно должны были вестись тяжебные дела. Преобладающее положение в областном административном аппарате занимали молдавские бояре, которые с самого начала стали надежной опорой и проводниками политики царизма в Бессарабии.

Новое административное устройство в области, введенное на основе «Правил 1813 г.», восстанавливала единую для всей территории Бессарабии структуру административных учреждений, нарушенную турецкими завоевателями в результате захвата этих земель. [Это имело положительное значение для края].

Главная особенность положения 1813 г., как указывает Л. Кассо, состояла в том, что бессарабский губернатор непосредственно подчинялся командующему Дунайской армией, который, в свою очередь, представлял правительство империи¹⁸⁵. Следовательно, акт 1813 г. являлся временным, тесно связанным с военным положением России. Царское правительство сохранило почти всюду прежнее положение, [и] правительство области несколько напоминало молдавский Диван. В уездах сохранились прежние должности исправников [...] (из молдавских бояр), которые сосредоточивали в своих руках административную и юридическую власть. [...]

Положение края продолжало оставаться тяжелым ввиду хозяйственной разрухи, явившейся следствием войны, эпидемий, взяточничества чиновников, корыстолюбия откупщиков казенных заведений, подрывной деятельности пропутешественников настроенных бояр.

«Правила 1813 г.» способствовали наведению некоторого порядка. Вводилась отчетность в учреждениях, устанавливался определенный контроль за деятельностью чиновников, ограничивался в некоторой мере их произвол. По сравнению с порядками, существовавшими в Бессарабии при господстве султанского режима, новое управление было шагом вперед в усовершенствовании управления областью.

Однако и «Правила...» не были лишены многих недостатков прежнего режима, ибо остались [практически] прежние полно-

мочия исправников-бояр, которые являлись вершителями всех дел на местах.

Как правильно отмечает исследователь А. Накко, «не руководствуясь при отправлении своих обязанностей никакими законами.., молдавские чиновники считали вверенную им власть совершенно абсолютной и поступали во всех случаях только по своему личному произволу»¹⁸⁶.

Пользуясь почти неограниченной властью, исправники [располагали сельскими жителями как своей рабочей силой]: «...обрабатывали ими свои поля, пользовались безвозмездно подводами, употребляли людей на подрядных работах, взимали с них разные статьи в свою пользу и сверх всего подвергали их... побоям и истязаниям»¹⁸⁷.

Новое административное управление устранило открытые формы грабежа и насилия. Злоупотребления бояр и чиновников были ограничены, но полностью не ликвидированы. Сохранились взяточничество, волокита и чиновничий бюрократизм, особенно при решении административных, судебных и финансово-налоговых дел. Основы классового господства боярства остались неприкосновенными. Хотя, согласно «Временным правилам», жители Бессарабии освобождались на три года от всех государственных податей, однако исправники-бояре на протяжении всех трех лет, установленных «Правилами», продолжали собирать с налогоплательщиков области подати в свою пользу¹⁸⁸. При рассмотрении судебных дел с истца и ответчика взималась специальная пошлина, которая была равна десятой части суммы иска¹⁸⁹.

Продолжавшийся произвол чиновников-бояр, обременительная система откупов и продовольственные затруднения вызывали недовольства и волнения среди крестьян и бегство их, как и задунайских переселенцев, из Бессарабии. Бегству крестьян способствовали также распространяемые прутурецки настроеными боярами (имения которых остались в основном на западном берегу Прута) слухов о том, что в составе России крестьяне Бессарабии будут закрещены¹⁹⁰. По данным П. С. Свинынина, до 1815 г. из Бессарабии эмигрировало более 3,8 тыс. семейств¹⁹¹. Это было подтверждено и П. Д. Киселевым в своем докладе Александру I¹⁹².

Исследуя причины бегства крестьян, Л. Кассо показывает, что они состояли главным образом в экономическом расстройстве крестьянского хозяйства вследствие длительной войны и бесконечных поборов¹⁹³. Экономическое положение края оставалось тяжелым. Вследствие войны с Наполеоном и неблагоприятных отношений с Турцией, Бессарабия была отрезана от прежних рынков — Турции, Молдовы и Австрии и еще не успела наладить [широкие] связи с рынками России. Лишь в 1815 г. был разрешен вывоз хлеба через Измайл в Турцию и через Новоселицу в Австрию¹⁹⁴.

В этой сложной обстановке в Бессарабии обострялась борьба группировок в среде крупного боярства и духовенства. Одна группа бояр во главе с митрополитом Гавриилом (Банулецко-Бодони) и С. Стурдзой отстаивали автономные права области, дальнейшее укрепление местного самоуправления на основании местных законов и обычаев¹⁹⁵. Другая группа бояр и чиновников, возглавляемая военачальником области генералом Гартингом, видя причины всех зол в крае в сохранении прежних порядков, настаивала на их сильном ограничении или полной ликвидации и введении общеприменимых законов губернского типа.

Осложнившееся положение в недавно присоединенной к России Бессарабской области вызвало беспокойство в правительстенных кругах в Петербурге. Чтобы несколько успокоить «оппозицию», Александр I в рескрипте на имя митрополита Гавриила подтверждал «неизменность прав и обычаев сей земли», налоговые и рекрутские льготы жителям области¹⁹⁶. Для расследования «беспорядков» в области из Петербурга были посланы специальные уполномоченные. Н. Байков, командированный в 1813 г. в Бессарабию для расследования дел на месте и сбора сведений о состоянии управления, отметил не только меры царского правительства по восстановлению хозяйства области, но и случаи произвола местной администрации, тяжело отражавшейся на положении крестьян¹⁹⁷. После проверки им была составлена докладная записка на имя министра внутренних дел князя Куракина¹⁹⁸.

В этой докладной записке гражданский губернатор области Скарлат Стурдза обвиняется в отсутствии опыта, старости и слабости характера, а также слабости местного правительства¹⁹⁹. В докладной указывается, что внутреннее руководство осуществляют исключительно молдавские исправники, избранные по воле областного правительства, они не разбираются в законах и руководят по прежним обычаям края. В Бессарабии, как и в Дунайских княжествах, руководствуются только неписанными обычаями, некоторыми кодексами императора Юстициана. Но кодексами законов руководствуются только в исключительных случаях в гражданских или уголовных делах. Причем, это в том случае, когда бояре хотят свой произвол выдать за закон. «Тут, — указывает Байков, — существует право сильного и лозунг, кто даст больше...»²⁰⁰. Автор далее отрицательно характеризует администрацию, показывает злоупотребления исправников. Незаконно введена, например, пошлина на привозное горячее вино, чего раньше не было. Со своей стороны, автор приводит как лучшие примеры системы управления, установленные в Тавриде и в Грузии, где уже были введены общеприменимые учреждения²⁰¹.

Таврическая губерния, то есть Крым, находившийся ранее также под властью турецких султанов, отмечает автор, имеет

больше сходства с Бессарабской областью, чем прочие окраины России, поэтому административное устройство и управление, установленные там, по его мнению, удобнее могли быть применены и в Бессарабской области²⁰².

Основываясь на докладной записке Н. Байкова и рапортах военачальника области Гартинга, большинство сановников царского правительства настаивали на суживании местного самоуправления, на некотором ограничении прав местных чиновников-бояр и постепенном введении общерусских законов. Царское правительство, поддержав эту тенденцию, решило пойти по пути большей централизации власти и укрепления областного управления путем объединения в одних руках военной власти и гражданского управления.

В этих целях в мае 1813 г. С. Стурдза был уволен в отставку и начальником области назначается генерал Гартинг²⁰³.

Вступив в должность также и гражданского губернатора, Гартинг составил проект нового положения об управлении Бессарабской областью с учетом введения общерусских законов и с сохранением лишь некоторых отступлений в сторону особого управления.

Новый проект вместе с соответствующим рапортом были представлены министру юстиции²⁰⁴.

Гартинг направил в Петербург также и краткий очерк о состоянии управления Бессарабской областью²⁰⁵, в которой, помимо общей характеристики административного устройства и управления, излагает недостатки этой системы управления. Все неустройства он объясняет отсутствием «общерусской законности» и преобладанием молдавских бояр в административном аппарате.

В своих представлениях Гартинг подверг резкой критике состав областного правительства, главным образом, советников из молдавских бояр и просил разрешение на их ежегодное смещение. Он мотивировал это тем, что молдавские чиновники-бояре, не зная дела, «пренебрегают всяkim благоустройством; пользуясь большинством голосов, они содействуют больше нарушению, нежели соблюдению правосудия»²⁰⁶.

До 1816 г. Бессарабская область в административном отношении делилась на 9 уездов: 1) Оргеевский, 2) Хотинский, 3) Сорокский, 4) Ясский или Фалештский, 5) Бендерский, 6) Хотарничанский, 7) Кодрский, 8) Гречанский, 9) Томаровский или Измаильский. Областной город Кишинев находился в Оргеевском уезде. В каждом уезде имелась одна-две волости (окоале). Их численность зависела от размера уезда. Каждым уездом по-прежнему управлял исправник.

По молдавскому обычаю исправники назначались на год и утверждались губернатором. Почти все они были из числа молдавских бояр. В каждой волости находился один таможенный чиновник (секретарь или кассир), который также назначался

из числа молдавских чиновников-бояр. Волости подразделялись на участки — примарии (управление сел и городов) под управлением участковых капитанов де мазыл (в селах) и капитанов де тырг (в городах). На должности старост исправники назначали мелких бояр второго и третьего разрядов или мазылов. Они все без исключения подчинялись исправнику. Исправники разрешали спорные вопросы по обычаям земли на молдавском языке и в большинстве случаев устно, как это делалось в Молдавском княжестве²⁰⁷.

В Кишиневе и в крепостях Хотин, Бендера, Аккерман, Килия и Измаил были учреждены органы полиции по русскому образцу²⁰⁸. Они подчинялись не только губернатору и первому департаменту, но также и комендантом крепостей. Полицейские органы руководствовались общеимперскими законами, специальными положениями, составленными для них министерством полиции. В управлении сельскими местностями применялись в основном местные законы и обычай, в городах же в основном — общерусские. Крестьяне подчинялись гражданской администрации, города же — больше военному командованию. Это явилось еще следствием турецких порядков, когда крепостями управляли турецкие военные чины. Остальная часть области управлялась гражданскими властями.

Так характеризовал систему административного устройства и управления военный начальник генерал Гартинг, который стал и гражданским губернатором Бессарабской области.

К записке генерала Гартинга приложен перечень всех недостатков управления областью. По его мнению, они заключались в следующем.

Несовершенство Общего собрания управлений, состоящего из 12 советников и специального секретаря. Оно является несовершенным, поскольку выполняет только поручения губернатора. Собрания созываются только по желанию губернатора. Автор пишет, что в России нет другого подобного учреждения. Молдавские и русские советники подчиняются губернатору, он их и утверждает без санкции центрального правительства. Губернатор дает предписания, но не приказывает, как это делается в России. Решения Общего собрания не подлежат обжалованию. Это касается частных и спорных вопросов. Создается такое впечатление, указывает автор, что Общее собрание никому не подчиняется и его решения не подлежат обсуждению. В случае отсутствия губернатора, во время болезни, никто его не замещает, и область остается без руководства. К числу недостатков автор записки относит и то, что «не открыт еще путь к подаче жалоб» на действия самого Общего собрания²⁰⁹.

По существу, Гартинг предлагает ограничить права Общего собрания и усилить власть губернатора, то есть усилить централизацию власти, ограничить автономию области.

В первом департаменте областного правительства Гардинг находит следующие недостатки: 1) нет постоянного председателя, который бы следил за ходом работ, постоянной канцелярии.

Обращает внимание поверхностность молдавских законов. Создается такое впечатление, что молдавских законов «по-видимому, вовсе не существует, ибо нигде нет никаких ни книг молдавских законов, ни актов, где бы видно было, что применяются законы, все делается устно молдавскими боярами и чиновниками». Здесь видно несоответствие между русским и молдавским правом. Первое основывалось на письменных законах, второе — на неписанных обычаях; 2) в одно целое сливаются гражданские и уголовные дела; 3) из 9 членов семь были молдаванами и только двое — русскими, в чем отражалось большое неравенство голосов²¹⁰.

Автор указывает на то, что молдавские советники во время совещаний интригают, стремятся навязать свое личное мнение, часто, вопреки благоразумию, не соглашаются с мнением своих русских коллег. [...] Автор обвиняет молдавских чиновников-бояр в том, что они стремятся скрыть настоящее положение вещей и местные условия для того, чтобы «могли успешнее действовать в совокупной их выгоде; утаивают, что в Молдавии действовало... бесчеловечное право сильного, для бояр выгоднейшее». Чтобы успешнее действовать, бояре стремятся, чтобы русские имели меньше, а молдавские чиновники возможно больше должностей в управлении областью²¹¹. Далее указывается, что молдавские чиновники, имея свою канцелярию, препятствуют, чтобы русские вмешивались в их гражданские, уголовные или исполнительные дела. В этой канцелярии нет никакого порядка. Дела начинаются и кончаются почти без всяких письменных документов, в канцелярии отсутствуют не только реестры бумаг, но и архив, много документов уничтожается, а оставшиеся чиновники-молдаване держат у себя дома. По многим делам даются устные указания, которые часто противоречат другим приказам, составленным местными же чиновниками. Часто в одном и том же деле стороны получают противоречивые решения, отсюда частые споры²¹². Автор обвиняет советников-молдаван в том, что они стремятся расширить имения свои, своих родственников и своих друзей, выдавая друг другу документы на право собственности²¹³. В личных делах они подменяют судей. Например, в Бессарабии исправники являются непосредственными хозяевами уезда. Они выполняют должностности уездных судей, магистров городов и местечек, примарей, администраторов, кассиров и судей. Исправники, избранные на год, стремятся работать только для себя, а не на население. [...]

Несмотря на то, что жители освобождены на три года от налогов, исправники и другие административные чиновники стараются из них выжать как можно больше. Кроме того, ис-

правники берут себе десятую часть суммы, присужденной по частным спорам. Исправники также пользуются другими доходами и оправдываются тем, что они выполняют молдавские обычаи. Они также не отказываются от «подношений и услуг в натуре» и т. д.²¹⁴ Указания по всем делам даются устно, а отсюда отсутствует возможность контроля. Преступления скрываются, к простым людям применяются телесные наказания. Вследствие этого многие жители бегут с государственных земель за границу.

В своем рапорте и в приложенном проекте генерал Гардинг, обрисовав положение дел, рекомендует провести общую реорганизацию управления в Бессарабской области. Кроме того в рапорте министерству юстиции он просит санкцию на смену советников, назначенных Скарлатом Стурдзой, мотивируя это тем, что они не отвечают своему назначению. По этому поводу он писал: «...некоторые из семи советников пренебрегают всяческими улучшениями. Пользуясь большинством голосов, они нарушают законы. Пользуясь тем, что их не смешают после года службы, они стали еще больше нарушать законы, стали выходить из подчинения и не выполнять распоряжения... Русским законам они не подчиняются вовсе...»²¹⁵. В заключение он просит заменить советников-молдаван без объяснения причин, обосновав это истечением срока.

В марте 1814 г. Гардинг повторил свои просьбы в высших правительственные инстанциях, но в Петербурге считали еще несвоевременным ликвидацию местных особенностей и введение общерусских законов. Поэтому ему ответили, что «до особого высочайшего повеления Бессарабия должна оставаться на прежних основаниях, объявленных бывшему гражданскому губернатору Стурдзе в 1813 г.»²¹⁶

§ 3. Борьба оппозиции за сохранение автономных начал. Наместничество—акт ограничения автономии

Стремление генерала Гардинга к ликвидации местных особенностей в управлении Бессарабской областью и введению здесь общерусских законов путем преобразования в административном управлении вызвало усиление сопротивления со стороны оппозиционно настроенных молдавских бояр, которые опасались вследствие этого потерять удобное для них самоуправление, вернее, свои выгодные места в управлении, прежние права и привилегии²¹⁷.

В 1814 г. боярская оппозиция через молдавского митрополита Гавриила обратилась с рядом прошений на имя императора, в Комитет министров и в Государственный совет²¹⁸, в которых

отвергает справедливость обвинения губернатора Гартинга в их адрес, оспаривает его мнение о том, что в Бессарабии (как части Молдавского княжества) отсутствовали местные законы ссылкой на действия здесь законов Юстиниана и Василия Лупу.

В обращении на имя императора Александра I бояре просят не прислушиваться к голосу «неблагомыслящих» и выражают ему свою преданность. Вместе с тем просят «сохранить законы области», вернее, закрепить за ними существование права и привилегии, уравнять их в правах с русским дворянством, дать возможность митрополиту быть их председателем и первым судьей, «дать гражданского правителя сей области из природных молдаван»²¹⁹. При этом они просили вместо Гартинга, которому ставилось в вину незнание местных условий жизни, гражданским губернатором назначить молдавского боярина И. Ф. Катаржи. Они также просили пересмотреть «Правила 1813 года» ввиду того, что они «не соображены обстоятельно с силой правил и обычая земли»²²⁰.

Основные требования молдавских бояр носили реакционный характер, так как они преследовали цель сохранить в неизменном виде прежний, ненавистный народу, режим, сложившийся при господстве султана. Этот режим был выгоден боярам, ибо он сохранял всю власть и источники доходов в их руках.

Хотя царское правительство и старалось оберегать эксплуататорские права и сословные привилегии феодальных землевладельцев на окраинах, но иногда, в зависимости от внешних обстоятельств и остроты классовой борьбы внутри, приходилось в определенной мере ущемлять права местной феодальной знати. Более того, когда встречалось сопротивление со стороны феодальных элементов национальных окраин, царизм даже старался подорвать их политическое влияние (как это было, например, в Белоруссии и Литве), приходилось идти на уступки требованиям крестьянских масс, чтобы смягчить остроту классовой борьбы²²¹.

В Бессарабии, как и в Дунайских княжествах, основной грабеж крестьянских масс бояре осуществляли через занимаемые ими должности в государственном аппарате. Поэтому бояре не хотели изменения административного устройства и управления, чтобы не лишиться своих должностей и доходов.

Хотя царизм и стремился в лице бояр создать себе социальную опору в Бессарабии, он не мог сохранить в неизменном виде прежний, скомпрометированный перед лицом широких масс режим, ибо на его «примере» невозможно было привлечь симпатии народов Балкан к России.

Конечно, царское правительство стояло за реорганизацию управления в Бессарабии по линии введения общеимперских учреждений, но ему необходимо было сохранить видимость политического сотрудничества с местной феодальной аристократи-

ей — молдавскими боярами, ввести изменения в управлении постепенно, а не одним актом, как предлагал генерал Гартинг.

Поэтому царское правительство сохранило еще на определенное время (до 1828 г.) местные особенности в управлении, законы и обычаи земли. Но просьба о назначении правителя в Бессарабии из молдаван не была удовлетворена. После С. Стурдзы в Бессарабии не было больше губернатора из молдаван.

Получив жалобу молдавских бояр, царское правительство направило из Петербурга в Кишинев чиновника министерства иностранных дел П. Свиньина с поручением завершить изучение дела на месте²²².

Для оказания помощи П. Свиньину, чтобы можно было легче разобраться в местных делах и общей обстановке, назначили коллежского асессора К. Стамати (известный молдавский писатель). По случаю приезда ревизора Свиньина в Кишинев были созваны все родовитые бояре для дачи информации о наличии давно сложившегося местного права, о правах и привилегиях местного боярства²²³. Кроме того, генерал Гартинг сделал специальное представление областному правительству об оказании всемерной помощи Свиньину в сборе сведений о состоянии дел в Бессарабии²²⁴, для чего была создана комиссия из бояр. В уезды были направлены чиновники из тех же бояр для сбора сведений по специально выработанным для этого анкетам.

Выполняя свою миссию, П. Свиньин (впоследствии издатель «Отечественных записок» — первого русского историко-археологического журнала) всесторонне исследовал состояние дел в Бессарабии, в частности, проверил вопрос «О действии и применении норм местного права в Бессарабии»²²⁵. На основании личных наблюдений и сведений, собранных специальной комиссией местных бояр, Свиньин в 1816 г. подготовил подробное описание Бессарабской области²²⁶. Работа содержит богатый фактический материал о здешнем управлении и хозяйстве края. Некоторые явления автор оценивал тенденциозно, стремясь обелить крупных бояр, поддержать их стремление к сохранению льгот и привилегий²²⁷. Он раскрыл источники местного права, в чем согласился с боярами и митрополитом Гавриилом. Вопреки Гартингу, высказывавшему отрицательное мнение о моральном облике молдаван, Свиньин, наоборот, признает, что «молдаване спокойного нрава, гостеприимные, любят свою родину, подчиняются властям. Из-за частых нарушений законов они стали стеснительными и недоверчивыми по отношению к правительству. [...]»²²⁸. Дав такую характеристику молдаванам, Свиньин имел в виду прежде всего молдавских бояр, с которыми он непосредственно столкнулся и которых он старался обелить.

Вопреки жалобам молдавских бояр и явной их поддержке Свиньиным²²⁹, Гартинг продолжал прежний курс на ограничение произвола молдавских бояр и введение в Бессарабской об-

ласти законности по образцу других губерний России. Он учредил при втором правительстенном департаменте присутствие из советников, на должности которых (также, как и на должности областной канцелярии и некоторых уездных исправничеств) назначал русских чиновников²³⁰. Кроме того, он ходатайствовал перед министром юстиции об учреждении в Бессарабской области должности областного прокурора и о назначении на эту должность чиновника А. П. Юшневского. Это ходатайство, однако, также как и просьба Гартина о замене некоторых молдавских советников областного правительства, не было удовлетворено²³¹. Царизм не желал обострить взаимоотношения с местным боярством.

По представлению Гартина в марте 1815 г. Комитет министров решил установить карантинную и таможенную линию на новой границе по Пруту, временно сохранив и Днестровскую линию²³². В это же время инженером Корниловичем были сняты на планы и разделены на участки буджакские земли Юга Бессарабии, которые к тому времени уже заселялись задунайскими переселенцами (болгарами и гагаузами), немецкими и другими колонистами²³³. В интересах расширения базы феодальной эксплуатации подобные же мероприятия по заселению и освоению новых земель царизм проводил и в других районах Южной Украины и Северного Кавказа.

Экономическое положение края продолжало оставаться тяжелым и в период губернаторства Гартина. Последствия пагубного господства султанской Турции и длительных войн еще не были преодолены. Это усугублялось продолжавшимися беспорядками и злоупотреблениями местного управления, лихоймством и взяточничеством чиновников, особенно исправников, практикой отдачи на откуп статей казенных доходов.

П. Д. Киселев, осуществивший в 1816 г. инспекционную поездку по Бессарабии, в своем рапорте Александру I писал о бедственном положении населения этого края [...], где все отдается на откуп, все имеет цену, и исправники больше других являются «грабителями, платя за место свое от 20 до 30 тыс. руб.»²³⁴.

Произвол исправников и откупщиков казенных статей доходов достигал порой чудовищных размеров, злоупотребления и насилия принимали систематический характер.

В области экономической политики царская администрация, руководствуясь фискальными соображениями, проявляла тенденцию к увеличению фондов государственных имуществ.

После присоединения Бессарабии к России все земли, ранее принадлежавшие турецким районам (Хотинской, Бендской и Аккерманской), были объявлены государственной собственностью. После переселения ногайских татар (вассалов турецкого султана) в [Таврическую губернию] ранее принадлежавшие им Буджакские степи также стали государственной собственностью.

Кроме того к государственному фонду были причислены и конфискованные земли бояр-изменников. Эта площадь достигла не менее 1,5 млн. десятин²³⁵.

Впоследствии часть этого земельного фонда царское правительство раздало русским помещикам и чиновникам, а также молдавским боярам, которые становились социальной опорой царизма на этой окраине. Основной фонд государственных земель был использован для поселения государственных крестьян как молдаван, так и переселенцев из центральных губерний России, и колонистов — в первую очередь задунайских болгар и гагаузов, а также сербов, поляков и немцев.

Став крупным феодальным собственником и на этой окраине, царизм, в известном смысле, противопоставлял себя молдавским боярам, ослабляя их влияние в экономической и общественно-политической жизни, одновременно приобретая возможность непосредственно эксплуатировать местное население и пополнять государственную казну путем взимания поземельного оброка и других повинностей чисто феодальными методами.

Вместе с тем, заботясь об исправном поступлении податей и государственных повинностей, царские чиновники старались несколько ограничить произвол молдавских бояр в управлении, что не могло не задеть последних.

В 1813—1816 гг. все статьи государственных доходов (за исключением податей и налогов, от которых жители были освобождены на 5 лет²³⁶), попадали на привозимые и вывозимые товары, доходы от продажи водки, лива и виноградного вина, десятинный сбор от пчелиных ульев и свиней отдавались на откуп²³⁷. Все указанные статьи, кроме продажи вина, в 1813 г. держал [...] откупщик Мило за 105 тыс. левов, продажу вина держал помещик Казимир за 91 тыс. левов, а десятинный сбор держал откупщик Макареску за 69 тыс. левов²³⁸.

Все они за год содержания откупа выручали вдвое, втрое больше уплаченных сумм за счет непомерного грабежа населения. Заботясь об исправном поступлении государственных доходов, царские чиновники вынуждены были несколько ограничить произвол местных бояр — исправников и откупщиков, для чего и направлялись инспекции по проверке дел на месте (миссии Байкова и Свиньина).

Когда в 1815 г. Свиньин приехал в Бессарабию, к нему со всех сторон поступили жалобы на беспорядки и злоупотребления местного управления, на притеснения со стороны местных бояр и чиновников. Как указывает А. Накко²³⁹, жаловались все: измаильские жители, жители общества «некрасовцев» г. Тучкова, килийские переселенцы из-за Дуная, татарбунарское и аккерманское общества, отставные солдаты, кишиневское болгарское общество и др.²⁴⁰

Об этих фактах, а также о бегстве жителей за границу, Свиньин, как и Киселев, доложили в Петербург. Это вынудило

царское правительство принять меры по упорядочению внутреннего управления и ограничению произвола чиновников-бояр в Бессарабской области.

Еще в 1815 г. в Петербурге был создан особый комитет для составления новых правил об управлении Бессарабской областью²⁴¹. Проект новых правил был разработан графом Каподистрия, считавшимся при дворе специалистом по бессарабским делам, сторонником сохранения местных особенностей края.

В своем докладе Александру I он указал на необходимость учреждения в Бессарабии наместничества. По его мнению, наместник в состоянии будет «искоренить злоупотребления в крае», устраниТЬ административные неполадки²⁴².

Записка Свиринина ускорила вопрос об учреждении наместничества в Бессарабии, явившегося попыткой несколько по-другому организовать областную автономию, приблизив ее к общимперскому губернскому управлению.

22 февраля 1816 г. рапорт Свиринина был доложен совету министров, где и было принято решение «направить в Бессарабию нового высокого сана чиновника» в должности наместника для руководства областью²⁴³.

В начале 1816 г. генерал Гартинг был уволен, и бессарабским губернатором стал грек Калагеоргий²⁴⁴. Роль последнего, однако, была сильно ограничена тем, что он был подчинен полномочному наместнику.

Для некоторого успокоения молдавских бояр Александр I направил митрополиту Гавриилу послание²⁴⁵, в котором сообщал, что его намерение состоит в том, чтобы установить в Бессарабии такую гражданскую администрацию, которая бы соответствовала его «правам, обычаям и законам». При этом добавил: «Все ее жители имеют одинаковые права по наследственной линии»²⁴⁶. Этим царь дал понять боярам, что при реорганизации административного управления их права и привилегии будут сохранены.

В 1816 г. наместником Бессарабии был назначен генерал-лейтенант Бахметев, одновременно занимавший пост подольского генерал-губернатора²⁴⁷.

Учреждение наместничества, ограничение прав губернатора и областного правительства являются новым этапом и следующим шагом по пути урезания автономных начал административного управления Бессарабской области.

С этого времени начинается реорганизация управления Бессарабии на основе принципов еще большей централизации власти. В руках наместника сосредоточивалась военная и гражданская власть. [...]

Учреждение наместничества внесло исправление в деление администрации области, где городское управление подчинялось военным властям, а сельское — гражданскому губернатору.

В рескрипте от 21 мая 1816 г. на имя Бахметева о его назначении наместником Бессарабской области с неограниченной властью и с подчинением непосредственно царю указывалось на необходимость дать и на будущее «Бессарабии особое областное образование, согласное с коренными ея законами, и ея нравом, и обычаями, достаточное к обеспечению прав и преимуществ, принадлежащие каждому сословию жителей...»²⁴⁸. Это говорит о том, что царизм еще вынужден был считаться с местными обстоятельствами, учитывались при этом не только просьбы «оппозиции» молдавских бояр, но, главным образом, желание успокоить местных жителей, прекратить бегство крестьян за границу, несколько смягчить общее недовольство жителей беспорядками и злоупотреблениями, существующими в крае. Более того, в инструкциях, данных к руководству наместнику при организации управления Бессарабской областью²⁴⁹, указывалось, что управление здесь должно быть организовано с сохранением автономных начал, аналогично тому, как это было сделано на других окраинах, вошедших в состав России в начале XIX в. — Грузии, Финляндии и Польше.

Рескрипт Александра I и указ правительства сената об учреждении наместничества в Бессарабии явились доказательством особого внимания царского правительства к Бессарабии. Автономия Бессарабской области была сохранена, но роль бессарабского губернаторства была ограничена и его функции в управлении несколько урезаны.

Эти положения определили особое место Бессарабской области в отличие от других губерний России²⁵⁰. В них предлагалось всем министерствам передать дела, касающиеся Бессарабии, наместнику Бессарабской области. Определялся и круг вопросов, по которым наместник контактирует со своими министерствами, которым он непосредственно не подчинялся:

1. Власть министра внутренних дел распространяется на территории области только касательно колонистов — болгар, сербов, немцев. По этому вопросу ведется переписка и согласование с наместником.

2. Нарушения, допускаемые при исполнении служебных обязанностей в Бессарабской области, будут разбираться в уголовном суде в Херсоне.

3. В направляемых документах Бахметев должен делать пометку «по вопросам Бессарабии», чтобы материал не направлялся министрам.

4. Вмешательство министра иностранных дел по делам колонистов является исключением.

В специальных инструкциях²⁵¹, адресованных наместнику Бессарабской области Бахметеву, предписывалось прежде всего ликвидировать неустройства в административном управлении, составить гражданское уложение для Бессарабии. При этом

предполагалось сохранить по существу порядок, ранее предусмотренный в инструкциях Чичагова первому бессарабскому губернатору С. Стурдзе, с соблюдением молдавского языка и местного права. Вопросы внутренней политики увязывались с внешнеполитическими задачами: «Эта область, — писал Каподистрия Бахметеву, — по желанию государя должна в глазах жителей соседних стран казаться местом вдохновения и благополучия»²⁵².

Кроме указаний по реорганизации административного управления, инструкция предусматривала и меры экономического характера. В частности, в ней указываются открытие границы Бессарабии для экспорта хлеба и рогатого скота, улучшение дунайских портов, меры по развитию виноградарства и скотоводства на юге России и др.²⁵³ По замыслам автора инструкции графа Каподистрия, реорганизация административного управления на условиях сохранения местных и национальных особенностей в сочетании с проведением широкой программы по оживлению хозяйственной деятельности края должны были привести к сближению и повышению роли и значения этой области среди других губерний России²⁵⁴.

Вступив в исполнение своих обязанностей наместника Бессарабской области и руководствуясь инструкциями царского правительства, генерал Бахметев прежде всего в целях успокоения местного населения, недовольного произволом местной администрации, и прекращения бегства местных жителей за Прут объявил о подтверждении льгот по освобождению от рекрутского набора²⁵⁵ и отсрочке до 1817 г. взимания прямых налогов. Кроме того, он проводил основательную чистку административного персонала, смешал ранее назначенных чиновников, как нежелательных русских, «набранных по необходимости тогдашнего времени с великою поспешностью», так и молдавских, сохранившихся в аппарате еще от турецких времен и применявших по-прежнему приемы фанариотского режима в административном управлении²⁵⁶.

В июне 1816 г. был создан временный комитет, в который входили 10 членов, избранных из молдавских бояр, и двое — Крупенский и Юшневский, назначенные от правительства под председательством гражданского губернатора Калагеоргия, который непосредственно подчинялся Бахметеву²⁵⁷.

Перед Калагеоргием ставилась конкретная и ответственная задача — содействовать Бахметеву в составлении нового проекта образования Бессарабской области. Выбор пал на Калагеоргия потому, что он знал языки и был знаком с особенностями этого края. Царизм, который стремился создать себе социальную базу путем опоры на молдавских бояр, рассчитывал, что через такого гражданского губернатора легче будет ослабить оппозицию и налаживать контакты с местным боярством, кон-

такты, которые в период правления Гартинга были значительно расстроены.

В инструкциях по реорганизации управления Бессарабской областью Бахметеву прямо указывалось на необходимость привлечь представителей местного боярства к составлению нового проекта образования Бессарабской области и [разработать] его с учетом сохранения местных особенностей и преимуществ молдавских бояр в управлении краем²⁵⁸. Именно поэтому вновь созданный временный комитет состоял в большинстве своем из молдавских бояр.

В инструкциях²⁵⁹ к руководствуциальному комитету вскрываются и причины, побудившие царское правительство реорганизовать управление Бессарабской областью. В вводной части инструкции сказано: чтобы прекращать недовольство (нарекания) жителей, являющееся следствием их притеснения, необходимо провести преобразования с учетом положения в Бессарабской области²⁶⁰. Злоупотребления и произвол чиновников-бояр в управлении являлись главными причинами обострения внутренней обстановки, недовольства жителей и бегства крестьян [со] своих насиженных мест. Известно, что жители края были освобождены от всех налогов на 5 лет, но чиновники-бояре по-прежнему собирали их в свою пользу.

Поэтому временный комитет, являясь вышестоящим органом по отношению к областному правительству, имел своей первой задачей путем некоторого пресечения и устранения открытого произвола и злоупотребления в управлении успокоить жителей, предупредить более опасные волнения.

Основная задача, которая ставилась перед временным комитетом, — это выработка проекта об улучшении управления Бессарабской областью. Вместе с тем, осуществляя функции верховного органа власти, временный комитет должен был²⁶¹ усовершенствовать административное устройство и управление путем внесения нужных изменений в структуру и штаты областных и уездных учреждений; усовершенствовать податную систему, устранив злоупотребления при сборе казенных доходов, государственных податей и повинностей, для чего назначить специальный штат уездных ревизоров с большими полномочиями, наблюдать за действиями исправников и при проверке пресечь их злоупотребления; учредить постоянную и наладить регулярную почтовую связь, наблюдать за работой почтовых станций; учредить надежную пограничную стражу, укрепить внутренний полицейский порядок; [организовать] устройство переселенцев-колонистов, наладить судопроизводство, разбор жалоб жителей на чиновников областного и уездного управления; заняться разбором и определением, согласно местному законодательству, прав и принадлежностей к привилегированным сословиям и составить списки дворянских родов.

В представлении наместника генерала Бахметева временному комитету от 22 августа 1816 г.²⁶², конкретизировавшем и значительно расширявшем его функции, ясно раскрывается существо политики царизма, проводимой в этом крае, и основное направление этой политики на будущее. Существо этой политики состоит в том, чтобы путем усовершенствования форм государственного управления, опираясь на местную знать и русских чиновников, укрепить здесь позиции царизма, организовать освоение богатств этого края. Путем наведения порядка в сборе налогов увеличить налоговые поступления в государственную казну. Ограничив в определенной мере произвол местных чиновников-бояр в управлении и суде, показать «заботу» правительства об интересах местного населения и тем самым укрепить симпатии к России соседних балканских народов.

Именно поэтому Бахметев в своем представлении прежде всего требовал от временного комитета навести порядок и точно определить основные статьи казенных доходов; определить сумму податей, действующих поступать в государственную казну от основных налогоплательщиков — бирников (так называемую «бирю»), уточнить ее сумму и размеры по каждому селению; определить объемы внутренней и внешней торговли с точки зрения общей пользы и выгоды для казны; сверить статистические данные, составленные областным правительством по этим вопросам, с подлинным состоянием; проявить заботу об укреплении полицейского внутреннего и пограничного управления²⁶³. Далее Бахметев в своем представлении дает основные предназначения нового положения об управлении Бессарабской областью, положенных затем в основу устава 1818 г., и потребовал от временного комитета руководствоваться указанными начертаниями при окончательной доработке этого положения об управлении Бессарабской областью²⁶⁴. Вместе с тем Бахметев в своем представлении сделал основные наметки распределения функций в областном правительстве между департаментами. Первый — распорядительный — впредь должен был ведать делами управления, а второй — судебными делами (уголовными и гражданскими)²⁶⁵. При этом наместник, учитывая инструкции правительства, указывает временному комитету на то, чтобы «суд и расправа» по новому положению производились по местным законам и обычаям, кроме уголовных дел, которые должны решаться по общероссийским узаконениям²⁶⁶.

До 1818 г. — в период деятельности временного комитета — в областном управлении был внесен ряд изменений: создано уездное управление (в составе ревизоров, земских исправников и околашей); в областном аппарате разграничены функции департаментов областного правительства и др.²⁶⁷

Наряду с мерами по совершенствованию государственного устройства и управления областью в целях успокоения местных жителей и упрочения позиций царской администрации Бахметев и его аппарат производили и другие мероприятия административного и хозяйственного порядка по ограничению открытого произвола местных чиновников и улучшению общего состояния дел в крае. В городах и mestечках области создавались запасные продовольственные магазины на случай неурожаев²⁶⁸. Были учреждены таможни и карантины по борьбе с эпидемическими заболеваниями (чумой и язвой), открывались первые школы, для оживления торговли учреждались новые ярмарки. В 1817 г. был учрежден также коммерческий суд в Измаиле, а в Кишиневе открыта городская дума²⁶⁹. Принимались меры по улучшению старых и прокладыванию новых почтовых и торговых путей сообщения: [улучшены] дороги от Кишинева через Буджакскую степь до Измаила и от Бричан до Новоселицы, патрульная дорога от Аккермана по Черному морю до Килии, а оттуда по Дунаю до Рени и вверх по реке Прут до Новоселиц²⁷⁰. Был разобран ряд дел и приняты меры по борьбе с злоупотреблениями чиновников в Кишиневском, Оргеевском и Измаильском уездах.

Пересматривались раскладки податей в целях устранения злоупотреблений при взимаемых от населения поборов. В [этих же] целях был создан специальный комитет для проверки счетов приходов и расходов за период с 1812 по 1816 г.²⁷¹.

В результате принятых мер уже в 1817 г. Бахметев имел основание сообщить в Петербург об улучшении экономического положения в Бессарабской области и о прекращении бегства крестьян за Прут, [...] наоборот, уже наблюдалось желание жителей Молдавского княжества переселиться в пределы Бессарабской области²⁷².

Наряду с выполнением основной задачи по реорганизации управления генерал Бахметев, столкнувшись здесь с большой путаницей и неясностью в местном законодательстве, 15 января 1817 г. в специальном представлении временному комитету распорядился создать особую комиссию из бояр, сведущих в местном законодательстве, с поручением привести его в систематический порядок²⁷³.

По его предложению, комитеты были созданы в составе члена временного комитета И. Башота, помещика Т. Башота, служащего канцелярии комитета Анжело Галли и юриста и переводчика с греческого языка В. Костича. Вместе с тем Бахметев предложилциальному комитету создать комиссии все условия, чтобы она немедленно приступила к выполнению поставленных перед нею задач. Уже 15 января временный комитет заслушал и утвердил предложение наместника и состав комиссии²⁷⁴.

§ 4. Учреждение об организации внутреннего управления Бессарабской области 1818 г.

Вступив в должность наместника и выполняя указания царского правительства, Бахметев большое внимание уделял составлению нового проекта преобразования Бессарабской области, который призван был ослабить оппозицию молдавских бояр и упрочить положение царизма на этой окраине.

Именно этими стремлениями и были пронизаны все представления наместника временному комитету, в которых он излагал основные принципы составления нового положения по управлению Бессарабской областью²⁷⁵.

Составление проекта, однако, шло очень медленно. Эта работа была передана общему собранию департаментов под председательством губернатора Калагеоргия, которого после ухода в отставку в 1817 г. заменил генерал-майор Катакази²⁷⁶.

С первых же дней работы временного комитета заседавшие в нем представители молдавского боярства проявляли явную пассивность к его работе и крайнее безразличие к поставленной перед комитетом задаче²⁷⁷. Несмотря на настойчивые требования и неоднократные предупреждения со стороны наместника Бахметева и губернатора — председателя комитета Калагеоргия²⁷⁸, бояре «заметно уклонялись» [от работы], а многие из них совсем не посещали заседаний комитета²⁷⁹. Вряд ли можно объяснить пассивность молдавских бояр их непривычностью к канцелярской работе, как это утверждает А. Накко²⁸⁰. Оппозиционное молдавское боярство в первый период работы комитета занимало выжидательную позицию, оно опасалось, что в результате новых преобразований еще больше будут ограничены их права и привилегии в управлении областью. Их участие в работе комитета выражалось лишь в ходатайстве о сохранении молдавского языка в областном делопроизводстве²⁸¹.

Более деятельное участие молдавские бояре приняли в работе комитета и в особой комиссии по рассмотрению вопроса о правах привилегированных сословий на последнем этапе, когда они убедились, что царизм не только сохраняет за ними их древние привилегии, но представляет им права и преимущества российского дворянства²⁸².

Первоначальный проект Устава образования Бессарабской области был составлен правителем канцелярии наместника П. Криницким²⁸³. Этот проект был обсужден во временном комитете и общем собрании департаментов, затем, после доработки, одобрен этими инстанциями.

6 апреля 1817 г. готовый проект на двух языках — русском и молдавском — был подписан наместником, губернатором, русскими и молдавскими советниками и отправлен на утверждение в Петербург²⁸⁴.

В начале 1818 г. проект Бахметева был санкционирован царем и во время посещения им Бессарабии рескриптом от 29 апреля обнародовал под названием Устав образования Бессарабской области 1818 г.²⁸⁵ В рескрипте сказано, что «Бессарабская область сохраняет свой народный состав, и вследствие чего получает и особый образ управления»²⁸⁶. Этот устав явился [крупным] законом, выработанным на основе признания местных особенностей Бессарабской области.

В то время, когда в России в целом все больше усиливалась централизация на базе применения военно-полицейских методов управления, в Бессарабской области, как и на некоторых других западных территориях империи — Финляндии и Польше, с точки зрения государственного права, устанавливается «особый образ» управления на началах автономного самоуправления.

В отличие от Финляндии и Польши, Бессарабии в 1818 г. были предоставлены лишь гражданско-правовые, а не публично-правовые особенности²⁸⁷.

В Бессарабской области в соответствии с уставом 1818 г. учреждался верховный совет — высший распорядительный и законодательный орган и высшая судебная инстанция, заведывавший всеми делами области, и решения его, принятые большинством голосов, не подлежали апелляции и приводились немедленно в исполнение²⁸⁸. Все сословные учреждения, земская полиция и суды основывались частично на выборных началах и частично по назначению от короны и руководствовались преимущественно местными правилами и обычаями²⁸⁹.

Примерно такая же форма управления с сеймом и Конституцией в 1809 г. формально была предоставлена Финляндии²⁹⁰, в 1815 г. — Польше²⁹¹. На Венском конгрессе Александр I упорно стоял за особое устройство Польши против мнения почти всех своих советников — Каподистрия, Потоцкого-Борго, Штейна и других и против мнения представителей других государств.

Александр I считал необходимым дать Польше конституцию, представительную форму управления, с расчетом сделать русскую часть Польши центром притяжения для всех поляков, и, как указывает Ф. Энгельс, это делалось не безуспешно²⁹².

В 23 статьях Устава образования Бессарабской области раскрывается содержание положений административного устройства и управления вновь созданной области в составе Российской империи. Подробно раскрываются основные права и обязанности верховного совета области, областного правительства, областных и уездных судов и прокуратур, гражданского губернатора и других областных и уездных должностных лиц и управлений. Рассматриваются также вопросы о правах и преимуществах жителей, о генеральном размежевании области, о таможнях и карантинах²⁹³.

Согласно уставу, Бессарабская область подчинялась общему верховному управлению подольского военного генерал-губернатора. «Пограничное место, положение области и нарочитое число крепостей, при стечении других немаловажных обстоятельств, — говорится в уставе, — требует, чтобы она и по гражданскому ее управлению состояла в главном ведомстве и надзоре Военного Начальства»²⁹⁴.

[...] Бессарабия получила областное управление и официально стала именоваться «Бессарабская область».

Устав 1818 г. явился важным актом в цепи преобразований административного устройства и управления этой области, закрепил изменения, сложившиеся в управлении краем за период с 1813 по 1818 г., более четко определил структуру администрации и суда.

Молдавские бояре получили права потомственных дворян империи, им было предоставлено право избрания должностных лиц в системе административного управления и «земской полиции»²⁹⁵. В уставе сказано, что за всеми сословиями края сохраняются «принадлежавшие им права и привилегии». На деле, как указывает Л. Кассо, эти права были предоставлены одному только сословию — дворянству²⁹⁶. За трудовыми массами закреплено существовавшее и ранее бесправное положение. Фактически все органы административно-полицейской власти оказались в руках местной феодальной верхушки. Это обеспечило самые широкие возможности для эксплуатации ими народных масс. Из фискальных соображений — в целях увеличения количества государственных налогоплательщиков — Александр I реабрилтам от 29 апреля о введении Устава образования Бессарабской области 1818 г.²⁹⁷ санкционировал упразднение института скутельничества.

Молдавский язык наряду с русским был допущен в дело-производстве всех учреждений области²⁹⁸.

В административном отношении область разделялась на шесть уездов (цинутов): Хотинский, Ясский (Бельцкий), Оргеевский, Бендерский, Аккерманский и Измаильский.

Центром области [проводился] город Кишинев. В связи с тем, что город был расположен на землях, принадлежавших монастырю, Устав определил его выкуп и передачу государству²⁹⁹.

Согласно Уставу образования Бессарабской области 1818 г. управление областью вверялось верховному совету, состоявшему из местной знати и русских сановников с наместником царя во главе. В его состав входили пять членов по назначению: председатель (наместник), гражданский губернатор, вице-губернатор, председатель областного уголовного и председатель областного гражданского судов и шесть депутатов, избранных из дворян сроком на три года, с утверждением наместника. В число

избранных депутатов должен был обязательно [входить] предводитель дворянства области.

В этом коллегиальном органе, где наместник имел один голос, большинство было обеспечено представителям местного боярства.

Верховный совет области, которому принадлежала высшая административная и судебная власть, призван был ведать всеми делами области: распорядительными (в том числе законодательными), исполнительными, казенно-экономическими, а также уголовными, следственными и гражданскими, а также вопросами размежевания земель области.

Совет был назван верховным, потому что он не был подчинен другим высшим государственным инстанциям. Он решал вопросы окончательно большинством голосов. Решения совета не подлежали обжалованию, они должны были немедленно исполняться. Лица, не согласные с решениями, могли подать жалобы в государственный совет империи через министра юстиции или генерального прокурора³⁰⁰.

Дела особой важности рассматривались общим собранием совета по представлению наместника или в отсутствии его по докладу гражданского губернатора и вносились на утверждение в государственный совет. Все дела производились на русском и молдавском языках, а именно: распорядительные, уголовные и следственные по-русски и по-молдавски с соблюдением обще-российских узаконений и с сохранением прав и обычаев земли, а гражданские, тяжебные и межевые дела отправлялись только по-молдавски на основании законов и обычаев молдавских³⁰¹.

Функции исполнительной власти осуществлял другой коллегиальный орган — областное правительство под председательством гражданского губернатора. Единолично губернатор решал только дела, не требующие отлагательств³⁰². Остальные вопросы решались коллегиально общим собранием правительства.

Областное правительство состояло из двух экспедиций: исполнительной и казенно-экономической. Первая — под председательством гражданского губернатора (с двумя советниками и двумя заседателями) занималась распорядительными делами, на основании правил, предписанных для губернского русского управления. Вторая — под руководством вице-губернатора с двумя советниками и областным казначеем — занималась налоговыми и экономическими делами.

В каждую из экспедиций вводилось по одному советнику, а в первую [еще] один заседатель по выбору от дворянства сроком на три года. Каждая экспедиция имела право вести следствие, решать и исполнять все дела второстепенной важности. Дела, требующие тщательного разбора, рассматривались общим собранием правительства, а решение выносилось большинством голосов³⁰³. В обязательном порядке общим собранием правительства должны были обсуждаться: подряды государст-

венных работ, дела о претензиях частных лиц в отношении государственного имущества, дела о государственных налогах и повинностях и о земских повинностях.

В областном правительстве все дела должны были вестись на русском и молдавском языках; объявления, приказы и публикации по общей административной линии должны были быть написаны по-русски и по-молдавски³⁰⁴.

Гражданский губернатор и вице-губернатор назначались по утверждению царя, а советники, областной казначей и заседатели — по утверждению наместника.

Взимаемые доходы делились на две части: 1) предназначенные для нужд области, 2) принадлежащие общим государственным доходам. Разделение их проводилось следующим образом: после покрытия всех расходов области согласно бюджету из остальной суммы 9/10 дохода шли в общий доход страны, 1/10 — на нужды области, на постройку казенных зданий — больниц, училищ, школ и др.³⁰⁵ Если впоследствии возникала необходимость в дополнительных средствах, их можно было получить только с разрешения министерства финансов.

Жалобы на действия областного правительства направлялись верховному совету области на окончательное решение.

Вторая часть областных органов, согласно уставу 1818 г., состоит из уголовного и гражданского судов. Уголовный суд разбирает уголовные и следственные дела, поступившие из уездных судов. В его состав входили: председатель, три советника и один заседатель. В состав гражданского областного суда по разбору споров между государством и частными лицами входили председатель и четыре советника³⁰⁶.

Оба председателя и два советника назначались генерал-губернатором и утверждались царем. Остальные пять советников и один заседатель избирались из числа дворян на три года с утверждением генерал-губернатора.

Уголовный областной суд руководствовался общеимперским законодательством. Для выполнения решений необходимо было согласие гражданского губернатора. Последний имел право передать дела верховному совету для окончательного решения. Уголовные и следственные дела велись на русском и молдавском языках. Допрос коренных молдаван производился на молдавском языке, а протоколы велись на русском и молдавском языках. Решение зачитывалось подсудимому на молдавском языке. Члены уголовного суда, встречавшие трудности в изложении своего мнения на русском языке, имели право его изложить на родном молдавском языке. В гражданских спорах пользование молдавским языком подтверждалось на основании прав, прерогатив и местного законодательства.

В уездах все подсудные дела разрешались уездными судами, которые являлись первой инстанцией. В делах менее важных с иском, не превышавшим тысячи рублей, эти суды выносили

решения в первой и последней инстанциях. В делах большого значения допускались апелляции в областной суд. Уездный суд находился вне зависимости от исправника. Этим законом ограничивались права исправников, которые по традиции раньше чинили и суд, и расправу.

В соответствии с Уставом образования Бессарабской области 1818 г. вводятся новые должности областного и уездного прокураторов³⁰⁷. В своей деятельности они должны были руководствоваться правилами, установленными в России для губернского прокурора и уездного стряпчего, приспособливая их к местным условиям области на основании специальных инструкций. Областной прокуратор назначался императором, а уездные также им, но по представлению областного прокуратора, с утверждением верховного совета³⁰⁸. В России эта должность существовала давно, она была введена в XVIII в. Петром I³⁰⁹. В момент присоединения Бессарабии к России существовали правила об уездных и губернских прокураторах, установленные императрицей Екатериной II в «Законе о губерниях» 1775 г.³¹⁰ К этим правилам добавился целый ряд последующих, которые уточнялись и совершенствовались. Согласно правилам 1802—1805 гг. губернские прокураторы назначались сенатом по предложению министра юстиции, а уездные прокураторы назначались губернским управлением по представлению губернских прокураторов³¹¹.

Для Бессарабии вводились некоторые изменения по вопросу назначения прокураторов. Как сказано выше, областной прокуратор назначался не сенатом, а императорской властью, уездные прокураторы назначались верховным советом по представлению областного прокуратора, а не областным правительством или губернским управлением, как это делалось в других губерниях России. Кроме того, областной прокуратор подчинялся наместнику. Такого положения не было в остальных частях России. В остальном прокураторы в Бессарабии являлись копией прокураторов губерний России.

В Бессарабии назначался областной архитектор, областной инженер-пограничник, и для каждого из них по одному помощнику. Областной архитектор и пограничный инженер назначались по представлению областного правительства и утверждались наместником. Их помощники и пограничный инженер края назначались верховным советом области³¹². Их дела велись на основании общепрекрасного законодательства, за исключением спорных дел частных владельцев, которые должны были вестись по законам коренного населения на молдавском языке.

Учреждения общественного призрения распускались, все дела по этой линии велись областным правительством. Создавался новый медицинский орган — областное санитарное управление, а в каждый уезд определялись врачи и его помощник, которые руководствовались общепрекрасными санитарными правилами.

Они назначались от санитарного департамента министерства полиции³¹³. В областных городах создавались почтовые отделы, а в областном центре — почтовая экспедиция.

Устав 1818 г. определил и структуру уездного и городского управлений. Уездное управление, как и областное, оставались по-прежнему в руках местных дворян и русских чиновников. В уездах учреждались земские исправничества. В каждом из них назначались капитан-исправник и 4 заседателя или комиссара по выбору дворянства с утверждением полномочного наместника³¹⁴. Исправничеству предоставлялись права земской полиции. Дела велись по специальным инструкциям об исправниках, сохранялись правила, которые были установлены в России для так называемых «земских судов». В каждой волости полагалась должность «околаша». В деревнях — по одному «дворнику». Околаши и дворники назначались исправниками по согласованию с жителями из местных зажиточных хозяев, с указанием их обязанностей³¹⁵.

В уездах для разрешения уголовных и гражданских споров учреждались уездные суды, в состав которых входили судьи и по два члена суда. Члены выбирались из дворян с утверждением генерал-губернатора.

Судебные дела дворян не подлежали разбирательству в уездных судах, их рассматривал верховный совет области. В каждом уезде при исправничествах учреждался особый финансовый орган — уездное казначейство, в обязанности которого входил сбор казенных податей. Казначейство руководствовалось в своей деятельности особым общегубернским положением³¹⁶.

В городах для управления городским хозяйством учреждались городские думы и цеховые управы, которые руководствовались общимперскими узаконениями. Казенные города пользовались правами и преимуществами, предоставленными русским городам, им определялись городские суммы из поземельного сбора и других оброчных статей. В городах Кишинев и Бельцы, расположенных на землях частных владельцев, городские издержки удовлетворялись за счет сборов от городских жителей и от торговли в этих городах³¹⁷.

Земли местечек Бессарабии, кроме Рени, Каушан, а также крепостей, принадлежали частным владельцам, монастырям и белому духовенству³¹⁸. Поэтому были определенные трудности при превращении их в города. Ввиду того, что невозможно было создать города только на государственных землях, правительство было вынуждено [утвердить] два города на частной земле: Бельцы и Кишинев. В них, как и в городах на государственных землях, были назначены префекты полиции, которые руководствовались общимперским законодательством³¹⁹.

Устав 1818 г. в главе «О правах и преимуществах жителей» определял права и обязанности всех сословий, по существу пре-

доставлял молдавским боярам права русских дворян, чего они и добивались со времени присоединения Бессарабии к России.

Что касается основной массы крестьян — царан, то за ними «сохранились права личной независимости от владельцев земель на прежнем основании». Но это «прежнее основание» было таково, что по своему фактическому экономическому положению царане мало чем отличались от крепостных центральной полосы России³²⁰.

Таким образом, во всех инстанциях областного и уездного административного управления молдавскому боярству было обеспечено преимущество, сохранены их права и привилегии, а также выгодное им местное право. [...]

Ко времени присоединения Бессарабии к России в Молдавском княжестве боярство представляло собой служилый элемент, их титулы и звания зависели от занимаемой должности в государственном аппарате³²¹. Численность этого элемента все время пополнялась за счет назначения на должности. Сословного представительства в классическом понимании еще не было. Плата за занимаемую должность была, главным образом, источником их обогащения, централизованная форма присвоения прибавочного продукта еще превышала сениориальную ренту в несколько раз³²².

В связи с подготовкой введения Устава образования Бессарабской области 1818 г., с учреждением верховного совета — высшего коллегиального органа власти с выборными представителями от местного дворянства, Бахметев распорядился составить список местных бояр, для чего была создана специальная комиссия³²³.

К 1818 г., ко времени введения Устава образования Бессарабской области, родословная книга бессарабского дворянства еще не была готова³²⁴. Главной причиной задержки составления этой книги была острая борьба между представителями родовитых бояр и бывшими мелкими молдавскими чиновниками, которые также стремились получить права российского дворянства. Эта борьба особенно обнажилась во время первых дворянских выборов областного предводителя дворянства, депутатов в верховный совет области и в другие правительственные областные и уездные органы управления. Дело дошло до скандала³²⁵. Во время выборов предводитель мелкого дворянства подполковник Вакария, не оказавшийся в списках для голосования, учинил драку, о чём областной предводитель бессарабского дворянства донес генералу Казачковскому, а верховный совет на своем заседании специально обсудил этот вопрос.

После составления и утверждения наместником списка дворян³²⁶ на первом дворянском собрании 25 июня 1818 г. были избраны представители местного боярства во все органы государственного управления: областной предводитель дворянства, шесть депутатов в верховный совет, один советник и один засе-

датель в исполнительную экспедицию областного правительства, один советник в казенno-экономическую экспедицию областного правительства, три советника в гражданский суд, два советника и один заседатель в уголовный суд, председатель и четыре члена в межевую контору, по одному капитан-исправнику и по четыре комиссара в каждый уездный суд и по одному казначею на уезд³²⁷.

После избрания указанных должностных лиц были открыты соответствующие областные и уездные учреждения в новом составе. 6 июля 1818 г. начал свою деятельность верховный совет Бессарабской области. В связи с этим, временный комитет прекратил свое существование и все его дела были переданы верховному совету³²⁸. Вслед за тем открылись уездные исправничества, казначейства и межевая контора³²⁹. Одновременно по распоряжению наместника всем присутственным местам были переданы для руководства копии Устава образования Бессарабской области и соответствующие инструкции³³⁰.

Согласно Уставу образования Бессарабской области в течение 1818 и первой половины 1819 гг. были открыты все областные и уездные учреждения и должности в них замещены чиновниками, избранными от дворянства и назначеными наместником.

Перед новой администрацией стояла задача организовать самоуправление на началах областной автономии, полностью подчиненной непосредственно царю и его наместнику и независимой от других министерств и ведомств.

В сентябре 1818 г. верховный совет принял первое постановление, характеризующее его как высший распорядительный (законодательный) орган, — разрешил областному гражданскому суду руководствоваться при решении дел законами и обычаями Молдавии согласно Уставу образования Бессарабской области 1818 г.³³¹ При этом гражданскому областному суду было указано, что обычай и древние законы Молдавии (как римские, названные «Василики», так и извлечения из них Арменопул), опробованные правительством области, являются для него руководством. Верховный совет по существу узаконил то, что было уже введено по указанию наместника еще в 1816 г.³³²

Выполняя свои функции высшего законодательного (распорядительного) органа, верховный совет в 1819 г. по предложению наместника, которое было сделано им в 1816 г. временному комитету³³³, принял постановление об учреждении земской стражи под названием «каларашей». В обязанности этой областной стражи, общей численностью 2700 человек (27 сотен) под командованием чиновников и офицеров, избранных из бессарабских дворян, входили карантинная охрана границ и борьба против контрабандного провоза товаров. Кроме того, на них возлагались и полицейские функции в пограничных уездах³³⁴.

Одним из важных мероприятий, осуществленных верховным советом и областным правительством в Бессарабской области после введения новых форм правления согласно уставу 1818 г., было устройство быта задунайских переселенцев на территории области³³⁵. Колонисты юга России до 1818 г. непосредственно были подчинены новороссийскому генерал-губернатору. По ходатайству колонистов в марте 1818 г. было учреждено особое управление — попечительство колоний. Главным попечителем был назначен генерал Инзов³³⁶. Это попечительство, однако, не распространялось на задунайских переселенцев Бессарабии, которые еще со времен Кутузова «испрашивали особого управления, чтобы не быть в подчинении своекорыстных местных исправников»³³⁷. Кутузов обещал им поддержку и соответствующие льготы³³⁸, но после его отъезда из Бессарабии обещания эти долго не выполнялись.

Еще в 1816 г. генерал Бахметев, учитывая обещания, данные переселенцам Кутузовым, вменил в обязанность временному комитету разработать правила водворения здесь поселенцев, с учетом взаимных обязательств с казной³³⁹. Вопрос этот, однако, не решался. Задунайские переселенцы, оказавшиеся во многих случаях на землях молдавских бояр и в зависимости от них, начали борьбу за свои права и выполнение обещанных им при переселении льгот. Задунайские переселенцы Бессарабии добивались распространения на них тех же прав и льгот, которые были предоставлены заднестровским колонистам³⁴⁰.

В 1818 г. во время посещения Александром I Бессарабии и Новороссийского края генерал Инзов ходатайствовал о распространении на бессарабских колонистов правила о колонистах юга России 1818 г.³⁴¹ В результате 29 декабря 1819 г. был издан Указ об устройстве быта бессарабских переселенцев на общем основании с другими колонистами³⁴².

В Бессарабской области к тому времени было поселено 6523 старых и новых семейства болгар и гагаузов. Из них на казенных землях было поселено 4512 семейств. Остальные оказались в городах и на землях частных владельцев³⁴³.

По указу 1819 г. задунайским переселенцам была предоставлена льгота — освобождение от уплаты налогов: старые поселенцы на 3 года, а новые — на 7 лет³⁴⁴. Кроме того, всем задунайским переселенцам было разрешено поселиться на казенных землях в четырех намеченных округах на юге Бессарабии с определением главного центра в селении Болград, где была открыта контора иностранных поселенцев³⁴⁵. На территории этих округов к числу колонистов были причислены и старожилы Буджака — молдаване, которые к тому времени уже считались казенными поселенцами³⁴⁶.

В верховный совет поступали и разбирались дела, касающиеся юридического определения положения и других категорий жителей, не нашедших достаточного и ясного отражения в

уставе 1818 г. Среди них были, например, мелкие группы людей — рупта-де-вистерия, рупта-де-камера и шляхтичи, которые в прошлом, до присоединения Бессарабии к России, отличались от других налогоплательщиков («бирников») уровнем и местом уплаты налогов³⁴⁷.

С введением Устава образования Бессарабской области эти мелкие группы населения отстаивали свое прежнее положение, ходатайствовали о том, чтобы их не приравнивали в уплате налогов к основной массе налогоплательщиков — царанам. Для разбора их ходатайств в начале 1820 г. верховный совет учредил специальную комиссию. Шляхтичам же было разрешено обращаться в комиссию, учрежденную для разбора дел дворян³⁴⁸.

Предметом главной заботы верховного совета и областного правительства в первом году своей деятельности было составление проекта «Постановления пунктов об обязанных к владельцам вотчин царан или земледельцев Бессарабской области»³⁴⁹.

Введенная в Бессарабской области новая система управления, согласно Уставу 1818 г. целиком сохранила классовые основы прежних социальных отношений. [Привилегии] получило лишь местное боярство, которое было уравнено в правах с российским дворянством. Основные производители края — цараны оставались в прежнем угнетенном положении. Законодатели в точности учли указания наместника о том, чтобы по новому положению «отношения между помещиками и поселянами оставались неприкосновенными»³⁵⁰. Более того, в новой системе управления местные помещики получили более совершенный аппарат угнетения трудовых масс. Усиливавшийся феодальный гнет в связи с ростом затрат на новый аппарат управления³⁵¹ вызывал и усиление антифеодальной борьбы. Участились выступления народных мстителей — гайдуков и массовый отказ крестьян от выполнения феодальных повинностей³⁵².

Областной предводитель дворянства доносил верховному совету, что «...многие из земледельцев... не только не хотят нести законных повинностей помещикам, но даже не радеют о собственном хозяйстве и все благополучие свое полагают единственно в том, чтобы не основать нигде постоянного жительства, переходить по примеру цыган с места на другое»³⁵³. Крестьяне требовали выработать письменные условия о взаимных обязанностях.

Обострившаяся антифеодальная борьба в крае вынудила царское правительство обратить внимание верховного совета области на необходимость выработки нового законоположения по урегулированию взаимоотношений помещиков и крестьян, «исследовать причины сего беспорядка и пресечь оные силой законов и обычаяев земли здешней», то есть силой закона принудить крестьян выполнять возложенные на них непомерно растущие феодальные повинности³⁵⁴.

Комиссия верховного совета, приступив к составлению нового проекта положения, рассмотрела прежде всего существовавшее по данному вопросу законодательство молдавских господарей второй половины XVIII и начала XIX в.³⁵⁵ Найдя в них ряд противоречий и неточностей, она составила новый проект положения о взаимных обязанностях помещиков и царан. Содержание проекта раскрывается в следующих главах: о личной свободе царан; об обязанностях царан к помещикам; о работах, которые царане должны отбывать помещику; о продаже напитков в помещичьих вотчинах; об обязанностях землевладельцев в пользу помещиков сверх 12 урочных дней; об обязанностях помещиков к царанам; об обязанностях сельских старост; о резешских поместьях; об обязанностях земской полиции³⁵⁶.

Во всех 9 главах утверждается право помещиков силой «закона» заставлять крестьян отрабатывать урочные дни и выполнять все другие феодальные повинности.

Проект предусматривает строгие меры принуждения тех царан, которые обнаружат неповинование помещикам и властям. Глава 7-я о сельских старостах и их обязанностях и глава 9-я об обязанностях сельской полиции предоставляют низовым полицейским чинам все права принуждать царан к выполнению тех многочисленных феодальных повинностей, которые предусматривались Положением.

Крепостнические тенденции этого проекта выражены и в полном запрещении перехода царан, за исключением случаев, когда в данном имении обнаруживается недостаток земли для наделения царан по предусмотренным минимальным нормам.

Опасение бурной реакции со стороны крестьян вынудило наместника приостановить введение этого проекта, он не получил силу закона, хотя и был рассмотрен верховным советом.

* * *

Как свидетельствуют современники³⁵⁷, исследователи³⁵⁸ и анализ архивных материалов, в первые годы деятельности новых областных учреждений, созданных в соответствии с Уставом образования Бессарабской области 1818 г., дела административного управления не претерпели заметного улучшения. Злоупотребления чиновников, бюрократизм, волокита, чрезмерная задержка решения дел во всех инстанциях сопутствовали и всем новым областным, уездным и сельским органам управления.

Многочисленные сигналы о беспорядках и злоупотреблениях в делах казенно-экономической экспедиции областного правительства вынудили наместника в январе 1820 г. учредить специальный комитет для фронтальной ревизии этой экспедиции. В июне 1820 г. была проведена ревизия деятельности исполнительной экспедиции³⁵⁹.

Проверка показала, что: 1) областное правительство, его экспедиции решают дела чрезвычайно медленно. Некоторые дела оставались нерассмотренными, без соответствующих виз и без регистрации с 1816 г.; 2) отсутствовали ведомости о приходе и расходе денежных сумм за 1817 и 1818 гг.; 3) при проверке денежных сумм, хранящихся в кассе казначейства, не оказалось ни настольного реестра, ни ежедневного учета, ни ведомости сумм прихода и расхода, что свидетельствовало о полной безответственности в учете и расходовании средств областного казначейства. Такое состояние учета открывало большие возможности для злоупотреблений и хищений государственных сумм.

Не лучше велись дела и в судебных учреждениях, в областных судах — гражданском и уголовном, а также в уездных судах. Прохождение дел в гражданском суде шло чрезвычайно медленно, дела лежали без разбора, должного учета и движения годами. Ревизией 1819 г. было установлено, что в областном гражданском суде [накопилось] без движения более 4 тыс. дел³⁶⁰, а определить точно, с какого времени они лежали без разбора, невозможно было потому, что они передавались архивариусу без должной описи и принимались на хранение без регистрации. Многие дела терялись в канцелярии суда. Члены суда брали некоторые [из них] домой и не возвращали.

Получив донесение областного прокурора о результате ревизии деятельности областного гражданского суда, верховный совет распорядился в целях ускорения разбора накопившихся дел распределить «большую их часть [...]» и передать на решение уездным судам»³⁶¹.

По заключению ревизоров верховного совета причина беспорядков и [медлительности в решении] дел в гражданском и уголовном судах заключалась в пассивности [чиновников]. На заседании они никогда не собирались в полном составе, в большинстве своем заседания проходили в присутствии лишь председателя и секретаря. Все члены судов подписывали, как правило, то, что готовил секретарь. А последний, порой злоупотребляя своим положением, [искажал решения суда].

Дела в уездных судах велись еще хуже. Доказательством тому служит то, что почти весь состав уездных судов в разное время и за различные противозаконные действия привлекался к судебной ответственности³⁶².

Несмотря на применяемые строгие меры против виновных, произвол и злоупотребления в судебных инстанциях не уменьшились. Но особенно процветали они в полицейских учреждениях. В 1820 г. за произвол, многочисленные злоупотребления и вымогательства, за сбор в свою пользу денег с привозимых в город товаров был уволен со своего поста и привлечен к судебной ответственности кишиневский полицмейстер³⁶³, а через год такая же участь постигла его преемника³⁶⁴, [который] был также уличен в незаконных поборах от жителей в свою пользу.

Произвол, насилия и злоупотребления городских полицмейстеров и земских исправников, вызывавшие все большее недовольство и сопротивление жителей, вынудили верховный совет в 1820—1821 гг. назначить комиссии в составе советников областного уголовного суда для расследования деятельности кишиневской полицейской управы, оргеевских, бендерских и хотинских уездных судов и исправничеств³⁶⁵. По результатам проверки исправники, заседатели и ряд канцелярских служителей бендерского и хотинского исправничеств за «удержание казенных денег», вымогательства, взятки и жестокое обращение с жителями были сняты верховным советом со своих постов и отданы под суд³⁶⁶.

В 1822—1823 гг. была проверена деятельность и других уездных исправников Бессарабии. Отзыв об их злоупотреблениях нашел отражение в Полном собрании законов, где сказано: «Измаильский исправник сам был содержателем почтовых лошадей в своем уезде; бендерский не что иное, как поверенный Бальша (крупнейший боярин — Я. Г.)... Аккерманский покровительствует разбойникам, а ясский, хотя из всех лучший, но также за некоторые поступки отдан под следствие»³⁶⁷.

В длительной волоките и несправедливом решении дел во всех инстанциях [был повинен] прежде всего бюрократический аппарат. [...] Как явствует из анализа исправительных дел, превалировали дела о служебных нарушениях чиновников государственного и судебно-полицейского аппарата.

Этому способствовал подбор штата из чиновников-бояр, [служивших] еще в старом аппарате при турках и фанариотах и имевших большой опыт в применении всевозможных методов грабежа и насилия в целях личного обогащения. К тому же после присоединения Бессарабии к России наряду с деловыми людьми, которые занимались организацией порядка в управлении краем, сюда приехали из России и многие искатели легкой наживы, авантюристы. [...] В этом плане прав Л. Кассо, который пишет, что «трудно было даже решить, какая категория служащих была более опасной для интересов края — местные ли молдаване или чиновники, прибывшие из внутренних русских губерний»³⁶⁸. Многие чиновники, правившие в Кишиневе, по собственному признанию известного деятеля царского правительства П. Д. Киселева, являлись подонками России в Молдавии³⁶⁹.

Чиновничий аппарат в Бессарабии был аналогичен тому, что и на других окраинах, например, в Грузии. Даже официальные историки вынуждены были впоследствии признать, что большинство прибывших в Грузию русских чиновников составляли «люди сомнительной нравственности, испорченной репутации, алчных, корыстолюбивых»³⁷⁰.

Являясь отбросами «служилого сословия» дворянской империи, они приносили с собой худшие традиции российской бю-

рократии: казнокрадство, взяточничество, чудовищную волокиту, продажность низших и произвол высших должностных лиц. [...] Существовавшие законные преграды не являлись для них достаточными препятствиями. [...] Об этом свидетельствуют многочисленные уголовные дела, которые рассматривал верховный совет. Вот несколько примеров. Бендерский исправник Яни Илью был обвинен за укрывательство ворованных лошадей³⁷¹. Измаильский пристав Турчанинов был осужден за избиение подсудимого Торгашева³⁷², чиновник Аккерманской таможни Бубленников был обвинен в подделке документов и присвоении денег³⁷³.

Взяткам не было конца. Далеко не честны были и те, которые были призваны устанавливать законность и охранять ее. Об этом можно составить себе представление хотя бы по постановлению верховного совета по обвинению судьи Оргеевского уездного суда Понилопулуса и члена суда Буздугана во взяточничестве³⁷⁴, или по жалобе жителей м. Бричаны на хотинского прокурора Мельникова, бравшего также безмерные взятки³⁷⁵.

Высший контролирующий орган — верховный совет, призванный принимать меры по устранению упомянутых пороков в административных и судебно-полицейских органах управления, сам был поражен этими пороками. В [нем] царила волокита и несправедливость в решении дел.

Примером длительной волокиты и отсутствия ясности в решениях верховного совета может быть дело о привлечении к ответственности капитана Шостака и боярина Прункула. [...] Еще в 1810—1811 гг. они были обвинены в злоупотреблениях при организации [...] снабжения молдавской армии. По этой причине приказом сената на имущество Прункула был наложен секвестр, конфисковано 17,7 тыс. дукатов. Прункул стал ходатайствовать о возврате ему конфискованных денег. Несмотря на ясность в причастности этих людей к злоупотреблениям и использованию своего служебного положения в целях наживы, дело рассматривалось неоднократно в разных инстанциях, дважды слушалось в верховном совете (в 1818 и 1822 гг.) и завершилось в 1826 г. оправданием казнокрадов³⁷⁶.

Таким образом, практика первых лет после введения Устава образования Бессарабской области 1818 г. показывает, что введение новых учреждений на автономных началах с привлечением выборных представителей местного дворянства практически оказалось мало влияния на состояние административного управления области.

Хотя открытый произвол и злоупотребления чиновников во взимании налогов и в суде несколько ограничивались, но все эти пороки не были устранины. Они являлись органическим проявлением господствовавшего в России и на ее окраинах фео-

далько-крепостнического строя и его пороков в государственном управлении.

Анализируя организацию, характер и направленность эволюции административного устройства и управления Бессарабской области в 1812—1818 гг., можно сказать, что процесс шел еще по линии некоторого сохранения автономных начал, но с постепенным их сужением и сближением с общегубернской системой управления.

Выявление общих закономерностей и особенностей лучше всего постигается в сравнениях. Ко времени введения Устава образования Бессарабской области 1818 г. русское правительство имело уже известный опыт организации автономных управлений на других присоединенных нерусских территориях — в Грузии (1802—1804 гг.), Финляндии (1809—1813 гг.), Польше (1815—1818 гг.). Несомненно, что царское правительство при введении новых форм управления в Бессарабской области учитывало не только внутренние обстоятельства (остроту классовой борьбы, позицию местной феодальной знати, стремившейся к сохранению выгод от старых форм правления) и внешнеполитические цели (стремление дать такую организацию административного управления Бессарабии, которая привлекла бы внимание народов Балкан), но также и приобретенный опыт в организации административного управления на других национальных окраинах.

Несомненно, что реорганизация старых или организация новых форм административного управления на вновь присоединенных национальных окраинах представляли для царского правительства большую сложность, были сопряжены со многими трудностями и препятствиями внутреннего и внешнего порядка. Поэтому в проведении своей политики царизм лавировал: сочетал методы временных уступок в виде местного самоуправления, обещания ввести конституцию с жестоким подавлением стремлений к подлинному самоуправлению и конституционной автономии.

Основное направление политики царизма на окраинах было общее, одинаковое, но формы ее применения на разных окраинах были различными. Во всех национальных окраинах [феодальная] по своей сущности система управления [...] находила выражение в преобладающем значении военно-административных элементов, особой тяжести казенных податей и повинностей, пренебрежении к народным обычаям и формам общественной и культурной жизни³⁷⁷. [...] В Грузии, например, на первых порах царизм сохранил некоторое подобие автономии, привлек князей и товадов в качестве советников в органы административного управления. Но их участие оказывало мало влияния на действия верховного грузинского правительства, которыми руководила по существу военная администрация во главе с наместником царя³⁷⁸.

В Финляндии Александр I сохранил конституцию, обещал и далее сохранять местные законы, права и преимущества, которыми по конституции пользовались все сословия. Но выработанный в 1813 г. проект конституции так и не получил силу закона, а сейм был лишен законодательной инициативы и с 1809 г. не созывался ни один раз до 1863 г. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках [...] генерал-губернатора³⁷⁹.

В 1815 г. Александр I даровал Польше конституцию и создал правительство царства Польского, состоявшего из министров-поляков. Однако вскоре автономные начала, провозглашенные польской конституцией, стали ущемляться, полнота власти сосредотачивалась в руках брата царя — Константина. Позже польская конституция была отменена, и царство Польское фактически превратилось в одну из провинций России³⁸⁰.

В Бессарабской области проводилась та же политика, рассчитанная на ликвидацию автономных начал [...] К 1818 г., однако, в соответствии с Уставом образования Бессарабской области 1818 г., как видно из анализа его содержания, автономные начала и местные особенности в управлении областью юридически еще сохранились.

Внешнее сравнение учреждений, созданных уставом 1818 г., с учреждениями других губерний России показывает много общего между ними. Не без основания еще современники отмечали, что в Бессарабии, «насколько это разрешали местные условия, была установлена организация по образцу центральных губерний»³⁸¹.

Но одновременно правдоподобным является и другое утверждение, высказанное бывшим вице-губернатором Бессарабии Вигелем, который писал в 1823 г., что Бессарабская область имеет сходство не только с провинциями и губерниями юго-востока, присоединенными к России, но имеет «единство прав с королевством Польши и великим Финским герцогством, которые имеют свое собственное политическое управление³⁸². [...] Особое учреждение, которое было создано в Бессарабии и отличало последнюю от остальных территорий, был верховный совет, состоявший из молдавских бояр и являвшийся высшим административным и судебным органом в области. Несмотря на то, что эти две концепции кажутся противоречивыми, они все же параллельно некоторое время существовали.

Закон 1818 г. распространил и на Бессарабскую область основные общегубернские учреждения. Кроме верховного совета, который не имеет себе аналогии на других окраинах, все остальные учреждения в своем большинстве были в определенной мере копиями царской администрации, как и на других окраинах империи.

Документ 1818 г., сохранив некоторые местные особенности, одновременно проложил путь к применению общегубернских правовых норм в Бессарабии. В этом отношении этот устав, как

справедливо отмечает исследователь русского права в прошлом Б. Холде, намного отличается от временного законодательства 1813 г.³⁸³

Система бессарабских учреждений тех времен в определенной мере напоминала и систему молдавских Диванов, и органов, им подчиненных. Новое состояло в том, что царское правительство стремилось к тому, чтобы в руководстве области преобладали [общеимперские учреждения]³⁸⁴.

Законодательство 1818 г. относилось отрицательно к прежней административной системе и к прежнему общественному праву, одновременно благосклонно относилось к местной феодальной знати. Устав 1818 г. еще сохранил влияние местного элемента (молдавских бояр), например, в верховном совете, где они, как и в прежнем составе областного правительства, имели большинство. Кроме того, верховный совет имел право по всем вопросам, входящим в его компетенцию, применять окончательное решение, чего не имело права раньше делать областное правительство. Однако следует подчеркнуть, что компетенция верховного совета была настолько широка в административной и юридической области, насколько узка была в области законодательства.

Верховный совет в области законодательства по существу являлся совещательным органом, не имел права законодательной инициативы³⁸⁵. И это было предусмотрено законодателем. В Уставе образования Бессарабской области 1818 г., в параграфе «О верховном совете области» сказано: «Областной верховный совет заведывать будет всеми делами области: распорядительными, исполнительными и судебными (уголовными и гражданскими)»³⁸⁶. Следовательно, верховный совет юридически сосредоточивал всю власть нераздельно. Но далее в этом же параграфе уточняется, что все дела Бессарабской области чрезвычайной и особой важности, требующие новых постановлений, отмены или дополнения прежних, верховный совет рассматривает на своем общем собрании по предложению генерал-губернатора (наместника), и мнение верховного совета вносится на утверждение в государственный совет генерал-губернатором, через генерал-прокурора³⁸⁷. Законодательной инициативой, таким образом, пользовался только наместник, а решения совета по особо важным законодательным вопросам подлежали утверждению государственного совета. В этом важном вопросе следует различать право председателя вносить предложения и решения верховного совета, требующие последующего утверждения высшей инстанции.

Вместе с тем сколь бы узкий характер не носило участие верховного совета в сфере законодательства Бессарабской области, все же все его полномочия могут быть названы «автономией», правда, явно недостаточной автономией для характеристики полномочий нового типа областного самоуправления.

Таким образом, Устав образования Бессарабской области 1818 г. по сравнению с временными положениями 1812—1813 гг. не представлял расширения прав и местных прерогатив, он лишь законодательно закрепил некоторые автономные права и местные особенности в управлении, которые к тому времени применялись уже в новых условиях.

На против, это законоположение ограничивало применение местного права и местных особенностей, оно открыло широкую дорогу для применения российского общественного права и введения в Бессарабии губернских форм правления.

[...] Но для реорганизации управления недостаточно провозглашать законы, основное — их практическое применение. Судя по содержанию устава 1818 г., основной чертой автономных начал Бессарабской области является учреждение верховного совета области, который должен был стать высшим органом Бессарабской области³⁸⁸. Но стал ли он практически таковым, соответствует ли его практическая деятельность своему названию?

[...] Судя по делам, которыми он занимался и решал и которые еще сохранились в наших архивах (правда, далеко не полностью)³⁸⁹, верховный совет законодательными делами занимался мало. Он решил несколько дел такого характера лишь в первые годы своего существования³⁹⁰.

Правом законодательной инициативы, по существу, обладал только его председатель — полномочный наместник Бессарабской области, ставленник царя. Верховный совет же занимался и решал, главным образом, административные и юридические дела, причем медленно и долго, что было характерным для деятельности чиновничьей бюрократии России, особенно на ее окраинах.

Эти права и функции верховного совета как высшего распорядительного (в том числе и законодательного), исполнительного и судебного органа были определены Уставом образования Бессарабской области 1818 г. Этот орган, по замыслу законодателя, должен был стать высшим контролирующим органом по всем делам Бессарабской области вообще, то есть осуществлять всю высшую власть [...] нераздельно. Но при таком определении задач верховного совета, естественно, в его деятельности неизбежно должны были в своей массе абсолютно превалировать распорядительные и судебные дела. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением Болдура, что практическая деятельность верховного совета не соответствовала своему названию по той причине, что этот орган решал мало законодательных дел и что правом законодательной инициативы был наделен только наместник. Законодательная деятельность верховного совета действительно была ограничена инициативой наместника, но в сфере распорядительной и судебной практики его решения, принятые большинством голосов, были окончательными. Следо-

вательно, верховный совет являлся высшей инстанцией. Но это положение сохранилось лишь до 1820 г., когда царское правительство, желая ограничить влияние местного дворянства в решении административных и судебных дел области, предоставило наместнику право «*veto*»³⁹¹.

Материалы фонда верховного совета Бессарабской области впервые были подвергнуты статистической классификации по их содержанию А. Болдуром³⁹². Националистическая направленность и тенденциозность Болдура в освещении ряда вопросов истории Бессарабии известны. Зачастую он в исследовании и освещении этого вопроса неправомерно все действия царизма в проведении своей национальной политики на этой окраине связывает с Россией вообще, с русскими, а следовательно и с русским народом. [...]

Дела верховного совета по своему характеру и содержанию подразделяются на административные и юридические. Из общего количества дел — 1707 наибольшее количество — 1158, или 68%, составляют дела административного характера: о правах наследования, государственно-налоговые, финансово-бюджетные, бухгалтерские, статистические и др. Судебные дела составляют 549 архивных дел, или 32% общего количества дел. Это были дела гражданские, исправительные, межевые и др.³⁹³

В группе административных дел имеется и несколько дел законодательного характера. Они относятся, главным образом, к толкованию законов, к организации судов, к порядку руководства законами и др.³⁹⁴

Ничтожное количество таких дел, к тому же не законодательного порядка в прямом смысле слова, не могут характеризовать верховный совет как верховный законодательный орган. Скорее всего он был высшим органом, контролировавшим правильность решения административных и судебных дел. [...]

Необходимо было знать законодательство России, чтобы применить его в Бессарабской области с учетом особенностей местной жизни. Отсутствие необходимых знаний в области [этого] законодательства неизбежно приводило к тому, что верховный совет в решении дел, где требовалось его применение, целиком был зависим от русских чиновников, знавших русское право и русский язык. Обычно верховный совет соглашался с решениями, подготовленными чиновниками. Это приводило к снижению престижа верховного совета, что вызывало протест со стороны представителей местного боярства. С другой стороны, гражданский суд, который проходил на основе местных обычаев и на молдавском языке, был не понятен [всему составу] чиновничества³⁹⁵.

В результате двоякое применение законов и на разных языках приводило к отчуждению во взаимоотношениях между [...] чиновниками в аппарате управления. [...] Эти противоречия в

деятельности верховного совета отразили все недостатки, заложенные в законодательстве об автономии Бессарабской области.

Некоторые современники и исследователи видели главную причину бездеятельности этого высшего органа управления в «безответственности бояр по бессарабскому самоуправлению»³⁹⁶. Бывший член совета по назначению, а впоследствии вице-губернатор Ф. Вигель так описывает отношение бояр к работе верховного совета: «...обыкновенно собираются в девять часов с видом неудовольствия, потом слушают дело с видом скуки и равнодушия»³⁹⁷.

Равнодушие и безразличие бояр к делам верховного совета нельзя, конечно, объяснить лишь их [личными] характерами. Скорее всего, это была форма пассивного сопротивления. Молдавское боярство не было удовлетворено новыми порядками областного автономного управления. Оно было недовольно тем, что их власть ограничивалась наместником и гражданским губернатором, которые при наличии верховного совета фактически сосредоточивали в своих руках верховную власть. [Как уже отмечалось], правом законодательной инициативы обладал только наместник, а в его отсутствии — гражданский губернатор.

Чтобы сломить пассивное сопротивление бояр, гражданский губернатор внес предложение в верховный совет: обязать всех его членов, как назначенных от короны, так и избранных от дворян, присутствовать и принимать участие в его заседаниях, но в случае отсутствия кворума при решении дел в совете согласиться с мнением губернатора³⁹⁸. Это предложение поддержали вице-губернатор и председатель гражданского суда, но большинство совета — избранники местного дворянства — отвергли [его. ... Они], усмотрев в этом попытку урезать права верховного совета, не согласились с губернатором³⁹⁹. Представители боярства стремились сохранить существующее положение в верховном совете. Их большинство, узаконенное уставом 1818 г., было выгодно всему молдавскому боярству. Но при существующем количестве членов верховного совета (11 человек), когда многие из них систематически не присутствовали на заседаниях, трудно было собрать нужный кворум (7 членов) для принятия решений совета. В связи с этим, чтобы ускорить решение дел в совете, встал вопрос о внесении некоторых видоизменений в его составе. Необходимо было обеспечить кворум из освобожденных от других дел членов, так как на неосвобожденных членов трудно было рассчитывать. [...] Поэтому встал вопрос: или уменьшить кворум (до 5 членов), или увеличить количество членов совета, избранных от дворянства и освобожденных от других дел. И то и другое было выгодно боярству, ибо увеличивало их численное преимущество.

Царское правительство считало [нецелесообразным] уменьшение кворума в совете, ибо в таком случае избранные от местного дворянства члены всегда могли бы собрать кворум

только из своего состава и решать дела в своих интересах⁴⁰⁰. Этим самым вся высшая администрация области попадала бы под влияние местных депутатов. Поэтому в 1820 г. правительство решило пополнить совет двумя постоянными членами [по назначению], которые были бы заняты только делами совета. Эта мера [была выгодна] членам, назначенным от короны⁴⁰¹. [...].

Чтобы ограничить влияние избранных депутатов в верховном совете на административные дела, царское правительство предоставило наместнику право оспаривать решения совета во всех делах, кроме юридических. В случае, если наместник не соглашался с мнением большинства совета, он мог приостановить его решения. В таких случаях решения совета и мнение наместника направлялись царю на окончательное решение⁴⁰².

Но пополнение числа членов совета еще двумя постоянными членами существенно не изменило положения. Как и раньше, из-за отсутствия кворума заседания верховного совета не проводились и дела затягивались и запутывались.

Чтобы упорядочить дела и усилить свое влияние в верховном совете, Бахметев еще распоряжением от 29 июня 1818 г. поручил областному прокуратору наблюдение за течением дел в совете⁴⁰³. Это распоряжение без должной конкретизации противоречило 17-му пункту Устава образования Бессарабской области, где сказано, что областной прокуратор не имеет никаких взаимных отношений с верховным советом области, состоящим под председательством военного генерал-губернатора, исключая особые поручения наместника по какому-либо конкретному делу⁴⁰⁴.

Выполняя поручение наместника без должной конкретизации по какому-нибудь конкретному делу, областной прокуратор, следовательно, превышал свои полномочия, вмешивался в дела верховного совета⁴⁰⁵. Это вызвало протест со стороны членов совета. Последний указал областному прокуратору на превышение им власти и запретил вмешиваться в свои дела⁴⁰⁶.

Встретив большое сопротивление со стороны местного боярства в верховном совете, Бахметев вынужден был отступить от своих прежних позиций, [он] признал объяснение верховного совета по поводу действий областного прокуратора обоснованным и сделал замечание последнему в превышении своей власти⁴⁰⁷.

Таким образом, уже в первые годы после введения Устава образования Бессарабской области 1818 г. предпринимались попытки ограничивать власть верховного совета области. Как увидим дальше, эти попытки повторились и не безуспешно.

Взаимоотношения наместника с представителями местного боярства в верховном совете осложнялись, служебная атмосфера в аппарате управления становилась все более напряженной. Чиновники, злоупотребляя своим положением, писали друг на

друга доносы, а местные бояре, которые преднамеренно сгущали эту атмосферу, во всем обвиняли наместника и губернатора, на которых также жаловались в Петербург. Все это не могло содействовать улучшению общего положения в крае. И хотя бегство, эмиграция крестьян к тому времени почти прекратились, но благосостояние народных масс и в целом экономическое положение края медленно изменялись⁴⁰⁸. [...] И действительно, в первые 10—15 лет после присоединения к России еще не были полностью ликвидированы последствия долгой войны и [пагубного трехсоглашения господства Турции].

Царское правительство по политическим соображениям не могло мириться с таким положением в Бессарабской области. Особое положение ее как пограничной территории играло важную роль в определении политики правительства в крае. [Как уже указывалось], оно стремилось создать более благоприятные условия его экономического развития с тем, чтобы укрепить симпатии народов Балканского полуострова к России.

Бессарабия, по мнению правящих кругов, должна была служить для них примером процветающего края, освобожденного Россией от турецкого ига. Правительство обратило внимание на состояние дел в Бессарабии и стремилось путем реформирования администрации и предоставления ряда льгот населению (особенно переселенцам-колонистам) поправить положение в крае⁴⁰⁹. В 1820 г. наместник генерал Бахметев был уволен в отставку «по болезни» и на его место назначен генерал Инзов, бывший главный попечитель колоний южной России⁴¹⁰. Вскоре он был назначен также и генерал-губернатором Новороссийского края.

В своих взаимоотношениях с верховным советом Бессарабской области Инзов был осторожнее Бахметева. Вместе с тем Инзов осуществлял политику царского правительства, направленную на ослабление влияния местного элемента в совете. На дворянских выборах в 1821—1822 гг. он добился переизбрания и удаления из состава верховного совета большинства депутатов оппозиционного дворянства (четырех из шести). Кроме того, по предложению Инзова была проведена новая проверка [родословных списков] бессарабского дворянства, вследствие чего около одной трети дворян было лишено прав участия в дворянских выборах⁴¹¹. [...]

В 1821 г. на заседании верховного совета неоднократно обсуждался вопрос об улучшении деятельности этого органа⁴¹².

Инзов, исполняющий должность полномочного наместника, видел основную причину медленного решения дел верховным советом в слабом участии в его заседаниях членов, назначенных от короны (из-за их занятости на основной работе), и избранных депутатов. В июне 1821 г. он внес предложение об увеличении количества заседаний верховного совета — заседать не четыре дня, а ежедневно, кроме дней табельных и воскрес-

ных⁴¹³. Причем, два раза в неделю (по вторникам и пятницам) предлагалось проводить заседания верховного совета в полном его составе, под председательством наместника, а в его отсутствии — под председательством гражданского губернатора. На этих заседаниях он предлагал рассматривать распорядительные и казенно-налоговые дела, то есть те дела, которые, согласно уставу 1818 г., должны были решаться на основе общеимперского законодательства. Тяжебные вопросы гражданского порядка, которые в соответствии с уставом 1818 г. должны решаться на основе местных обычаев и законов и на молдавском языке, предлагалось рассматривать четыре раза в неделю (по понедельникам, средам, четвергам и субботам) на неполных заседаниях верховного совета под председательством областного предводителя дворянства. Обязательный кворум на этих заседаниях должен быть 7 членов совета (пять избранных от дворян и двое назначенных от короны)⁴¹⁴. Наместник потребовал принятия предложенного распорядка к неукоснительному выполнению и предупредил членов верховного совета, что если они и после принятия такого распорядка [...] также не будут принимать участие в заседаниях совета, он обратится к царю с просьбой о проведении нового преобразования верховного совета⁴¹⁵.

Верховный совет на своем заседании 24 июня 1821 г. обсудил вопрос о причинах неявки депутатов на заседания и предложения генерала Инзова о мерах по ускорению решения дел. Предложение Инзова поддержал председатель областного уголовного суда, председательствовавший на этом заседании совета, Курик. Большинство депутатов объясняло, систематический срыв заседаний в течение 9 месяцев невозможностью собрать нужный кворум из 7 членов вследствие занятости одних его членов на основной работе и болезни других⁴¹⁶. [Заседание] приняло предложение Инзова о порядке и времени работы совета, обязав всех [...] членов непременно посещать заседания и принимать участие в работе верховного совета с тем, чтобы ускорить продвижение накопившихся нерешенных дел. Уважительной причиной отсутствия на заседаниях считалась только болезнь, подтвержденная врачебным заключением; в этом случае на место больных до выздоровления решено было приглашать временных кандидатов, тем самым обеспечить кворум и проводить заседания совета ежедневно⁴¹⁷.

5 июля [1821 г.] генерал Инзов одобрил решение верховного совета от 24 июня и предложил привести его в исполнение⁴¹⁸.

Это решение верховного совета [...] оказалось, однако, малоэффективным и не привело к ускорению делопроизводства в совете. К тому времени в верховном совете накопилось более 6 тыс. нерешенных дел. К ним ежегодно добавлялось более 200 дел, а слушалось и решалось менее одной десятой их числа. К примеру, с июня 1818 г. до первого марта 1820 г. было решено всего 71 дело⁴¹⁹. Члены верховного совета, назначенные от

короны, по-прежнему мало посещали его заседания, а избранные представители от дворянства, хотя и чаще являлись на заседания совета, но не проявляли должной активности в его работе. К тому же многие из них тоже часто не участвовали в заседаниях верховного совета. Сам предводитель бессарабского дворянства, председательствовавший на узких заседаниях совета, не присутствовал на его заседаниях несколько месяцев и «для законности» мотивировал это болезнью⁴²⁰. Поэтому отсутствие кворума и впредь оставалось главной причиной срыва заседаний верховного совета.

После неоднократного обсуждения этого положения в верховном совете [было] решено сохранить прежний кворум — 7 человек (пять избранных от дворянства и двое постоянных членов, назначенных от короны). Казалось бы, что это давало преимущество в совете местному дворянству. Однако оно фактически не имело уже никакого значения, ибо сохранялось право «veto». Если совет принимал решения, которые не соответствовали указаниям наместника, последний, пользуясь предоставленным ему правом, отменял их. Следовательно, по существу верховный совет низводился до положения совещательного органа. Его функции — высшего распорядительного, исполнительного и судебного органа — фактически передавались наместнику. [...] При Инзове положение в административном управлении мало изменилось. В делах управления он не проявлял желания «выступать из обыкновенной колеи» установившихся здесь традиций⁴²¹. В области социальных отношений Инзов также пытался сохранить старый порядок в неизменном виде. Но, опасаясь обострения антифеодальной борьбы, под давлением многочисленных прощений и земельных исков резешей к помещикам в связи с захватом их земель, Инзов, желая оградить интересы резешей, распорядился обнародовать соборную грамоту А. Маврокордато от 29 декабря 1785 г. о правах и преимуществах резешей.

Молдавский господарь этой грамотой запрещал всякое отчуждение резешских земель под видом подарка или продажи и разрешал дарить землю только родственникам и людям равного состояния, а также бедным, монастырям и церквам. Этим самым господарь пытался остановить процесс обезземеливания резешей, в состоянии которых государство было заинтересовано, ибо они составляли значительный процент налогоплательщиков. Как показала практика, эта попытка была безуспешной⁴²².

[Другим мероприятием, оставившим след в хозяйственной деятельности области, было распоряжение Инзова по улучшению почтовых и транспортных дорог. В частности, благоустраивались главные областные пути. Осеню 1820 г. по обеим сторонам дороги от Хотина до Бендер высадили около 113 тыс. деревьев⁴²³. Кроме того, по распоряжению Инзова, был разведен общественный сад в Кишиневе⁴²⁴.]

§ 5. Учреждение для управления Бессарабской областью 1828 г. Ликвидация автономии

После подавления восстания декабристов усилившийся курс реакционной политики царизма находит свое выражение и в отношении к национальным окраинам. В Бессарабии это выразилось в более решительном ограничении прав и местных особенностей в управлении и во введении общегубернских форм управления.

В 1823 г. на посту наместника Бессарабской области генерала Инзова заменил граф Воронцов — новороссийский генерал-губернатор, сторонник унификации административных форм управления⁴²⁵. Его назначение [...] приветствовалось в среде бессарабского дворянства, ожидавшего от просвещенного сановника поддержки в развитии местного самоуправления⁴²⁶.

Скоро выяснилось, что он, наоборот, видел в бессарабском областном самоуправлении 1812—1818 гг. источник и причину всех беспорядков в крае и уже в самом начале своего правления считал необходимым изменить, вернее, ликвидировать автономное самоуправление и ввести общегубернские формы управления⁴²⁷... [...]

Уже в 1823 г. начался процесс ограничения судебных функций верховного совета Бессарабской области. В октябре 1823 г. правительственный сенат учредил в Петербурге специальный комитет и разрешил подачу жалоб по тяжелым делам на действия и решения верховного совета, которые до этого времени были окончательными⁴²⁸. В этом году в судебной практике Бессарабской области стали применять десятилетний срок давности, ранее применявшаяся только в России, по [общемперскому порядку]: по закону была признана недействительной всякая претензия на право собственности, находящейся в других руках, если в течение 10 лет не было возбуждено дела⁴²⁹.

В указе правительствующему сенату сказано: «В целях прекращения бесконечных судебных тяжб по неясности местных узаконений распространить и на Бессарабскую область закон о десятилетней давности»⁴³⁰.

Но более существенные изменения в законодательстве 1818 г. об образовании Бессарабской области были осуществлены после прихода на должность наместника Бессарабской области графа Воронцова, полностью разделявшего мнение, которое давно уже бытовало в Петербурге. Это мнение впервые выразил официально автор докладной записки «Об упорядочении бессарабской администрации» граф Блудов. Он убеждал Воронцова в необходимости проведения курса твердой политики, удаления нежелательных лиц из аппарата управления и упразднения верховного совета, мотивируя тем, что «местное дворянство еще не подготовлено к первенствующей роли в управлении областью»⁴³¹.

Мнение бессарабских чиновников, сторонников ликвидации местных особенностей и введения общегубернских форм управления в специальной докладной записке выразил Ф. Вигель⁴³². Обстоятельно и пространно описав состояние края в 1823 г., Вигель явно пристрастно подчеркивал недостатки и пороки «автономного самоуправления», преувеличивал злоупотребления местных чиновников и непомерно приукрашивал деятельность пришлых чиновников, и прежде всего свою собственную.

[Хотя Вигель проповедовал] апологию политики [царизма, призывал] не давать никаких уступок местному дворянству, все же ряд [его] критических замечаний о произволе, злоупотреблениях и насилиях местных чиновников-бояр был верным. Например, он правильно отмечал, что одной из главных причин злоупотреблений при сборе налогов является «неблагоразумная» система отдачи всех источников дохода (кроме посеменной подати) на откуп. А кто не знает, пишет он, что под так называемым откупом подразумевается «купленное право законным образом грабить и обогащаться»⁴³³.

Воронцов воспользовался докладной Вигеля для обоснования постановки вопроса о реорганизации управления в Бессарабской области.

Но прежде, чем приступить к осуществлению своих намерений, граф Воронцов решил лично ознакомиться с состоянием дел в этом крае. Уже первое свое посещение Кишинева он посвятил ревизии присутственных мест области. Найдя «все в полном беспорядке», особенно в суде, в полицейском управлении и в казенно-экономической экспедиции, Воронцов потребовал от верховного совета немедленного устраниния замеченных беспорядков⁴³⁴ и предложил ускорить прохождение и решение дел в судах, установить очередность по важности дел, часть дел из областного суда передать на рассмотрение и решение уездным судам⁴³⁵. [...]

[...] В верховный совет на одно из постоянных мест он назначил приглашенного из Петербурга Ф. Вигеля, впоследствии назначенного на пост вице-губернатора. Кроме того, получив сигналы о больших финансовых злоупотреблениях, Воронцов создал специальный ревизионный комитет под своим председательством для проверки дел казенно-экономической экспедиции областного правительства⁴³⁶. Обнаружив незаконные растраты и хищения в сумме более 1 млн. левов, Воронцов отстранил от занимаемых должностей председателя, советников и главного казначея казенно-экономической экспедиции и назначил на эти места других чиновников⁴³⁷.

В своих представлениях верховному совету от 29 мая и 10 августа 1824 г. Воронцов потребовал навести порядок в сборе налоговых недоимок, наказать расхитителей и вернуть деньги в государственную казну⁴³⁸. После этого Воронцов произвел изменения и в штате других областных учреждений.

Твердыми административными мерами уже в самом начале своего правления Воронцову удалось значительно ослабить оппозицию верховного совета против наместника.

[...] Реорганизуя управление в Бессарабской области, Воронцов в 1824 г. отменил выборность исправников дворянством⁴³⁹. В 1825 г. по его же ходатайству были отменены судебные функции верховного совета⁴⁴⁰.

Воронцов считал, что сохранение судебных функций этого высшего органа создавало бы лишнюю апелляционную инстанцию между областными судами, гражданским и уголовным, с одной стороны, и сенатом, с другой, и кроме того участие малообразованных бояр в судебных делах не может принести никакой пользы⁴⁴¹.

3 августа 1825 г. вместо временного порядка апелляций (во временный комитет) был введен другой — постоянный. Все апелляционные жалобы на решения областного гражданского суда направлялись прямо во второй департамент сената. Было установлено, что при вынесении решений сенат должен руководствоваться местными законами и обычаями.

Вопрос об установлении общего порядка решения апелляционных жалоб на решения верховного совета Бессарабской области возникал и раньше, но в сенате считали затруднительным рассматривать бессарабские судебные дела до приведения в порядок источников местного гражданского права. Еще в 1817 г. была учреждена специальная комиссия из местных бояр, которой было поручено составление уложения — кодификация местных законов для Бессарабии⁴⁴².

Но так как работа комиссии, как и специальной группы юристов, не увенчалась успехом⁴⁴³, сенат пересмотрел свое прежнее мнение, и, учитывая представление Воронцова, решил все апелляционные жалобы по Бессарабской области направить на окончательное решение второму департаменту сената⁴⁴⁴.

Изменение порядка выборов земских исправников и заседателей граф Воронцов [рассматривал] как первый шаг на пути к другим изменениям законов Устава Бессарабской области 1818 г. Одновременно он заявлял, что не имеет в виду ввести изменения [по части] привилегий разных социальных сословий. Граф Воронцов имел в виду назначение на земские должности коренных бессарабских дворян из числа наиболее знатных и надежных⁴⁴⁵.

Предложенные Воронцова о постепенном ограничении прав местного дворянства в управлении областью были учтены комитетом министров, который признал, что если назначение чиновников императорской властью установлено как необходимая мера для других провинций империи, то тем более она необходима для Бессарабии, где бояре в своем большинстве незнатные⁴⁴⁶.

Местное боярство, однако, не желало сдавать свои позиции и всячески пыталось отстоять свои прежние права и привилегии. В связи с ослаблением их позиций в верховном совете (так как вследствие изменения порядка апелляций, введения новых членов по назначению, отмены выборности исправников избранные члены от дворянства теряли свое прежнее преимущество и власть в целом), молдавское боярство решило компенсировать это усилением влияния в других выборных органах. Через своего областного предводителя оно вошло к наместнику и в верховный совет с ходатайством об открытии присутствия дворянского депутатского собрания⁴⁴⁷, об учреждении опеки и избрании уездных предводителей дворянства⁴⁴⁸.

Дворянское депутатское собрание, как известно, было высшей формой сословной организации господствующего класса, в его функции входили защита прав дворянства и хозяйственно-распорядительные дела по дворянскому правлению. Бессарабское дворянство поэтому и решило больше использовать эти возможности через свое депутатское собрание.

В ответ на просьбу областного предводителя дворянства на основании действующего Устава образования Бессарабской области, уравнявшего в правах бессарабское дворянство с русским, полномочный наместник генерал Инзов распоряжением от 12 августа 1822 г. разрешил открыть Бессарабское дворянское депутатское собрание⁴⁴⁹. Однако в связи с постепенным ограничением функций верховного совета, а следовательно и власти местного крупного боярства в нем, возрастала и оппозиционность последнего по отношению к высшим властям. В связи с этим полномочный наместник не торопился с практическим открытием действия депутатского собрания. И спустя год, 25 июля 1823 г. Инзов отказался утвердить представленные штаты для этого собрания под предлогом неясности, должны ли чиновники этого собрания «пользоваться правами коронной службы» или нет⁴⁵⁰. При повторном требовании местного дворянства об открытии собрания, учреждении опек и избрании уездных предводителей дворянства новый наместник граф М. С. Воронцов «испросил разрешение высшего начальства» по этому вопросу, и, получив санкцию, вынужден был удовлетворить просьбу местного дворянства⁴⁵¹.

При новых дворянских выборах в 1824—1825 гг. было открыто дворянское депутатское собрание, избраны уездные предводители дворянства, а вслед за тем была учреждена и дворянская опека⁴⁵². Этим самым бессарабское дворянство пыталось несколько уравновесить свое общественное влияние с правительственныеими факторами власти, где их права и влияние все больше ограничивались.

В исторической литературе бытовало неверное мнение о том, что бессарабская автономия была ликвидирована с воцарением Николая I, который в этом вопросе придерживался якобы про-

тивоположных взглядов его предшественника — Александра I⁴⁵³. Конечно, более жестокий реакционный курс правительства Николая I ускорил ограничения, а затем и ликвидацию автономного управления на окраинах (в 1828 г.— в Бессарабии, в 1831 г. — в Польше и т. д.). Но процесс ограничения автономных начал и введения на окраинах общегубернских законов шел и раньше, в частности в Бессарабской области. «Поворот» в этой политике нельзя приурочивать и к результатам войны с Турцией 1828—1829 гг.⁴⁵⁴.

Урезывание автономии Бессарабии началось значительно раньше. Как известно, еще с 1823 г. судебные функции верховного совета были ограничены учреждением особого временного комитета, куда поступали апелляционные жалобы на решения этого высшего органа Бессарабской области. Таким образом, разрешалось обжаловать в центр решения верховного совета (во временный комитет), а согласно постановлению комитета министров от 3 августа 1825 г. над областным судом уже непосредственно шефствовал II отдел сената. Следовательно, еще во время царствования Александра I была отменена одна из важнейших сторон бессарабской автономии. В административной области права верховного совета вообще были менее широкими ввиду того, что тут совет встречался с общегубернским законодательством. Кроме того, и здесь в 1824 г. были введены изменения. Они состояли не в нарушении компетенций, а, как указано выше, в отмене прав дворян избирать на уездные административные должности своих представителей (земских исправников и постоянных членов).

Таким образом, основные элементы автономии Бессарабской области были ликвидированы еще до вступления на престол Николая I.

Вопросами реорганизации управления Бессарабской областью непосредственно занимался граф Воронцов сразу же после его вступления в должность наместника. Он, по существу, вернулся к проекту Гартинга, который еще в 1813 г. предлагал распространить и на Бессарабию общегубернские формы управления⁴⁵⁵. По его поручению был составлен законопроект и в 1826 г. внесен на рассмотрение государственного совета⁴⁵⁶. Последний в 1828 г. был утвержден царем и опубликован под названием «Учреждение для управления Бессарабской области»⁴⁵⁷.

При опубликовании нового положения не были раскрыты необходимость и причины реорганизации управления Бессарабской областью. В имённом указе, данном правительствующему сенату, в оправдание введения нового законоположения сказано лишь, что при издании в 1818 г. Устава для управления Бессарабской областью местному главному начальству было указано, что в процессе практического применения устава выявить неудобства и сделать представления по их устраниению, внести

предложения по окончательному устройству управления областью. В результате рассмотрения предложений, внесенных бессарабским главным начальством в государственный совет, и было принято новое положение об управлении Бессарабской областью⁴⁵⁸.

Эти пояснения, вполне понятно, не раскрывают подлинных причин ликвидации тех небольших автономных прав, которые были предоставлены Бессарабской области по уставу 1818 г.

В действительности причины лежат значительно глубже. Они связаны с общей тенденцией правительственной политики на централизацию и усиление самодержавной власти и на этой окраине, являющейся местом сосредоточения и ближайшим тылом действующей армии.

Как явствует из писем графа Блудова Воронцову⁴⁵⁹, царское правительство уже давно не могло полагаться на нестойкое местное боярство, имевшее к тому времени преобладающее большинство в областном и местном управлении Бессарабской областью.

[...] Царское правительство решило ускорить и применить и здесь уже испытанный на других окраинах (в частности, в Грузии, Польше и Финляндии) опыт передачи всей полноты власти в руки своего ставленника — генерал-губернатора. Выборные органы управления, в частности, областной верховный совет, состоявший в большинстве своем из выборных представителей местного боярства, были лишены прежних функций — высшего распорядительного, судебного и исполнительного органа управления Бессарабской областью. Давний опыт подсказывал самодержавию применять испытанные меры по упразднению всякого своеобразия, если оно хоть в какой-то мере вызывает опасение для интересов царизма и упрочения его власти.

Положение 1828 г. вводило существенные изменения в принципы управления областью⁴⁶⁰. Аннулировались автономные начала, основанные на преобладании избранных представителей местного дворянства в областных органах управления. Изменения в управлении Бессарабской областью по новому положению сводились к полной ликвидации коллегиальности и еще большей централизации власти. Верховная власть полностью сосредоточивалась в руках новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, упразднялось наместничество, Бессарабия включалась в состав новороссийского генерал-губернаторства на общем основании с другими губерниями этого региона.

Областное управление, согласно новому положению, состояло из следующих органов: 1) областного совета, 2) областного управления, 3) казенной палаты, 4) областных судов — уголовного, гражданского и совместного.

В функции областного управления входило: управление городской и уездной полицией, пожарными командами, строительством, наблюдение за приказом общественного презрения,

врачебной управой, распоряжение городскими доходами и расходами, рассмотрение спорных дел и другие административные и хозяйственные дела. Правителем области являлся гражданский губернатор.

Верховный совет Бессарабской области [...] был преобразован в областной совет, которому определялась рольсовещательного органа при генерал-губернаторе. Последний одновременно являлся и председателем этого совета. В отсутствии генерал-губернатора в областном совете председательствовал гражданский губернатор. По сравнению с верховным советом функции областного совета были сильно ограничены⁴⁶¹.

В областной совет входили: председатель и семь его членов — гражданский губернатор, вице-губернатор, председатели уголовного и гражданского судов, областной предводитель дворянства и два постоянных члена, назначаемых правительствувшим сенатом по представлению генерал-губернатора⁴⁶².

По своему составу и принципам представительства областной совет значительно отличался от верховного совета. В верховном совете большинство составляли выборные представители местного боярства, в областном совете почти весь состав назначался. Незначительное напоминание избирательного принципа членов составлял только областной предводитель дворянства. Из перечня обязанностей, которые были вменены совету, видно, насколько уменьшилась его роль и значение.

Со времени введения «Учреждения для управления Бессарабской областью 1828 г.» совет не оказывал никакого влияния на решение спорных вопросов. В «Учреждении для управления Бессарабской областью» подчеркивается, что областной совет «на дела судебные никакого влияния не имеет». По положению областной совет должен был созываться и разбирать лишь дела административного и хозяйственного порядка. Учреждение 1828 г. определяло следующие задачи областного совета: 1) размещение сумм в пределах 10% от казенных доходов области, согласно утвержденной смете; 2) рассмотрение сметы и раскладка на земские повинности; 3) изыскание средств к улучшению народного благосостояния, промышленности и сельского хозяйства; 4) строительство новых дорог и ремонт старых; 5) строительство городских зданий за счет сумм десятипроцентного капитала области; 6) предупреждение злоупотреблений, которые могли бы возникнуть в области; 7) определение дорожной повинности; 8) надзор за правильностью составления в городах доходов и расходов; 9) обеспечение народного продовольствия в случае неурожая⁴⁶³.

Совет был совершенно лишен собственной инициативы. Все вопросы в совете подлежали обсуждению только после предварительного обсуждения и одобрения их генерал-губернатором, гражданским губернатором и областным предводителем дворянства.

Совет не имел не только права инициативы, но и никакой власти даже по узкому кругу хозяйственного порядка. Его распоряжения, основанные на действующем законодательстве и не требующие разрешения верховной власти, также могли быть отменены генерал-губернатором. В этом случае вопрос ставился на рассмотрение соответствующего министерства⁴⁶⁴.

Бюджет из 10% сумм доходов области составлялся ежегодно в казенной палате и после его рассмотрения в областном совете представлялся генерал-губернатором к утверждению в министерстве внутренних дел⁴⁶⁵.

Областной совет находился под наблюдением областного прокурора. Он созывался два раза в год: в мае и в ноябре месяце. В остальное время в случае необходимости его мог созывать генерал-губернатор, или лицо, его замещающее. Срочные вопросы должны были разрешаться в течение месяца⁴⁶⁶.

Из всего содержания законоположения 1828 г. видно, что областной совет, лишенный роли высшего административного органа области, не мог даже напомнить об областной автономии, и, по-видимому, был сохранен лишь для того, чтобы создать видимость, что переход к новому порядку не является слишком резким.

В законе предусмотрены и правила, которыми должен руководствоваться областной совет. В ст. 71 говорится: «Все положения областного совета, заключающие в себе что-либо новое, требующее высочайшего утверждения, представляются по порядку в то министерство, к которому это относится»⁴⁶⁷. Здесь нет участия совета в законодательной инициативе. Совет не является даже вспомогательным органом с совещательным голосом при выработке законов для государственного совета. Таким образом, совет являлся лишь исполнительным административным учреждением, подчиненным министерствам.

В § 66 нового закона сказано, что областной совет должен заботиться об изыскании средств для улучшения народного благосостояния, поднятия промышленности и сельского хозяйства⁴⁶⁸. Но чтобы провести в жизнь эти мероприятия, совет не имел реальных возможностей. Это не предусматривалось никакими последующими инструкциями. Совет не имел реальной власти, чтобы выполнить свои ограниченные функции.

Областной совет [...] просуществовал до 1873 г., когда область была преобразована в губернию общерусского типа.

Положением 1828 г. учреждалось областное правление, которое заменило областное правительство. Правление являлось высшим исполнительным органом Бессарабской области и подчинялось непосредственно правительству сенату и МВД. Во главе областного правления стоял бессарабский губернатор. В состав правления, кроме губернатора, входили четыре советника и один заседатель. Советники и заседатель назначались на

свои должности сенатом по представлению генерал-губернатора и МВД.

При областном правлении находились следующие учреждения: 1) приказ общественного призрения, который действовал на основании правил, существующих во внутренних губерниях России, 2) депутатское дворянское собрание, в состав которого входил областной предводитель дворянства, избираемый сроком на три года, 3) врачебная управа, 4) архитектурный отдел в составе архитектора и двух помощников, назначаемых генерал-губернатором, 5) областной прокурор и два его помощника — губернские стряпчие, назначаемые министерством юстиции⁴⁶⁹.

Казенную палату составляли вице-губернатор, три советника, областной казначей, областной контролер и член-заседатель. Вице-губернатор назначался царем, а остальные — сенатом по представлению министерства финансов. При казенной палате были: 1) землемерная часть, во главе которой находился инженер-землемер, назначаемый сенатом по представлению генерал-губернатора; 2) лесное управление, подчиненное генерал-губернатору⁴⁷⁰.

Областной суд состоял из уголовного, гражданского и совместного судов. В каждом из них был председатель, два советника, назначенные от правительства, два члена, избранные дворянством, и два члена, избранные торговцами. Председатели назначались царем, а советники от правительства — сенатом по представлению генерал-губернатора.

Кроме того в области учреждались следующие областные учреждения, которые подчинялись непосредственно разным министерствам: 1) почтовое управление, подчинявшееся центральному управлению почт; 2) карантинное управление, подчиненное министерству внутренних дел, 3) таможенное управление, 4) управление соленых озер, которое подчинялось министерству финансов⁴⁷¹.

Уездное управление состояло из земского суда, уездного суда, казначейства, уездного прокурора и лекаря.

Городское управление, ведавшее всеми делами города, состояло из: а) городского магистрата, ведавшего судебными делами; б) городской управы, ведавшей полицией, пожарной и квартальной службами; в) городской думы, ведавшей делами торговли и ремесла⁴⁷².

Все уездные чиновники назначались генерал-губернатором. При уездном суде состоял опекунский дворянский суд (за исключением уездов Бендерского, Измаильского и Аккерманского, где не было таких судов) и уездный инженер-землемер⁴⁷³.

После перечисления новых органов, введенных в Бессарабии, новое законодательство дает несколько общих установок о порядке их работы следующим [образом:] «Как предметы обязанности, образ действия и ответственность всех мест и лиц по-

управлению Бессарабской области, так и порядок подчинения, определяются общими государственными постановлениями...»⁴⁷⁴

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор по управлению Бессарабской областью подчинялся сенату. Все областные учреждения впредь были подчинены: а) по части исполнительной правительствующему сенату, министерствам и генерал-губернатору; б) по части хозяйственной — министерствам; в) по части судебной — сенату как последней юристикционной инстанции; г) надзор за правильным и успешным движением дел осуществлял непосредственно генерал-губернатор.

В отношении языка в законодательстве 1828 г. записано следующее: «все дела в присутственных местах Бессарабской области ведутся на русском языке, в случае необходимости дается перевод на молдавский язык (§ 62)»⁴⁷⁵.

Таким образом, в Бессарабской области вводились общегубернские формы управления и общечимперская налоговая система с подчинением ее органам центрального управления. Ограничевалось применение местного законодательства при решении тяжебных дел [...]: принималось во внимание законодательство области. В случае, если это оказывалось недостаточным, то применялись [общечимперские] законы. Спорные вопросы в уездах Измаильском и Аккерманском разрешались на основании русских законов. Местные законы, таким образом, при решении тяжебных дел применялись не на всей территории Бессарабии, то есть исключение составляли указанные два уезда⁴⁷⁶.

Несмотря на новый законоустановленный порядок, как утверждает Л. Кассо, местные законы выдержали испытания временем и остались действовать и тогда, когда исчезли все следы бессарабской автономии⁴⁷⁷.

В отличие от внутренних губерний России и Новороссийских губерний, все же сохранились некоторые особенности в управлении, сохранился областной совет, применялся в тяжебных делах кодекс Арминопуло-Донича и «обычай земли» (местное обычное право не распространялось только на Аккерманский и Измаильский уезды, населенные преимущественно колонистами и казенными крестьянами, — молдаване составляли здесь около 30% населения).

Молдавский язык исключался из делопроизводства и учебных заведений кроме духовных заведений [и областной гимназии] (до 1866 г.), [...].

Таким образом, десять лет спустя после официального введения бессарабская областная автономия была ликвидирована.

В противоположность [Уставу образования Бессарабской области], где правила управления вводились временно без окончательной санкции, новое законодательство подчеркивает идею, что в основе его лежат окончательные решения высших и местных властей.

В вводной части законоположения 1828 г. подчеркивается, что в Бессарабской области вводятся общерусские законы за некоторыми исключениями.

Ограничив автономные начала Бессарабской области, царизм, однако, не затронул социально-классовые отношения. Более того, в законоположении 1828 г. подтверждаются права и привилегии населения, которыми оно пользовалось до настоящего времени. Некоторые изменения сделаны только в отношении крестьян, которые переселялись из России. На них не распространялось право об освобождении от воинской повинности.

В законе подчеркивается, что крестьяне, которые переселились в Бессарабию и которые будут переселяться на будущее, не могут быть крепостными. В виде исключения допускалось, чтобы русские дворяне, которые переселялись в Бессарабию, имели крепостных, и то в качестве дворовых людей для личного обслуживания, а не для поселения их на помещичьей земле⁴⁷⁸.

Введением законодательства 1828 г. завершился процесс распространения и в Бессарабской области общерусских форм управления губернского типа, закончилась история своеобразного самоуправления Бессарабии как [отдельной] административной единицы в составе России.

Преобразование Бессарабской области в губернию в 1873 г. явится лишь формальным актом⁴⁷⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в первый период после присоединения Бессарабии к России (1812—1828 гг.), учитывая местные особенности края, интересы молдавских бояр и внешнеполитическую обстановку, царское правительство временно сохранило здесь местные законы и обычай, прежние поземельные отношения и административное устройство с участием молдавских бояр в управлении. В связи с этим здесь и была образована Бессарабская область с сохранением автономных начал.

Но сохраняя в Бессарабии, как и в некоторых других национальных окраинах, недавно присоединенных к России (Финляндии, Польше), автономные начала в управлении краем, царизм по существу проводил здесь ту же политику, как и на всех национальных окраинах, рассчитанную на укрепление самодержавной власти, [...] путем централизации административного управления, введения новой системы налоговых обложений, [...] применения соответствующих форм внутреннего управления.

Участие молдавских бояр в верховном совете, затем в областном совете и в других органах местного управления не могло оказать существенного влияния на политику царизма, вместе с царскими чиновниками они являлись основными про-

водниками этой политики под верховным руководством высокопоставленных сановников.

Верховный совет и областное правительство, с преобладающим участием в них молдавских бояр, в действительности были послушным орудием в руках наместников царя — Бахметева, Инаэва и Воронцова.

Временным сохранением в органах управления молдавских бояр царское правительство пыталось привлечь их на свою сторону с тем, чтобы, опираясь на них, упрочить свои позиции в присоединенном крае [...].

После административной реформы 1828 г. структура и формы управления в Бессарабской области были перестроены по образцу центральных губерний, основные командные посты были сосредоточены в руках царских чиновников, которые руководствовались общесемперскими законами [...] Все больше царская политика здесь принимала [крепостническую] направленность [...]

Но это мало задевало интересы эксплуататорских классов. Более того, молдавские бояре вскоре убедились в том, что политика царизма, направленная на укрепление пошатнувшихся устоев крепостнической системы, полностью соответствует и их интересам. В 1818 г. они были уравнены в правах с русским дворянством с сохранением наследственных дворянских прав⁴⁸⁰ (в отличие от прав бояр Молдавии, связанных с государственными должностями)⁴⁸¹ — за ними были сохранены их прежние права и привилегии. Это в значительной степени расположило местное боярство к царизму. Царские [власти] принуждали крестьян силой закона выполнять помещичьи повинности⁴⁸². В условиях все усилившегося крестьянского движения, обострения борьбы против барщины и оброка военно-полицейский и административно-чиновничий аппарат царизма и здесь всегда был на стороне молдавских помещиков-бояр.

Царский чиновничий-бюрократический аппарат государственного управления в Бессарабии, как и в России в целом, по своей природе был призван сохранить существовавшие в крае феодальные отношения и служить господствующему классу при помощи которого он осуществлял свое господство над эксплуатируемыми массами трудового населения⁴⁸³.

Вот почему, когда в результате административной реформы 1828 г. была ликвидирована автономия Бессарабской области, задевшая в известной мере местный боярский чиновничий аппарат, в целом молдавские помещики не сопротивлялись этому.

Поскольку новая система управления способствовала ликвидации произвола и беззакония, существовавшего в Молдавском княжестве, в том числе и в Бессарабии, со времен турецко-фонариотского господства, постольку она имела некоторое положительное значение.

Как справедливо отмечает А. В. Фадеев, «при всей своей мерзости государственная система Российской империи с ее абсолютной монархией, строгой централизацией административной власти и развитой бюрократией отличалась более совершенными формами политического устройства, чем отжившие формы феодальной государственности, бытовавшие в Закавказье до присоединения к России»⁴⁸⁴.

Аналогичное положение было и в Бессарабии, которая, как и значительная часть Закавказья, находилась под владычеством Турции, сохранявшей в подвластных ей областях крайне отсталые, отличавшиеся произволом и беззаконием формы государственного управления.

В исторической литературе бытовали различные оценки новой системы управления и причин ликвидации так называемых автономий в Финляндии, Польше и в Бессарабской области (1812—1828 гг.).

Дворянские и буржуазные историки рассматривали предоставление Финляндии, Польше и Бессарабской области автономных начал в управлении как «безмерное благо», как результат благодеяния, привержения к либерализму и личного желания Александра I⁴⁸⁵.

Бессарабия получила из рук Александра I в 1818 г. такое устройство, — указывал А. Накко, — о котором она «никогда не могла даже мечтать»⁴⁸⁶. В действительности, это было вынужденной временной уступкой царского правительства веянию времени. Невозможно было не учитывать то огромное влияние, которое оказали Французская буржуазная революция конца XVIII в. и реформы, проведенные в других странах в период наполеоновских войн.

Сам Александр I рассматривал предоставление некоторым окраинам управления на началах автономии как временную меру. В реескрипте по поводу введения Устава образования Бессарабской области 1818 г. сказано, что вводимое положение «должно предварительно подтверждено быть временем и опытом.., прежде чем получить окончательное утверждение»⁴⁸⁷. Кроме того по указанию царя статс-секретарь министерства иностранных дел Каподистрия специальным представлением разъяснил Бахметеву, что Устав образования Бессарабской области 1818 г. не является окончательно утвержденным и должен быть проверен временем⁴⁸⁸.

Как будет показано ниже, с изменением обстановки в Европе усиливается реакция в России и во втором периоде своего царствования Александр I постепенно отходит от тактики временных уступок, становится на путь [ограничения] автономий в управлении вновь присоединенными окраинами империи.

Говоря о причинах ликвидации автономных начал в управлении Бессарабской областью, даже такой апологет царской политики в этом крае, как А. Накко, не без иронии писал, что

Бессарабия «...не сознавала тогда, какое «безмерное благо» было ей даровано в особом образе управления, и поэтому не придавала ему должного значения, вследствие чего вскоре его лишилась упразднением верховного совета в 1828 году»⁴⁸⁹.

Известный знаток местного права Л. Кассо, говоря об отмене автономии Бессарабии, отмечает, что это не вызвало среди бессарабских дворян того раздражения, о котором охотно доносили иностранные консулы. Но они долгое время сожалели «о правах, случайно полученных и случайно потерянных»⁴⁹⁰. Далее он указывает на то, что ликвидация автономии стала возможной вследствие той внутренней борьбы, которая наблюдалась в жизни Бессарабии, и потому, что к тому времени «никого уже не было, как раньше в 1814 и 1816 гг., чтобы заступиться за ...бессарабского self-government (самоуправление — Я. Г.). Старый ... патриот Гаврил к тому времени умер (в 1821 г.), а Каподистрия, курировавший бессарабские дела, отошел от этих дел и выехал в Женеву»⁴⁹¹.

В другой своей работе Л. Кассо объясняет ликвидацию автономии Бессарабской области шовинистической политикой Николая I⁴⁹².

Другой автор — Б. Холде объясняет причину ликвидации автономии отсутствием необходимого количества подготовленных дворян в Бессарабии, способных заниматься делами управления⁴⁹³.

Ф. Вигель, бывший в то время бессарабским вице-губернатором, отстаивал необходимость изменения существовавшей системы управления и введения общерусских форм правления, подчеркивал, что молдавское боярство по природе своей порочно и аморально, поэтому недостойно быть во главе управления областью. Он рекомендовал царскому правительству [...] не делать уступок молдавскому боярству⁴⁹⁴.

В докладной записке наместника Бессарабской области графа Воронцова и в решении комитета министров 1824 г. мотивируется необходимость изменения существующей системы управления в Бессарабской области (то есть ограничения автономных начал) и определения земских исправников и заседателей от короны тем, что: во-первых, закон об образовании Бессарабской области 1818 г. был временным, [...] практика показала его несоответствие и отрицательность, поэтому его необходимо [было] отменить; во-вторых, тем, что, как показала проверка, состояние дел в области плохое, нет границ беззаконию, злоупотреблениям, насилию и беспорядкам⁴⁹⁵. Все усилия исправить положение оказываются бесполезными, потому что, как указывает граф Воронцов, «нельзя доверять исправникам и заседателям из местных дворян, у которых нет ни чести, ни знания русского языка... Увольнение виновных не исправляет положение, потому что те, кто их заменяет, нисколько не луч-

ше тех, кто уходит...»⁴⁹⁶. Из этого комитет министров вынес заключение о необходимости ограничения автономных прав.

Несколько иной подход к объяснению отмены автономии Бессарабской области наблюдается у румынского [буржуазного] историка А. Болдура⁴⁹⁷. Главная причина нежизненности автономии была определена в самом начале после присоединения Бессарабии к России. Он указывает, что Молдавское княжество (в том числе и Бессарабия) и Россия находились в то время на разных ступенях общественного развития. Молдавское княжество переживало еще стадию сословной монархии, где применялось, главным образом, обычное право — неписанные законы. Россия же, с начала XVIII в., со времени Петра I, находилась уже на другой, более высокой ступени феодализма — абсолютной монархии, причем «просвещенного абсолютизма» (получившего еще большее развитие при Екатерине II) [...], [когда] действовали писаные законы.

Встреча на арене истории Бессарабии в начале XIX в. двух разных политических систем, указывает Болдур, предрешила окончательную судьбу автономии Бессарабии⁴⁹⁸. Молдавское боярство, указывает он дальше, было воспитано не хуже, но воспитано на обычном праве, и оно оказалось неподготовленным управлять Бессарабией при помощи широкого русского законодательства, к тому же написанного на непонятном им языке. Поэтому, заключает этот автор, судьба автономии Бессарабии была решена еще с введением законодательства 1818 г., открывавшего в этом крае дорогу законодательству, основанному на писанных законах. Итак, по его мнению, автономию Бессарабии победил закон, и это было неизбежно. Именно этим объясняется тот факт, что при отмене автономии в Бессарабии не было «серезных волнений, было лишь сожаление»⁴⁹⁹.

Действительно в Бессарабии в 20-х гг. XIX в., как и позже, не было активной борьбы за восстановление автономии, не было еще [...] национально-освободительного движения здесь, протесты на почве национального угнетения, как правило, вливались в общую антифеодальную борьбу крестьянских масс, а поскольку основная масса помещиков, угнетавших крестьян, состояла из молдаван, борьба не могла принять национальную окраску. К тому же в памяти народной еще сохранились ужасы произвола и бесправия периода турецко-французского господства. Поэтому народные массы не могли сожалеть, тем более бороться за восстановление тех форм управления, которые существовали в Бессарабии до присоединения ее к России.

К тому времени процесс консолидации молдавской нации еще не развернулся, он получит развитие лишь в пореформенный период, в условиях развития капитализма и формирования буржуазных классов. Поэтому в сложившихся условиях дореформенного периода в Бессарабии, в отличие от других западных окраин (например, Польши и Финляндии), где развитие

капитализма и формирование буржуазии шло раньше, не было и национального движения.

[...] В советской литературе также предпринималась попытка [объяснить причины] отмены автономии Бессарабской области. Авторы статьи о реформах управления в Бессарабии И. А. Аңџупов и В. И. Жуков видят причину отмены автономии в Бессарабской области и согласия с этим боярства в усилении классовой борьбы, в связи с чем господствующему классу потребовался более сильный аппарат принуждения. Этому способствовало также, по их мнению, усиление позиций России на международной арене — Аккерманская конвенция, победы в войнах с Ираном и Турцией, договоры России с Англией и Францией о совместных действиях против Турции⁵⁰⁰.

В „Истории СССР“ указывается, что в связи с русско-турецкой войной 1828—1829 гг., занятием русскими войсками Дунайских княжеств и укреплением позиций России на Балканах царизм решил урезать автономию Бессарабии⁵⁰¹.

Что касается роли усиления классовой борьбы в ликвидации автономии, то выступления крестьян против бояр имели место задолго до начала изменения форм управления, но серьезного усиления классовой борьбы в Бессарабии в то время не наблюдалось. Усовершенствование аппарата насилия имело определенное значение в уничтожении автономии Бессарабии, но трудно доказать, что это было главным в тот период.

Что [же] касается роли международного фактора, то Воронцов предпринимал конкретные меры по ограничению автономии еще до того, как Россия добилась каких-то ощутимых успехов на Востоке, ибо проект реформ был подготовлен еще в 1826 г., а принят лишь в феврале 1828 г., то есть до вступления русских войск в Молдавию и Валахию и действительного упрочения позиций России на Балканах.

Политика России на Балканах, видимо, имела определенное значение в ограничении бессарабской автономии, но конкретные материалы, касающиеся этой взаимосвязи, пока не изучены и изменившаяся роль балканской политики России в этом вопросе еще не выяснена. В свое время Александр I именно для того, чтобы повысить престиж России на Балканах, оформил автономию Бессарабии. Но с тех пор прошло лишь полтора десятилетия, и автономия, по существу, была ликвидирована.

Причины изменения отношения к национальным окраинам, в том числе и к автономии Бессарабии, по-видимому следует прежде всего искать в эволюции общей внутренней политики царизма, которая определялась, главным образом, процессом разложения феодально-крепостнических и формированием капиталистических отношений. На определенном этапе этого процесса реальные интересы внутренней политики России, его господствующего класса были поставлены [на первое место] [...]

Почему царизм стремился к ликвидации национальных автономий, почему это считалось естественным в тех условиях? Конечно, всякая автономия означала ограничение самодержавной власти, ее давней политики единой и неделимой России. Однако эта причина объясняется особенностями классового общества вообще и феодализма, в частности. Постоянная борьба тенденций централизации и раздробленности, которая проходит на протяжении всей истории феодализма, была, конечно, отражением объективных законов этой формации. Борьба между центром и окраинами, их противоречия также вытекают из особенностей феодализма. Эта борьба была и не могла не быть в России. В этой борьбе самодержавие, естественно, стремилось одержать победу, еще больше усилить, сделать неограниченной свою власть. Давний опыт подсказывал самодержавию применять испытанные методы по ликвидации всякого своеобразия. Ту политику, которую Иван III применил по отношению к Новгороду, царизм пытался применить и в XIX в. Однако хотя феодализм сохранился, но он значительно изменился, ибо уже шел процесс его разложения и формирования в его недрах новых, капиталистических форм производства.

Это была политика централизации [классового и национального угнетения], присущая царскому управлению. Одной из причин отмены автономии Бессарабской области является и изменение национального состава населения, особенно ее южной части. Бессарабия становилась все более многогранной.

Создание, как и ликвидация автономий на некоторых окраинах России (в том числе и Бессарабии), определялись внутренними и внешними обстоятельствами. Эти акты являлись этапными маневрами в политике правительства Александра I, который умел лавировать более гибко, чем его предшественник Павел I и его преемник Николай I [...]. Автономии поэтому появлялись как временные и вынужденные уступки со стороны царского правительства некоторым вновь присоединенным окраинам. Временные автономные управления на этих окраинах оказались не только вынужденной уступкой, но и более удобным, на первых порах, средством упрочения позиций царизма.

Автономия Бессарабии была продиктована прежде всего внутренними условиями, сложившимися здесь во время присоединения ее к России, следствием длительного господства здесь султанского режима и длительных войн (во всех русско-турецких войнах конца XVIII и начала XIX в. Бессарабия находилась в зоне военных действий или была ближайшим тылом русских войск).

Экономика Бессарабии [в начале XIX в.] находилась в полном упадке, управление было дезорганизовано. Одними военно-административными методами трудно было управлять и наводить порядок. Это вызвало бы недовольство и сопротивле-

ние, прежде всего, со стороны части местного оппозиционно-настроенного боярства.

В такой обстановке правительство Александра I решило для быстрейшего упрочения позиций царизма на этой окраине, [...] восстановления разрушенного войной хозяйства и скорейшего освоения богатств края в интересах молдавских и русских помещиков привлечь к управлению представителей местной знати. Этим достигалась и другая цель — ослаблялась оппозиция крупного протурецких настроенного молдавского боярства. Царское правительство в такой обстановке в 1813 г. образовало Бессарабскую область, даровав ей временно нечто наподобие автономии с участием местного боярства в управлении областью.

Александр I, приехавший в 1818 г. в Кишинев по случаю официального введения Устава образования Бессарабской области, сделал широковещательное заявление о сохранении «самобытности» и обещал соблюдать в неприкосновенности предоставленное автономное устройство. На деле уже в этом акте, по сравнению с временными Правилами 1813 г., местные права и прерогативы ограничивались и открывалась дорога к введению [общероссийских учреждений].

Внешнеполитическое положение России к этому времени значительно укрепилось, что позволило Александру I играть в «либерализм». Россия вышла победительницей в войнах 1806—1813 гг. с Турцией и Ираном, 1808—1809 гг. — со Швецией, а в 1812—1813 гг. одержала блестящую победу над Наполеоном. [...].

Учитывая, что балканские народы, остававшиеся еще под властью турецкого султана, в борьбе за свою независимость обращают свои взоры и надежды на Россию, Александр I, чтобы завоевать их симпатии и еще больше привлечь их внимание, решил на примере Бессарабии показать образец «благоустроенного» присоединенного к России края. Это тоже сыграло определенную роль в предоставлении Бессарабской области автономного управления. Следует, однако, подчеркнуть, что широковещательные обещания Александра I об автономии Бессарабской области были реализованы лишь частично и на ограниченный период времени.

Устав образования Бессарабской области 1818 г., как и Правила 1813 г., был временным, его продолжительность зависела от воли монарха. По условиям присоединения к России Бессарабии не гарантировались автономные права, как, [...] например, Финляндии.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что и те незначительные автономные начала и особенно льготы, которые были предоставлены в 1812—1818 гг. и зафиксированы в Положении 1813 г. и уставе 1818 г., имели несомненное положительное значение для экономического развития края, его заселения. Положительно оказались они и на развитии культуры, молдавского языка

и литературы. Это особенно отмечалось в период пребывания в Кишиневе А. С. Пушкина и будущих декабристов — В. Ф. Раевского, М. Ф. Орлова и А. Н. Юшневского. Вокруг Пушкина и декабристов, которые оказывали благотворное влияние на развитие молдавской культуры, собирались и группировались лучшие представители местной интеллигенции⁵⁰². Кишинев становился центром культуры и просвещения Бессарабской области. Особенно усиливается здесь культурное движение после восстания гетеристов 1821 г. в Дунайских княжествах, когда в Бессарабию эмигрирует значительное число образованных людей⁵⁰³. [...]

Во второй половине 20-х гг. изменившееся внутреннее положение в России и международная обстановка пагубно сказалась и на автономном управлении Бессарабской областью. Революционные события на Западе, восстание в Испании, Пьемонте и Неаполе, брожения во Франции и др., с одной стороны, крестьянское движение на Дону, восстание Семеновского полка, симптомы деятельности дворянских революционеров и на территории Бессарабии — с другой, напугали царское правительство. Александр I отбросил игру в «либерала на троне» и стал открыто осуществлять старую, испытанную царизмом, реакционную политику. Николай I, опиравшийся на военно-полицейскую силу, еще больше усилил реакционный курс во внутренней и внешней политике.

В обстановке усилившейся реакции в стране изменилось отношение царского правительства и к национальным окраинам.

От политики «лавирования» и временных уступок, применявшейся в период царствования Александра I, правительство Николая I взяло решительный и твердый курс на ликвидацию автономий на окраинах империи, [курс] на строгую централизацию и беспрекословное подчинение в управлении всей страны. В такой обстановке немыслимы были уступки в виде «самоуправления», «автономии», «конституционных порядков». Одни эти названия раздражали Николая I. В управлении при соединенными окраинами он опирался на применение [...], главным образом, военно-административных, полицейских методов. В стране усиливается централизация управления путем введения общерусской системы управления. [...]

Под влиянием все усилившегося кризиса крепостного строя и развития в его недрах капиталистических отношений формы и методы [...] политики царского правительства претерпевают эволюцию. В целях повышения доходов казны царизм переходит к более эффективной системе эксплуатации [...] населения. Но в основе по-прежнему оставались военно-феодальные методы управления и присвоения прибавочного продукта, главным образом, в форме феодальной ренты. Нарастание кризиса крепостничества внутри страны привело к усилению национального гнета на окраинах империи. С уничтожением

остатков местной автономии все более выявлялась великолепная направленность политики царизма [...]. [Эта] политика была неразрывной частью его реакционной внутренней политики, которая вызывала возмущение и протесты русского трудового народа и подымала на стихийную освободительную борьбу против царизма порабощенные народы окраин Российской империи. [...]

Вопреки царской политике национальной розни в процессе естественно складывающейся общности жизни в рамках всей Российской империи трудящиеся разных национальностей [во главе с великим русским народом] объединились на почве общности интересов борьбы против социального и национального гнета. Создавался широкий фронт борьбы народов России против крепостничества и царизма. Хотя революционное содружество народов России было достигнуто значительно позднее, в период появления марксистско-ленинской партии, [...] объективные предпосылки возникновения этого содружества и создания единого фронта освободительной борьбы трудящихся России и ее национальных окраин складывались задолго до этого, еще в дореформенный период. Вот почему нам важно исследовать этот период и этот этап национальных взаимоотношений в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Молдавии. Т. 1. Кишинев, 1951.
- ² История Молдавской ССР, изд. 2-е, т. 1. Кишинев, 1965.
- ³ Багушков П. Н. Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892.
- ⁴ Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев, 1969, с. 21; Афгеник С. Я. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971, с. 14, 103.
- ⁵ Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 13—44.
- ⁶ Стадницкий А. Гавриил Банулецко-Бодони, экзарх молдо-влахийский (1808—12 гг.) и митрополит Кишиневский (1813—21 гг.). Кишинев, 1894. Приложения, с. XLVII—XLVIII.
- ⁷ Куниций П. Краткое статистическое описание Заднестровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте 1812 года. СПб., 1813, с. 19.
- ⁸ Там же, с. 20.
- ⁹ Там же, с. 25.
- ¹⁰ Там же, с. 26.
- ¹¹ Там же, с. 30.
- ¹² Байков Н. Записка о состоянии управления в Бессарабии 1813 г.—Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXII. Одесса, 1879.
- ¹³ Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой. — Вопросы истории, 1979, № 4, с. 78.
- ¹⁴ Свильин П. Описание Бессарабской области... в 1816 г. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI. Одесса, 1867.
- ¹⁵ Вигель Ф. Ф. Замечания на нынешнее состояние Бессарабии, СПб., 1823, с. 36.

- ¹⁶ Сабуров Я. Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 г. М., 1830, с. 19.
- ¹⁷ Там же, с. 12—13.
- ¹⁸ Мухина С. Л. Литература декабризма о нерусских народах России. Фрунзе, 1972, с. 49.
- ¹⁹ Там же, с. 48.
- ²⁰ Там же, с. 64.
- ²¹ Раевский В. Ф. Заметки о Бессарабии. Ульяновск, 1961, с. 136—137.
- ²² Яковенко И. Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и российской Бессарабской области. СПб., 1828.
- ²³ Дюгамель А. О. Автобиография. М., 1855.
- ²⁴ Записки графа А. И. Рибопьера — Русский архив, 1877, № 4—5.
- ²⁵ Дараган М. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Бессарабская область, т. XI, ч. XII, СПб., 1848.
- ²⁶ Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, ч. I—II. СПб., 1868.
- ²⁷ История литературы молдовенашт. Кишинэу, 1958, п. 352.
- ²⁸ Накко А. Очерк гражданского управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. XI. Одесса, 1879.
- ²⁹ Там же, с. 14.
- ³⁰ Накко А. Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г. — Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса, 1900.
- ³¹ Там же, с. 176—178.
- ³² Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I. География, этнография и народонаселение Новороссийского края. Одесса, 1850.
- ³³ Батюшков П. Н. Указ. соч.
- ³⁴ Крушеван П. А. Что такое Россия? — Бессарабец. М., 1896.
- ³⁵ Лашков Н. В. Бессарабия. К столетию присоединения к России. Кишинев, 1912.
- ³⁶ Халиппа И. Н. Краткий очерк гражданского управления в Бессарабии. Юбилейный сборник бессарабского губернского земства, 1912.
- ³⁷ Батюшков П. Н. Указ. соч., с. 150, 154.
- ³⁸ Там же, с. 151.
- ³⁹ Скворцов В. Гавриил Бодони, митрополит Кишиневский, экзарх молдо-влахийский. — Древняя и Новая Россия. СПб., 1879, т. II, № 7, с. 178—189.
- ⁴⁰ Жмакин В. Гавриил Бодони. — Русский архив, 1898, № 11, с. 309—377; № 12, с. 487—512.
- ⁴¹ Стадницкий А. Указ. соч., с. 251.
- ⁴² Там же, с. 259—267.
- ⁴³ Там же, с. 267—291.
- ⁴⁴ Там же, с. 288.
- ⁴⁵ Там же, с. 289.
- ⁴⁶ Донич А. Краткое содержание законов, извлеченных из царских книг. Одесса, 1831.
- ⁴⁷ Арменопуло К. Местные законы Бессарабии. Одесса, 1908.
- ⁴⁸ Линовский В. О местных бессарабских законах. Одесса, 1842.
- ⁴⁹ Егунов А. Н. Местные и гражданские законы Бессарабии, 1881; *Он же*. Сборник местных в Бессарабии узаконений по предметам гражданского права. СПб., 1882.
- ⁵⁰ Шимановский М. Ф. О местных законах Бессарабии. Одесса, 1887—1888.
- ⁵¹ Пергамент О. Спорные вопросы бессарабского права. 1905; *Он же*. О применении местных законов Арменопула и Донича, 1905.
- ⁵² Гинс Г. Бессарабское местное право. — Новый энциклопедический словарь, СПб., б/г, с. 256—265.

- ⁵³ Кассо Л. А. Византийское право в Бессарабии. М., 1907, с. 3.
- ⁵⁴ Там же, с. 9—10.
- ⁵⁵ Там же, с. 9.
- ⁵⁶ Кассо Л. А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913.
- ⁵⁷ Там же, с. 193.
- ⁵⁸ Там же, с. 199.
- ⁵⁹ Там же, с. 196.
- ⁶⁰ Там же, с. 198.
- ⁶¹ Там же, с. 198.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же, с. 225.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, с. 226.
- ⁶⁶ Он же. Петр Манега — забытый кодификатор бессарабского права. СПб., 1914, с. 13.
- ⁶⁷ Дурново Н. Н. Русская панславистская политика на православном Востоке и в России. М., 1908, с. 6—12.
- ⁶⁸ Гросул Я. С., Моков Н. А. Историческая наука Молдавской ССР. М., 1970, с. 31—39.
- ⁶⁹ Nistor I. Istoria Basarabiei. Cernăuți, 1923, p. 266; Boldur A. Autonomia Basarabiei sub stăpânirea rusească în 1812—1828. Studii. Chișinău, 1929, p. 87.
- ⁷⁰ Iorga N. O «Istorie a Basarabiei» — «Neamul românesc», 2 oct. 1937, nr. 215; Boldur A. Contribuții la studiul istoriei românilor. Istoria Basarabiei, vol. III. Chișinău, 1940, p. 1.
- ⁷¹ Din trecutul nostru, N 31—34, Chișinău, 1936, p. 32; N 36—39, Chișinău, 1936, p. 18; Boldur A. Contribuții ... p. 94.
- ⁷² David Al. Bibliografia lucrărilor privitoare la Basarabia apărute de la 1918 începând. Chișinău, 1933, p. 12—13.
- ⁷³ Ciobanu St. Op. cit., p. 3. Ibidem, p. 18.
- ⁷⁴ Zaborovichi G. Istoria — «Basarabia», Chișinău, 1926, p. 140—143.
- ⁷⁵ Boldur A. Autonomia...
- ⁷⁶ Ibidem, p. 3.
- ⁷⁷ Ibidem, p. 33.
- ⁷⁸ Boldur A. Op. cit., p. 100:
- ⁷⁹ Ibidem.
- ⁸⁰ Ibidem, p. 104—105.
- ⁸¹ Boldur A. Contribuții..., p. 91—103.
- ⁸² Jewsbury George F. The Russian annexation of Bessarabia: 1774—1828. A study of imperial expansion. New York, 1976.
- ⁸³ Ibidem, p. 9.
- ⁸⁴ Ibidem, p. 99.
- ⁸⁵ Ibidem, p. 100.
- ⁸⁶ История Молдавии. Документы и материалы, том II. Кишинев, 1957, с. 206.
- ⁸⁷ Jewsbury George F. Op. cit., p. 76.
- ⁸⁸ Гросул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861). Кишинев, 1967.
- ⁸⁹ Енциклопедия советика молдовеняскэ. Кишинэу, 1970, паж. 361.
- ⁹⁰ Jewsbury George F. Op. cit., p. 160.
- ⁹¹ Сурилов А. В. Общественное устройство и управление Бессарабией первой половины XIX в. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1953.
- ⁹² Он же. К вопросу об общественном устройстве Молдавии в первой половине XIX в. — Сборник юридического факультета Одесского университета, т. 2. Одесса, с. 77—92; Он же. Управление Бессарабской областью в 1812—1817 гг. — Там же, с. 93—104; Он же. Верховный совет Бессарабской области по «Уставу образования 1818 г.». — Ученые записки Кишиневского университета, т. 52. Кишинев, 1960, с. 109—114.

- ⁹³ Аңџупов И. А. и Жуков В. И. Реформы в управлении Бессарабией с 1812 по 1828 г. — Ученые записки Кишиневского госуниверситета, т. 26. Кишинев, 1957, с. 145—159.
- ⁹⁴ Там же, с. 158.
- ⁹⁵ Кульчицкий В. С. Державне право Молдавії феодального періоду. Львів, 1964.
- ⁹⁶ Федоров Г. К. Государственно-административное устройство и местное право Бессарабии (1812—1917 гг.). Кишинев, 1974.
- ⁹⁷ Озанян Л. Н. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX века. Ч. 1—2. Кишинев, 1974.
- ⁹⁸ Йовва И. Ф. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974.
- ⁹⁹ Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии, изд. 3-е, исп. и доп. Кишинев, 1963; изд. 4-е. Кишинев, 1976; Он же. П. П. Свинин в Бессарабии — Связь времен. Кишинев, 1978, с. 23—39.
- ¹⁰⁰ В. О. Ключевский считает, что Россия достигла своих естественных рубежей в начале XIX в. — Ключевский В. О. Соч., т. V. М., 1958, с. 194; Русский военный историк А. П. Куropаткин пишет, что Россия достигла на юго-западе своих естественных границ в 1792 г. — Куropаткин А. П. Задачи русской армии. СПб., т. I, с. 492—494; т. II, с. 502.
- ¹⁰¹ История Молдавии, т. 1. Кишинев, 1965, с. 307—310.
- ¹⁰² Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, с. 75—169.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Кроме причин внешнего порядка, имеющих отношение непосредственно к Бессарабии, нужно, естественно, видеть и комплекс других внешнеполитических вопросов. Конституционалистская политика на Балканах начала проводиться еще с начала XIX в., но ее элементы прослеживаются и значительно позднее установления бессарабской автономии и в Дунайских княжествах, и в Болгарии, и в других районах Юго-Восточной Европы (см. подробнее: Гросул В. Я. О конституционалистской политике России на Балканах. — Вопросы истории. М., 1969, № 8, с. 46—59). Но конституционалистские приемы царской дипломатии на Балканах были составной частью политики, которая получила в литературе название «конституционной дипломатии» (Сироткин В. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставка И. Каподистрия в 1822 г. — Проблемы международных отношений и освободительных движений. М., 1975, с. 4, 47). Эта политика была ответом на требование времени, когда обострилась борьба между феодальными монархиями, с одной стороны, и буржуазной идеологией, особенно идеями Французской революции, с другой. «Конституционная дипломатия» отражала стремление царских дипломатов приспособиться к эпохе и как-то перехватить идеологическую инициативу. Его сторонниками были М. Сперанский, А. Чарторыйский, И. Каподистрия. Последний сыграл в этом деле особенно заметную роль и поэтому его интерес к бессарабской автономии не случаен. К этой политике склонялся на определенном этапе и Александр I, подчеркнувший в рескрипте послу России в Лондоне от 15/27 декабря 1814 г.: «Последствия революции наших дней, изменившей отношения внутри государств, уже не могут быть уничтожены и смениться внезаланным возвратом к прежним установлениям» (Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского министерства иностранных дел. (В дальнейшем ВПР). Серия первая. 1801—1815 гг. Т. 8, май 1814 — ноябрь 1815 гг. М., 1972, с. 146). Не случайно поэтому отставание царским правительством конституционных учреждений в ряде европейских стран того времени (Примеч. В. Г.).

- ¹⁰⁵ Бессарабия была присоединена к России по Бухарестскому миру, который был подписан 16/28 мая 1812 г., то есть за 26 дней до вторжения армии Наполеона в Россию.
- ¹⁰⁶ Hurmuzaki, Suppl. I, v. 2, p. 749; Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XX, Одесса, 1893, с. 46.
- ¹⁰⁷ Кассо Л. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913, с. 205—206.
- ¹⁰⁸ Записки Бессарабского статистического комитета, т. II. Кишинев, 1868, с. 110.
- ¹⁰⁹ Институт скутельничества появился в Молдавии в XVIII в. в условиях огромного возрастания централизованной ренты и был оформлен законодательно в 1742 г. Он представлял собой систему несения крестьянами ряда повинностей не в пользу своего землевладельца-вотчинника, а в пользу того или иного должностного лица (тоже из бояр) уездной или центральной феодально-государственной администрации. Причем, каждое должностное лицо имело право иметь в своем услужении определенное число скутельников. (См.: Гросул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1967, с. 108—111; Гросул В. Я., Дмитриев П. Г., Советов П. В. Переходные формы феодальной эксплуатации крестьян в Молдавии XVIII — начале XIX в. — Известия АН МССР. Кишинев, 1967, № 2, с. 9).
- ¹¹⁰ Sturdze A. Oeuvres posthumes religieuses, hioriques, philosophiques et litteraires... Paris, 1858, p. 128.
- ¹¹¹ Ibidem, pp. 134—135. Несомненно, что и позднее А. Стурдза сохранил определенную часть влияния, которое на него оказал друг его семьи И. Кацодистрия, человек, как отмечается в литературе, склонный к компромиссам, вызванным духом времени. — См.: Арш Г. Л. И. Кацодистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг., М., 1976, с. 36 (Примеч. В. Г.).
- ¹¹² История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951.
- ¹¹³ Мещерюк И. И.: Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX в. — Известия Молдавского филиала АН СССР, № 3—4, 1953.
- ¹¹⁴ Сурилов А. В. Управление Бессарабской областью 1812—1897 гг. Сб. юрид. ф-та Одесского госуниверситета, т. II, 1954.
- ¹¹⁵ Анчупов И. А. и Жуков В. И. Реформы в управлении Бессарабии с 1812 по 1828 г. — Ученые записки Кишиневского государственного университета, т. 26 (исторический). Кишинев, 1957.
- ¹¹⁶ Гросул Я. С., Будак И. Г. Указ. соч., с. 37.
- ¹¹⁷ Березняков Н. В. и Богданова В. А. Багратион в Дунайских княжествах. Сб. документов. Кишинев, 1949.
- ¹¹⁸ Накко А. Очерк гражданского управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXII. Одесса, 1879, с. 260.
- ¹¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VII, т. 10. М., 1962, с. 91—92, 246—247; Ключевский В. О. Указ. соч., т. 3, М., 1957, с. 147—149, 152; A. Boldur. Autonomia Basarabiei sub stăpînește rusească în 1812—1828. Chișinău, 1929, p. 102.
- ¹²⁰ Кизеветтер А. Местное самоуправление в России, IX—XIX ст. Петроград, 1917, с. 58—59.
- ¹²¹ Boldur A. Op. cit., p. 102.
- ¹²² Накко А. Очерк гражданского устройства и управления Бессарабии... — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1879, с. 271.
- ¹²³ Паладзлов С. Н. Румынские государства Валахии и Молдавии. СПб., 1859, с. 155.
- ¹²⁴ Дмитриев П. Г. и Советов П. В. Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии в

- XV—XVIII вв. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г. Вильнюс, 1965.
- ¹²⁵ Кассо Л. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913 г., с. 204—205.
- ¹²⁶ Там же, с. 205.
- ¹²⁷ Накко А. Указ. соч., с. 272.
- ¹²⁸ Б[антыш] Д. — К[аменский] К. Путешествие в Молдавию, Валахию, Сербию. М., 1810.
- ¹²⁹ Xenopol A. Istoria Românilor din Dacia Traiană. Bucureşti, v. IX, p. 94—165; St. Raicevich. Osservazioni storiche, naturali e politiche intorno la Valachia e Moldavia. Napoli, 1788, pp. 127—128.
- ¹³⁰ Накко А. Указ. соч., с. 276.
- ¹³¹ Донесение Багратиона царю от 8 декабря 1809 г. и 24 января 1810 г. — Дубровин. Военный сборник 1865 г. Материалы № I, с. 265; Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 77—78.
- ¹³² ЦГА МССР, ф. 1. Сенаторы, председательствующие в Диванах княжеств Молдавии и Валахии. Рескрипт Александра I от 17 февраля 1808 г.; Впоследствии Исполанти был отправлен в Киев. — Lebel G. La France et les Principautés danubiennes, Paris, 1955, p. 258.
- ¹³³ Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. 1. Кишинев, 1900, с. 331.
- ¹³⁴ ЦГА МССР, ф. 1, д. 1502, л. 1—2; Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 78.
- ¹³⁵ Накко А. Указ. соч., с. 273.
- ¹³⁶ Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. 1. Кишинев, 1900, с. 373.
- ¹³⁷ Предложение П. И. Багратиона об улучшении управления княжеством Валашским от 27 января (8 февраля) 1810 г. — Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 79—88.
- ¹³⁸ Об определении исправников по Молдавии и Валахии. — Архив сенаторов, председательствовавших в Диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 г. — В кн.: Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. 1. Кишинев, 1900, с. 368.
- ¹³⁹ Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 12.
- ¹⁴⁰ Там же, с. 77—78, 86—89.
- ¹⁴¹ Накко А. Указ. соч., с. 291.
- ¹⁴² Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. 2. Кишинев, 1902, с. 401—403.
- ¹⁴³ Lebel G. La France et les Principautés danubiennes. Paris, 1955, p. 258.
- ¹⁴⁴ Об учреждении бухарестской следственной комиссии (13.II 1810 г.) с целью выявления злоупотреблений Валашского правительства — ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1; Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 86—89.
- ¹⁴⁵ Рескрипт Александра I от 30 июня 1809 г. о назначении П. И. Багратиона на командующим молдавской армией. — Там же, с. 18.
- ¹⁴⁶ Гросул Я. С., Будак И. Г. Указ. соч., с. 37. С конца XIV в. территория Бессарабии в указанных границах входила в состав Молдавского княжества. Со времени установления турецкого господства крепости и укрепленные районы по Днестру — Хотин, Бендери, Аккерман и по Дунаю — Рени, Измаил, Килия и их окрестности были превращены в турецкие райи (в 1484 г. — Аккерман и Килия, в 1621 г. — Рени и в 1713 г. — Хотин). Здесь размещались турецкие гарнизоны, а в окрестностях проживало немногочисленное гражданское население — молдаване, турки и др. Райи управлялись турецкой администрацией во главе с пашой. В 1538 г. после похода в Молдавию турецкого султана Сuleймана и поражения господаря Петра Рареша султан отторг от Молдавского княжества Буджакские степи, собственно называвшиеся Бессарабией (территория к югу от крепости Бендери между Днестром, Пртом и Дунаем вплоть до Черного моря) и посыпал здесь часть кочевых ногайских племен. Кроме того, город Бендери и его окрест-

ности были превращены в турецкую райю. Буджакские ногайцы при малейших признаках неповиновения молдавского населения совершили опустошительные набеги, разоряли города и села. Мирные сношения ногайцев с населением Молдавского княжества были спорадическими, товарообмен — очень слабым. Связь турецких районов с остальными районами Молдавского княжества состояла главным образом в том, что последние в счет дани турецкому султану поставляли определенное количество продовольствия гарнизонам турецких крепостей бесплатно или за ничтожную цену. Подобный «товарообмен» задерживал развитие товарного производства. Лишь после ограничения турецкой торговой монополии в княжествах сложились более благоприятные условия для развития внутренней и внешней торговли.

¹⁴⁷ Кутузов в Дунайских княжествах. Сб. док. Кишинев, 1948, с. 89.

¹⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярии, д. 1885, л. 108—111, об.

¹⁴⁹ Гросул Я. С. и Будак И. Г. Указ. соч., с. 37.

¹⁵⁰ Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 91—92, 101—102.

¹⁵¹ Клаус А. Наши колонии. Вып. I, СПб., 1869, приложение VII.

¹⁵² Holban Teodor. Documente românești din arhivele franceze (1801—1812). Buc., 1939, р. 48; Boldur A. Basarabia Românească. Buc., 1943, р. 114.

¹⁵³ Накко А. Указ. соч., с. 292.

¹⁵⁴ Там же, с. 293.

¹⁵⁵ Мещерюк И. И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг. Кишинев, 1957, с. 10.

¹⁵⁶ Там же, с. 11.

¹⁵⁷ Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 13.

¹⁵⁸ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 372, л. 9—10.

¹⁵⁹ Приказ М. И. Кутузова по Молдавской армии от 16 (28) апреля 1811 г., которым запрещалось всем военным и гражданским чинам получать подводы у населения Молдавии и Валахии во время весеннего сева. — Березняков Н. В. и Богданова В. А. Указ. соч., с. 84.

¹⁶⁰ Там же, с. 96.

¹⁶¹ Мещерюк И. И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг. Кишинев, 1957, с. 12—13.

¹⁶² Накко А. Указ. соч., с. 301—302.

¹⁶³ ЦГА МССР, ф. 1, д. 2858, л. 6.

¹⁶⁴ Там же, д. 1322, л. 134.

¹⁶⁵ Рескрипт Александра I М. И. Кутузову от 9/21 апреля 1812 г. о вызове его в Петербург.— В кн.: Фельдмаршал Кутузов. М.—Л., 1947, с. 139.

¹⁶⁶ В это время было постановлено, чтобы главным городом вновь присоединенной территории стал Кишинев. Однако имелись и другие мнения. Например, тайным советником графом Паленом была составлена специальная «Записка о преимуществе города Бендера перед Кишиневом». В ней отмечалось, что еще 21 января 1817 г. генерал Бахметев доносил Александру I о вредном климате и прочих невыгодах Кишинева как областного города и предлагал перенести управление в предместье крепости Бендера. Вопросом о переносе важнейших учреждений Бессарабии в Бендера специально занимался Каподистрия, но до окончательного решения было предложено изучить все, что относится к Кишиневу, более детально. Пален отмечал, что в Кишиневе чиповники жаловались на частые лихорадки и простуды, здесь наблюдался недостаток чистой воды, строения в городе были разбросаны без всякого плана и к тому же ощущался недостаток выгонов и городской земли. В свою очередь Пален описывал преимущества Бендера: наличие реки, возможность речного судоходства и водной связи с Хотином и Акерманом, чистый, здоровый воздух, близость разработки камня и легкость доставки по реке леса и пр. (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 14, л. 114—117). Г. Банулецко-Бодони приводил свои аргументы в пользу Кишинева, среди которых он отмечал центральное расположение города и относительно легкую связь с различными районами области, нахождение здесь главных церковных учреждений, семинарии и пр. Во время

затянувшегося обмена мнениями Кишинев все более разрастался, а местное чиновничество привыкало к кишиневским условиям жизни, и в результате вопрос о переносе главного города Бессарабии постепенно потерял свою злободневность. Тем более, что в 1820 г. русское правительство добилось ликвидации владельческих прав на город Галатского монастыря, а затем был утвержден план города на основе канонов тогдашнего градостроения, по которому Кишинев начал застраиваться. К середине XIX в. он стал одним из самых многочисленных городов (в 1856 г. в нем проживало 63 тыс. человек, тогда как в 1812 г. — только около 7 тыс.). — История Кишинева. Кишинев, 1966, с. 39, 49, 51—52 — Прим. В. Г.

¹⁶⁷ В связи с угрозой немедленного вторжения наполеоновских войск в Россию Чичагов получил приказ главного командования русскими войсками отправить основные силы своей армии в Волынскую губернию на соединение с армией генерала Тормасова для прикрытия границ России от возможного наступления войск неприятеля в том направлении.

¹⁶⁸ Кассо Л. Указ. соч., с. 196, 225.

¹⁶⁹ Там же, с. 197—198.

¹⁷⁰ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 3, д. 1, л. 3—4; Анцупов И. А., Жуков В. И. Указ. соч., с. 147.

¹⁷¹ Записки Одесского общества истории и древностей, т. XX. Одесса, с. 37.

¹⁷² Накко А. Очерки гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г. Одесса, 1900, с. 3—4.

¹⁷³ Перевод инструкции, данной г. действительному статскому советнику Стурдзе. — Записки Бессарабского статистического комитета, т. III. Кишинев, 1868, с. 110—113; И. Каподистрия издавна проявлял интерес к делам Молдавии и Валахии и еще в 1809 г. просил, чтобы его отправили в княжество «для трудов преимущественно по части статистики, торговли и науки». — Арш Г. Л. Указ. соч., с. 16; Несомненно, что отставание И. Каподистрия автономных прав Бессарабии объяснялось не только общей политикой того времени, но и его близостью к ряду молдавских боярских семейств, особенно к С. Стурдзе и его детям Александру и Роксандре, с которыми он часто встречался в Петербурге. — Там же, с. 18. — Прим. В. Г.

¹⁷⁴ Перевод инструкции, данной г. действительному статскому советнику Стурдзе. — Записки Бессарабского статистического комитета, с. 113.

¹⁷⁵ Там же, с. 112.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Записки Бессарабского статистического комитета, т. III. Кишинев, 1868, с. 108.

¹⁷⁸ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 2, д. 1, л. 3—4.

¹⁷⁹ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 242.

¹⁸⁰ Анцупов И. А. и Жуков В. И. Указ. соч.

¹⁸¹ Записки Бессарабского статистического комитета, т. III. Кишинев, 1868, с. 114, 115.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ ПСЗРИ, т. XXXIII, № 26008. Указ сената от 26 ноября 1815 г. «Дела, решенные в общем собрании Бессарабской области рассматривать в 4-м департаменте сената, до учреждения в оной судебных мест».

¹⁸⁴ Там же, т. XXVI, № 20007. Постановление внутреннего в Грузии управления.

¹⁸⁵ Кассо Л. Указ. соч., с. 198.

¹⁸⁶ Накко А. Очерки гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г. Одесса, 1900, с. 9.

¹⁸⁷ Там же, с. 10.

¹⁸⁸ Докладная записка действительного статского советника Н. Байкова об управлении Бессарабской областью (1813 г.). — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 3—10.

- ¹⁸⁹ История Молдавии, т. I. Кишинев, 1965, с. 384; Записки бессарабского статистического комитета, т. III. Кишинев, 1868; с. 138.
- ¹⁹⁰ Кассо Л. Указ. соч., с. 203.
- ¹⁹¹ Свињин П. Описание Бессарабской области ... в 1816 году. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI. Одесса, 1867, с. 228.
- ¹⁹² Заболоцкий-Десятовский А. М. Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1. СПб., 1882, с. 33.
- ¹⁹³ Кассо Л. Указ. соч., с. 203.
- ¹⁹⁴ О пропуске скота, лошадей и провозе хлеба из бессарабской области в австрийские и турецкие владения. — ПСЗРИ, т. XXXIII, № 25848; Вопросы развития ремесла и торговли Бессарабии неоднократно привлекали внимание не только местных властей, но и центрального правительства. О них писал в своем отчете от 17 марта 1822 г. Карапидистрия, отмечавший, что среди прочего бессарабский гражданский губернатор всячески старался укрепить роль Рени — порта на Дунае как центра торговли. — ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 9, об. (Примеч. В. Г.).
- ¹⁹⁵ Известно, что, идя навстречу просьбам местных бояр, Г. Банулеско-Бодони обратился в 1814 г. к князю Голицыну — обер-прокурору синода, прося его уведомить Александра I о ходатайстве, где среди прочего, писал: «Молдавский Диван и теперь имеет для руководства Иустиниановы законы, а сверх того и некоторые правила, молдавскими князьями обще с духовным и боярским сословием составленные», а что были иногда злоупотребления, и некоторые из бояр, по обстоятельствам времен, выходили из границ законов, то сие не может быть доказательством, что Молдавия вовсе не имела законов». — Стадницкий А. Гавриил Банулеско-Бодони. Кишинев, 1894, с. 287. (Примеч. В. Г.).
- ¹⁹⁶ Ацуцов И. А. и Жуков В. И. Указ, соч., с. 150; В реескрипте Александра I писалось: «Я хочу, чтобы сия плодородная страна ожила новую жизнию, и ожидаю того от усердия моего уполномоченного, и от единодушного содействия всех жителей Бессарабии. Желаю, чтобы они были предупреждены о таковом моем для блага их расположении, обращаясь к Вам, повелевая, чтобы все здесь изложенное было переведено на язык народный и при церковном оглашении распространено в слушание вверенной Вами паства...» — Стадницкий А. Указ. соч., с. 290. (Примеч. В. Г.).
- ¹⁹⁷ Байков Н. Записка о состоянии управления в Бессарабии 1813 г. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXII. Одесса, 1879, с. 121.
- ¹⁹⁸ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 3—10.
- ¹⁹⁹ Там же, л. 5.
- ²⁰⁰ Там же, л. 8.
- ²⁰¹ Там же, л. 10.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Указ царя от 17 июня 1813 г. об освобождении С. Стурдзы от должности бессарабского гражданского губернатора и назначении генерала Гартинга. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 36, л. 1—3.
- ²⁰⁴ Автором этого проекта, также как и краткого очерка состояния управления Бессарабской областью, был правитель канцелярии губернатора И. Сомов.
- ²⁰⁵ Записки Бессарабского статистического комитета, т. III. Кишинев, 1868, с. 118—146.
- ²⁰⁶ Там же, с. 117.
- ²⁰⁷ Там же, с. 121.
- ²⁰⁸ Там же, с. 120—121.
- ²⁰⁹ Там же, с. 122—123.
- ²¹⁰ Там же, с. 125.
- ²¹¹ Там же, с. 126.
- ²¹² Там же, с. 127.

²¹³ Там же, с. 129—130.

²¹⁴ Там же, с. 134—139.

²¹⁵ Там же, с. 116—118; В первое время после присоединения Бессарабии к России было составлено несколько обширных записок, в которых содержались предложения по усовершенствованию внутреннего управления краем. Одну из таких записок, практически не известную исследователям, составил подполковник И. Чернявский, переславший ее Н. И. Салтыкову. В этой записке, посвященной в основном хозяйственным делам, поднимались вопросы распределения земель бывшей Хотинской рай., налаживания сбора налогов, устройства почт и пр.— ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 3, л. 14—27, об. (Примеч. В. Г.).

²¹⁶ Накко А. Очерки гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г. Одесса, 1900, с. 26; Анцупов И. А. и Жуков В. И. Указ. соч., с. 151.

²¹⁷ А. Накко пишет, что «оппозиция не на шутку встревожилась за свои привилегии, опасаясь быть удаленной от власти с введением русского языка, решилась принять неотложные меры, дабы отвратить катастрофу». — Накко А. Указ. соч., с. 27.

²¹⁸ Стадницкий А. Указ. соч., с. 281—285.

²¹⁹ Прошение бояр. — Кишиневские епархиальные ведомости, 1902, с. 368—369; Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXII, Одесса, 1900, с. 127—128.

²²⁰ Анцупов И. А. и Жуков В. И. Указ. соч., с. 151.

²²¹ История СССР, т. IV. М., 1967, с. 375.

²²² Отношение Департамента Министерства ии. дел. о командировании чиновника П. Свињина в Бессарабию 8 июля 1815 г. — ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 5, л. 2.

²²³ Там же, л. 16.

²²⁴ Там же, л. 4.

²²⁵ П. Свињин, по-видимому, уже был близок к И. Каподистрия, в то время проводника либеральной политики и одного из самых ревностных сторонников конституционалистской линии. Возможно, он был родственником П. П. Свињина, знавшего Каподистрия еще по Корфу, где тот был в начале XIX в. (Свињин П. П. Картыны России и быт разноплеменных ее народов, ч. I. СПб., 1839, с. 5). 24 декабря 1815 г. П. Свињин сообщал председателю Комитета министров фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, что молдавские бояре послали титулярного советника Сандулаки в Яссы «для отыскания в тамошних архивах некоторых важных документов, коих у них здесь не нашлось». Сам П. Свињин снабдил его письмом к российскому консулу в Яссах. Сандулаки был принят господарем и многими боярами и по повелению господаря «составлен в Яссах комитет из знатнейших бояр для скорейшего удовлетворения наших требований» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 3, л. 3—3 об.). В этом же письме П. Свињин ссылается на пример Буковины, поскольку после ее присоединения к Австрии правительство последней обращалось к молдавскому Дивану за содействием в деле сбора сведений о молдавских правах и законах, «на коих, — как писал П. Свињин, — и основано правление в той земле» (Там же, л. 3 об.). 16 декабря 1815 г. было получено письмо из Ясс, написанное, по-видимому, митрополитом Вениамином, где отмечалось: «Почтенное письмо ваше,пущенное сего месяца, с духовною радостью получил и усматривая ревность вашу к благу молдавской нации, немалое удовольствие восчувствовали в душе нашей и восхваляя добрую цель и расположение ваше к основательной пользе, благославляем вас и молим дабы всевышний бог ниспоспал в души ваши ту мысль, которая не переставала споспешствовать благонамерениям к общему благоденstвию, утвердил вас окончить дело, так как есть благопристойно» (Там же, л. 5). Нет сомнения в том, что бояре Молдавского княжества выражали надежду и удовлетворение тем,

что в Бессарабии собираются сохранить молдавские законы и обычаи (Примеч. В. Г.).

²²⁶ Свињин П. Указ. соч.

²²⁷ Там же, с. 223, 228.

²²⁸ Там же, с. 135—136.

²²⁹ С позволения председателя Комитета министров Н. И. Салтыкова, П. Свињин в начале 1816 г. посетил Яссы. О своих впечатлениях он писал следующее: «Несмотря на отделение от нее (то есть Молдовы.— В. Г.) богатейших цинутов к России, требования Дивана не только не уменьшились, но постройка и починка крепостей на Дунае еще их удвоила; господарь наложил в прошедшем 1815 году пошлину по 5 левов на соль, по полтора лева на водку и проч., и Молдavia на краю пропасти ожидает единственную руку помощи от России». (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 3, л. 8). Поскольку Молдова испытывала сильнейшую нужду в продуктах сельского хозяйства, П. Свињин предлагал разрешить туда экспорт хлеба из Бессарабии: «Обоядная польза и жалкое положение молдавского народа, с волем прибегающего к России, убеждает меня взять смелость просить Вашу светлость приказать позволить выпустить хлеба через Скулянский карантин. Скорейшее принятие сих мер воспламенит народ молдавский новою благодарностью и ревностью к их покровительнице, а бессарабским жителям откроет новый выгоднейший канал торговли». (Там же, л. 8 об.).— Примеч. В. Г.

²³⁰ Накко А. Указ. соч., с. 33.

²³¹ Там же.

²³² ПСЗ, т. XXXIII (1815—1816 г.), № 25808. В первое время после присоединения Бессарабии к России борьба против заразных болезней, особенно против чумы, привлекала значительные силы местной администрации. В этой связи большое внимание уделялось устройству карантинной системы по Пруту и Дунаю. По указанию Александра I был учрежден особый комитет для борьбы против заразных заболеваний, и к началу 1822 г. генерал Бахметев представил планы и сметы расходов на постройку новых таможен и карантинных домов (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, 1822, л. 37—37 об.). Подробнее об устройстве карантинов и таможен и учете при этом будущих интересов бессарабской торговли см.: Копия с записки о карантинном и таможенном устройстве по Пруту и Дунаю, подписанной делопроизводителем Андреем Крыжановским. — ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8. (1822), л. 230—238. (Примеч. В. Г.).

²³³ [Корнилович]. Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака. Аккерман, 1899.

²³⁴ Заболоцкий-Десятовский А. М. Указ. соч., с. 31, 33.

²³⁵ Гросул Я. С., Будак И. Г. Указ. соч., с. 78.

²³⁶ Записки Бессарабского статистического комитета, т. III. Кишинев, 1868, с. 110.

²³⁷ Об отдаче на один год на откуп казенных сборов в Бессарабии, на прежнем основании. — ПСЗ, т. XXXIII (1815—1816), № 25825.

²³⁸ Накко А. Указ. соч., с. 80.

²³⁹ Там же, с. 35.

²⁴⁰ П. Свињину приходилось заниматься и крестьянским вопросом, поскольку бегство их за границу было вызвано также слухами о введении в Бессарабии крепостничества. Слухи эти имели под собой основу, заключавшуюся в требованиях помещиков внутренних губерний возвратить бежавших крепостных, а также в действиях некоторых местных бояр, например, помещика Балша, насильно возвращавшего зависимых от него крестьян, бежавших на казенные земли. П. Свињин предложил сделать официальную публикацию о том, что крестьяне останутся вольными хлебопашцами. (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 1, л. 15—17. — Примеч. В. Г.).

²⁴¹ Об учреждении комитета для составления правил управления Бессарабской областью, 21 февраля 1815 г. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 380, л. 15—16; Вопросами управления Бессарабии в то время занимался также граф Ланжерон. Ряд материалов о его деятельности по управлению Бессарабией хранится в Ленинградском архиве (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 1, л. 1) — Примеч. В. Г.

²⁴² Кассо Л. А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913, с. 212. Известно, что комитет по бессарабским делам докладывал о своих действиях И. Каподистрия. Так, 25 января 1816 г. ему был передан журнал заседаний этого комитета на французском языке, где были отражены основные вопросы, обсуждавшиеся на его заседаниях. Там говорится о жалобах жителей и их просьбах не взимать налоги с бессарабского населения еще определенное время, разрешить экспорт зерна в Турцию и пр. В журнале отмечается благожелательная встреча ими П. Свинарина и необходимость назначения в Бессарабию управляющего, наделенного чрезвычайными полномочиями и способного положить копец злоупотреблениям (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 1, л. 7—9). — Примеч. В. Г.

²⁴³ Кассо Л. А. Указ. соч., с. 212.

²⁴⁴ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 8—8 об.

²⁴⁵ В Ленинграде хранятся как подготовительные материалы, так и текст рескрипта, подписанного Александром I 1 апреля 1816 г. В подготовительных материалах обращалось внимание на способ взимания налогов в Бессарабии и пр. и содержалось предложение, по-видимому, со стороны И. Каподистрия, послать рескрипт генералу Гардингу, где бы рекомендовалось не производить никаких изменений в управлении до прибытия специального уполномоченного (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 1, л. 20—22). Уже 4 мая 1816 г. митрополит Гавриил сообщал обер-прокурору синода князю А. Н. Голицыну, что рескрипт Александра I был переведен на молдавский язык (в оригинале применен термин волоский язык) и зачитан в Кишиневском кафедральном соборе и во всех приходских церквях (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 1, л. 32—33). (Примеч. В. Г.).

²⁴⁶ Стадницкий А. Указ. соч., с. 289. В начале 1816 г. Александр I лично занимался делами Бессарабии. 29 января с. г. в донесении, которое было подготовлено, по-видимому, И. Каподистрия, писалось: «Нынешнее состояние Бессарабской провинции привлекло внимание Вашего императорского величества во время Вашего пребывания в Вене». То-есть речь идет о Венском конгрессе. Далее в этом донесении говорилось о недостатках нынешнего управления краем и о необходимости стабилизировать и улучшить его. Подчеркивается та важная роль, которая уделялась Бессарабии как примеру для пограничных турецких провинций и как краю, могущему служить источником значительных доходов (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 1, л. 11—14). — Примеч. В. Г.

²⁴⁷ ЦГА МССР, ф. 17, оп. 1, д. 15, л. 7—7 об.

²⁴⁸ Там же, л. 7; ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 2. (1816 г.), л. 1—5. В рескрипте среди прочего говорится: «Донесения ваши адресуйте ко мне непосредственно, ибо управление Бессарабскою областью не прежде может принять обыкновенный ход, как с того времени, когда ее образование совершенно будет кончено и все предназначенные вам постановления получат силу закона через мое утверждение. (Там же, л. 5). — Примеч. В. Г.

²⁴⁹ Руководство полномочному наместнику Бессарабии к образованию управления в этой области. — ПСЗ, т. XXIII (1815—1816 г.) № 26271; В архивах хранится «Записка, приложенная к высочайшему рескрипту е. и. в. и служащая полномочному наместнику руководством к образованию управления Бессарабской области», утвержденная Александром I 21 мая 1816 г. Записка предусматривала серию различных мер, которые должен был принять Бахметев в Бессарабии, и

подчеркивалось, что «первый предмет, предлежащий попечению полномочного начальника, должен состоять в том, чтобы восстановить правление на тех же совершенно простых основаниях, на коих оное с самого начала учреждалось» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 2 (1816), л. 9 об); Бахметеву предписывалось упорядочить сбор налогов, разрешить экспорт скота и зерна и пр. Что касается крестьянства, то специально подчеркивалось: «Поелику народ в Бессарабии не подвержен крепостному праву и пользуется полною и совершенною личною свободою, то есть е. и. в. угодно, чтобы сие положение не было подвержено ни малейшей перемене от какой-либо смеси жителей» (Там же, л. 19 об.). — Примеч. В. Г.

²⁵⁰ Бессарабской области не быть в зависимости министерств, а иметь полномочного наместника, коему присыпать донесения на высочайшее имя. — ПСЗ, т. XXXIII, № 26289.

²⁵¹ Руководство полномочному наместнику Бессарабии к образованию управления в сей области. — Там же, № 26271.

²⁵² Кассо Л. А. Указ. соч., с. 216.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Об освобождении от рекрутского набора жителей Бессарабии. — ПСЗ, т. XXX (1815—1816 г.), № 25942.

²⁵⁶ Письмо И. Каподистрия генералу Бахметеву от 12 июня 1816 г. — Кассо Л. Указ. соч., с. 214; Одновременно с назначением Бахметева правителем его канцелярии был определен надворный советник Тимковский, служивший прежде в государственной канцелярии, а переводчиком — коллежский асессор Игнатович (ЦГИА СССР, ф. 1303, оп. 1, д. 2, л. 50—53); В самом первом своем рапорте Александру I от 30 июня 1816 г. Бахметев просил снарядить шесть искусственных чиповников для измерения территории Бессарабии, собственно так называемой, то есть Буджака. (Там же, л. 55 об.). — Подробные отчеты Бахметева по управлению Бессарабской областью см.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии (Под ред. Н. Дубровина). Вып. 7. СПб., 1895. Здесь имеются материалы о поселении в Бессарабии болгар (с. 296—299), о преобразовании временного управления (с. 301—304), о сборе повинностей и институте скутельников (с. 304—321) и пр.— Примеч. В. Г.

²⁵⁷ Представление наместника Бахметева об учреждении временного комитета 3 июля 1816 г. — ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 1—8 об. О создании временного бессарабского комитета Бахметев доносил Александру I в своем рапорте от 30 июня 1816 г. Он писал, что «новый сей комитет, обратив строжайший надзор к уничтожению притеснения жителей и к защите выгод их правом собственности присвоенных, озабочится сверх того рассмотрением счетов: о сборах по области учрежденных, о их употреблении и о образе к составлению сих сборов; он также обязан будет раскрыть всю правильность жалоб и сделать по оным решительное заключение, для дальнейшего на случай обнаруженной вины поступления». (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 2, л. 65—65 об.). — Примеч. В. Г.

²⁵⁸ ПСЗ, т. XXXIII (1815—1816), № 26271.

²⁵⁹ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 1—6 об.; Накко А. Указ. соч., с. 64; Анциупов И. А. и Жуков В. И. Указ. соч., с. 152.

²⁶⁰ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 1.

²⁶¹ Там же, л. 1—6 об.

²⁶² Там же, л. 14—23.

²⁶³ Там же, л. 15—16 об.

²⁶⁴ Там же, л. 17—23 об.

²⁶⁵ Там же, л. 19—20.

²⁶⁶ Там же, л. 20 об.

²⁶⁷ Анциупов И. А. и Жуков В. И. Указ. соч., с. 152.

²⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 4, оп. 1, д. 16, л. 5.

²⁶⁹ Рапорт временному комитету об открытии Кишиневской городской думы 2 августа 1817. — Там же, оп. 1, д. 84, л. 1—2.

²⁷⁰ Накко А. Указ. соч., с. 55.

²⁷¹ ЦГИА МССР, ф. 17, оп. 1, д. 148, л. 1—5.

²⁷² Письмо Бахметева к графу Каподистрия от 16 сентября 1817 г. — Кассо Л. Указ. соч., с. 216; Еще 5 августа 1816 г. Александр I выражал удовлетворение первыми мероприятиями Бахметева. Среди прочего он подчеркивал: «Назначение Ваше весьма важно, как само по себе, так и в отношении последствий, коп оно иметь может. Устраивая областное правление в Бессарабии, Вы образуете Государственный совет, новый в полуденном kraе России. Успехи оного могут послужить руководством в управлении других областей южной части империи. Не теряйте из виду всю обширность блага коего совершение Вам предоставлено» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 2, л. 67 об. — 68); Об оценке деятельности Бахметева см. также отчет И. Каподистрия Александру I от 17 марта 1822 г. (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8 (1822 г.), л. 7 об. — 10). — Примеч. В. Г.

²⁷³ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 80, л. 1—1 об.

²⁷⁴ Там же, л. 2—4; Комиссия продолжала свою работу в течение многих лет. Впоследствии к ней был привлечен П. Манега, доктор права, получивший образование в Париже и хорошо знавший кроме французского также молдавский и греческий языки. (См. Кассо Л. Пётр Манега — забытый кодификатор бессарабского права. СПб., 1914). Как считает молдавский литературовед Б. А. Трубецкой, именно ему оказывал помощь в переводе молдавских законов с французского языка на русский сосланный на юг великий русский поэт А. С. Пушкин (Пушкин — переводчик молдавских законов. — Вечерний Кишинев, 1970, 24 октября). В отчете от 17 марта 1822 г. И. Каподистрия кратко остановился на деятельности комиссии, или, как он ее называет, комитета. Он писал, что «комитет, учрежденный для составления кодекса законов, представил в 1819 г. первую часть своего проекта гражданского уложения, о праве лица», однако результаты работы не были признаны удовлетворительными, поскольку имелось много недоработок. в смысле полноты охвата существовавших отношений юридического характера и в смысле несовершенства стиля. Но, самое главное, как отмечал И. Каподистрия, в этом проекте не была четко установлена грань между местными обычаями, получившими силу закона, и злоупотреблениями, «коим служат основанием одни неясные предания и кои следственно не могут быть почитаемы и вносимы в кодекс...» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8 (1822), л. 15 об.). Комитету было указано учесть и исправить эти недоработки и продолжить свою работу, причем Александр I одобрил «данные комитету наставления, сделав, однако же, в оных многие важные перемены и особенно в статьях касательно означения гражданских прав класса цыган» (Там же, л. 16—16 об.). — Примеч. В. Г.

²⁷⁵ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 18, 14 — 23 об. Свои письменные предложения Бахметев изложил временному комитету 4 июня 1816 г. В них он поставил задачи для изыскания «способов на восстановление прочного основания к управлению здешнего kraя». Эти задачи предполагали устройство цинутных властей, полицейской части, рассмотрение счетов о доходах и расходах, устройство почтового дела, кордонной цепи и пр. (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 4, л. 161—164 об.). В рапорте бессарабского временного комитета от 22 сентября 1817 г., направленном Бахметеву, отмечалось, что в начале перед комитетом ставились задачи, относящиеся к образованию Бессарабской области, но затем по распоряжению наместника комитет занимался вопросами тяжелыми, следственными и уголовными. (Там же, л. 118). — Примеч. В. Г.

²⁷⁶ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 22, л. 7—9.

²⁷⁷ Кассо Л. Указ. соч., с. 216.

- ²⁷⁸ В сентябре 1817 г. Калагеоргий послал письмо, судя по содержанию, И. Каподистрия (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 4), к которому была приложена обширная записка на французском языке о положении дел в Бессарабии, в том числе о работе временного комитета, в состав которого, кроме председателя, входило еще одиннадцать членов. Как отмечается в этой записке, проект организации области было поручено составить Криницкому, Сомову и Юшневскому. (Там же, л. 21). Записка свидетельствовала о разногласиях между Калагеоргием и Бахметевым, разбором которых пришлось заняться центральным властям. Калагеоргий всячески пытался доказать, что с прибытием в Бессарабию Бахметева злоупотребления здесь не были пресечены (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 4, л. 133—136). Он также выразил свое особое мнение о верховном совете области, подчеркивая, что Бессарабия находится не столь далеко от центра империи, чтобы иметь особое положение. (Там же, л. 155—156). И. Каподистрия, специально занимавшийся разбором разногласий между наместником и губернатором, признал правоту Бахметева, и это явилось причиной отставки Калагеоргия. (Там же, л. 135 об). — Примеч. В. Г.
- ²⁷⁹ Накко А. Очерки гражданского устройства Бессарабской области — Записки Одесского общества истории и древностей, том XXII, 1900 г., с. 158.
- ²⁸⁰ Там же.
- ²⁸¹ Письмо М. Крупенского к графу Каподистрия от 18 июня 1817 г. — См.: Кассо Л. Указ. соч., с. 216.
- ²⁸² ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 30, л. 3—5.
- ²⁸³ Накко А. Указ. соч., с. 161.
- ²⁸⁴ Кассо Л. Указ. соч., с. 217. Этот документ под названием «Проект главных оснований к образованию внутреннего гражданского управления в Бессарабской области», подписанный членами комитета, находится в ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 4, л. 182—202. — Примеч. В. Г.
- ²⁸⁵ Устав образования Бессарабской области. Кишинев, 30 апреля 1818 г. — ПСЗ, т. XXXV, № 26289; Необходимо отметить, что этот Устав был утвержден Александром I как временный закон на один год с тем, чтобы он был изменен и дополнен после проверки на практике. Как доносил 17 марта 1822 г. Каподистрия Александру I, «впоследствии найдено нужным еще продолжить сие испытание. Устав образования области и поныне не утвержден Вашим величеством, и происшествия показали, что сия предусмотрительная осторожность была не только не противна благу Бессарабии, но имела выгоднейшие последствия» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 12). О том, что Устав еще проходит испытание, отмечал М. С. Воронцов 1 мая 1825 г. (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 14, л. 5). Об этом же пишется в «Мнении государственного совета», составленном в 1826—1827 гг. (Там же, л. 47 об.). Таким образом, хотя устав начал действовать с 1818 г. и носил характер основного закона, окончательно он не был утвержден ни Александром I, ни Николаем I. — Примеч. В. Г.
- ²⁸⁶ Там же, с. 2.
- ²⁸⁷ Вернадский Г. В. Очерки истории права русского государства XVIII—XIX вв. (период империи). Прага, 1924, с. 151.
- ²⁸⁸ Устав образования Бессарабской области. Кишинев, 30 апреля 1818.
- ²⁸⁹ Там же, с. 4—14.
- ²⁹⁰ Карялайнен И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965, с. 225—227.
- ²⁹¹ История Польши, т. I. М., 1954, с. 409.
- ²⁹² Там же.
- ²⁹³ Устав образования Бессарабской области. Кишинев, 30 апреля 1818 г., с. 1—26.
- ²⁹⁴ Там же, с. 1.
- ²⁹⁵ ПСЗ, т. XXXV, № 26289.

- ²⁹⁶ Кассо Л. Указ. соч., с. 218.
- ²⁹⁷ Устав образования Бессарабской области, с. 2.
- ²⁹⁸ Термин «молдавский язык» в то время широко применяется в переписке не только местных бессарабских властей, но и в материалах правительства России (См.: ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 11 об., 20, 20 об., 27). Он продолжал употребляться в государственных и судебных учреждениях, в церкви, в школах. Вместе с тем все более распространялся и русский язык. В марте 1822 г. И. Каподистрия доносил Александру I: «Оба языка — российский, молдавский, употребляемые в делах правительства, употребляются также и в богослужении». (Там же, л. 20 об.). — Примеч. В. Г.
- ²⁹⁹ Устав образования Бессарабской области. § 2, с. 1.
- ³⁰⁰ Там же, § 3, с. 3—4.
- ³⁰¹ Устав образования Бессарабской области 1818 г., с. 6; Впоследствии прерогативы верховного совета несколько изменились. Александр I на основании представления Бахметева указал на необходимость некоторых поправок путем внесения дополнительных постановлений, касающихся власти и круга действий верховного совета. Были также внесены дополнительные статьи, по которым были разделены судебные и правительственные действия совета (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8 (1822 г.), л. 17—17 об.). — Примеч. В. Г.
- ³⁰² Там же, с. 27—36.
- ³⁰³ Там же, с. 30.
- ³⁰⁴ Там же, с. 9—10.
- ³⁰⁵ Там же, с. 7; Сумма областных доходов с каждым годом все увеличивается. По данным И. Каподистрия, в 1812 г. было собрано 165.297, в 1813—958.175, в 1817 — 2.587.049, а в 1819 г. — 4.014.195 левов (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 21 об.). — Примеч. В. Г.
- ³⁰⁶ Там же, с. 8—9.
- ³⁰⁷ Там же, с. 11.
- ³⁰⁸ Там же, с. 11—12.
- ³⁰⁹ ПСЗ, т. XX, № 14312, § 404, 405 и 410.
- ³¹⁰ Там же, № 20608, § 6 и 7.
- ³¹¹ Сборник российского исторического общества, т. 3, 4. СПб., 1868, с. 31—46.
- ³¹² Там же, с. 12.
- ³¹³ Там же, с. 13.
- ³¹⁴ Там же, с. 13—14.
- ³¹⁵ Там же, с. 14.
- ³¹⁶ Там же, с. 14.
- ³¹⁷ Там же, с. 15.
- ³¹⁸ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1199, л. 1—4 об.
- ³¹⁹ Устав образования Бессарабской области, с. 15—16.
- ³²⁰ Гросул Я. С. и Будак И. Г. Указ. соч., с. 97; Устав образования Бессарабской области, с. 16—23.
- ³²¹ ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 271, л. 18—19.
- ³²² Дмитриев П. Г. и Советов П. В. Указ. соч., с. 278.
- ³²³ ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 14, л. 10—11, 27—29.
- ³²⁴ Крупенский С. Краткий очерк о бессарабском дворянстве. Кишинев, 1912, с. 2.
- ³²⁵ ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 43, л. 2—3, 25—26.
- ³²⁶ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 35, л. 1—2; К началу 1822 г., по данным И. Каподистрия, комиссия, занимавшаяся рассмотрением прав боярства, составила список из 189 дворянских дворов, имевших право на все преимущества сего класса (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 30 об.). — Примеч. В. Г.
- ³²⁷ Накко А. Указ. соч., с. 100.
- ³²⁸ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 29, л. 3—5.
- ³²⁹ ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 41, л. 1—4, 11—12.
- ³³⁰ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 1, д. 634, л. 2—5.

- ³³¹ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 48, л. 5—9.
- ³³² ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 20—20 об.
- ³³³ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 4 об—5.
- ³³⁴ Накко А. Указ. соч., с. 102.
- ³³⁵ ПСЗ, т. XXXVI, 1819, № 28054.
- ³³⁶ ЦГА МССР, ф. 17, оп. 1, д. 70, л. 112—113.
- ³³⁷ Мещерюк И. И. Указ. соч., с. 10.
- ³³⁸ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 372, л. 9—10.
- ³³⁹ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 16 об.
- ³⁴⁰ Мещерюк И. И. Указ. соч., с. 29.
- ³⁴¹ Он же. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-х гг. XIX столетия. — Ученые записки КГУ, т. II, 1950, с. 78, 79.
- ³⁴² ПСЗ, т. XXXVI, 1819, № 28054.
- ³⁴³ Накко А. Указ. соч., с. 104.
- ³⁴⁴ ПСЗ, т. XXXVI, № 28054.
- ³⁴⁵ Там же.
- ³⁴⁶ Накко А. Указ. соч., с. 104.
- ³⁴⁷ Это, в основном, были потомки иностранцев — всевозможных мастеровых, купцов и прочих, поселившихся здесь по соглашению и разрешению правительства Молдавского княжества, и платившие налоги непосредственно в вистерию (государственную казну) или в камеру (господарскую кассу). Лица, вносявшие налоги непосредственно в государственную казну, назывались — рупта-де-вистерия, в кассу господаря — рупта-де-камера.
- ³⁴⁸ Накко А. Указ. соч., с. 105.
- ³⁴⁹ Этот проект, рассмотренный журнальным постановлением верховного совета от 16 мая 1819 г., не был введен в действие. Его реализация была приостановлена распоряжением наместника Бахметева от 2 декабря 1819 г. до особого распоряжения. Как отмечал И. Каподистрия в донесении Александру I от 17 марта 1822 г., положение о правах и взаимных обязанностях помещиков и крестьян должно было стать одним из двух (наряду с книгой бессарабского дворянства) основных дополнений к Уставу образования Бессарабской области. С проектом этого положения знакомился сам император и одобрил поправки, сделанные в центре. Однако, по мнению Каподистрия, введение его нужно было отложить, причем одна из причин такой отсрочки заключалась в необходимости более четко урегулировать личные права крестьянина и помещика, в частности, ослабить ограничения на право перехода крестьян. «Сии ограничения, — писал Каподистрия, — основаны на существующих новейших обычаях Молдавии. Но несмотря на то, для большего удостоверения в пользе и законности предполагаемых постановлений, желательно и чтобы сей проект и сделанные в оном перемены были снова рассмотрены местными начальствами Бессарабии» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 29 об. 30). — Примеч. В. Г.
- ³⁵⁰ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 18.
- ³⁵¹ Расходы на содержание нового аппарата управления определялись в 189 тыс. в год. — См.: Устав образования Бессарабской области, 1818 г., с. 174—204.
- ³⁵² Гросул Я. Крестьяне Бессарабии. Кишинев, 1956, с. 251—295; Драгнев Д. М. Гайдуки — народные мстители. Кишинев, 1962.
- ³⁵³ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 31, л. 4—6, 13—15.
- ³⁵⁴ Постановление пунктов... Кишинев, 1819, с. 1.
- ³⁵⁵ Таких законоположений оказалось 8: Вистерийские пункты молдавского господаря Григория Гики, Анафора, представленная господарю митрополитом и боярством 14 апреля 1775 г., грамота А. Мурузи 1802—1806 гг., Вистерийские пункты от 23 апреля 1810 г., грамота от 11 июля 1745 г., Повеление А. Гики от 22 июля 1776 г., Пункты молдавского Дивана, Повеления каймаков (наместников) князя Ипсиланти от 19 февраля 1807 г.

- ³⁵⁶ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 90; Постановление пунктов... Кишинев, 1819 г.
- ³⁵⁷ Вигель Ф. Указ. соч., с. 12.
- ³⁵⁸ Кассо Л. Указ. соч., с. 219.
- ³⁵⁹ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 164, л. 8.
- ³⁶⁰ Там же, д. 47, ч. II, л. 198 об, 199.
- ³⁶¹ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 316, л. 17.
- ³⁶² Там же, д. 239, л. 36 об.
- ³⁶³ Там же, д. 218.
- ³⁶⁴ Там же, д. 506, л. 1—10.
- ³⁶⁵ Там же, д. 47, ч. II, л. 198 об, 199.
- ³⁶⁶ Там же, д. 239, л. 36 об; д. 398, л. 7.
- ³⁶⁷ ПСЗ, т. XXXIX, № 30048.
- ³⁶⁸ Кассо Л. Указ. соч., с. 221.
- ³⁶⁹ Письмо П. Д. Киселева князю Воронцову от 11 июня 1833 г. — В кн.: Кассо Л. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913, с. 224.
- ³⁷⁰ Утверждение русского владычества на Кавказе, т. II, с. 341.
- ³⁷¹ ЦГИА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 206, л. 17.
- ³⁷² ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 339, л. 6—8.
- ³⁷³ Там же, д. 197, л. 16.
- ³⁷⁴ Там же, д. 520, л. 2—3.
- ³⁷⁵ Там же, д. 529, л. 1—2.
- ³⁷⁶ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 127, л. 6—15.
- ³⁷⁷ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 254.
- ³⁷⁸ История СССР, т. IV, с. 38.
- ³⁷⁹ Киняпина Н. С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1963, с. 54—56.
- ³⁸⁰ История Польши, т. I, М., 1954, с. 409—468.
- ³⁸¹ Линовский. Бессарабское местное законодательство. Одесса, 1842, с. 16.
- ³⁸² Вигель Ф. Ф. Указ. соч., с. 7.
- ³⁸³ Холде Б. Страницы русского общественного права. СПб., 1911, с. 436.
- ³⁸⁴ Кассо Л. Византийское право в Бессарабии. М., 1907, с. 5.
- ³⁸⁵ Отметим для сравнения, что в польской конституции 1815 г. правом законодательной инициативы было наделено только местное правительство, председателем которого являлся наместник — генерал-губернатор Н. Сегеевский. — В кн.: Конституционная Хартия 1815 г. и другие документы бывшего Польского государства (1814—1881). 1907, с. 90.
- ³⁸⁶ Поскольку в русском законодательстве не всегда ясно разграничение между законом и распоряжением и поскольку в начале понятие распоряжение сливалось зачастую с законом, о чем свидетельствует, например, и заголовок сенатского сборника «Собрание узаконений и распоряжений правительства», в данном случае под распорядительными делами верховного совета можно понимать и его законодательную деятельность.
- ³⁸⁷ Устав образования Бессарабской области. Кишинев, 30 апреля 1818 г.
- ³⁸⁸ Там же, с. 2.
- ³⁸⁹ ЦГА МССР, ф. 3. Верховный совет Бессарабской области (1818—1828 гг.).
- ³⁹⁰ Например, в сентябре 1818 г. был издан указ верховного совета, разрешавший областному гражданскому суду руководствоваться законами и обычаями Молдавии; были приняты в 1819 г. постановления об учреждении земской стражи — каларашей и об уничтожении в Бессарабской области института скутельников, в 1823 г. Указ о распространении в Бессарабской области закона о прекращении судебных дел десятилетней давности, постановления об устройстве быта цыган Бессарабской области, об узаконении правил введения в Бессарабской области гербовой бумаги. — ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 8, л. 3; д. 937, л. 15; ф. 5, д. 651, л. 18; ф. 3, оп. 1, д. 1105, л. 17; и др.

³⁹¹ Указ царя от 16 марта 1820 г.

³⁹² Boldur A. op. cit.

³⁹³ Он же. Указ соч., с. 65. Известно, однако, что трудящиеся России, передовые русские люди всегда упорно и самоотверженно боролись против социального и национального гнета, решительно разоблачали национально-колониальную политику царизма на окраинах, вовлекали в совместную борьбу против царского гнета и трудящихся передовых людей национальных окраин. Этот общепризнанный факт широко освещен еще в дореволюционной русской и иностранной литературе.

³⁹⁴ Такой характер имеют, например, постановление верховного совета от 17 сентября 1819 г. о порядке применения § 76 Устава образования Бессарабской области (ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 48, л. 6—12); Указ верховного совета от 2 марта 1827 г. о порядке утверждения судебных приговоров (Там же, д. 716); Указ верховного совета от 12 февраля 1818 г. об открытии в Бессарабской области межевой конторы (Там же, ф. 88, оп. 1, д. 41, л. 1—4, 11—12); и др.

³⁹⁵ Вигель Ф. Указ. соч., с. 28.

³⁹⁶ Накко А. Указ. соч., с. 121.

³⁹⁷ Вигель Ф. Ф. Указ. соч., с. 10—11.

³⁹⁸ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, т. 2, д. 47, л. 198—199.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ На это положение Бахметев обратил внимание еще 30 сентября 1819 г. в донесении И. Каподистрия, предложив реформировать верховный совет таким образом, чтобы несколько уменьшить загрузку представителей государства и вместе с тем усилить их влияние на ход дел (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 7, л. 3—6). Этот же вопрос он поставил в частном письме к Каподистрия от 20 октября 1819 г. и в другом подобном же письме от 22 декабря 1819 г. (Там же, л. 7—8). Ответное частное письмо И. Каподистрия было направлено лишь 23 января 1820 г., что отражало сложность вопроса и необходимость его основательного изучения (Там же, л. 9). После этого последовало изменение структуры и функции этого верховного органа области. — Примеч. В. Г.

⁴⁰¹ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 157, л. 11—12.

⁴⁰² Кассо Л. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913, с. 220; Указ царя от 16 марта 1820 г.

⁴⁰³ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 89, л. 11.

⁴⁰⁴ Устав образования Бессарабской области. Кишинев, 30 апреля 1818 г., с. 36.

⁴⁰⁵ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 89, л. 11—12.

⁴⁰⁶ Там же, л. 11—13.

⁴⁰⁷ Там же, л. 26.

⁴⁰⁸ Кассо Л. Указ. соч., с. 220. Михайловский-Данилевский писал в 1829 г.: «Я 11 лет тому назад был в Бессарабии, но с тех пор не нашел никакого усовершенствования...» — Русская старина, 18. г., № 79, с. 182; «Не видно, — писал Стороженко в 1829 г., — чтобы благосостояние жителей подвигалось вперед...» — Чтения в Московском обществе истории и древностей, 1871, кн. IV, с. 46.

⁴⁰⁹ Гросул Я. С. и Будак И. Г. Указ. соч., с. 38—39.

⁴¹⁰ ЦГА МССР, ф. 13, оп. 1, д. 160, л. 2; В литературе уже отмечалось, что Инзов получил специальную инструкцию от И. Каподистрия, проект которой был составлен 27.V. 1820 г. и хранится в ЦГИА СССР. ф. 1308, оп. 1, д. 55 (Сироткин В. Г. Указ. соч., с. 7); Кроме того, известно обширное отношение И. Каподистрия Инзову от 15 июня 1820 г., одобренное царем, где отражается состояние Бессарабии того времени и даются рекомендации по ее управлению в будущем (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 55, л. 14—23). — Примеч. В. Г.

⁴¹¹ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 297, л. 4—6.

⁴¹² Изменение функций верховного совета последовало еще 16 марта 1820 г., когда оно было утверждено Александром I. Оно касалось со-

става совета, круга его действий, разделения функций, прав и обязанностей председателя совета и пр. — ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 7, л. 10—15.

⁴¹³ Указ верховного совета бессарабскому областному предводителю дворянства по предложению наместника о порядке заседания верховного совета от 24 июня 1821 г. — ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 50, л. 3—3 об.

⁴¹⁴ Там же, л. 4.

⁴¹⁵ Там же, л. 4—4 об.

⁴¹⁶ Там же, л. 5—8.

⁴¹⁷ Там же, л. 10—11.

⁴¹⁸ Там же, л. 12—14 об.

⁴¹⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 50, л. 8—15.

⁴²⁰ Там же, ф. 88, оп. 1, д. 50, л. 10.

⁴²¹ Вигель Ф. Ф. Указ. соч., с. 12.

⁴²² Гросул Я. Указ. соч., с. 181—196.

⁴²³ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 168, л. 18—23.

⁴²⁴ Накко А. Указ. соч., с. 14.

⁴²⁵ Несколько раньше, в 1822 г., перестал заведовать бессарабскими делами И. Каподистрия, ушедший в фактическую отставку и проживавший в Швейцарии. Дело заведования управлением Бессарабской областью было передано министру внутренних дел В. П. Коцубею, получившему соответствующий рескрипт от Александра I 13 июля 1822 г. (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 9, л. 4—7). 16 июля того же года И. Каподистрия довел до сведения Инзова, что управление Бессарабской областью передается из министерства иностранных дел в министерство внутренних дел (Там же, л. 9). Тогда же, 16 июля, Каподистрия в специальном письме к Инзову сообщал о пересылке своего отчета Александру I от 17 марта 1822 г. и среди прочего писал: «Смотря на успехи образования Бессарабии, мне показалось необходимым обеспечить будущую судьбу ее на основании, независимом от частных или переходящих обстоятельств, а чтобы достигнуть сей цели, я почел лучшим средством довести до сведения общего государственного правительства полезные следствия особенностей правил, испытанных доселе в Бессарабии» (Там же, л. 10—10 об.). — Примеч. В. Г.

⁴²⁶ Вигель Ф. Ф. Указ. соч., т. VI, с. 112—113.

⁴²⁷ Архив М. С. Воронцова, т. XXXVIII, с. 307. В этом же издании имеются примечательные письма Воронцову от его отца С. Р. Воронцова, в прошлом видного русского дипломата, в которых он делится с сыном своими соображениями по поводу управления Бессарабией (Там же, т. XVII, с. 533—542, 558, 559). — Примеч. В. Г.

⁴²⁸ О подаче жалоб на бессарабский верховный совет по тяжбам па рассмотрение комитета, учрежденного в Петербурге, 17 октября 1823 г. — ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 361, л. 15—16.

⁴²⁹ Указ правительствуему сенату о распространении на Бессарабскую область закона о 10-летней давности владения имениями при предъявлении прав на собственность, 13 июня 1823 г. — ЦГА МССР, ф. 22, оп. 1, д. 53, л. 1—1 об.

⁴³⁰ Там же, л. 1 об.

⁴³¹ Письмо Блудова М. С. Воронцову от 8 октября 1823 г. — Архив Воронцова, т. XXXVIII, с. 286; Необходимо отметить, что еще И. Каподистрия в своем отчете от 17 марта 1822 г. считал необходимым пойти по пути дальнейшего преобразования управления Бессарабией. Он писал Александру I: «...гражданские учреждения сего новообразованного края не иначе могут достигнуть надлежащей прочности и совершенства, Вами оным предназначаемого, как через установление теснейшей, постоянной связи между особым местным управлением оного и общею системою управления государства. Обеспечив надежным образом будущее согласие таковых спонсий, Вы, государь, без нарушения обещанных Бессарабии в основании ее преимущества да-

руете учреждениям оной достовернейший залог долговременной твердости» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 39—39 об.) 7 июля 1822 г. в отношении И. Каподистрия В. П. Коучубею, одобренном царем, подчеркивалось, что передача управления Бессарабией министру внутренних дел В. П. Коучубею объясняется необходимостью учреждения большей связи «между особыенным управлением Бессарабской области и системой правительства вообще» (Там же, д. 9, л. 1).

⁴³² Вигель Ф. Ф. Указ. соч.

⁴³³ Там же, с. 115.

⁴³⁴ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 316, л. 1—4 об.

⁴³⁵ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 435, л. 1—4, 9—10.

⁴³⁶ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 1—1 об.

⁴³⁷ Там же, д. 416, л. 1—4.

⁴³⁸ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 460, л. 1—2, 8—9.

⁴³⁹ Постановление комитета министров от 2 сентября 1824 г. — ПСЗ, т. XXXIX, № 30048.

⁴⁴⁰ О прекращении ведения тяжелых дел в верховном совете на основании Указа правительствуемого сената от 17 июня 1824 г. и Указа царя от 3 августа 1825 года. — ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 491, л. 2—7, 10, 10 об. В отношении от 1 мая 1825 г., направленном Воронцовым в министерство внутренних дел, излагался план изменения Устава образования Бессарабской области, организации бессарабского управления и пр. Воронцов предполагал предоставить наместнику больше прав, чем те, которыми обладали генерал-губернаторы внутренних губерний. Он считал необходимым переименовать исправников на уездных начальников потому, что «в Молдавии исправник, принимая цинут на откуп, делался, так сказать, привилегированным грабителем» (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 14, л. 6), преобразовать судебную часть, стараться набирать на службу способных и честных чиновников и т. д. (Там же, л. 5—6 об.). Несколько позднее, 18 мая 1825 г. Воронцов, ратуя за особую тщательность набора новых чиновников, выступил против приглашения их от комитета о раненых, способности которых он не отрицал, но они, не зная местных обычаев Бессарабии, «могут быть вредны для службы». Он предлагал, чтобы чиновников, как полицейских, так и особенно карантинных, набирало местное начальство (Там же, л. 7—7 об.). Более подробно о предложениях по преобразованию бессарабского управления см. в материалах министерства внутренних дел, датируемых 22 мая 1825 г. (Там же, л. 8—11). — Примеч. В. Г.

⁴⁴¹ Кассо Л. Указ. соч., с. 223.

⁴⁴² ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 80, л. 1—4.

⁴⁴³ Pompiliu Eliade, Histoire de l'esprit public en Roumanie (1905), pp. 249, 253.

⁴⁴⁴ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 1045, л. 6.

⁴⁴⁵ Письмо М. С. Воронцова от 17 мая 1824 г. — Архив Воронцова, т. XXXVIII, с. 307—310.

⁴⁴⁶ ПСЗ № 30048.

⁴⁴⁷ ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 58, л. 1—2.

⁴⁴⁸ Там же, д. 77, л. 14—15.

⁴⁴⁹ Там же, д. 58, л. 4—4 об.

⁴⁵⁰ Там же, л. 10—10 об.

⁴⁵¹ Там же, д. 77, л. 4 об., 43, 44.

⁴⁵² Оргеевский уездный предводитель дворянства избран в 1824 г., остальные позже. — ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 58.

⁴⁵³ Кассо Л. Византийское право в Бессарабии. М., 1907, с. 10.

⁴⁵⁴ История СССР, т. IV. М., 1967, с. 380.

⁴⁵⁵ Записки ООИД, т. 22, с. 26.

⁴⁵⁶ 16 марта 1826 г. министр внутренних дел В. Ланской доводил до сведения М. Воронцова, что в мае 1826 г. им были внесены на рассмотрение комитета министров представленные Воронцовыми проекты но-

вого положения об управлении Бессарабией, а после 23 февраля 1826 г. они из комитета министров были переданы государственному совету. (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 14, л. 35). Материалы под названием «Мнение государственного совета», утвержденные Николаем I, о чем свидетельствует подпись председателя государственного совета В. Кочубея от 15 июня 1827 г., хранятся в Ленинграде (Там же, л. 47—52). Там, среди прочего, писалось: «Государственный совет.., усмотрев, что существующий ныне Устав образования Бессарабской области, находясь под испытанием с 1818 года, во многом оказался несоответствующим желаемой цели; что основания, на коих предполагается преобразование управления Бессарабской области, согласны с высочайшою волею, изъявленною 11 ноября 1824 года и что по сему новому предположению Бессарабская область, имевшая до селе особое управление, должна войти под общее в государстве управление, а потому все части оного должны получить образование, соответственное сей цели и согласное с общим оных в государстве образованием..» (Там же, л. 47 об.). — Примеч. В. Г.

⁴⁵⁷ ПСЗ, т. III, № 1834.

⁴⁵⁸ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1194, л. 4.

⁴⁵⁹ Письмо Блудова М. С. Воронцову от 8 октября 1823 года. — Архив М. С. Воронцова, т. XXXVIII, с. 286.

⁴⁶⁰ 11 марта 1828 г. председатель государственного совета В. Кочубей отметил на «Мнении государственного совета», что его решения ог 15 октября, 10 ноября 1827 и 12 января 1828 г., имеющие отношение к управлению Бессарабией, получили утверждение Николая I (ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, д. 14, л. 118). — Примеч. В. Г.

⁴⁶¹ ПСЗ, т. III, № 1834, с. 202.

⁴⁶² Там же, с. 198.

⁴⁶³ Там же, с. 202.

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же, с. 203.

⁴⁶⁷ Там же, § 71, с. 202.

⁴⁶⁸ ПСЗ, т. III, № 1834, с. 202.

⁴⁶⁹ Там же, § 18, с. 199.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Там же, § 28.

⁴⁷² Там же, с. 220.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Там же, с. 202.

⁴⁷⁵ Там же, § 62, с. 201.

⁴⁷⁶ Там же, § 63.

⁴⁷⁷ Кассо Л. Византийское право в Бессарабии. М., 1907.

⁴⁷⁸ ПСЗ, т. III, № 1834, с. 195.

⁴⁷⁹ ПСЗ, т. XI, № 52721.

⁴⁸⁰ Там же, т. XXXV, № 27357.

⁴⁸¹ Представление бессарабского областного предводителя дворянства — о правах молдавского боярства. — ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 271, с. 18—19.

⁴⁸² Постановление пунктов ... Кишинев, 1819 г.

⁴⁸³ Ленин В. И. Соч., т. 29, с. 443.

⁴⁸⁴ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 241.

⁴⁸⁵ Ордин К. Покорение Финляндии, т. II, с. 300, 315; Накко А. Указ. соч., с. 175.

⁴⁸⁶ Накко А. Указ. соч., с. 176.

⁴⁸⁷ Рескрипты Александра I от 29 апреля 1818 г. — Устав образования Бессарабской области, с. 1.

⁴⁸⁸ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 427, ч. III, л. 501—502.

⁴⁸⁹ Накко А. Указ. соч., с. 177—178.

- ⁴⁹⁰ Кассо Л. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. с. 225.
- ⁴⁹¹ Там же.
- ⁴⁹² Кассо Л. Византийское право в Бессарабии. М., 1907, с. 7.
- ⁴⁹³ Холде Б. Указ. соч., с. 444.
- ⁴⁹⁴ Вигель Ф. Ф. Указ. соч., с. 35—36.
- ⁴⁹⁵ Boldur A. Op. cit.
- ⁴⁹⁶ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 320, л. 5—7, д. 320.
- ⁴⁹⁷ Boldur A. Op. cit., pp. 99—105.
- ⁴⁹⁸ Ibidem, pp. 101—102.
- ⁴⁹⁹ Ibidem, p. 102.
- ⁵⁰⁰ Анцупов И; А. и Жуков В. И. Указ. соч., с. 158.
- ⁵⁰¹ История СССР, т. IV, с. 380.
- ⁵⁰² Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1954, с. 97.
- ⁵⁰³ Bezviconi G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. Buc., 1962.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1868 г. В МОЛДАВИИ

Доклад на заседании Ученого совета Объединенного Украинского государственного университета от 28 января 1944 г.

В Великой Отечественной войне против германских захватчиков и их вассалов вместе со всеми народами нашей Родины самоотверженно борется и молдавский народ.

Молдавский народ впервые в своей истории обрел свою действительную свободу и независимость при помощи братского русского народа в результате победы Великого Октября. Поэтому и ныне он вместе с русским народом находится в боевых рядах защитников Родины.

Много [...] сынов [молдавского народа], героически сражаются в рядах Красной Армии, [...] громят немецких и румынских оккупантов в тылу. Их героизм получил самую высокую оценку в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1943 г. За мужество и героизм, проявленные в суповой партизанской войне против немецких и румынских оккупантов, большая группа молдавских партизан награждена орденами Советского Союза.

Любовь к свободе и ненависть к рабству, мужество и геройство, проявленные сынами молдавского народа в Великой Отечественной войне, имеют свои глубокие корни в прошлом.

Жив в молдавском народе дух свободолюбивых царан, с оружием в руках отстаивавших свою землю и независимость; живы традиции смелых бунтарей крестьянского движения 60—70-х гг. прошлого века; в делах нынешних воинов воскресают славные подвиги героев гражданской войны, легендарного Котовского, героев Хотинского (1919 г.) и Татарбунарского (1924 г.) восстаний.

Крестьянское движение в Молдавии в 60—70-х гг. XIX в. против самодержавно-помещичьего гнета является одной из ярких страниц нашего прошлого, когда молдавский народ боролся за свою свободу и счастье.

Ныне, в годы тяжелых испытаний, когда величие народов нашей страны засияло с новой силой, героическое прошлое каждого народа нашей Родины заслуживает самого высокого уважения и внимательного исследования.

Крестьянское движение XIX в. в Молдавии не нашло отражения в исторической литературе. Настоящая работа является попыткой на основе архивных и литературно-исторических источников впервые¹ осветить один из важнейших периодов этого движения, в результате которого царское правительство вынуждено было провести в 1868 г. крестьянскую реформу в Молдавии. Учитывая важность и актуальность данного вопроса, я решил, в меру моих сил и возможностей, заняться его изучением.

В основной части своей работы, именно в той части, которая является предметом моего исследования в вопросе подготовки и проведения реформы, а также в освещении крестьянского движения второй половины XIX в. в Молдавии, мною использованы почти исключительно архивные источники.

Использованы материалы Одесского областного исторического архива (далее обрыв — В.Г.) ...никем не разработанные. Смысл моей работы и состоял в том, чтобы поднять ценный материал этих фондов и изучить поставленный вопрос по архивным источникам.

В процессе работы над этими источниками передо мной встали три важные проблемы, которые требовали серьезной работы для их разрешения:

1. Во-первых, показать ход подготовки реформы, борьбу в среде господствующего класса по поводу предстоящей реформы и, главное, борьбу между помещиками и крестьянами за... (обрыв. — В.Г.) из двух возможных (обрыв. — В.Г.) ...этим вопросам и посвящен основной объем моей работы — III и IV главы диссертации.

В какой мере я разрешил поднятые проблемы, нам сегодня скажут уважаемые оппоненты Андрей Александрович² и Александр Кузьмич³.

Что касается I и отчасти II глав настоящей работы, то они не являются предметом моего исследования, выходят за рамки поставленных проблем и являются лишь исходным пунктом, лишь переходным мостиком к изложению основного вопроса.

Возникновение и формирование крепостнических отношений в Молдавии, которых я касаюсь во II главе, являются совершенно самостоятельным вопросом, исследование которого может быть темой для другой диссертации.

Поэтому в этой части я пользовался литературными материалами [...] по истории Молдавии, которые имеются, к сожалению, в очень ограниченном количестве.

Руководствуясь ленинским методологическим принципом подхода к изучению исторических фактов и исторических явлений, эта литература была использована мною со строгим историческим подходом.

Говоря об истории Молдавии, нельзя пройти мимо, не опровергнув румынских буржуазных историков в вопросе об истории

Молдавии. Их цель главным образом — политического и социального характера. Выполняя социальный заказ румынских помещиков и буржуазии, они пытаются исторически оправдать захват Бессарабии в 1918 г., а ныне — чудовищные злодеяния немецких и румынских фашистов на советской земле.

Исторической наукой вполне обосновано, что Молдавия в ее основной части (Бессарабия) еще в IX—X вв. была заселена славянскими племенами — уличами и тиверцами. Древнерусские летописи, перечисляя русские города, называют среди прочих Белгород (ныне Аккерман), Хотин и др.

В XII—XIII вв. бессарабская территория входила в состав русского Галицко-Волынского княжества, а во второй половине XIV в. молдавский господарь Богдан, освободившись от венгерской зависимости, положил начало существованию Молдавского княжества [...].

5. Судьбы Молдавии на протяжении веков были, естественно, связаны с политикой и взаимоотношениями крупных соседних государств — Австрии, Турции, России. С падением могущества Османской империи в этой части Европы усиливалось влияние России, которая к концу XVII — началу XVIII в. превратилась в одно из сильнейших государств Европы. После русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Бессарабия вошла в состав Российского государства.

6. Сразу же после присоединения Бессарабии к России началась усиленная колонизация края, в которой было заинтересовано русское правительство по экономическим и политическим соображениям. Колонистам-поселенцам предоставлялись весьма значительные льготы, они освобождались от податей и повинностей сроком до 50 лет, от рекрутской повинности и прочего.

Условия для колонистов были настолько выгодными, что началось массовое бегство в Россию крестьян из соседнего Молдавского княжества, особенно болгар. Вот почему население Бессарабии быстро увеличивалось и к 60-м гг. составляло 1 003 035 человек; из них молдаван — 515 927, украинцев — 215 625, евреев — 95 923, болгар и сербов — 56 166, русских — 25 тыс., немцев — 30 тыс., цыган — 12 935, поляков — 3914, армян — 2298, греков — 1950.

7. Классовая структура Молдавии того времени была чрезвычайно пестрой и сложной. В среде молдавского населения сохранилось много сословных групп: бояре, бояринаши, мазылы, резеши, цараны. Господствующий слой составляли бояре, бояринаши, мазылы и резеши. Этому слою, если прибавить сюда и духовенство, принадлежали все экономические богатства и политические прерогативы.

Цараны принадлежали к угнетенному слою. Они считались формально свободными, но экономически находились в полной крепостной зависимости от помещиков. (Городская буржуазия /купечество/ была тесно связана торговыми отношениями с

сельским хозяйством). В южных уездах значительную прослойку составляли зажиточные крестьяне-колонисты, независимые товаропроизводители.

8. Наличие большого слоя свободных крестьян в лице колонистов, а также большое распространение арендных отношений в значительной мере способствовали быстрому росту аграрного капитализма.

В. И. Ленин называет Новороссию районом землевладения, где особенно распространено употребление сельскохозяйственных машин. Если до начала XIX в. в Бессарабии преобладало скотоводство, то в середине века начинает преобладать земледелие. Бессарабия включается в народнохозяйственный оборот России, ее производительные силы быстро растут. Если в начале XIX в. не было промышленных предприятий, то в 50-е гг. их было уже 277, быстро развивалась торговля. [...]

(Каковы главные, самые важные моменты данной работы?
[...].

1. Особенности крестьянского слоя — свободных царан Молдавии. 2. Крестьянское движение 60—70-х гг. 3. Сущность и особенности крестьянской реформы в Молдавии, которые не освещены в исторической литературе.

Постараюсь вкратце остановиться на этих вопросах).

Каковы особенности положения основного слоя молдавского крестьянства, бывшего свободного сословия — царан? Каково своеобразие этого сословия? Каковая та мучительная метаморфоза, которую цараны пережили на своем пути от свободного крестьянина-воина до фактического его закрепощения?

Прежде всего необходимо отметить, что крепостное право в Бессарабии существовало задолго до присоединения ее к России. К середине XVII в. на положение крепостных было низведено самое многочисленное сословие молдавских крестьян — цараны, бывшие прежде свободными.

Было время, когда молдавские бояре были прямо заинтересованы в существовании свободного сословия крестьян наряду с крепостными. Крепостные или венины были на положении рабов, необходимых для обработки полей феодала, для различных дворовых и домашних работ. Но поскольку феодальные владения часто подвергались внешней опасности со стороны соседей, феодал должен был содержать большое войско. Из венина, раба, подвергавшегося телесным наказаниям, не имевшего средств для экипировки, плохой был бы воин. И феодал, рядом с необходимым ему венином, имел в своих владениях царан — свободных, относительно независимых крестьян, составлявших ядро его войск.

Чтобы войско было сильным, а каждый воин смелым и храбрым, а от силы войска во многом зависела и сила феодала, необходимо было поставить его в иные по сравнению с крепостным рабом условия. Необходимо было, чтобы хозяйство царана

было исправным, так как в случае войны он должен был сам приобрести оружие, экипировать и содержать самого себя. Отсюда — возникновение свободного сословия царан.

История шла вперед. Происходило сосредоточение власти в одних руках. Из множества феодалов выдвигался сильнейший, подчиняя [других] своему владычеству. И по мере усиления такой централизации и сокращения феодальных войн воинственный рыцарь-феодал постепенно все более и более превращается в мирного боярина, помещика, главным занятием которого становится сельское хозяйство. И тут уже царан был необходим помещику не как воин, а как работник в хозяйстве, как источник дохода. С этой поры начинается постепенное превращение царана в крепостного, хотя официально он продолжает считаться свободным вплоть до второй половины XIX в.

О процессе постепенного превращения царана в крепостного сохранились интересные документы. В 1741 г. «великий воевода господарь земли молдавской» Константин-Николай издает так называемый устав Молдавии, в котором сказано:

«Чужих людей, приходящих и поселившихся на монастырских или боярских поместьях, не делать вецинами (крепостными), исключая тех, которые уже давно были таковыми. Люди не вецины, живущие на монастырских и боярских поместьях, должны работать каждый по 12 дней в год и давать десятину, работать по обычаяю»⁴.

На первый взгляд, [...], господарь как будто пытается ограничить дальнейшее закрепощение, запрещает пришлых людей делать вецинами. Однако тут же делает противоположное. Обязывает и не вецинов работать по обычаяю на помещика, платить десятину.

Вслед за этим в 1749 г. Константин Маврокордат издает «Грамоту», которая должна быть поставлена в ряд с предыдущим уставом. В грамоте говорится:

«Продавать вецинов, или разделять их разделом, или переселять их с одного села в другое, или менять только людей без земли, или детей отделять от родителей владельцы имений не были вольны сделать, а также и отныне впредь никто да не имеет такого права над ними, ибо это несправедливо.

И когда продается какое-либо имение, люди, живущие в нем, не должны быть продаваемы, но как жители сел в селах и должны оставаться, неся обыкновенную службу. Впрочем, и служба должна быть делана 24 дня в году с человека на какую бы то ни было работу, и дижму должны давать со всего, что есть в имении»⁵.

Получается очень занимательная картина. При продаже имения люди, живущие в нем, не продаются, продается только имение. Однако люди не могут свободно распоряжаться своей судьбой, все они должны оставаться на своих местах и продолжать обычную работу и платить дижму новому владельцу.

Документ сначала говорит, что продавать вецинов помещики никогда не вольны были делать, и подтверждает этот обычай на будущее. И тут же высказывает противоположное: при продаже имения люди остаются в имении на прежних условиях.

Следовательно, фактически и устав, и грамота не ограничивают крепостного права, а подтверждают его. (грамота) и расширяет его (устав). Крепостные (веции) оставались в прежнем своем положении, а к ним прибавлялись все новые и новые массы крепостных, свободных только по названию. Это молдаване-цараны.

Каково же было положение этой основной массы молдавских крестьян?

В начале XIX в. положение царан рисовалось в следующем виде. Жили они преимущественно на помещичьих землях и отбывали за землю множество феодальных повинностей: барщину, «дижму» (десятину), охраняли помещичьи леса, чинили мосты, дороги, плотины и пр. Сверх того они содержали за свой счет чиновников сельской полиции — каларашей и смирашней, платили крупные сборы на содержание почтовых ямщиков, государственную посемейную подать — «бир».

Цараны вносили платежи и на содержание войск. Все налоги и подати взыскивались при посредстве откупщиков, которые нещадно эксплуатировали крестьян, доводя их до полного разорения.

Государственные акты в виде «Органического регламента» (1831 г.), «Положения о царанах» (1834 г.) и «Нормального контракта» (1846 г.), безуспешно пытаясь урегулировать отношения между царанами и помещиками, не только не облегчали положения царан, но всякий раз подтверждали феодально-крепостнические повинности крестьян по отношению к помещикам. («Положение о царанах» 1834 г. с последовательным лицемерием, присущим многим государственным актам царизма, снова объявляло царан свободными, разрешая им переход от одного помещика к другому, но никак не облегчало экономического и правового положения царан.

Сущность «Положения» была явно крепостнической. Принцип добровольного договора между помещиками и царанами выражал, конечно, только интересы и добрую волю помещика).

В результате исключительно тяжелых условий существования царан в 1858 г. в Молдавии началось открытое крестьянское движение сначала в Яссском и Сорокском уездах, затем во всей Бессарабии. Крестьяне собирались толпами, окружали чиновников, требуя перевода их на казенные земли.

Начались аресты вожаков крестьянских волнений. В деревни и села направлялись целые батальоны войск для усмирения волновавшихся царан. Доказательством этого являются донесения правительственные чиновники. Так, например, бессараб-

ский генерал-губернатор в своем рапорте от 30 сентября 1858 г. о положении в крае доносил царю следующее:

«В недавнее время цараны некоторых селений Ясского и Сорокского уездов стали обнаруживать желание переселиться на казенные земли, обращаясь с просьбой об этом в земские суды, цараны жаловались на разные притеснения и обиды, претерпеваемые ими от владельцев земли, и заявляли, что они на помещичьих землях оставаться более не могут».

Говоря о причинах этих волнений, генерал-губернатор далее продолжает:

«Жители поименованных выше селений жаловались, [что] помещики, посессоры и управители не наделяют их землей в таком количестве, как следует по условию, не позволяют на отведенной обществу земле пасти скот после уборки посевов, употребляют неправильную меру как при наделении их землей, так и при назначении урочных работ, требуют исполнения повинностей сверх положения и делают излишние поборы, а также подвергают их телесному наказанию».

Но просьбы и требования крестьян о переселении их на казенные земли и их жалобы на различные притеснения со стороны помещиков не были удовлетворены. Более того, на их настойчивые требования царское правительство отвечало военными репрессиями.

В одном рапорте генерал-губернатора говорится:

«Я признал нужным для прекращения их беспорядков и усмирения ослушных принять меры, указанные в 412-й статье кодекса, для исполнения сего я теперь же отправляюсь в означенные селения, распорядясь о командировании туда двух сотен казаков 65-го Донского казачьего полка и два батальона Люблинского пехотного полка, которого одна рота послана вперед на подводах дабы силой и строгостью положить конец неустройствам...»⁶

Молдавское крестьянское движение носило еще более стихийный и разрозненный характер, чем в Центральной России. Высшей формой этого движения был массовый отказ от барщины, своего рода крестьянская забастовка, которая ставила под угрозу помещичьи посевы в целом крае. Движение крестьян в Молдавии не получило самостоятельного идеологического выражения. Но мы вправе рассматривать его как часть общено-родного крестьянского движения в бывшей Российской империи.

Имеются прямые свидетельства этой связи: донесение бессарабского губернатора от 14/VI 1870 г. о влиянии крестьянского движения в Подолии на царан Бессарабии. Программа крестьянского движения, как она выражалась самими крестьянами, требования которых зафиксированы в донесениях чиновников, состояла в немедленном и полном уничтожении феодально-крепостной зависимости и наделения крестьян землей со стороны государства. Квалифицируя эту программу, мы, вслед

за В. И. Лениным, можем сказать, что это была борьба за американский путь буржуазного развития против прусского пути буржуазного развития, по которому шли помещики.

Полное освобождение крестьян и наделение их землей открывало путь к более быстрому развитию капитализма, который был в свое время неизбежной и прогрессивной формой развития общества.

[...] Основным вопросом настоящей работы является сущность и особенности крестьянской реформы 1868 г.

Крестьянская реформа 1861 г. в России не коснулась царан. Но под давлением крестьянских волнений правительство было вынуждено заняться разрешением крестьянского вопроса в Бессарабии и в 1858 г. образовало комиссию для подготовки проекта реформы. Десять лет понадобилось правительству, чтобы издать «Положение 14 июля 1868 г.», регулирующее отношения между помещиками и крестьянами в Бессарабии.

На протяжении десяти лет между помещиками шла борьба по поводу предстоящей реформы. Но борьба между различными сторонниками того или иного проекта была борьбой внутри господствующих классов, борьбой исключительно о размерах выкупных платежей и формах выкупа, причем всегда верх брали самые закоренелые консерваторы. Молдавские землевладельцы из купцов были заодно с помещиками и выдвигали еще более невыносимые условия выкупа земли. Против объединенного лагеря господствующих классов выступало все молдавское крестьянство: цараны, крепостные при поддержке поселенцев-колонистов, которые были заинтересованы в ослаблении помещиков.

Хотя внутри крестьянства уже началась дифференциация на кулаков и бедноту и между ними уже имела место классовая борьба, но на первом плане стояла борьба против их общего врага — помещиков. И тут, в недрах феодально-крепостнического общества, крестьянство выступало единым лагерем.

В чем же суть развернувшейся борьбы вокруг отдельных помещичьих проектов реформы? Из-за недостатка времени приведу содержание одного проекта.

Наиболее характерным по своей крепостнической сущности является проект Одесской комиссии.

Для выработки положения о бессарабских крестьянах (царанах) в 1861 г. в Одессе была образована особая комиссия из дворян-помещиков и духовенства с одним представителем от царан. Эта комиссия и составила первый проект о личных правах, общественном и поземельном устройстве царан.

1. Согласно этому проекту верховным собственником всей земли по-прежнему оставался помещик, крестьяне не наделялись землей в собственность.

2. Крестьянам предлагалось разрешить поземельные отношения на началах «Нормального контракта 1846 г.», то есть опять-

таки по добровольному соглашению. Если же не достигнут соглашения, то вступает в действие Нормальный контракт.

3. Размеры наделов устанавливались:

- а) для семейств без рабочего скота 3—4 десятины;
- б) для семейств с парой волов 6—7 десятин.

4. Повинности определялись барщиной и натуральной оплатой.

5. Помещику предоставлялось право самовольно выселять крестьян с земли.

6. Помещик наделялся вотчинно-полицейской властью. Вследствие этого условия проекта были еще более тяжелыми для крестьян, чем «Нормальный контракт 1846 г.»

[...] Вокруг проекта развернулась борьба.

Против проекта выступил представитель крестьян в комиссии. Он требовал:

1. Увеличения размера надела.

2. Отмены отработочных и натуральных повинностей.

3. Отмены вотчинно-полицейской власти помещиков.

Представитель крестьян признавал, что принятие этого проекта повлечет за собой совершенное разорение крестьян.

Это вынужден был признать даже сам бессарабский губернатор Фонтон де Верайон, которого трудно заподозрить в сочувствии к царанам. Для разрешения земельных отношений царан губернатор предлагал выкуп крестьянами земли при содействии правительства.

Другого мнения по данному вопросу был новороссийский и бессарабский генерал-губернатор Строганов. Строганов был против наделения крестьян землей на началах выкупа, ссылаясь на то, что крестьяне этого не требуют. Безусловно, крестьяне не поднимали вопроса о выкупе, так как они надеялись получить землю без всякого выкупа.

Вследствие развернувшейся борьбы, протеста представителей крестьян проект Одесской комиссии не был утвержден.

Первый проект МВД

В 1866 г. министр внутренних дел выработал и представил на обсуждение в главный комитет новый проект о поземельном устройстве царан Бессарабской области. При составлении этого проекта МВД исходило из основ более близких к Положению 19 февраля.

1. Во-первых, оно склонно было к введению выкупа царанами своих земель при содействии правительства, правда, не прочь было, чтобы эта идея исходила бы от самих помещиков.

2. Во-вторых, в деле поземельного устройства предлагалось «крестьянам отводить все находящиеся у них земли с правом их уменьшения или увеличения по соглашению с помещиком».

3. Размеры наделов по местностям определялись от 4—7, до 6—10 десятин.

4. Далее, за крестьянами сохранялось право перехода на другие земли.

5. Повинности устанавливались от 96 коп. до 1 р. 80 коп. для низшего надела и от 1 р. 44 коп. до 2 р. 80 коп. для высшего надела.

При обсуждении этого проекта среди бессарабского дворянства обнаружились большие разногласия. Более либеральная часть помещиков стояла за выкуп, консервативная часть требовала, чтобы выкуп был проведен по воле помещика, а не по требованию крестьян, то есть была против выкупа. К тому же консерваторы требовали уменьшения размеров надела.

В основном большая часть молдавских помещиков во главе с губернским предводителем дворянства помещиком Крупенским категорически выступала против наделения крестьян землей на началах выкупа. Они требовали принятия добровольного выкупа (как по Положению 19 февраля).

Второй проект МВД

Идя навстречу молдавским помещикам, МВД переработало свой первоначальный проект, выработало другой проект.

1. МВД внесло ряд изменений в свой первоначальный проект. Сократило размеры крестьянских наделов, повысило размеры выкупных платежей, сохранило еще на два года подводную повинность.

2. Размеры наделов были определены от 6 до 10 десятин.

3. В отличие от предыдущего проекта и от Положения 19 февраля этот проект вводил **обязательный выкуп**. Это мотивировалось соображениями политического порядка.

4. Выкупные платежи повышались до 3 руб.

5. Обязательный отвод крестьянам 2/3 всей земли помещика отменялся.

Несмотря на выгодность этого проекта для помещиков, он вызвал ряд протестов со стороны министров, помещиков и купцов-землевладельцев. Все они были против наделения крестьян землей в собственность на началах обязательного выкупа.

В результате наличия ряда разногласий проведение крестьянской реформы в Бессарабии задерживалось. Но усиление крестьянских волнений все же заставило и правительство более серьезно заняться крестьянским вопросом в Бессарабии.

В 1868 г. вопросом о поземельном устройстве крестьян Бессарабской области занялся непосредственно главный комитет государственного совета. Канцелярия главного комитета выработала новый проект об устройстве царан Бессарабской области.

В основу этого проекта были положены следующие принципы:

1. Сохранение необязательного выкупа.
2. Сохранение права отказаться от надела и до девятилетнего срока.
3. Помещик обязан наделить крестьян до 2/3 всей своей земли.
4. Установление лишь денежных, а не издольных повинностей.
5. Отмена десятины.

6. Выкупные платежи устанавливались: от 1 руб. 49 коп. до 2 руб. 88 коп. и [от] 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 80 коп.

При рассмотрении этого проекта на заседании главного комитета от 29 января и 10 июня 1868 г. между членами комитета развернулись ожесточенные споры. Объектом споров был вопрос о размерах наделов.

Четыре члена были за надел в 6—8,5, 10 десятин; пять членов — за надел в 8, 10,5 и 13,5 десятин. Борьба велась также и вокруг вопроса о лесах. Одни считали необходимым исключить леса из надельной земли помещика, другие были за включение лесов в надельные земли помещиков.

VI Положение 14 июля 1868 г.

Исходя из этого проекта, 14 июля 1868 г. окончательно было утверждено и опубликовано положение о поземельном устройстве поселен (царан) Бессарабской области.

По новому положению право на получение надела получали все цараны (ст. 7). Наделы крестьян определялись добровольным соглашением с помещиком или существующими размерами (ст. 8). Если размеры существующих наделов не достигали определенных норм, то крестьяне получали право на дополнительное наделение из 2/3 всей земли имения (ст. 10), но опять-таки по соглашению с помещиком.

Нормы наделов установлены были в пределах 8—13,5 десятины для разных местностей (ст. 11). Земля, отведенная в надел, оставалась в постоянном пользовании сельского общества (ст. 36). Раздробление при переходах по наследству допускалось до пределов не менее 1/4 высшего надела (ст. 37). С переходом в другое сословие крестьянин теряет право на участок (ст. 41).

Повинности в пользу землевладельцев установлены денежные и надельные (ст. 60). Размер денежной повинности определяется или соглашением или нормами оброка — 1 руб. 20 коп и 2 руб. 50 коп. за десятину (ст. 65). Издольные повинности определялись по прежним правилам (ст. 877 т. XI) с некоторыми ограничениями и уничтожением дижмы (ст. 80—83).

Переход на денежную повинность до введения уставной грамоты определялся с согласия помещика (ст. 84). Меры обеспечения исправности повинностей сходны с Положением 19 февраля. Помещик имел право заставить крестьянина отывать повинности вплоть до отдачи его в заработки, то есть вплоть до его вторичного закрепощения (ст. 87—100).

Финансовые условия выкупа определялись в общем также правилами 19 февраля с некоторыми незначительными изменениями (ст. 101). Таково краткое содержание Положения 14 июля 1868 г.

Каковы особенности крестьянской реформы 1868 г. в Молдавии? Что общего с реформой 1861 г. и каковы особенности?

При разрешении вопросов о личной зависимости и земельного устройства крестьян Положение 14 июля 1868 г. исходило из основных принципов Положения 19 февраля 1861 г. Размер крестьянского надела определялся добровольным соглашением с помещиком, не выходя из норм, указанных в Положении; повинности устанавливались те же — оброк и барщина, причем меры обеспечения исправности повинностей оставались те же, которые были установлены Положением 19 февраля.

Был сохранен необязательный выкуп, вернее, выкуп только по требованию помещика.

Размеры выкупных платежей определялись также либо добровольным соглашением, либо на основании Положения.

Вместе с тем крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии имеет и свои особенности:

1. Прежде всего, нормы наделов в Молдавии были установлены от 8 до 13,5 десятины для разных местностей. По Положению 19 февраля в великороссийских губерниях размеры наделов были установлены от $2\frac{3}{4}$ до 12 десятин.

2. Размеры оброка по «великороссийскому» Положению колебались от 8 до 12 руб. за душевой надел, в зависимости от местности.

По Положению 14 июля денежный оброк был установлен от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп. за десятину.

3. Согласно Положению от 19 февраля помещик был обязан предоставить крестьянам надел, а крестьяне были обязаны получить этот надел, в зависимости от чего должны были нести и повинности перед помещиком.

Только с истечением девятилетнего срока они могли отказаться от наделов.

Положение 14 июля сохраняло право отказаться от надела и до истечения девятилетнего срока (ст. 114—115).

Таковы главные особенности крестьянской реформы 1868 г. в Молдавии.

Крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии была проведена руками помещиков и имела явно выраженный крепостнический характер. Как и реформа 1861 г. в России, она ограбила мол-

давских крестьян, лишила их 300 тыс. десятин земли, [потребовалась] огромных сумм выкупных платежей, оброчных и натуральных повинностей.

Однако, несмотря на крепостнический характер реформы, она была буржуазной по существу и двигала Молдавию вперед по пути капиталистического развития. Реформа 1868 г. не только не внесла успокоения в умы крестьян, но привела к еще большему обострению отношений между крестьянами и помещиками и усилию крестьянского движения. Как только крестьяне поняли истинный, грабительский смысл реформы, они повсеместно выступили против сохранения феодальных повинностей и огромных выкупных платежей.

Началось массовое крестьянское движение против Положения 14 июля 1868 г., то есть против самодержавно-помещичьего режима.

Крестьяне не шли на барщину, отказывались платить оброк, не повиновались помещикам и оказывали решительное сопротивление царским властям. Дело доходило до прямых столкновений с войсками.

[...] 19. О размерах и объеме крестьянских волнений после реформы можно судить по количеству войск, использованных правительством для подавления волнений. Только в Хотинский и Сорокский уезды на подавление бунтов было направлено до пяти полков. Войска ставились на постой к крестьянам, крестьяне содержали их за свой счет. Несмотря на экзекуции, порки, царапаны упорствовали и стояли на своем.

20. Вскоре, опасаясь новой волны движения, многие помещики начали переводить царапан на оброк и заключать с ними выкупные сделки. В 80-х гг. большая часть крестьян была переведена на выкуп, а в 1888 г. указом правительства в Бессарабии был введен обязательный выкуп. Но это не решало крестьянского вопроса.

21. Несмотря на широкий размах, крестьянские выступления в Молдавии не были организованы. Все они носили характер стихийных «бунтов» и жестоко подавлялись правительственными войсками. Только в октябре 1917 г. молдавское крестьянство вместе с русским крестьянством пошло за русским рабочим классом под руководством партии большевиков на революцию, на свержение власти помещиков и буржуазии и завоевало землю и волю. Перед ним открылась широкая дорога к социализму, к счастливой колхозной жизни без помещиков и капиталистов.

Комментарии*

Доклад «Крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии» был зачитан Я. С. Гросулом на заседании Ученого совета Объединенного Украинского государственного университета в самом

* Составил В. Я. Гросул.

начале 1944 г. во время защиты им кандидатской диссертации на ту же тему.

Тема работы была задумана Я. С. Гросулом в середине 30-х гг. При ее написании четко выделяются три этапа. Первый — избрание темы. Будучи студентом Тираспольского педагогического института, Я. С. Гросул впервые ознакомился с материалами Одесского областного архива, располагавшего богатейшими источниками по истории Молдавии.

Ко второму этапу — к разработке темы крестьянской реформы в Бессарабии — Я. С. Гросул вплотную приступил вскоре после окончания в 1937 г. института, где был оставлен в качестве преподавателя. К лету 1941 г. диссертация, в основе которой лежали источники из Одесского областного и Ленинградского государственного исторического архивов, была почти закончена. В 1941 г. Я. С. Гросул ознакомился с кишиневскими архивами, но вскоре началась Великая Отечественная война, которая внесла серьезные корректизы в научные планы молодого молдавского историка.

Третий этап работы над диссертацией наступил лишь через два года, в далеком казахстанском городе Кзыл-Орда, где, находясь в эвакуации, Я. С. Гросул работал директором средней школы и преподавал историю и географию. По счастливой случайности ему удалось завязать знакомство с преподавателями Объединенного Украинского университета (прежде всего из Киева и Харькова), которые также находились здесь в эвакуации. Их заинтересовала тема диссертации, и ее автору было предложено в кратчайший срок произвести соответствующие доработки и подать на защиту. Диссертация была завершена к концу 1943 г., тогда же был написан специальный научный доклад, который в то время заменял авторефераты, ставшие позднее необходимыми атрибутами защиты.

Кандидатская диссертация сыграла в жизни Я. С. Гросула значительную роль. Она определила его научные интересы, прежде всего как историка-экономиста, специалиста по социально-экономической истории, особенно, крестьянства, наложив тем самым значительный отпечаток на развитие молдавской исторической науки в послевоенный период. Не только ученики Я. С. Гросула — И. Г. Будак, И. А. Анцупов, П. Г. Дмитриев, В. И. Жуков, М. П. Мунтян и др. докторанты, аспиранты, дипломанты, но и многие студенты исторических факультетов Кишинева под непосредственным руководством ученого развили склонности к занятиям экономикой и социальными отношениями. В диссертации Я. С. Гросула содержалось два основных вопроса — проблема экономической жизни и социальных трансформаций и история крестьянского движения как составная часть народных выступлений. Эти вопросы были характерны для советской исторической науки. Они означали применение марксистско-ленинской методологии к истории, выявление прежде

всего экономической подоплеки исторического процесса и особое внимание к деятельности широких народных масс как творцов истории. Молдавская историческая наука, таким образом, развивалась в общем русле движения советской исторической науки, но с определенным опозданием, связанным с оккупацией Бессарабии боярской Румынией в 1918 г. и затем фашистской оккупацией Молдавии в 1941—1944 гг.

Я. С. Гросул впоследствии неоднократно обращался к вопросам крестьянской реформы 1868 г. в Бессарабии. Более детально и на основе многочисленных источников он изучил эту проблему в процессе подготовки докторской диссертации, куда она вошла отдельным разделом и затем была помещена в монографии Я. С. Гросула и И. Г. Будака⁷. Ей уделялось значительное внимание в двух изданиях 1-го тома «Истории Молдавии»⁸, в нескольких статьях Я. С. Гросула, в «Очерках истории народного хозяйства Бессарабии (1861—1905 гг.)»⁹, а также в коллективной монографии «История народного хозяйства Молдавской ССР (1812—1917 гг.)»¹⁰.

В советской исторической науке Я. С. Гросул первый занялся крестьянской реформой 1868 г., да и до революции по этой теме было немного работ, среди которых можно назвать публикации А. Э. Штанге, Д. Д. Суручана и др. То, что Я. С. Гросул обратился именно к этой теме на начальном этапе развития молдавской советской исторической науки, когда было множество неисследованных проблем, на первый взгляд, более важных, не случайно. Реформа 1868 г. была одним из кардинальных, поворотных моментов новой истории Молдавии, исследование которой позволяло лучше разобраться в особенностях перехода от феодализма к капитализму, формировании классов буржуазного общества, в предыстории социалистической революции и, в конечном итоге, формировании молдавской буржуазной нации. Диссертация, посвященная прежде всего социально-экономической проблематике и крестьянским движениям, заставила молодого исследователя обратиться к вопросам государства и права, к роли государства в регулировании экономической жизни, к проблеме соотношения реформы и революции.

Хотя публикуемый впервые доклад написан почти четыре десятилетия тому назад, он привлекает внимание стремлением автора дать комплексную оценку истории Молдавии, далеко выйти за пределы самой темы. От ряда положений автор отказался в процессе собственной исследовательской работы, прочие были развиты другими молдавскими историками. Многие же выводы и по сей день не потеряли своей актуальности. Я. С. Гросул четко и вполне определенно сформулировал мысль, что, «если до начала XIX в. в Бессарабии преобладало скотоводство, то в середине века начинает преобладать земледелие». Этот вывод был документально обоснован молдавскими историками лишь

в середине 60-х гг. после длительных дискуссий и изучения новых источников.

В течение многих лет молдавские историки занимались проблемами реформ К. Маврокордата 40-х гг. XVIII в., также породивших значительные дискуссии в их среде и привлекших внимание Я. С. Гросула еще в то время. Заслуга ученого заключалась в том, что он обратил внимание на значение этих реформ для Молдавии, занимаясь событиями значительно от них отдаленными и, хотя он по-своему объяснил их суть и результаты, уже сам факт их изучения весьма примечателен.

Как известно, значительно далее ушел он и в изучении основной категории молдавских крестьян XIX в. — царан. Уже в монографии «Крестьяне Бессарабии», вышедшей в 1956 г., Я. С. Гросул отказался от характеристики царан как фактически крепостных и подчеркивал: «Будучи юридически лично свободными, но лишенными собственной земли, они пользовались помещичьей и монастырской землей, за что обязаны были отбывать барщину и платить оброк. Благодаря этому, их личная свобода оставалась формальной буквой закона. По существу же царане были феодально зависимой категорией крестьян»¹¹.

Значение работы «Крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии» нельзя переоценить. Она была одной из первых докторских диссертаций по истории Молдавии, да и вообще докторских диссертаций, защищенных молдавскими учеными, и первой докторской диссертацией по социально-экономической проблематике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слова, взятые в круглые скобки, были вычеркнуты самим автором с целью сокращения времени доклада. — Примеч. В. Г.
- ² Официальный оппонент — доктор исторических наук профессор А. А. Введенский. — Примеч. ред.
- ³ Официальный оппонент — кандидат исторических наук А. К. Кошик. — Примеч. ред.
- ⁴ Записки Одесского общества истории и древностей, т. X, с. 493.
- ⁵ Там же, с. 500.
- ⁶ Одесский облистиархив, ф. Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, оп. 103, д. 5, связка 9, л. 8—12.
- ⁷ Гросул Я. С. и Будак И. Г. Крестьянская реформа 60—70-х гг. XIX века в Бессарабии. Кишинев, 1956.
- ⁸ История Молдавии. Т. 1. Кишинев, 1951; История Молдавской ССР. Изд. 2-е, перераб. и доп., т. 1. Кишинев, 1965.
- ⁹ Гросул Я. С. и Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861—1905 гг.). Кишинев, 1972.
- ¹⁰ История народного хозяйства Молдавской ССР. Т. II. 1812—1917. Кишинев, 1977.
- ¹¹ Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956. с. 127.

КРЕСТЬЯНЕ БЕССАРАБИИ (1812—1875)*

Изучение истории крестьянства нашей социалистической Родины, его борьбы за освобождение от социального гнета является одной из важнейших задач советской исторической науки. Вышедшие в свет в послевоенное время монографические работы академиков Б. Д. Грекова и Н. М. Дружинина, монографии и статьи К. В. Сивкова, Л. В. Черепнина, Л. М. Иванова, И. Гуржий, Я. Линкова и других советских историков в значительной мере восполняют пробел в изучении истории русского крестьянства. История же крестьян некоторых бывших национальных окраин Российской империи по-прежнему остается еще мало разработанной. В частности, недостаточно изучена и история крестьян Молдавии. Такие кардинальные вопросы, как социально-экономическое и политическое положение различных категорий молдавских крестьян, их социальное бесправие в системе феодально-крепостнического государства, средства и методы беспощадной их эксплуатации, различные формы классовой борьбы против возрастающего гнета крепостников, процессы разложения феодально-крепостнических и зарождения в ее недрах капиталистических отношений, до сих пор почти не являлись предметом углубленного научного исследования.

Дворянская и буржуазная историография по своей классовой направленности и политической целеустремленности не была, да и не могла быть, заинтересована в правдивом, научно обоснованном освещении истории крестьян Молдавии.

Советские историки пока такого рода исследованиями не занимались. Не внесло каких-либо изменений и издание первого тома «Истории Молдавии», вышедшего в свет в 1951 году, так

* Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Кишинев, 1955. Печатается с некоторыми сокращениями и стилистическими поправками. Основные его положения освещены в монографиях, опубликованных после защиты диссертации: «Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.)». Кишинев, 1956; «Крестьянская реформа 60—70-х гг. XIX в. в Бессарабии». Кишинев, 1956 (в соавторстве с И. Г. Будаком).

как, учитывая назначение книги, вопросы истории крестьян там изложены в научно-популярной форме. В работах же историков Молдавии, опубликованных, главным образом, в послевоенное время, они либо не затронуты вообще, либо затронуты вскользь.

Между тем научная разработка названных вопросов представляет большой интерес.

Известно, что основной задачей марксистской исторической науки является изучение истории производителей материальных благ, истории трудящихся масс, истории народов. Молдавия — край аграрный, крестьянство здесь в исследуемый нами период было основным производителем материальных благ. Аграрный строй в молдавской деревне в силу специфических условий исторического развития был весьма разнообразен. Вот почему автор, руководствуясь основным положением марксистско-ленинской исторической науки, задался целью исследовать историю крестьянства Молдавии в период разложения феодально-крепостнических и зарождения капиталистических отношений, стремясь тем самым в известной мере восполнить имеющийся пробел по этому разделу в исторической науке.

Значение темы выходит за узкие рамки истории Молдавской ССР. Нельзя воссоздать подлинную научную историю крестьянства СССР без исследования истории крестьянства отдельных народов нашей страны, без учета специфики развития того или иного народа, без знания особенностей процесса разложения феодализма и зарождения капитализма в различных районах страны, особенностей, обусловленных различными социально-экономическими и политическими факторами.

Неразработанность этих вопросов неизбежно приводила к неправильному толкованию их в отдельных трудах некоторых видных советских историков и экономистов.

Исходя из основных положений марксистской исторической науки, автор поставил перед собой следующие задачи: 1. Исследовать процессы и показать изменения, которые происходили в положении основных категорий крестьян Бессарабии в условиях разложения феодально-крепостнической системы и зарождения в ее недрах капиталистических форм производства. В частности:

а) раскрыть особенности феодально-крепостнического гнета в Бессарабии в первой половине XIX в., обусловленные особенностями историческими путями формирования феодальных отношений в Молдавии;

б) охарактеризовать существовавшие основные сословные категории молдавских крестьян;

в) показать, как в результате влияния общероссийских правовых порядков в молдавской деревне происходили изменения сословного строя (постепенно исчезали местные сословные осо-

бенности) и сближение его с сословным строем русской деревни;

г) показать, как в результате развития капиталистических отношений происходила ликвидация пестрого сословного состава сельского населения Бессарабии и переход от сословно-феодального деления сельского населения к классово-капиталистическому.

2. Показать роль и значение крестьянского движения в первой половине XIX в. в ликвидации феодально-крепостнической системы, для чего осветить:

а) обострение классовой борьбы как следствие нарушения закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил;

б) сравнительно широкий размах крестьянского движения в Бессарабии как результат относительно быстрого роста товарности сельского хозяйства края, а в связи с этим усиления эксплуатации крестьян;

в) своеобразие некоторых форм классовой борьбы крестьян Бессарабии (гайдучество, упорное стремление царан перейти с боярских земель на государственные, на что они могли претендовать как пользующиеся ограниченным правом выхода);

г) укрепление братских уз дружбы между молдавским, русским и украинским крестьянством в их совместной классовой борьбе против общего социального врага — царизма, молдавских и русских помещиков;

д) на примере классовой борьбы крестьян Бессарабии еще раз подчеркнуть обоснованность марксистского положения о том, что стихийное, неорганизованное и не руководимое пролетариатом крестьянское движение может лишь расшатать устои феодализма, не приводя, однако, к ликвидации феодального способа производства.'

3. Раскрыть крепостническую сущность политики царизма в аграрном вопросе и показать характер, особенности и результаты крестьянской реформы 60—70-х гг. в Бессарабии. Показать:

а) общность основных положений реформы о царанах 1868 г. и Положения 19 февраля 1861 г. об «освобождении» крестьян;

б) отличия некоторых положений крестьянской реформы 1868 г. в Бессарабии от Положения 19 февраля 1861 г., вызванные особым юридическим положением царан и более высоким уровнем развития капиталистических отношений в Бессарабии;

г) результаты реформы как фактора, способствующего ускоренному развитию капитализма в Бессарабии, несмотря на наличие существенных крепостнических пережитков, в известной мере препятствовавших полной победе нового способа производства;

д) классовую борьбу крестьян в пореформенный период как выражение решительного протesta трудовых масс деревни против крепостнической сущности реформы.

4. На конкретном историческом материале показать полнешую несостоительность различных буржуазных и буржуазно-националистических «теорий» по крестьянскому вопросу в Бессарабии в рассматриваемый период. В частности:

а) вскрыть классовую сущность положений русской дворянско-буржуазной историографии, пытавшейся доказать, что политика царизма по крестьянскому вопросу в Бессарабии являлась «благодеянием» для народа;

б) показать утопичность народнических взглядов на пути развития русской деревни, в частности, историков (находившихся под влиянием народнических идей), занимавшихся историей молдавской деревни;

в) разоблачить вздорность и тенденциозность румыно-молдавской буржуазно-националистической историографии, которая путем фальсификации фактов пыталась отрицать объективно-прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России.

* * *

В основу настоящего исследования положены методологические указания классиков марксизма-ленинизма по аграрному вопросу в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. При разработке важнейших теоретических вопросов аграрной проблемы Маркс, Энгельс и Ленин осветили ряд вопросов, относящихся непосредственно к истории Молдавии.

Известно, что Маркс и Энгельс тщательно изучали социально-экономическую и политическую историю России и Дунайских княжеств Молдавии и Валахии. [...] Работы Маркса и Энгельса, затрагивающие в той или иной мере вопросы истории России и Дунайских княжеств, являются неоценимым руководством для изучающих историю Молдавии.

Особый интерес для избранной нами темы представляют те главы гениального труда К. Маркса «Капитал», где дана четкая характеристика особенностей феодально-крепостнического развития Дунайских княжеств и «Органического регламента 1831 г.»

К. Маркс показал особенности процесса экспроприации общинной земли, пути закрепощения молдавских крестьян¹.

Для выяснения поставленных нами вопросов большое значение имеют теоретические положения классиков марксизма-ленинизма о формах докапиталистической земельной ренты.

К. Маркс вскрыл сущность первоначального капиталистического накопления, показал процесс разложения феодально-крепостнической системы и формирования в ее недрах капиталистических отношений. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»².

Как указывает К. Маркс, процесс, создающий капиталистические отношения, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на продукт его труда, процессом, который превращает общественные средства производства в капитал, а непосредственных производителей в наемных рабочих.

Теоретическое положение Маркса по данному вопросу позволяет нам вскрыть подлинные причины разорения царан, обезземеливания и пауперизации значительной массы крестьян-собственников /резешей/ Бессарабии, особенно в первой половине XIX в.

В своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокую и яркую характеристику феодально-крепостнической системы, господствовавшей в дореформенной России, вскрыли причины и условия проведения реформы 1861 г. Оценка крестьянской реформы 1861 г. в России, данная К. Марксом, имеет большое значение и для изучения соответствующего периода истории Молдавии.

Высказывания Маркса и Энгельса о крестьянской общине и закрепощении крестьян Молдавии, о докапиталистических формах земельной ренты, о крестьянской реформе позволяют нам правильно объяснить особенности положения некоторых категорий крестьян Молдавии /царан, резешей/, которые юридически считались свободными, но фактически были феодально-зависимыми от землевладельцев.

Неоценимое значение для выяснения основных вопросов исследуемой нами темы имеют гениальные труды В. И. Ленина.

В. И. Ленин дал классическое определение феодально-крепостнической системы в России, подчеркнул ее основные характерные черты, установил хронологические рамки ее возникновения, развития и распада.

В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику дореформенного барщинного хозяйства и тех изменений, которым оно подвергалось в связи с развитием капиталистических отношений.

Барщинная система хозяйства, как указывает В. И. Ленин, предполагала: наличие господства натурального хозяйства; наименование непосредственного производителя средствами производства, в частности, землей, и прикрепление его к земле; личную зависимость крестьянина от помещика и крайне низкое и рутинное состояние техники.

Ленинская характеристика крепостнической системы хозяйства, господствовавшей в России, соответствует и той хозяйственной системе, которая господствовала в Молдавии в первой половине XIX в. Следовательно, именно эта характеристика дает нам ключ к пониманию существа вопроса.

Данное В. И. Лениным определение положения крепостных крестьян России позволяет нам правильно оценить положение

основной категории молдавских крестьян — царапан, составляющих более 60% сельского населения, которые также «наделялись» помещиками землей и отбывали феодальные повинности, хотя юридически и считались «свободными».

При исследовании вопроса о сущности и особенностях крестьянской реформы 1861—1875 гг. в Бессарабии важнейшим методологическим руководством для нас является оценка крестьянской реформы 1861 г. в России, данная В. И. Лениным.

Разоблачая ошибочное освещение реформы 1861 г. буржуазными и буржуазно-народническими историками, В. И. Ленин вскрывает основные причины, которые заставили крепостников-помещиков взяться за реформу. Вместе с тем В. И. Ленин показывает огромное значение реформы, создавшей более благоприятные условия для дальнейшего развития капитализма в России, неотъемлемой частью которой являлась и Бессарабия.

В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин мастерски вскрыл характерные черты и особенности капиталистического развития России, дал глубокий теоретический анализ процессов развития капитализма, показал экономические предпосылки неизбежности буржуазно-демократической революции в России и ее движущие силы.

В работе В. И. Ленина содержится ряд высказываний о более быстром развитии капиталистических отношений в губерниях, составляющих район торгового земледелия, в том числе и в Бессарабии. Работы В. И. Ленина позволяют нам проследить и правильно оценить процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Бессарабии еще накануне крестьянской реформы, особенно в хозяйствах колонистов и крестьян — собственников земли — резешей, среди которых классовое расслоение началось раньше и шло быстрее, чем среди царапан.

[...] Представленная нами работа написана главным образом на основе неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве /ЦГИАМ/, Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде /ЦГИАЛ/ и в Центральном государственном историческом архиве Молдавской ССР /ЦГИА МССР/.

Большая часть этих материалов представлена в виде отчетов, рапортов и донесений губернаторов, уездных исправников, судебных заседателей, предводителей дворянства, полицейских и военных начальников. Как представители господствующего класса авторы этих документов тенденциозно освещали экономическое и политическое состояние края, положение крестьян и их борьбу против феодально-крепостнического и царского гнета. Поэтому, чтобы установить истинную картину исторических событий при рассмотрении и анализе этих документов [...] требовался самый тщательный критический подход.

Наибольшую ценность для нас представляют документы и материалы, исходившие от самих крестьян (жалобы, прошения,

протесты), позволяющие установить тенденциозность документов, составленных царскими чиновниками и дворянами. К сожалению, таких материалов в архивах оказалось немного.

Из материалов Центрального государственного исторического архива Москвы нами использованы материалы фонда третьего отделения «Соб. е. и. в. канцелярии» (фонд № 109) главным образом, третьей и четвертой экспедиций, отображающие положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии в указанный период. Большой интерес для разрабатываемой темы представили документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. Много важных материалов дали нам журналы заседаний комитета министров /1802—1875 гг., ф. 1263/. Этот фонд содержит материалы, отражающие политику самодержавия в области народного хозяйства, административного управления, народного образования, а также в области военного дела.

Среди особенно ценных материалов следует отметить документы, отражающие аграрную политику самодержавия, его борьбу с революционным движением. В этом архивном фонде сосредоточены годовые отчеты бессарабского губернатора и статистические приложения к ним — обзоры Бессарабской губернии, из которых путем тщательного анализа можно извлечь много интересных данных, характеризующих положение крестьян и их борьбу против феодально-крепостнического гнета в рассматриваемый нами период.

Очень важными для нас оказались материалы государственного совета, фонды секретного и главного по крестьянскому делу комитетов и редакционных комиссий при них (1857—1861 гг., ф. 1180) и главного комитета по устройству сельского состояния (1861—1883 гг., ф. 1181), содержащие сведения, относящиеся к вопросу об «освобождении» крестьян от крепостной зависимости и освещающие отношение к крестьянской реформе различных групп помещичьего класса. Фонд содержит также документы, характеризующие подготовку и проведение крестьянской реформы в Бессарабии, введение «Правил об освобождении крепостных крестьян Бессарабской области 1861 г.» и введение «Положения 14 июля 1868 г. о наделении землей бессарабских царан».

Нами использованы и некоторые материалы из архивного фонда Министерства внутренних дел, в частности из фонда департамента полиции исполнительной.

Кроме того, в хранилище Государственного исторического архива в Ленинграде использованы материалы фондов земского отдела МВД (1857—1875 гг., ф. 1291), департамента окладных сборов Министерства финансов /ф. 573/, Министерства государственных имуществ /ф. 379/, канцелярии об управлении Бессарабской областью /1816—1819 гг./, комитета по бессарабским делам /1822—1825 гг./, главного выкупного учреждения, цент-

рального статистического комитета, общей канцелярии министра финансов и др.

Большое значение для изучения вопроса о положении крестьян и крестьянского движения в первой половине XIX в. в Бессарабии имеют материалы, находящиеся в Центральном государственном историческом архиве МССР.

Для характеристики жизни молдавской деревни в начале XIX в. определенное значение имеют материалы фонда сенаторов (ф. 1), председательствовавших в Диванах, характеризующие состояние экономики края в начале XIX в., положение крестьян и их борьбу против феодально-крепостнического гнета.

Наибольший интерес представил фонд канцелярии бессарабского губернатора (ф. 2), содержащий многочисленные и разнообразные материалы, освещающие состояние сельского хозяйства, промышленности и торговли края, тяжелое положение крестьян, отказы отывать повинности помещикам, требования малоземельных крестьян о переселении на казенные земли, крестьянские волнения и т. д.

Несомненное значение имеют материалы фондов Бессарабской казенной палаты (ф. 134) и Бессарабской палаты государственных имуществ (ф. 122). Они позволили осветить положение государственных крестьян, колонистов, новороссийских казаков и других групп сельского населения Бессарабии, проследить изменения в жизни и экономике деревни государственных крестьян в период разложения феодально-крепостнических и формирования капиталистических отношений.

Нами использованы также материалы следующих фондов: бессарабского верховного совета (ф. 3), бессарабского областного временного комитета при наместнике (ф. 4), бессарабского областного правления (ф. 5), бессарабского губернского правления (ф. 6), бессарабского по крестьянским делам присутствия (ф. 8), бессарабского губернского по земским и городским делам присутствия (ф. 9), кишиневского уездного земского суда (ф. 12), канцелярии полномочного наместника Бессарабской области (ф. 17), бессарабского областного особого по земским повинностям присутствия (ф. 24), бессарабского областного уголовного суда (ф. 38), кишиневского окружного суда (ф. 39), кишиневско-оргееевского окружного суда (ф. 39), сорокско-яского окружного суда (ф. 41), оргеевского уездного суда (ф. 43), леовского уездного суда (ф. 44), ясского уездного суда (ф. 45), бессарабского областного предводителя дворянства (ф. 89), бессарабской палаты государственных имуществ (ф. 122), кишиневской уездной землеустроительной комиссии (ф. 128), бессарабской губернской землеустроительной комиссии (ф. 259), бендерского уездного суда (ф. 302), бессарабского губернского присутствия (ф. 392) и другие фонды.

Таковы источники использованных нами неопубликованных архивных материалов.

В нашем распоряжении имелся и ряд опубликованных документов. Среди них прежде всего следует назвать: Полное собрание законов Российской империи, изд. 1-е, 1830 г.; Полное собрание законов Российской империи, изд. 2-е, СПб., 1855 г. и Свод законов Российской империи, позволившие ознакомиться с законоположениями, касающимися царан, резешей, государственных крестьян и других категорий бессарабских крестьян.

Кроме того, были использованы «Экстракти переписи населения Бессарабии 1817 г.», изданные И. Халиппой в переводе с молдавского языка³, не отличающиеся, однако, ни точностью, ни объективностью, так как составлены уездными чиновниками под влиянием местных помещиков и бояр, заинтересованных в извращении данных.

Для анализа процесса развития социально-экономических отношений молдавской деревни представляет известный интерес сравнение экстрактов переписи 1817 г. со статистическим описанием юга Бессарабии, так называемого Буджака, составленным при гражданской съемке и размежевании земель этого района с 1822 по 1828 г.⁴ Эти статистические материалы содержат данные по трем уездам юга Бессарабии: Аккерманскому, Бендерскому, Измаильскому, именно по тем уездам, где больше всего было государственных крестьян. В них приведены ценные сведения хозяйственного и социально-экономического порядка.

Следующую группу печатных источников составили многочисленные описания Бессарабии русскими чиновниками, в разное время и с различными целями посещавшими этот край, а также общерусские статистические сборники, сборники бессарабского земства, различные доклады и отчеты губернских и центральных ведомств и др.

Пользуясь статистическими материалами, автор руководствовался ленинской оценкой правительственной статистики, которая велась «так плохо и так пристрастно, что доверять ей нельзя»⁵.

Несколько лучше было поставлено дело в земской статистике.

В. И. Ленин, вскрывая большие недостатки земской статистики, вместе с тем отмечал, что она дает громадный и детальнейший материал об экономическом положении крестьянства, но дает в такой форме, что эти исследования пропадают почти бесследно⁶.

В бессарабском губернском земстве статистика была поставлена плохо. Крупные бессарабские помещики, заправлявшие его делами, противодействовали сбору статистических сведений, опасаясь, что они вскроют картину бедственного положения крестьянских масс. Поэтому в Бессарабии только по Хотинскому уезду были собраны и частично обработаны статистические сведения, которые выходили за пределы правительственный сведений для оценки земель и на основании которых был составлен

использованный нами «Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду», вышедший в 1886 г. под редакцией К. Ермолинского.

Использованы также сборники документов: «Крестьянское движение в России в 1827—1869 гг.»⁷, «Кутузов в Дунайских княжествах»⁸ и др. В этих сборниках имеются материалы, характеризующие положение крестьян в Бессарабии и их борьбу против феодально-крепостнического строя.

* * *

Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. Значительное место во «Введении» занимает разбор литературы по исследуемой теме. Нами отмечены некоторые недостатки отдельных работ советских историков, касающихся истории крестьян Бессарабии за интересующий нас период.

Основное внимание удалено критике русской дворянской и буржуазной историографии, а также работ румынских буржуазных и буржуазно-националистических историков. Вскрывается их порочная методологическая, антинаучная направленность и тенденциозность в освещении ряда вопросов истории крестьян Бессарабии. Это необходимо было сделать не только в интересах полноты освещения вопроса, но и в связи с тем, что некоторые неверные положения буржуазных исследователей были распространены вплоть до последнего времени.

Выражая интересы помещиков и царизма, русские дворянские и буржуазные историки стремились исторически оправдать и «теоретически» обосновать реакционную политику царизма в Бессарабии. В работах этих историков ясно проявляется стремление отживающей надстройки сохранить старый базис, приспособливая его к новым условиям. В их работах содержатся рекомендации и помещикам по «рациональному» ведению своих хозяйств с тем, чтобы обеспечить максимальную эксплуатацию крестьян и природных богатств края.

Среди работ, написанных с позиций защиты интересов господствующих классов и реакционной политики царизма в крае, следует назвать работы П. Куницкого, Ф. Вигеля, Я. Сабурова, А. Накко, П. Батюшкова и др.

С тех же позиций в середине XIX в. в исторической литературе выступал и известный статистик и экономист А. Скальковский.

[...] Описывая состояние и развитие всех отраслей сельского хозяйства, он старается показать их прогресс в зависимости от всемерного развития и укрепления торговых связей с внутренним общерусским и внешним рынками, подробно освещает состояние образцовых помещичьих хозяйств и хозяйств болгарских колонистов, в большом количестве поставлявших на рынок хлеб, виноград и овощи. Будучи выразителем интересов дворянства,

Скальковский одобрял так называемый «Нормальный контракт 1846 г.», введенный в Бессарабии по требованию помещиков. Впрочем, зачастую он отмечает и тяжелое положение крестьян.

С точки зрения богатства собранного фактического материала по Бессарабии определенный интерес представляет работа А. Защук «Бессарабская область» (1862 г.). Выполняя задание военного министерства, А. Защук исследовал край главным образом с целью возможно более полного выявления природно-географических условий, экономических возможностей, людских ресурсов и отношения населения Бессарабии к царским порядкам.

Автор, однако, не мог выполнить своей основной задачи, не затрагивая проблем социально-экономического порядка: землевладения и землепользования, налоговой системы, правового и экономического положения различных категорий крестьян и других вопросов, определявших классовые взаимоотношения в крае накануне проведения крестьянской реформы. В освещении им некоторых вопросов истории Бессарабии обнаруживаются либеральные буржуазные взгляды автора. Собранный им большой фактический материал свидетельствует об обострении кризиса крепостнической системы и усилении классовой борьбы в деревне.

Защук характеризует тяжелое экономическое положение основной массы царан и резешей, культурную отсталость, бесприятие и объясняет все это существующей системой ведения хозяйства помещиками. Автор видит выход из создавшегося тяжелого положения царан в проведении крестьянской реформы в Бессарабии. «Надел царан землею в их собственность составляет существенную важность улучшения их быта»⁹. Будучи выразителем интересов подымающихся буржуазных элементов, А. Защук видит причину кризисного положения, застоя в сельском хозяйстве и тяжелого положения крестьян Бессарабии в отсутствии «свободного труда» и частной инициативы: «Здесь нужен сильный рычаг личного интереса, чтобы подвинуть дремлющие силы к деятельности»¹⁰, — пишет он.

Характерным для Защука, как и для других буржуазных историков-молдавоведов, является объективистский подход, стремление дать внешнее описание исторических фактов и явлений без попытки глубокого осмысливания, без должных теоретических выводов и обобщений. Приведенный им большой фактический материал свидетельствует о том, что усиление разложения феодально-крепостнических и складывание капиталистических отношений привели к кризису крепостной системы, который заставил царское правительство стать на путь крестьянской реформы. Однако А. Защук в своей работе этого вывода не делает, да и не мог сделать в середине XIX в. Вместе с тем, он обходит вопрос обострения классовой борьбы в

деревне, хотя 1858—1859 гг. были годами наиболее мощного крестьянского движения в Бессарабии.

В последней четверти XIX в. крестьянский вопрос в Бессарабии нашел некоторое отражение в литературе народнического направления. Так, следует упомянуть статьи Д. Д. Суручана «По поводу двадцатилетия реформы 14 июля 1868 года в Бессарабии» и «К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии». В этих работах автор описывает бедственное положение бессарабских царан, их зависимость от помещиков, их малоземелье, и, как результат всего этого, стремление царан к переселению. Однако, рассматривая царан как однородную массу, автор видит причину их обезземеливания и разорения в ошибках законодательства, в том, что «Нормальный контракт 1846 г.» и особенно «Положение 14 июля 1868 г.», введенные в Бессарабии, не предусматривали укрепления общинных форм владения землей, наоборот, «необдуманные (по его словам. — Ред.) статьи этих законов» допускали возможность разрушения общины, предоставив царанам наделы земли в подворное владение с правом отчуждения их в пользу своих односельчан.

Будучи сторонником общинного землевладения, которое якобы единственно могло создать условия «вечного обеспечения крестьян землей», Д. Суручан считал необходимым пересмотр «Положения 14 июля 1868 года» и изменение статей 36 и 40, предусматривавших наделение царан землей в подворное пользование с правом отчуждения своих наделов.

Д. Суручан, Н. Быховский и другие авторы-молдавоведы, находившиеся под влиянием народнических идей, не могли вскрыть подлинных причин экспроприации и разорения основной массы крестьян Бессарабии. Все они рассматривали крестьян как однородную массу, не замечая того, что в деревне происходило расслоение их, характерное для капиталистического общества.

Русские историки, близко стоявшие к народническому лагерю и отражавшие народнические взгляды в исторической литературе — В. Семевский, В. Постников, И. Игнатович и др., вскользь затрагивали и вопросы истории крестьян Бессарабии. Большое внимание в своих работах они уделяли рассмотрению вопросов о крестьянском законодательстве и о бедственном положении крестьян, но совершенно не ставили вопроса о разложении крепостнической системы, о развитии капиталистических отношений, о расслоении крепостной деревни.

Характерным для буржуазных историков, писавших после революции 1905—1907 гг., которая более четко определила размежевание классовых сил, является их стремление обойти, замолчать и даже исказить исторические факты и события, показывающие обострение классовой борьбы в деревне и в стране в целом.

Крестьянские волнения буржуазные историки пытались объяснить в духе официальных реляций самодержавия «подстрекательством неблагонамеренных лиц», «противозаконными внушениями», «ложными слухами», «буйством крестьян» и т. д. Борцов против феодального гнета, руководителей крестьянских выступлений, особенно народных мстителей-гайдуков, как и вообще всех крестьян, боровшихся против помещичьего и царского гнета, они презрительно именовали «разбойниками».

Критический обзор румынской буржуазной и буржуазно-националистической литературы по вопросам исследуемой темы показал, что крестьянский вопрос, по существу, впервые поднят в работах деятеля революции 1848 г. в Дунайских княжествах и революционера-демократа Н. Балческу и румынского буржуазного историка М. Когылничану.

Н. Балческу впервые в румынской исторической литературе выдвинул вопрос о роли народных масс в истории. Однако ему не удалось правильно разрешить эту проблему, так как основную роль в истории он все же отводил отдельным историческим личностям. Он впервые в румынской исторической литературе употребил слово «феодализм», показал, что феодальная система складывалась исторически, на протяжении веков и что крепостничество является следствием сложившейся системы барщины, рассматривал феодализм как систему эксплуатации крестьян боярами. Однако вместе с тем Н. Балческу не имел ясного представления о феодализме как о социально-экономической формации.

Последующие румынские буржуазные историки — Р. Росетти, А. Ксенопол, Н. Иорга, И. Филиitti и др., деятельность которых проходила в период империализма, отошли от правильных суждений Н. Балческу по вопросу об установлении феодально-крепостнических отношений в Молдавии и Валахии. Эти историки рассматривали крепостничество как явление политическое, которое было введено господарями Михаилом Храбрым (1593—1601 гг.) в Валахии и Василием Лупу (1634—1653 гг.) в Молдавии. Историки, специально занимавшиеся аграрным вопросом (Р. Росетти, И. Филиitti), хотя и собрали значительный конкретно-исторический материал, все внимание направили на то, чтобы найти рецепты для спасения боярских поместий, которым угрожали мощные крестьянские восстания конца XIX — начала XX в.

Румынские буржуазные историки (вплоть до установления в Румынии народно-демократической власти) рассматривали историю прежде всего как историю господарей и полководцев, не интересовались историей народных масс. Поэтому история крестьянства, их борьба против феодально-крепостнического гнета в трудах этих историков не нашла отражения.

Исходя из идеалистических позиций, румынские буржуазные историки не были в состоянии, да и не хотели подняться

до понимания объективных законов общественного исторического развития.

Проповедуя ненависть к русскому народу, они всячески стремились очернить его прогрессивную освободительную роль в истории балканских народов. Замалчивая и искажая общеизвестные факты о вековой дружбе молдавского народа с великим русским народом, сложившейся в упорной совместной борьбе против «своих» эксплуататоров и иноземных поработителей — турецких султанов, татарских ханов, польских магнатов и др., буржуазные националисты всячески пытались разжечь вражду между молдавским и русским народами.

Вопреки исторической правде националисты утверждали, что революционная борьба, способность к активному сопротивлению гнету и эксплуатации вообще не присущи крестьянам Молдавии, что крестьяне Молдавии — по своей природе «мирные», «покорные» и всегда якобы рассматривали бояр как своих покровителей.

Нами показано, что румынские буржуазные историки-националисты тщательно скрывали проявление классовой борьбы в деревне, а там, где размеры движения делали это невозможным, приводили выгодные для бояр и буржуазии объяснения. Идеализируя местных помещиков и жизнь их крестьян, они проповедовали «теорию» классового мира в молдавской деревне. По мнению этих историков, крестьяне Молдавии якобы проявляли активность в борьбе только против иностранных поработителей. Они всячески умаляли социальное содержание крестьянской борьбы. В этом отношении особенно отличался ярый националист З. Арбуре, пытавшийся, подтасовывая факты, доказать, что крестьяне Молдавии боролись не против местных бояр, а якобы только против русских, которые «своими уставами и положениями вводили в Бессарабии крепостничество».

Таким образом ясно, что русские и румынские дворянские и буржуазные историки в силу своей классовой ограниченности не только не способны были правильно осветить историю крестьянства, но и не помогли даже правильно поставить крестьянский вопрос.

В обзоре литературы рассматриваются также труды советских историков и экономистов по крестьянскому вопросу, в частности, автор подвергает пересмотру и некоторые свои положения, содержащиеся в ранее изданных работах.

* * *

Первая глава посвящена рассмотрению экономического развития Бессарабии в составе России в 1812—1861 гг., в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы и складывания в ее недрах новых, капиталистических форм про-

изводства. В этой главе автор показывает, что присоединение Бессарабии к России имело большое значение для экономического развития края. Став составной частью России, постепенно втягиваясь в общерусский рынок, Бессарабия получила более благоприятные условия для своего экономического развития, вследствие чего значительно был ускорен прогрессивный процесс разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических элементов.

В этой главе показано, что к моменту присоединения к России Бессарабия была сильно опустошенным и малонаселенным краем с весьма отсталой экономикой, с чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил, со слабыми экономическими связями с окружающими странами. Экономика страны и ее ведущая отрасль — сельское хозяйство — находились в упадке.

К началу XIX в. в Бессарабии обрабатывалось всего лишь 2,5% общей площади земель. В Бужаке, например, обширные поля превратились в степные пастбища, используемые [ногайскими татарами для выпаса скота].

Главными причинами экономического упадка края были: длительное господство султанской Турции, находившейся «на самой низкой и варварской стадии феодализма»¹¹, жестокое феодальное угнетение крестьянства турками, фанариотами и местными феодалами, а также многочисленные разорительные войны, происходившие на этой территории.

Турецкая грабительская политика в Молдавии, как и в других покоренных Турцией странах, сковывала развитие производительных сил и препятствовала возникновению новых производственных отношений. «Присутствие турок в Европе, — писал К. Маркс, — представляет собою серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-иллирийского полуострова»¹².

На конкретном историческом материале показано, что после присоединения к России, в результате условий более благоприятных, чем при турецком господстве, Бессарабия стала на путь относительно быстрого экономического развития. Тесные экономические связи с центральной Россией и через Одесский порт с заграницей способствовали развитию производительных сил края, ускоряли процесс разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических элементов, втягивали Бессарабию в систему мировой капиталистической экономики, что объективно являлось прогрессивным фактором.

Устранение угрозы турецко-татарских нашествий, наличие обширных необрабатываемых плодородных земель и льготные условия заселения привлекли в Бессарабию многочисленных переселенцев из внутренних губерний России и из-за границы. В результате почти за 50 лет (с 1812 по 1861 г.)¹³ население

Бессарабии увеличилось с 240 тыс. до 1 млн., то есть в четыре раза (население феодально-крепостнической России за 60 лет — с 1800 по 1860 г. — увеличилось лишь в два раза).

На протяжении всей первой половины XIX в. в крае быстро развиваются сельское хозяйство и торговля, зарождается ремесленно-мануфактурное производство, расширяются посевные площади, увеличивается сельскохозяйственное производство вообще и товарность его, в частности. Валовой среднегодовой сбор зерна в Бессарабии за период с 1835 по 1845 г. составлял 1.274.500 четвертей, то есть по 1,8 четверти (за вычетом семян) на душу, а за период с 1860 по 1869 г. среднегодовой сбор составлял 2.872.300 четвертей, или по 3,4 четверти на душу населения. За указанный период количество собираемого хлеба на душу населения увеличилось почти в два раза, что свидетельствует о быстром росте товарного производства.

Если в 30-х гг. XIX в. из Бессарабии ежегодно вывозилось примерно 300 тыс. четвертей хлеба, то в 60-х гг. — 970 тыс. четвертей. [Основная часть] хлеба, поступавшего в продажу, производилась в помещичьих хозяйствах. Значительную долю поставляли колонисты. Крестьянский хлеб поступал в продажу в небольшом количестве.

Развитие товарного зернового хозяйства подрывало устои феодально-крепостнической системы, вносило коренные изменения как в помещичье, так и в крестьянское хозяйство. «Производство хлеба помещиками на продажу, — писал В. И. Ленин, — особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима»¹³.

Таким образом, после присоединения к России Бессарабии здесь быстро развивается и распространяется на малонаселенный колонизуемый юг земледелие, структура посевов обогащается улучшенными сортами злаковых и технических культур, пшеница становится главным предметом экспорта. В первые десятилетия, особенно на малонаселенном юге, быстро развивалось и скотоводство, составлявшее с незапамятных времен одно из основных занятий местных жителей. Однако в дальнейшем, по мере роста народонаселения, развития товарного зернового хозяйства, связанного с распашкой степных пространств, зерновое хозяйство стало вытеснять скотоводство. К 1861 г. скотоводство еще играло важную роль в экономике края, но уже уступило первое место земледелию.

Параллельно с товарным зерновым хозяйством развивались садоводство, виноградарство и виноделие, а также овощеводство и табаководство.

Сельское хозяйство Бессарабии неуклонно развивалось по линии экономической специализации отдельных районов, по линии развития товарного производства.

Развитие товарного земледелия неизбежно сопровождалось переходом от переложной к трехпольной системе, улучшением обработки земли.

Отсталая техника уже не могла больше удовлетворять растущих требований товарного сельскохозяйственного производства. Необходимость значительного расширения посевных площадей в южных уездах Бессарабии, где плотность населения была небольшой и вследствие чего остро ощущался недостаток рабочей силы, стимулировала усовершенствование сельскохозяйственной техники, введение машин. Так, в хозяйствах немецких и болгарских колонистов, а также в помещичьих имениях, преимущественно в Хотинском и Сорокском уездах, стали быстро распространяться усовершенствованные плуги, косилки, жатки, молотилки, веялки и другие машины. Но феодальные производственные отношения, основанные на даровом труде царан, были большим тормозом на пути усовершенствования и внедрения новой техники.

Чтобы увеличить производительность своих хозяйств, некоторые помещики, как и богатые колонисты, в 50-х гг. начали широко применять наемный труд, как более рентабельный, чем даровой труд царан, то есть элементы капиталистической организации сельского хозяйства в Бессарабии появились до крестьянской реформы.

Однако применение некоторыми помещиками вольнонаемного труда и более совершенной сельскохозяйственной техники находилось в противоречии с господствующими феодально-крепостническими отношениями, с барщинной системой хозяйства, поэтому не могло получить широкого распространения и оказать существенное влияние на экономику помещичьего хозяйства. В целом по краю на протяжении всей первой половины XIX в. еще господствовала феодально-крепостническая система со всеми присущими ей чертами.

Промышленность Бессарабии в первой половине XIX в. была развита слабо и в основном базировалась на переработке сельскохозяйственных продуктов.

Наряду с помещичьими предприятиями создавались и сравнительно быстро развивались купеческие и крестьянские мануфактурные предприятия, основанные на наемном труде.

В 50-х гг. в Бессарабии появляются паровые мельницы (в 1858 г. их было 28), что свидетельствует о развитии капиталистической промышленности, ибо, как указывает В. И. Ленин, «паровые мельницы — характерный спутник эпохи крупной машинной индустрии»¹⁴. Все это свидетельствует о том, что в Бессарабии, как и в других губерниях России, в первой половине XIX в. в недрах феодально-крепостнического строя развивались новые капиталистические формы производства.

После присоединения Бессарабии к России и включения ее в состав общерусского рынка, внутренняя и внешняя торговля

края на протяжении всей первой половины XIX в. развивалась довольно быстро. Этому способствовала близость западных гра- ниц и черноморских портов, прежде всего Одессы, а также соб- ственных портов Измаила, Аккермана, Рени и Килии, через которые продукты земледелия и скотоводства Бессарабии выво- зились за границу. Развитию торговли благоприятствовала и поощрительная политика русского правительства, ограждавшая бессарабский рынок от внешней конкуренции в интересах мест- ного купечества.

* * *

Во второй главе рассматривается один из важнейших воп-росов данного исследования — усиление феодальной эксплуата-ции крестьян Бессарабии в первой половине XIX в. в условиях развития товарного производства. В этой главе прослеживается формирование основных категорий крестьян Бессарабии (царан, резешей и государственных крестьян) и особое внимание уделяется изучению изменений, происходящих в положении этих категорий крестьян как непосредственного следствия разложе-ния феодально-крепостнической системы и зарождения капита-лизма.

До реформы 1861 г. земля Бессарабии была сосредоточена, главным образом, в руках помещиков и монастырей. На протя-жении всей первой половины XIX в. помещичье и монастыр-ское землевладение увеличилось за счет захвата резешских зе-мель и щедрых дарений земельных угодий царским правите-льством. По данным экстрактов переписи землевладения и сословного строя в Бессарабии в 1817 г. помещикам и монасты-рям принадлежало 68% всей площади удобной земли в уездах, где была проведена перепись. В 1861 г. молдавские дворянство и духовенство, составлявшие 3,3% сельского населения, имели в своем владении около 72% всей удобной земли области, в их поместьях проживало более 62% крестьян и они занимали в этом отношении первое место в европейской части России (на Украине соответственно 70 и 60%).

Юг Бессарабии (Бендерский, Аккерманский и Измаильский уезды), на долю которого приходилось около 45% территории и 30% населения, значительно отличался от остальной ее части. Населенный колонистами и государственными крестьянами, этот район после присоединения Бессарабии к России стал разви-ваться по капиталистическому пути еще до крестьянской рефор-мы. Помещики и богатые колонисты, занимаясь промышленным овцеводством и производством пшеницы для продажи, приме-няли в своих хозяйствах наемный труд и более усовершенство-ванные сельскохозяйственные орудия труда и машины.

Крестьянство Бессарабии, как и крестьянство России в це-

лом, в дореформенный период было раздроблено на многочисленные категории и разряды и подвергалось жестокой эксплуатации со стороны помещиков.

В юридическом и экономическом положении крестьян Бессарабии были свои особенности. Цараны — основная масса бессарабских крестьян (60%), в отличие от крепостных крестьян России, юридически считались лично свободными, но фактически также находились в феодальной зависимости от помещиков и монастырей. Резеши (13%) в большинстве случаев владели собственными землями. Государственные крестьяне и колонисты Бессарабии (свыше 25%) были обеспечены землей лучше, чем остальные категории крестьян и чем государственные крестьяне остальной части России.

Приспособление помещичьего хозяйства к условиям капиталистического производства сопровождалось уменьшением царанских наделов и массовым обезземеливанием резешей. Процесс обезземеливания крестьян особенно усилился накануне крестьянской реформы, так как помещики всеми мерами стремились изгнать со своей земли возможно больше царан с тем, чтобы в результате реформы сохранить в своем владении больше земли. Этот факт вынуждены были признать даже царские сановники. В начале XIX в. в пользовании царан было около 80% всей помещичьей земли, в 1861 г. — не более 65%, а в некоторых уездах Бессарабии царанская запашка стала еще меньше. В наиболее густо заселенных северных уездах Бессарабии царанский надел сократился почти наполовину, феодальные же повинности на десятину надельной земли увеличились больше, чем на одну треть.

Эксплуатация царан к середине XIX в. усиливается, особенно в Запрутской Молдавии, остававшейся под турецким владычеством, что и явилось одной из причин перехода большого числа царан этой части Молдавии на территорию Бессарабии.

Бессарабские крестьяне — цараны, имевшие ограниченное право перехода, не владели земельной собственностью и наделялись помещиками землей только в пользование, что и обеспечивало помещика рабочей силой. «Наделы служат прежде всего, — пишет В. И. Ленин, — для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти «нужды» не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность»¹⁵. За пользование наделом цараны обязаны были отрабатывать барщину от 12 до 28 урочных дней (урочный день равнялся нескольким календарным дням), платить «дижму» (десятину) и выполнять многочисленные другие повинности. Накануне царанской реформы 1868 г. на барщине находилось 68,8% царан, на денежном оброке — 14% и на смешанных повинностях — 17,2%. Анализ феодальных повинностей царан свидетельствует об их возрас-

нии в условиях товарного производства в первой половине XIX в.

В соответствии с указом господаря Мурузи (1805 г.) надел царан в зависимости от количества рабочего скота был установлен в размере 8—27 десятин на двор, а сумма всех повинностей составляла 56 рабочих дней. По «Нормальному контракту 1846 г.» надел царан на двор был уменьшен до 4—13,5 десятины, а сумма всех повинностей — до 52 дней, то есть относительно увеличилась.

По данным бессарабского областного предводителя дворянства, явно преуменьшенным, царанский двор, владевший 3 фальчами земли (3,9 десятины), затрачивал в пользу помещика натуральный труд, выраженный в деньгах в сумме 20 руб. серебром. Если перевести 20 руб. серебром в рабочие дни (стоимость одного рабочего дня в Бессарабии в 40-х гг. XIX в. равнялась 25 коп.), то это составит 80 простых рабочих дней. Крепостные же крестьяне на Украине и в других районах России при трехдневной барщине отбывали значительно больше 170 дней. Следовательно, степень эксплуатации молдавских царан была ниже степени эксплуатации крестьян.

Резеши по экономическому и правовому положению делились на три группы — собственно резеши, резеши-пармаки и резеши-цараны.

Основной формой феодальной эксплуатации крестьян-резешей, посёленных на собственных землях, было взимание с них государством податей и повинностей. Резеши-цараны (так назывались безземельные, проживавшие на частновладельческих землях) и в значительной массе резеши-пармаки (резеши, владевшие мизерными участками на началах общинного права и пользовавшиеся также помещичьей землей) отбывали, кроме того, феодальные повинности. С развитием товарного производства и усилением наступления помещиков и монастырей на [резешское землевладение] резеши в значительной своей массе экспроприируются, обезземеливаются, их хозяйство разоряется и все большее число их переходит на положение царан. За полвека к 1861 г. было обезземлено и фактически перешло на положение царан 34,3% общего количества резешей.

Наряду с этим усиливается и внутренний процесс распада резешской общины. Ко времени проведения крестьянской реформы для резешей (1875 г.) в их среде постепенно складывались новые социальные прослойки, характерные для буржуазной деревни: кулаки, середняки, бедняки и батраки.

Государственные крестьяне, оформившиеся в самостоятельную феодально-зависимую от государства социальную категорию, после присоединения Бессарабии к России вместе с колонистами и новороссийскими казаками составляли в 1861 г. свыше 25% населения и производили около одной трети всех сельскохозяйственных продуктов края. Аграрный строй, формы

землепользования и административное управление государственных крестьян Бессарабии были сходны с соответствующим положением государственных крестьян тех западных губерний России, которые долгое время находились в так называемом «хозяйственном положении» и где крестьяне отбывали натуральные повинности арендаторам казенных имений.

Общественно-политическое и экономическое положение государственных крестьян Бессарабии, как и государственных крестьян России в целом, было тяжелым. Но оно было лучше положения частновладельческих крестьян-царан. Факт существования разряда государственных крестьян способствовал появлению своеобразной формы классовой борьбы в дoreформенной бессарабской деревне, выражавшейся в том, что цараны боролись за причисление их к казенному ведомству и поселение их на государственных землях. Находясь в несколько лучшем материальном положении, государственные крестьяне скорее и легче вовлекались в торгово-промышленную деятельность, способствуя тем самым процессу разложения натурального хозяйства и развитию капиталистических отношений. Действительно, в 40—50 гг. XIX в. в бессарабской государственной деревне уже отмечался процесс социального расслоения крестьянства.

Реформа Н. Д. Киселева не улучшила положения основной массы государственных крестьян. Имея своей главной целью обеспечение [исправного несения] государственными крестьянами государственных повинностей, она способствовала развитию капиталистических отношений в государственной деревне. В. И. Ленин, характеризуя государственных крестьян как «многоземельных», берет это слово в кавычки, потому что ...«многоземельными» наши бывшие государственные крестьяне являются, разумеется, лишь по сравнению с бывшими помещичьими»¹⁶. В действительности основная масса государственных крестьян была необеспеченной в материальном отношении, что подтверждается и данными о положении государственных крестьян Бессарабии.

Таким образом, в первой половине XIX в. в жизни всех разрядов крестьян Бессарабии, как и России в целом, произошли глубокие социально-экономические изменения, явившиеся результатом разложения феодально-крепостнической системы и развития в ее недрах капиталистических форм производства.

* * *

В третьей главе рассматривается борьба крестьян Бессарабии в первой половине XIX в. против феодально-крепостнического гнета. Эта борьба, являвшаяся выражением разложения и кризиса феодально-крепостнической системы, рассматривается в общей связи с антикрепостнической борьбой крестьян Украи-

ны и России. Здесь же вскрывается реакционная аграрная политика царизма в крае.

Напряженная обстановка в деревне вынуждала царское правительство заниматься аграрным вопросом в Бессарабии. Однако своей аграрной политикой царизм стремился создать лишь видимость заботы о царанах. В действительности же он строго охранял интересы помещиков. Таков смысл введения в Бессарабии «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.»

Введение в Бессарабии указанных законоположений явилось частью аграрной политики царизма в России в 30—40 гг. XIX в. в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Царское правительство в интересах сохранения старого строя делало попытки разрешить крестьянский вопрос путем незначительных реформ при сохранении основы феодально-крепостнической системы — феодальной собственности на землю. Такую цель, как известно, ставили перед собой секретные комитеты 1835 и 1839 гг. Секретный комитет 1839 г., например, обсудил проект о возможности введения добровольных соглашений между помещиками и крестьянами по вопросу определения размеров крестьянских наделов и повинностей. Эти принципы были положены в основу «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.»

Для России этот проект в целом не был принят, так как встретил резкое сопротивление со стороны ярых крепостников-помещиков. Из этих же принципов исходил и изданный в 1842 г. указ об «обязанных крестьянах», представлявший помещикам право заключать с крестьянами договоры о наделении их землей в пользование и о крестьянских повинностях с сохранением полного права вотчинной собственности помещика на землю, вотчинной полиции и суда. В 1847—1848 гг. были введены «Инвентарные правила» на Украине, которые по своему основному содержанию сходны с «Положением о царанах 1834 г.» и «Нормальным контрактом 1846 г.», введенными в Бессарабии.

«Положение 1834 г.», ярко отражавшее крепостнические тенденции бессарабских помещиков, по сути ничего в положении крестьян не меняло. Крестьянам предлагалось заключать письменные (до 1834 г. существовали только устные условия, которые легче было расторгнуть) «добровольные соглашения» об условиях пользования помещичьей землей и отбывания феодальных повинностей. Но «Положение 1834 г.» не оправдало надежды правительства и помещиков. В условиях усилившегося кризиса крепостной системы при сохранении в основном старых методов ведения хозяйства «Положение» не обеспечивало хозяйства помещиков максимумом даровой рабочей силы. Цараны выступали против введения нового «Положения». Попытки помещиков и царских властей ввести его в принудитель-

ном порядке и навязать царанам кабальные условия пользования помещичьей землей привели к массовым крестьянским волнениям. Многочисленные случаи волнений царан заставили правительство предпринять новую попытку урегулировать аграрный вопрос, имея в виду при этом опять не улучшение положения крестьян, а обеспечение помещиков в условиях роста товарного производства даровой силой царан. С этой целью и издан был в 1846 г. так называемый «Нормальный контракт».

«Нормальный контракт» так же, как и «Положение 1834 г.» предлагал царанам заключать «добровольные» соглашения с помещиками на пользование землей и несение повинностей. В тех случаях, когда стороны не приходили к соглашению, помещики должны были наделять крестьян землей, а крестьяне были обязаны отбывать помещикам повинности согласно положениям «Нормального контракта».

Как указывалось выше, «Нормальный контракт» устанавливал для царан меньшие наделы, а повинности в большем размере, по сравнению с действовавшими до этого обычными нормами.

Таким образом, в 40-х гг. наблюдается рост феодальных повинностей царан, усиление их эксплуатации. О «Нормальном контракте 1846 г.» можно сказать то же, что было сказано Марксом в отношении «Органического регламента», а именно, что он является «...положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом»¹⁷.

Ответом на явно крепостнические тенденции помещиков Бессарабии, выраженные в «Нормальном контракте», явилось усиление борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета.

Борьба бессарабских крестьян против феодально-крепостнического гнета в первой половине XIX в. была частью крестьянской борьбы многонациональной России. [...]

Крестьянское движение в Бессарабии в основном проявлялось в тех же формах, что и крестьянское движение России в целом: подача жалоб и прошений в различные инстанции царской администрации с протестом против помещичьего произвола и насилий; массовое движение за переселение с помещичьих вотчин на казенные земли и в города; побеги крестьян из помещичьих имений, самовольные порубки леса, потрава и поджоги помещичьих хлебов; поджоги имений; избиение и убийства помещиков, их управителей и слуг; захват помещичьих земель; отказ от выполнения барщинных и натуральных повинностей и, наконец, открытые волнения и движение гайдуков, как своеобразная форма активной классовой борьбы крестьян Бессарабии против феодально-крепостнического гнета.

Нами исследованы и все указанные формы крестьянского движения Бессарабии.

Архивные документы свидетельствуют, что борьба крестьян в Бессарабии, как и в других частях России, против феодально-крепостнического гнета в рассматриваемый период непрерывно нарастала. По далеко не полным данным со времени присоединения Бессарабии к России (1812 г.) и до введения «Положения о царанах» (1833 г.), то есть почти за 20 лет, крестьянскими волнениями было охвачено 13 сел, за 11 лет (с 1834 по 1845 г.) — 39 сел и за 11 лет до реформы (с 1851 по 1860 г.) крестьянские волнения имели место в 37 селах.

Крестьян — участников волнения подвергали самым суровым наказаниям. Однако помещикам и царским властям не удалось подавить борьбу бессарабских крестьян. Она особенно усилилась в конце 50-х и начале 60-х гг. XIX в., в период революционной ситуации, сложившейся к тому времени в России.

Массовые крестьянские волнения в дореформенный период, несмотря на их стихийность, разрозненность и локальность, расшатывали и ослабляли феодально-крепостническую систему. Наличие их наглядно опровергало лживые утверждения румынских буржуазных историков-националистов о том, что якобы молдавские крестьяне, мирные по своей природе, никогда не поднимались против молдавских помещиков, считая их своими покровителями, а выступали якобы только против русских. Факты показывают, что молдавские крестьяне боролись против всех эксплуататоров независимо от их национальности, причем, в этой борьбе всегда проявлялась классовая солидарность молдавских, украинских и русских крестьян.

Борьба крестьян Бессарабии, как и всей России, была буржуазно-демократической по своему социальному значению. Объективным содержанием крестьянского движения накануне реформы была борьба крестьян не только за действительную свободу, но и за землю, в конечном счете за ликвидацию помещичьего землевладения.

Однако темные и забитые крестьяне Бессарабии, как и всей России, вели неорганизованную борьбу, выражавшуюся в форме разрозненных стихийных «бунтов». Среди бессарабских крестьян, также как и среди крестьян других районов России, были сильны «царистские» настроения. В своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта» К. Маркс вскрыл и научно обосновал причины, породившие наивный крестьянский монархизм. Он указал, что они кроются во всем строе крестьянской жизни¹⁸.

«Крестьяне, — как указывал В. И. Ленин, — не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»¹⁹.

Крестьянское движение в Бессарабии в первой половине XIX в. явилось частью мощной общерусской крестьянской

борьбы, которая и явилась одной из главных причин, заставивших царское самодержавие отменить крепостное право. Следовательно, крестьянство было, как правильно подчеркивает Н. М. Дружинин, той общественной силой, которая своей борьбой способствовала ликвидации отжившего социально-экономического строя и восстановлению нарушенного соответствия между развитием производительных сил и господствующими производственными отношениями²⁰.

* * *

Четвертая и пятая главы посвящены рассмотрению содержания, характера и особенностей крестьянской реформы 1861—1875 гг. в Бессарабии, способствовавшей победе капитализма в деревне, ускорению процесса расслоения крестьянства, стиранию граней между различными разрядами крестьян, сложившимися при феодализме, и возникновению новых социальных прослоек в деревне, присущих капиталистическому обществу и классовой борьбе в деревне как ответу крестьян на реформу.

Крестьянская реформа в Бессарабии, проведенная не одновременно для разных категорий крестьян (с 1861 по 1875 г.) исходила из основных начал «Положения 19 февраля 1861 г.» Однако применение этого Положения здесь имело ряд существенных особенностей.

В соответствии с «Правилами о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области», распространенным на крепостных цыган в 1861 г. и явившимся начальным этапом проведения крестьянской реформы в Бессарабии, крепостные здесь, в отличие от крепостных крестьян других губерний России, не наделялись землей на началах выкупа. Они лишь переводились на положение царапан. За пользование поместьчей землей они по-прежнему обязаны были отрабатывать барщину и отбывать другие повинности помещикам, от которых освободились лишь в 1868 г. вместе со всеми царапанами.

«Положение 14 июля 1868 г.», распространенное на основную массу бессарабских крестьян-царапан, в отличие от «Положения 19 февраля 1861 г.»:

а) не касалось вопроса личной зависимости, так как царапаны юридически считались лично свободными. «Положение» рассматривало только вопросы их поземельного и общественного устройства;

б) земля предоставлялась царапанам не в общинное, а в посемейное наследственное пользование;

в) право на получение надела земли предоставлялось не только крестьянам, приписанным к помещичьим имениям по ревизии, но и лицам, перешедшим в мещанско-сословие, однако продолжавшим жить на помещичьей земле;

г) цараны, юридически имевшие право перехода и ранее, сохраняли это право и могли отказаться от своего надела и переходить на другие земли;

д) в сравнении с центрально-черноземными губерниями России, а также с Запрутской Молдавией, размер надела в Бессарабии был установлен несколько больший, а именно: в среднем на ревизскую душу в Бессарабии — 2,8 десятины, а в центрально-черноземных губерниях (Воронежской, Тамбовской, Курской, Пензенской) — от 1,5 до 2,5 десятины;

с) отрезки от царанских наделов, если они превышали высшую норму надела, возвращались не помещику, а поступали в пользование всего царанского общества для наделения новых семейств; по «Положению 14 июля» новые семьи царан, возникшие в течение 5 лет после введения уставных грамот, имели право требовать дополнительных наделов;

ж) уставные грамоты вводились не одновременно во всех имениях, а по окончании срока договоров, заключенных царанами с помещиками ранее на основании «Нормального контракта 1846 г.» Поэтому введение здесь уставных грамот приняло затяжной характер;

з) по «Положению 14 июля» наделы распределялись не по ревизским душам, а по семействам; на надел имели право и совершеннолетние одинокие бурлаки²¹. Дети крестьян, которые ко времени введения уставных грамот достигли совершеннолетия, также могли получить надел. Таковы основные отличия «Положения 14 июля» от «Положения 19 февраля».

23 декабря 1869 г. были введены «Правила» о поземельном и административном устройстве государственных крестьян Бессарабии. Согласно этим «Правилам», государственным крестьянам передавалась вся земля, находившаяся к этому моменту в их пользовании.

Более того, они получили право выкупа этой земли без ограничения сроков. В среднем на ревизскую душу государственные крестьяне получали по 7,9 десятины, или по 19 десятин на семью. За полученный надел государственные крестьяне платили оброчную подать по 46 коп. с десятины, или по 3 руб. 63 коп. с душевого надела, тогда как цараны платили по 1 руб. 78 коп. с десятины, или по 5 руб. 16 коп. выкупных платежей с душевого надела.

Основной особенностью реформы для государственных крестьян Бессарабии явилось предоставление им права распоряжаться надельной общинной землей, что, по существу, уничтожило прежде существовавшее у государственных крестьян общинное землепользование.

Согласно «Правилам 14 июня 1871 г.» было проведено поземельное и общественное устройство колонистов. Последние получили земельный надел больше (по 10,9 дес. на ревизскую

душу), чем государственные крестьяне, выкупные платежи для них были установлены ниже.

На еще более льготных условиях было осуществлено поземельное устройство бывших новороссийских казаков. В 1868 г. казаки получили всю землю, находившуюся в их пользовании, без выкупа.

4 февраля 1875 г. были изданы дополнительные правила о поземельном и общественном устройстве царан, водворенных в мелкопоместных резешских имениях. Согласно этим правилам, цараны-резеши при наделении их землей оказались в наихудшем положении. Они получили от 3,3 до 8 десятин на семью (в зависимости от размеров имения), в среднем меньше, чем получили цараны по «Положению 14 июля» за выкупные платежи на тех же условиях.

Государственные крестьяне, колонисты, новороссийские казаки, как и цараны, были подчинены общекрестьянским учреждениям. Этим ликвидировалась пестрота сословного состава молдавской деревни, сложившегося в период феодализма.

В результате крестьянской реформы крестьяне Бессарабии оказались в несколько лучшем положении, чем крестьяне других губерний России. Это объясняется стремлением русского царизма укрепить свои позиции в Бессарабии, превратить ее в надежный плацдарм для усиления своего влияния на Балканах, вызвать симпатию к России у населения балканских стран.

Несмотря на эти незначительные отступления, крестьянская реформа в Бессарабии по своему существу была почти такой же грабительской, как и реформа 1861 г. в России. Помещики здесь сохранили в своих руках большую часть земли.

Благодаря различным ухищрениям помещиков и чиновников, земельные наделы царан оказались намного меньше, чем это предусматривалось «Положением 14 июля 1868 г.». Например, в Хотинском уезде семейный надел, вместо 6 — 8 десятин по «Положению», во многих селениях был сокращен до 0,9 десятины.

К 1875 г. у бывших царан находилось в пользовании в среднем по 2,9 десятины на ревизскую душу. Денежные повинности за пользование землей, а также и оценка ее для выкупа, были значительно выше существовавших арендных и продажных цен. Так, в 60-х гг. средняя цена на землю равнялась 22 руб. за десятину, по выкупу же стоимость одной десятины обходилась не менее 50 руб. Если учесть, что по «Положению 14 июля 1868 г.» царанам было отведено 581 тыс. десятин земли, то, следовательно, рыночная стоимость этой земли составляла около 13 млн. руб., а оценили ее в 29,3 млн. руб. Цараны должны были переплатить помещикам около 16,3 млн. руб. Эта была компенсация помещикам за потерю ими бесплатного крестьянского труда. Фактически крестьяне заплатили значительно больше. Одни лишь ежегодные оброчные платежи составляли

около 1,3 млн. руб. В течение 20 лет, до введения обязательного выкупа в 1888 г., помещики получили с царем свыше 24,5 млн. руб. оброчных платежей.

По этому поводу В. И. Ленин писал: «Крестьян „освобождели“ в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители“ так повели дело, что крестьяне вышли „на свободу“ ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»²².

В период проведения крестьянской реформы в ответ на ее грабительский характер волна крестьянского движения в Бессарабии значительно усилилась. Крестьяне боролись за получение всей земли, по крайней мере находившейся в их пользовании, и без всякого выкупа. Наиболее упорный характер принял борьба крестьян в 1869—1872 гг. — в период введения уставных грамот, когда крестьяне на практике убедились, что надежды на получение земли без выкупа не оправдались.

За период с 1861 по 1872 г. волнениями было охвачено 122 села. Причем, в 63 из них возмущение крестьян было подавлено войсками.

Наибольшее количество крестьянских волнений падает на северную часть Бессарабии — Хотинский и Сорокский уезды, где земли были лучшего качества, и помещики, поэтому, больше всего урезали крестьянские наделы и особенно повышали выкупные и оброчные платежи.

Стихийные и неорганизованные крестьянские волнения в Бессарабии жестоко подавлялись, но все же они заставили помещиков Бессарабии поспешить с введением уставных грамот, с переходом крестьян с барщиной на денежную повинность и на обязательный выкуп.

Реформа в Бессарабии не ликвидировала многих феодальных пережитков в деревне, пользуясь которыми, помещики еще долгое время держали крестьян в экономической кабале. Несмотря на это, крестьянская реформа и здесь, как и в других частях Российской империи, явилась решающим этапом в истории края.

Крестьянская реформа в Бессарабии была не менее крепостнической, чем в центральных губерниях России. Однако, несмотря на это, в силу ряда особенностей (отсутствие общинного владения землей у основной массы крестьян-царан, право передачи земли в другие руки и т. д.) «Положение 14 июля 1868 г.» создавало несколько более благоприятные условия для развития капитализма в бессарабской деревне, нежели «Положение 19 февраля 1861 года».

Вместе с получением «свободы» значительная часть крестьян была освобождена и от средств производства, от земли, а основным условием превращения товарного производства в капиталистическое является превращение рабочей силы в товар

в результате лишения производителей средств производства. «Процесс, создающий капиталистическое отношение, — пишет К. Маркс, — не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и средства жизни в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наемных рабочих»²³.

Несмотря на сохранение некоторых пережитков феодально-крепостнической системы — помещичьего землевладения и отработок в разных формах, перевод крестьян на выкуп привел, по существу, к ликвидации феодальных производственных отношений. Следовательно, реформа подготовила условия для победы новых производственных отношений, что привело к установлению относительного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

В пореформенный период в новых условиях победившего капитализма крестьянство России в целом продолжало под руководством своего могучего союзника и гегемона — революционного рабочего класса — борьбу против остатков феодальной и новых форм капиталистической эксплуатации.

Союз рабочего класса и многомиллионного крестьянства под руководством Коммунистической партии в период Великой Октябрьской социалистической революции обеспечил победу революции, свержение всех эксплуататорских классов и установление диктатуры пролетариата, вместе с тем он обеспечил осуществление требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

В результате проведенных исследований автор пришел к следующим основным выводам:

1. Разложение феодально-крепостнических отношений в бессарабской деревне вообще и в южнобессарабской в особенности происходило быстрее, нежели в остальных губерниях России, что было вызвано:

а) включением Бессарабии в общерусский рынок, обеспечившим расширение сбыта сельскохозяйственной продукции, поставку машин и другого сельскохозяйственного инвентаря;

б) возрастающим спросом на сельскохозяйственные продукты Бессарабии на внешних рынках, стимулировавшим производство сельскохозяйственных продуктов;

в) [переселенческой] политикой царизма, способствовавшей образованию на территории Бессарабии крупных помещичьих хозяйств и насаждению большого количества колонистов-переселенцев.

Все это привело к тому, что в Бессарабии вообще, в ее южных уездах в особенности, задолго до крестьянской реформы отмечалось:

а) своеобразное переплетение путей развития капитализма в сельском хозяйстве в условиях еще не ликвидированного феодального способа производства;

б) специализация различных районов края по производству сельскохозяйственных продуктов (зерна, винограда, плодов, технических культур и т. д.) и превращение его, по определению В. И. Ленина, в район товарного земледелия;

в) сравнительно широкое применение наемной рабочей силы.

2. Процесс разложения феодально-крепостнических и зарождения капиталистических отношений определил коренные изменения в социальном составе сельского населения. Присущие феодализму пестрые сословные прослойки населения бессарабской деревни заменяются постепенно социальными категориями, присущими капиталистическому способу производства.

Процесс капиталистического расслоения бессарабского крестьянства, органически связанный со способом производства материальных благ, происходил в первой половине XIX в. быстрее, нежели в остальных частях Российской империи (поляризация резешей и государственных крестьян и др. явления).

3. Особенности, характер и сущность пассивных и активных форм классовой борьбы молдавского крестьянства, выступавшего совместно с русскими и украинскими крестьянами против общего социального врага, с очевидностью свидетельствуют о том, что:

а) стихийное, неорганизованное крестьянское движение расшатывало устои феодализма в Бессарабии, не приводя к его ликвидации;

б) возрастающая мощь классовой борьбы крестьянства вынудила правительство крепостников предпринять шаги к проведению некоторых реформ сверху.

4. Несмотря на то, что в Бессарабии процесс разложения феодально-крепостнических и зарождения капиталистических отношений происходил быстрее, нежели в других губерниях России, все же нарушение закона о соответствии производственных отношений уровню развития производительных сил с каждым годом становилось все более очевидным. [Это] и принудило царское правительство встать на путь некоторых реформ, чтобы избежать революционных смен.

Крестьянская реформа в Бессарабии, отличавшаяся рядом особенностей по сравнению с общерусской, вызванная более высоким уровнем капиталистических отношений, в определенной мере восстановила нарушенное соответствие производственных отношений уровню развития производительных сил, чем и способствовала дальнейшему развитию капитализма в Бессарабии. Наряду с этим реформа, проводимая крепостническим государством в интересах помещиков-крепостников, сохранила большое количество феодальных пережитков, что породило новую

мощную волну классовой борьбы бессарабского крестьянства, высшим проявлением которой в последующий период истории явилось участие крестьянства Молдавии под руководством российского пролетариата в трех русских революциях.

* * *

Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. знаменовало собой переломный момент в жизни ее народов, в результате которого они навсегда связали свою судьбу с судьбой дружественного им русского народа. Несмотря на установление в Бессарабии, как и на других окраинах, реакционного режима, все же присоединение ее к России явилось прогрессивным фактом. Народы Бессарабии приобщились к России — государству, которое в экономическом, политическом и культурном отношении было более передовым, чем Турецкая империя, стоявшая на пути упадка.

Население Бессарабии, включенное в состав Российской империи, не только оказалось в сравнительно лучшем положении, но, что особенно важно, вошло в страну, шедшую навстречу большому будущему, страну, в которой быстро накапливались передовые силы, развивалось величайшее революционное движение и созревала передовая культура. Если Турция, пережившая период экономического упадка, играла регрессивную роль по отношению к порабощенным ею народам Закавказья, Балкан и Бессарабии, то «Россия, — пишет Ф. Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей»²⁴.

Прогрессивность факта присоединения Бессарабии к России состоит именно в том, что под влиянием более развитого в экономическом отношении государства, каким явилась для народов национальных окраин Россия, был ускорен затянувшийся там процесс разложения феодально-крепостнических отношений и созданы условия для перехода к новому, более прогрессивному способу производства. Об этом свидетельствует весь изложенный материал, характеризующий социально-экономическое развитие края в 1812—1875 гг. Присоединение к России было поэтому единственно правильным путем, соответствовавшим и историческим чаяниям народов Бессарабии, создавшим возможность их более быстрого экономического и культурного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 17, с. 260.

² Маркс К. Капитал, т. 1, 1952, с. 720.

³ Халиппа И. Бессарабия в момент присоединения ее к России. — Труды Бессарабской ученой архивной комиссии, т. III. Кишинев, 1907.

- ⁴ Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака. Аккерман, 1899.
- ⁵ Ленин В. И. Соч., изд. 4-е, т. 18, с. 542.
- ⁶ Там же, т. 1, с. 3.
- ⁷ Крестьянское движение в России в 1827—1869 гг., вып. I, II. М., 1938.
- ⁸ Кутузов в Дунайских княжествах. Кишинев, 1949.
- ⁹ Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, ч. 1 и 2. СПб., 1862, с. 225—226.
- ¹⁰ Там же, с. 455.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 374.
- ¹² Там же.
- ¹³ Ленин В. И. Соч. т. 3, с. 158.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, т. 1, с. 439.
- ¹⁶ Там же, т. 13, с. 302.
- ¹⁷ Маркс К. Капитал, т. 1. 1952, с. 244.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 8, с. 405—406.
- ¹⁹ Ленин В. И. Соч., т. 6, с. 384.
- ²⁰ Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями. — Вопросы истории, 1954, № 7, с. 76.
- ²¹ Бурлаками в Бессарабии назывались бобыли.
- ²² Ленин В. И. Соч., т. 17, с. 65.
- ²³ Маркс К. Капитал, т. 1, с. 719.
- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 211.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И РАСЦВЕТ МОЛДАВСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ*

Всемирная история знает немало выдающихся событий, знаменовавших переломные моменты и крутые повороты в развитии общества. Но ни одно событие не имело и не могло иметь таких решающих последствий для развития человечества, как Великая Октябрьская социалистическая революция, осуществленная трудящимися России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным.

Одним из важнейших завоеваний Октября является разрешение национального вопроса, который для такой страны, как Советский Союз, где насчитывается более ста наций и народностей, имеет особое значение.

Буржуазия не могла и не старалась разрешить национальный вопрос. Более того, она еще больше обострила его, так как капитализм не может существовать без угнетения народов и вражды между ними.

Только Октябрьская революция, ликвидировав частную собственность на средства производства, как основу всякого угнетения, положила начало новым взаимоотношениям между народами нашей страны.

В ходе социалистического строительства ранее угнетенные национальности обрели собственную государственность, ликвидировали унаследованную от старого строя экономическую и культурную отсталость. «Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру... Объединение и сплочение равноправных народов на добровольных началах в едином

* Сокращенный вариант этой статьи под названием «Октябрь и расцвет молдавской социалистической нации» был опубликован в газете «Советская Молдавия» от 30 ноября 1967 г. Основные положения статьи не утратили своей актуальности и поэтому мы считаем возможным опубликовать полный вариант статьи. — Примеч. ред.

многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик, — говорится в Программе КПСС, — их тесное сотрудничество в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, братская дружба, расцвет их экономики и культуры — важнейший итог ленинской национальной политики».

Буржуазные фальсификаторы истории, такие, например, как Краковский, Коларц и многие другие, прилагали и продолжают прилагать немало усилий к тому, чтобы умалить достижения национальных республик за годы Советской власти. Эти прислужники реакционной буржуазии договорились до того, что, по их мнению, положение народов бывшей царской России якобы ничем не изменилось после 1917 г.

Но какими смехотворными и жалкими выглядят высказывания идеологов-империалистов на фоне тех замечательных успехов, которые достигнуты национальными республиками за годы Советской власти! Из какой бы области экономики или культуры ни взяли бы мы примеры для сравнения с периодом буржуазной власти, всюду ярко раскрываются великое значение Октябрьской революции и претворения ленинской национальной политики для развития хозяйства и культуры всех народов СССР. Эти успехи видны на примере каждой из союзных республик, они блестяще иллюстрируются и достижениями Молдавской ССР — одной из самых молодых союзных республик Советского Союза.

Достаточно сопоставить прошлое Молдавии с настоящим, чтобы воочию убедиться в гигантском прогрессе, достигнутом республикой в братской семье народов СССР.

Известно, что Молдавия более трех столетий изнывала под гнетом Оттоманской империи, которая грабила трудящихся и разрушала производительные силы страны. Присоединение к России в конце XVIII столетия левобережных районов современной Молдавской ССР, а затем в 1812 г. — территории между Днестром и Прутом, названной позже Бессарабией, имело прогрессивное значение. Вхождение в состав более развитой в экономическом отношении России, втягивание Бессарабии в общероссийский рынок ускорили процесс разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма в крае. Быстро увеличивалось население, росли города. Бессарабия стала развитым районом торгового земледелия, формировались новые классы — буржуазия и пролетариат, шел процесс складывания молдавской буржуазной нации. Однако все прогрессивные процессы в политической, экономической и культурной жизни Молдавии, совершившиеся под влиянием передовых сил России, осуществлялись помимо воли царизма и вопреки его угнетательской политике.

Значение Октябрьской революции для молдавского, как и для всех других народов национальных окраин России, состоит

именно в том, что она ликвидировала политические и социально-экономические преграды, созданные господством помещиков и капиталистов на пути его развития, и открыла ему широкую дорогу для хозяйственного и культурного расцвета.

В исторической «Декларации прав народов России» Советское правительство в соответствии с программой Коммунистической партии по национальному вопросу провозгласило ликвидацию национального неравенства, отмену всех и всяких национальных привилегий и ограничений, предоставление народам России права на свободное самоопределение. Партия приняла все меры к ликвидации фактического неравенства наций и народностей. В. И. Ленин уделял большое внимание решению этой задачи, выдвигал ее на первый план в качестве мерила интернационализма.

К сожалению, не весь молдавский народ смог с самого начала воспользоваться плодами Великого Октября и ленинской национальной политики. В результате интервенции международного империализма в начале 1918 г. Бессарабия была отторгнута от Советской Родины. Боярско-румынские оккупанты ликвидировали в крае завоевания Октября, восстановили власть помещиков и капиталистов.

В годы, когда в Правобережной Молдавии господствовал жестокий оккупационный режим, приведший экономику края к застою и деградации, в Левобережной Молдавии, благодаря постоянной заботе партии и помощи братских советских народов, была построена социалистическая экономика, создана национальная советская государственность молдавского народа, подготовлены национальные кадры рабочего класса и советской интеллигенции, осуществлена культурная революция.

Процесс ликвидации политической, экономической и культурной отсталости молдавского народа протекал быстро, однако нелегко. Как и в других национальных республиках, в Молдавии приходилось преодолевать ряд трудностей объективного и субъективного характера.

Взять, к примеру, вопросы ликвидации политической отсталости. Партии пришлось преодолеть большую работу для вовлечения в массе своей неграмотных и забытых тружеников молдавских городов и сел в активную политическую жизнь. Трудящиеся Молдавии, которые в прошлом были лишены политических и гражданских прав, с установлением Советской власти наравне с русскими, украинцами и представителями других национальностей стали принимать активное участие в политической жизни страны, в работе местных органов власти, в работе партийных, профсоюзных и комсомольских организаций.

Следующим важным шагом в ликвидации политической отсталости и неравноправия было строительство национальной советской государственности.

К 1924 г. созрели условия для образования Молдавской советской государственности на Левобережье Днестра.

«Проведение культурно-просветительной работы на молдавском языке, появление молдавской газеты, применение родного языка на сходах, подбор молдаван — председателей сельских Советов, председателей комитетов незаможников и секретарей партийных ячеек — все это способствовало окончательному изживанию остатков старой забитости и усилило стремление к созданию Молдавской республики», — писала «Правда» летом 1924 г.

Удовлетворяя просьбы молдавских трудящихся, в соответствии с ленинской национальной политикой 12 октября 1924 г. решением 3-й сессии ВУЦИК была создана Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Украинской ССР.

Образование МАССР пришлось явно не по вкусу империалистической буржуазии.

Буржуазно-националистические историки, выполняя социальный заказ своих хозяев, в 20—30-х гг. и особенно в годы Отечественной войны немало потрудились над тем, чтобы извратить смысл образования Молдавской АССР. Они клеветнически утверждали, что Молдавская автономная республика создана будто бы в сугубо пропагандистских целях и что народные массы к созданию Молдавской Автономной ССР якобы не причастны.

Все это делалось с целью умалить значение образования Молдавской АССР, ослабить революционизирующее влияние этого события для трудящихся масс Бессарабии и теоретически обосновать ликвидацию молдавской государственности в годы фашистской оккупации.

Возможно, не стоило бы вспоминать о злобных вымыслах буржуазно-националистических писак, если бы они не имели и сейчас хождения в литературе, издаваемой на Западе лакеями империалистов.

Советские историки полностью разоблачили клевету буржуазно-националистической историографии. Факты убедительно доказывают, что создание молдавской советской государственности явилось результатом волеизъявления трудящихся Молдавии, претворения в жизнь ленинской национальной политики.

Значение образования Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики заключается в том, что оно открыло просторы для развития творческих сил молдавского народа, явилось важным рычагом в деле подъема народного хозяйства и культуры республики, оно стало могучим фактором для формирования молдавской социалистической нации.

Процесс складывания молдавской социалистической нации имел свои специфические особенности. Они были обусловлены тем, что молдавский народ [вследствие] боярско-румынской ок-

купации Бессарабии был разделен на две части, каждая из которых вплоть до 1940 г. развивалась в различных социально-экономических и политических условиях. В Правобережной Молдавии продолжал господствовать капиталистический строй с характерным для него делением общества на антагонистические классы, в то время как в Молдавской АССР вместе со строительством социализма создавалась молдавская социалистическая нация, свободная от классового антагонизма.

На протяжении всех двадцати двух лет боярско-румынской оккупации трудящиеся Бессарабии под руководством коммунистов вели упорную борьбу за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной. Народы Советского Союза и Советское правительство, все прогрессивные силы мира, в том числе румынский пролетариат и его компартия поддерживали героическую борьбу трудящихся Бессарабии.

Долгожданный день освобождения пришел 28 июня 1940 г.

Как указано в тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», воссоединение молдавского народа, равно как и воссоединение украинского и белорусского народов, явились «важными вехами в решении национального вопроса».

2 августа была образована союзная Молдавская Социалистическая Республика, что ознаменовало завершение процесса становления советской национальной государственности молдавского народа и явилось одной из важнейших предпосылок формирования единой молдавской социалистической нации.

Решение национального вопроса заключалось, однако, не только в создании государственности у отдельных ранее угнетенных народов, в предоставлении им равных политических прав, но также в ликвидации их экономического и культурного неравенства.

До революции Молдавия была отсталой окраиной царской России, поставщиком сельскохозяйственного сырья. Промышленность здесь была развита чрезвычайно слабо. Весьма безотрадную картину состояния промышленности застала Советская власть в Бессарабии в 1940 г. В результате хищнической политики оккупантов промышленность Бессарабии в течение 1918—1940 гг. не только не сделала никакого шага вперед по сравнению с 1913 г., а пришла даже в упадок, позже фашистские захватчики фактически уничтожили промышленность республики.

С полным основанием можно сказать, что промышленность Молдавии — детище Советской власти. Сегодня Молдавия — не аграрный придаток промышленного центра, как это было при власти буржуазии, а республика с высокоразвитой промышленностью.

За годы Советской власти на основе новейшей техники в Молдавии были построены сотни промышленных предприятий.

Бурный рост промышленности в Молдавии привел к изменению в структуре общественного продукта и национального дохода республики. Удельный вес валовой продукции промышленности с каждым годом неуклонно возрастает.

Темпы промышленного строительства в национальных республиках, в том числе в Советской Молдавии, были выше средних темпов по СССР. Это одна из важнейших черт национальной политики нашей партии. Именно таким путем достигается подтягивание ранее отставших в своем развитии наций и народностей до уровня более передовых и постепенное выравнивание их общего уровня. Если промышленность СССР к концу 1966 г. в сравнении с 1940 г. выросла примерно в 8,5 раза, то в Молдавской ССР за эти же годы выросла в 17 раз.

Советский Союз представляет многонациональное государство, состоящее из многих национально-государственных образований, но его социалистическое хозяйство развивается как единое хозяйство с разумным разделением труда и правильным размещением производства.

Коммунистическая партия добивается, чтобы в каждой республике развивались, в первую очередь, те отрасли народного хозяйства, которые имеют там сырьевую базу и дают максимальный экономический эффект в местных условиях.

Природные богатства Молдавии обусловили здесь первоочередное развитие пищевой и легкой промышленности, а также промышленности строительных материалов. В общесоюзном разделении труда Советская Молдавия стала одним из крупных экономических районов страны по производству вина и виноматериалов, консервов, сахара, табака, растительных и эфирных масел и т. д.

Снабжая другие районы фруктами, виноградом, изделиями пищевой и легкой промышленности, строительными материалами, Молдавия получает из братских республик прокат, уголь, нефть, автомашины, тракторы, комбайны, станки, хлопок и многое другое. Таким образом, осуществление на практике ленинского принципа размещения производительных сил открывает возможность для более полного использования богатств и производственных возможностей каждой республики, способствует интенсивному обмену между ними материальными ценностями, ведет к тесному сближению и объединению народов, содействует укреплению их дружбы и сотрудничества.

Обеспечивая в первую очередь развитие тех отраслей промышленности, которые связаны с эффективным использованием местных сырьевых ресурсов, партия открывает возможность и для развития таких отраслей промышленности, которые связаны с лучшим использованием местных резервов рабочей силы, развивающейся энергетической базы и т. д. В Молдавии в последние годы успешно развивается металлообрабатывающая, машиностроительная и электротехническая промышленность.

Важно отметить, что в наши дни строительство промышленных предприятий сосредоточивается не в 2—3 центрах, как это было раньше, а ведется во всех городах и во многих селах республики, которые в результате этого становятся поселками городского типа.

Величайшим достижением республики за годы Советской власти является создание местного рабочего класса и подготовка большого отряда кадров инженерно-технических работников. По сравнению с 1940 г. численность рабочих и служащих выросла более чем в семь раз, количество инженеров — в 14 раз, а техников — в 22,7 раза. Да и рабочий у нас не тот, что при капитализме, — это в подавляющем большинстве технически грамотные люди, их образовательный уровень непрерывно растет. В составе рабочего класса республики все больший удельный вес занимают рабочие коренной национальности.

Как и для всей страны, решающее значение в деле ликвидации экономической отсталости, унаследованной от капитализма, наряду с индустриализацией имела для республики коллективизация сельского хозяйства. Для Молдавии, в прошлом отсталого аграрного края, где почти 90% населения было занято сельским хозяйством и не менее 70% сельского населения влачило жалкое существование, решение аграрного вопроса имело первостепенное значение. Буржуазия и помещики решали аграрный вопрос в своих интересах. Достаточно вспомнить крестьянские реформы, проведенные Александром II и Столыпиным, или же румынскую «реформу» 1920—1923 гг. в Бессарабии. Только Советская власть нашла правильное решение вопроса, на протяжении многих лет волновавшего трудовые массы молдавского крестьянства.

В результате осуществления ленинского кооперативного плана коренным образом изменились жизнь и быт молдавского крестьянства. Место мелких раздробленных единоличных хозяйств, пользовавшихся примитивными стародедовскими орудиями, заняли обширные колхозные нивы, огромные сады и виноградники, составляющие цвет и славу республики. Канули в прошлое помещичье-кулацкая эксплуатация, страх перед разорением и нищета трудовых масс крестьянства, открылся широкий простор для развития всех отраслей сельского хозяйства, для подъема культуры земледелия, для проявления творческой инициативы и таланта людей труда. За годы Советской власти в Молдавии было создано многоотраслевое высокомеханизированное социалистическое сельское хозяйство. По сравнению с 1950 г., когда в основном была завершена социалистическая реконструкция сельского хозяйства, в 1966 г. валовая сельскохозяйственная продукция возросла в 2,4 раза.

В результате победы социалистических производственных отношений в деревне и ликвидации на этой основе кулачества,

последнего эксплуататорского класса, крестьянство Молдавии стало социально однородным классом. Этим самым завершился процесс формирования молдавской социалистической нации, которая ныне состоит из дружественных классов и групп трудящихся, объединенных единством экономических, социально-политических и идейных интересов, общей заинтересованностью в построении коммунизма.

Октябрьская революция создала условия для неуклонного подъема материального благосостояния трудящихся и невиданного расцвета культуры всех народов СССР. И в этой области Молдавия сделала гигантский шаг вперед. Только при Советской власти трудящиеся Молдавии получили право на труд, на отдых, на образование, на бесплатное лечение, на материальное обеспечение в старости.

Коммунистическая партия неустанно заботится об улучшении жилищных условий трудящихся. Из руин и пепла поднялись благоустроенные города и села, разрушенные в тяжелую годину войны и фашистской оккупации. В республике осуществлена большая программа жилищного строительства. Только за годы семилетки построено домов общей площадью более 9 млн. кв. м. Большая работа проведена по улучшению здравоохранения. Построено много хорошо оборудованных больниц, поликлиник, здравпунктов.

За годы Советской власти в республике осуществлена подлинно культурная революция. Буржуазная культура служила интересам господствующего класса, развитие демократической национальной культуры было поставлено в самые неблагоприятные условия. Доступ народных масс к богатствам искусства, литературы, науки был ограничен. Только при Советской власти культура в нашей республике стала по-настоящему общенародной.

В республике ликвидирована неграмотность населения — этого тяжелого наследия проклятого прошлого. А ведь в Приволжской Молдавии еще в 1944 г. процент неграмотности достигал среди мужчин 65, а среди женщин — 85%.

Крупнейшим достижением является создание собственных кадров национальной интеллигенции. Десятки тысяч инженеров, техников, преподавателей, агрономов, врачей, подготовленных в 7 высших и 44 средних специальных учебных заведениях республики, а также в других вузах страны, плодотворно трудятся в промышленности и сельском хозяйстве, обучают и воспитывают подрастающее поколение в школах, работают в различных лечебных учреждениях. В вузах и техникумах обучается в настоящее время более 80 тысяч студентов.

Книги, журналы, газеты, радио, телевидение, кино стали достоянием широких масс трудящихся и прочно вошли в быт

городского и сельского жителя. Ежегодно издаются сотни названий книг буквально миллионными тиражами. В республике выходят десятки журналов, бюллетеней, газет. Большим завоеванием культурной революции является перевод на молдавский язык и издание массовыми тиражами произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Молдавский народ на своем родном языке может знакомиться с лучшими произведениями русской литературы, с произведениями писателей братских республик. Это одно из ярких проявлений исторического процесса сближения и взаимного обогащения культур всех советских народов.

Убедительным свидетельством торжества ленинской национальной политики является развитие науки. Ученые Молдавии принимают активное участие в выполнении грандиозных мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на дальнейший, еще более быстрый подъем экономики и культуры. В 57 научно-исследовательских учреждениях Молдавии разрабатываются важнейшие народнохозяйственные проблемы, изучаются актуальные вопросы химии, математики, физики, биологии, энергетики, экономики, истории, языка, литературы и других наук. Крупным событием в научной жизни края явилось создание Академии наук. Об букваря до национальной Академии наук — таков путь развития культуры молдавского народа.

Подлинный расцвет переживают литература и искусство молдавского народа. Многие произведения современных молдавских писателей поэтов и драматургов издаются в братских республиках и получили широкое признание у зарубежных читателей. По всей стране звучат живые и темпераментные молдавские напевы и танцы. Их любят советский слушатель. Имена наших ведущих артистов известны за пределами республики. На экранах нашей Родины демонстрируются молдавские фильмы. Картины наших художников, работы молдавских скульпторов пользуются большим успехом у взыскательных советских зрителей. В талантливых произведениях деятелей литературы и искусства Молдавии находит свое яркое отражение вдохновенный труд народа, его героические будни, его светлые устремления, сокровенные думы и чаяния. Они способствуют воспитанию трудящихся в духе великих идеалов коммунизма. Показателем возросшего мастерства писателей, композиторов, художников, работников профессионального искусства и коллективов художественной самодеятельности явилась Неделя молдавской литературы и искусства в Москве в сентябре 1967 г. Она вылилась в праздник культуры молдавского народа — национальной по форме, социалистической по содержанию.

Проведенные партией мероприятия по развитию промышленности и росту рабочего класса, по социалистической реконструкции сельского хозяйства, по техническому перевооружению всех

отраслей народного хозяйства, осуществление культурной революции — все это привело к существенным изменениям в социальной структуре молдавской социалистической нации. Как в городе, так и в деревне, возрастает с каждым днем удельный вес рабочего класса и интеллигенции. Особенно заметно эта тенденция проявляется на селе, где в сельскохозяйственном производстве все больше центральной фигурой становятся механизаторы, владеющие современной передовой техникой. По мере вооружения сельского хозяйства современной техникой наблюдается снижение количества людей, занятых в сельскохозяйственном производстве. Так, за последние 8 лет количество людей, занятых в сельском и лесном хозяйстве республики, снизилось с 68,4 до 56,4%.

Из вышеизложенного видно, что в невиданно короткий срок Молдавия превратилась из отсталого аграрного края в цветущую республику с развитой промышленностью и крупным механизированным сельским хозяйством, с процветающей культурой. Это стало возможным потому, что народам, находившимся на более низкой ступени экономического развития, была оказана огромная экономическая помощь, выделялись большие капитальные вложения на ускорение развития промышленности, сельского хозяйства и культуры. Только своими силами Молдавия не была бы в состоянии в такой короткий срок залечить раны войны и фашистской оккупации, во много раз превысить довоенный уровень производства, быстро развить производительные силы в промышленности и сельском хозяйстве. В Молдавию со всех концов Союза шли эшелоны с оборудованием, остро дефицитными материалами,* приезжали тысячи специалистов, которые помогли из руин и пепла восстановить города и села республики, строить фабрики, заводы, электростанции и т. д. Взять хотя бы пример строительства Молдавской ГРЭС. Из каких только уголков Союза ни приезжали туда специалисты, чтобы помочь молдавскому народу построить это жизненно-необходимое для республики предприятие. В свою очередь, когда партия поставила вопрос об ускоренном развитии добычи угля и строительстве домов на Украине, немало молдаван по путевкам комсомола направились на эту работу. В освоении целины на Востоке СССР вместе с трудящимися других национальностей участвовала молдавская молодежь.

Население Молдавии по своему национальному составу является смешанным. В Молдавской ССР на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях и в государственном аппарате рука об руку с молдаванами в обстановке сердечной дружбы живут и работают русские, украинцы, белорусы, болгары, гагаузы, трудящиеся других национальностей и народностей. Это, равно как и производственные и культурные связи между республиками, приводит к тесному взаимному общению

и сближению национальностей, к выработке общих черт духовного облика.

Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии, следуя ленинской национальной политике, предусматривает дальнейший экономический и культурный расцвет советских республик, еще более тесное и всестороннее сотрудничество наций в ходе развернутого коммунистического строительства. «Партия, — говорится в Программе КПСС, — будет по-прежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии. Растущие в процессе коммунистического строительства блага необходимо справедливо распределять среди всех наций и народностей».

Принятый XXIII съездом КПСС новый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. — яркое свидетельство все растущих темпов развития экономики национальных республик, в том числе Молдавской ССР.

Успешно выполнить главную экономическую задачу СССР — создать материально-техническую базу коммунизма — означает для каждого народа, для каждой республики необходимость увеличить свой вклад в общее дело коммунистического строительства. А это требует дальнейшего, еще более тесного объединения и согласования трудовых усилий республик, совершенствования социалистического разделения труда, правильного сочетания интересов СССР в целом и интересов каждой республики.

Программа КПСС предусматривает также дальнейший всесторонний расцвет социалистической культуры народов СССР. В программе сказано: «Придавая решающее значение развитию социалистического содержания культуры народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их международной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества».

Социалистический строй — это расцвет наций, их материальных и духовных сил, их культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, расцвет национальных языков. На примере Молдавии, как и любой другой ранее отсталой национальной окраины, доказана полная возможность в условиях социализма в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран. Путь к избавлению народов бывших окраин дореволюционной России от кабалы и гнета, путь к политическому, экономическому и культурному расцвету открыл Великий Октябрь. В этом — значение Великой Октябрьской социалистической революции в исторических судьбах народов России, в том числе и молдавского народа.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ

Я. С. ГРОСУЛА*

1946

Фелдмаршалул П. А. Румянцев-Задунайский. — Молдова Социалистэ, 1946, 19 деч.

1947

Мишкаря цэрэняскэ ын Молдова ын периода де дупэ реформэ: Ынсемээр штиинцифиче (Институтул де историе, лимбэ ши литература; База молдовеняскэ де черчетэрь штиинцифиче а АШ а Униуний РСС, вол. I, 1947, п. 21—34).

Басарабия пынэ ла универя ку Русия. — Молдова Социалистэ, 1947, 29 апр. (Ын колабораре ку В. Кочетков).

Басарабия ын алкотуинца Русией ын жумэтатя ынтый а вякулуй XIX. — Молдова Социалистэ, 1947, 20 септ.

Рэзбоюл русо-турк дин 1806—1812 ши универя Басарабией ку Русия. — Молдова Социалистэ, 1947, 8 юлие.

1948

Крестьянское движение в Молдавии в пореформенный период. — Ученые записки Ин-та ист., яз. и лит.; Молд. н.-и. база АН СССР. Кишинев, 1948, т. 1, с. 20—32.

Над чем мы работаем. — Советская Молдавия, 1948, 12 марта.

1949

Сесия ынтыя а Базей молдовенешть де черчетэрь штиинцифиче а АШ а Униуний РСС. — Октомбrie, 1949, № 4, п. 74—84. (Ын колабораре ку М. Ярошенко).

Первая научная сессия Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР. — Октябрь, 1949, № 4, с. 70—78; Известия, 1949, 21 июня. (Совместно с М. Ф. Ярошенко).

Крестьянская реформа 1868 года в Бессарабии и ее особенности. — Ученые записки Ин-та ист., яз. и лит.; Молд. н.-и. база АН СССР, 1949, т. 2, с. 79—115.

Слобозия Молдовей де суб жугул феудал-турческ ши универя ей ку Русия. — Октомбrie, 1949, № 6, п. 81—88.

Освобождение Молдавии от турецкого феодального гнета и присоединение ее к России. — Октябрь, 1949, № 6, с. 80—87.

Дезволтаря капитализмулуй ын Молдова ын жумэтатя а доуа а

* Составители: Н. В. Бабилунга, В. И. Миргородская, Д. А. Пламадяла.

вякулуй XIX. (Реформа цэрэнэскэ ын Молдова). — Молдова Социалистэ, 1949, 6 апр., 18 май, 25 юни.

Пентру дэзволтая де май департе а штиинцей. — Молдова Социалистэ, 1949, 27 януар.

Ролул марелуй нород рус ла слобозирия Молдовей де суб жугул феудал-турческ. — Молдова Социалистэ, 1949, 12, 13, 15 юлие.

Роль великого русского народа в освобождении Молдавии от турецкого гнета. — Советская Молдавия, 1949, 12, 13, 15 июля.

1950

Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков. Сб. статей под ред. А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина. Кишинев, 1950, 255 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Е. М. Руссевым, Н. В. Березняковым и др.).

Рец.: Греекул Ф. — Известия АН СССР. Сер. ист. и филос., 1951, № 2, с. 186—187; Советская Молдавия, 1951, 10 июня; Левит С. Книга по истории Молдавии. — Октябрь, 1950, № 6, с. 62—65.

25 лет Молдавской ССР. — Ученые записки Ин-та ист., яз. и лит., Молд. филиал АН СССР. Кишинев, 1950, т. 3, с. 5—23. (Совместно с Н. А. Моховым и С. Э. Левитом).

Разложение феодально-крепостнических и формирование капиталистических отношений в Молдавии в первой половине XIX века. — В кн.: Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков. Кишинев, 1950, с. 175—254.

Социально-экономическое развитие Молдавии в первой половине XIX века. — Ученые записки. Кишиневский ун-т. Сер. гуманит. науки. Кишинев, 1950, т. 2, с. 55—72.

1951

Буржуазные реформы в Молдавии. Развитие капитализма в Молдавии в преобразованный период. — В кн.: История Молдавии. Т. I. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1951, с. 445—490.

Международное положение России и русско-турецкие отношения начиная с войны 1806—1812 гг. Русско-турецкая война 1806—1812 гг. и присоединение Бессарабии к России. — Там же, с. 302—317.

Разложение крепостничества и формирование капиталистических отношений в первой половине XIX в. — Там же, с. 346—419.

Революционное движение в Молдавии во второй половине XIX века. Национальное движение на Балканах 70-х годов и отражение его в Бессарабии. — Там же, с. 491—505. (Совместно с А. С. Киделем и Д. Е. Шемяковым).

Штиинца советикэ ла стража пэчий. — Молдова Социалистэ, 1951, 21 окт.

1953

За правильное освещение вопросов истории Молдавии. — Известия Молд. фил. АН СССР. Кишинев, 1953, № 3—4, с. 127—133. (Совместно с Н. Ройтманом).

Рец. на кн.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. М., 1952.

Правильно освещать вопросы экономики Молдавии. — Советская Молдавия, 1953, 9 января. (Совместно с Н. Ройтманом).

Рец. на кн.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. М., 1953.

1954

Вступительное слово на заседании ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященном истории ма-

териальной культуры на территории Молдавии. — Краткие сообщения. Ин-т ист. материальной культ. АН СССР, 1954, вып. 56, с. 5—7.

Молдавская ССР: Исторический очерк. — В кн.: БСЭ, 2-е изд. М., 1954, т. 28, с. 85—92. (Совместно с Г. Д. Смирновым, Н. А. Моховым, С. Э. Левитом).

Резолюция расширенных заседаний ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР 20—23 мая 1953 г., посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии. Сообщение Я. С. Гросула. — Краткие сообщения. Ин-т ист. материальной культ. АН СССР, 1954, вып. 56, с. 136—138.

Сарчиниле марь але штиинцей Молдовей. — Молдова Социалистэ, 1954, 14 март.

1955

Крестьяне Бессарабии (1812—1875): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Кишинев, 1955, — 29 с.

Лупта антийобэжистэ а цэрэнимий басарабене ын прима треиме а вякулуй XIX: Ынсемнэрь штиинцифиче, вол. 16. — Университетат дин Кишинэу, 1955, п. 31—68.

Реч.: Самойлов А. О лукраре де прец. — Молдова Социалистэ, 1956, 19 юлие.

Антикрепостническая борьба крестьян Бессарабии в первой трети XIX века. — Ученые записки. Кишиневский ун-т, Кишинев, 1955. Т. 16, с. 31—67.

Развитие культуры Молдавии в послевоенный период. — В кн.: История Молдавской ССР. Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Кишинев, 1955, с. 410—427.

1956

Крестьяне Бессарабии (1812—1861). АН СССР. Молд. фил. Ин-т ист., яз. и лит. Кишинев, 1956. — 398 с.

Реч.: Шемяков Д., Мохов Н., Левит С. Ун студиу де прец деспре история царниilor дин Молдова. — Коммунистул Молдовей, 1956, № 9, п. 68—75; Шемяков Д., Мохов Н., Левит С. Ценное исследование по истории крестьян Молдавии. — Коммунист Молдавии, 1956, № 9, с. 65—72; Будак И. Ценное исследование по истории молдавского народа. — Советская Молдавия, 1956, 16 октября. Bezviconi G. Studii. — Revistă de istorie, 1958, N 1, p. 155—157.

Крестьянская реформа 60—70-х годов XIX века в Бессарабии. — Кишинев, 1956. — 268 с. (Совместно с И. Будаком).

Реч.: Ursul D. Ун студиу ноу ку привире ла история цэрэнимий дин Молдова. — Коммунистул Молдовей, 1957, № 1, п. 69—74; Ursul D. Новое исследование по истории молдавского крестьянства. — Коммунист Молдавии, 1957, № 1, с. 67—71; Энгельгард Р. Ценный труд по истории молдавского крестьянства. — Днестр, 1958, № 1, с. 138—141; Bezviconi G. Studii. — Revistă de istorie, 1958, N 1, p. 157.

Куноштинцеle политиче ши штиинцифиче — ын масе. — Коммунистул Молдовей, 1956, № 3, п. 60—65.

Политические и научные знания — в массы. — Коммунист Молдавии, 1956, № 3, с. 56—61.

О некоторых задачах и перспективах развития науки в Молдавском филиале АН СССР. — Коммунист Молдавии, 1956, № 10, с. 22—30.

Освещение в исторической литературе вопросов о присоединении Бессарабии к России. — В кн.: Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава (Кишиневский ун-т). Кишинев, 1956, с. 49—50. (Совместно с Н. А. Моховым).

1957

Лупта нородулуй молдовенеск центру Путеря Советикэ. — Коммунистул Молдовей, 1957, № 10, п. 74—77. (Ын колабораре ку Н. Мохов).

Борьба трудящихся Молдавии за власть Советов. — Коммунист Молдавии, 1957, № 10, с. 21—31. (Совместно с Н. Моховым).

Крестьяне-резеши Бессарабии в дореформенный период. — Ученые записки. Кишиневский ун-т, 1957, т. 26 (ист.), с. 3—24.

Массовое крестьянское движение в Бессарабии в 60—70-х годах XIX века. — Ученые записки Ин-та ист., яз., и лит.; Молд. филиал АН СССР, 1957. Т. 6. (ист.), с. 151—180. — Резюме на молд. яз.

Молдавский филиал АН СССР. — Известия восточных филиалов АН СССР, 1957, № 8, с. 155—163.

Основные задачи по исследованию истории Октябрьской революции в Молдавии.— В кн.: Борьба за победу социалистической революции в Молдавии. Сб. статей. Кишинев, 1957, с. 5—9.

Ынфлорија штиинцей ын Молдова Советикэ. — Ынвэцторул советик, 1957, № 11, п. 17—21.

Штиинца ын служба мунчий пашниче. — Молдова Социалистэ, 1957, 3 септ.

Научный центр Молдавии. — Наука и жизнь, 1957, № 6, с. 13.

От отсталости — к прогрессу. — Советская Молдавия, 1957, 29 декабря.

1958

Историография Молдавской ССР. — Ученые записки. Кишиневский ун-т. Кишинев, 1958, т. 33, с. 33—54. (Совместно с Н. Моховым).

Апортул саванцилор молдовенъ. — Молдова Социалистэ, 1958, 13 септ.

Вклад ученых. — Вечерний Кишинев, 1958, 30 сентября.

Сарчиниле штиинцей ын вииторул септенал. — Молдова Социалистэ, 1958, 19 деч.

Штиинца ши вяца. — Культура Молдовей, 1958, 7 ноембр.

Штиинца ын служба белшугулуй ши буней стэрь. — Молдова Социалистэ, 1958, 12 март.

Повышается роль науки. — Правда, 1958, 24 марта.

Прения по докладам об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране (На заседании Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Речи. Среди авторов — Я. С. Гросул). — Известия, 1958, 25, 26 декабря.

1959

Молдавскому государству 600 лет (1359—1959). Кишинев, 1959. — 22 с.

Спре ной реализэрь. — Молдова Социалистэ, 1959, 31 деч.

600 де ань де ла ынтемееря Статулуй Молдовенеск. — Культура Молдовей, 1959, 17 септ.; Молдова Социалистэ, 1959, 15 септ. (Ын колабораре ку Н. Мохов ши Е. Руссев).

Молдавскому государству 600 лет (1359—1959). — Советская Молдавия, 1959, 15 сентября. (Совместно с Н. Моховым и Е. Руссевым).

К новому расцвету молдавской науки. — Вечерний Кишинев, 1959, 9 февраля.

Нужны серьезные изменения. (Об усовершенствовании преподавания истории в школе). — Советская Молдавия, 1959, 23 сентября.

Об охране природы и рациональном использовании природных богатств МССР. — Советская Молдавия, 1959, 18 января.

1960

Май сус драпелул партинитэций ын штиинцэ. — Комунистул Молдовей, 1960, № 1, п. 35—42.

Высоко держать знамя партийности в науке. — Коммунист Молдавии, 1960, № 1, с. 33—40.

Историография Молдавии. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. В 3-х т. Т. 2. М., 1960, с. 745—751 (Совместно с Н. А. Моховым).

Дин шкоалэ — спре штиинцэ. — Ынвэцэторул советик, 1960, № 10, п. 80—81.

Дэзбатериле асуупра рапортулуй де активитате ал КЧ ал ПКМ ши асуупра рапортулуй Комисией де ревизие а ПКМ/Конгресул ал IX-ля ал ПКМ. /Гросул Я. С. ш. а.). — Молдова Социалистэ, 1960, 31 януар.

Прения по отчетам ЦК и Ревизионной комиссии КП Молдавии /IX съезд КП Молдавии/. (Гросул Я. С. и др.). — Советская Молдавия, 1960, 30, 31 января.

Ун маре евенимент: Ынфиинцаря АШ а РССМ. — Молдова Социалистэ, 1960, 15 деч.

Ынтылнире де неуйтат. — Молдова Социалистэ, 1960, 23 юлие.

Комсомол открыл дорогу к знаниям. — Молодежь Молдавии, 1960, 23 октября.

Об охране природы и рациональном использовании природных богатств МССР. (Доклад на VIII сессии Верховного Совета МССР). — В кн.: Охрана природы Молдавии. Кишинев, 1960, вып. 1, с. 9—13.

1961

История Молдавской ССР. Учеб. пособие для 8—9 кл. Кишинев. 1961. — 143 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Е. М. Руссовым и др.).

Ынфлореште штиинца Молдовей Советиче. — Комунистул Молдовей, 1961, № 12, п. 9—16.

Расцветает наука Советской Молдавии. — Коммунист Молдавии, 1961, № 12, с. 8—14.

Развитие научных исследований в Молдавии. — Вестник АН СССР, 1961, № 9, с. 65—72.

Ку привире ла дэзволтаря черчетэрилор штиинцифиче ши сарчиниле АШ а РССМ: Рапортул президентулуй АШ а РССМ, презентат ла сесия ынтыя а АШ а РССМ. — Нистру, 1961, № 8, п. 50—56; Култура Молдовей, 1961, 6 ауг.; Молдова Социалистэ, 1961, 4 ауг.

О развитии научных исследований и задачах Академии наук МССР. — Днестр, 1961, № 8, с. 58—63.

Штиинца ын служба коммунизму. — Нистру, 1961, № 11, п. 6—8.

Наука служит коммунизму. — Днестр, 1961, № 11, с. 6—8.

Приносул штиинцей Молдовей: Дин кувынтаяр тов. Я. С. Гросул. — Култура Молдовей, 1961, 5 окт.

Спре прогресул штиинцей. — Култура Молдовей, 1961, 7 деч.

Штиинца ши проблемеле агриколе. — Молдова Социалистэ, 1961, 16 март.

Все силы и знания — строительству коммунизма. — Советская Молдавия, 1961, 27 августа.

Молдавская целина. — Правда, 1961, 30 сентября.

Научный центр Молдавии. — Правда, 1961, 3 августа.

1962

Ынфрээць пе веъч. — Комунистул Молдовей, 1962, № 3, п. 9—21; Тынэрул ленинист, 1962, 26 май.

Навеки вместе. — Коммунист Молдавии, 1962, № 3, с. 9—20; Юный ленинец, 1962, 26 мая.

Историческое значение присоединения Бессарабии к России для судеб молдавского народа. — Вопросы истории, 1962, № 7, с. 48—69.

Перспективы развития научных исследований в Академии наук Молдавской ССР. — В кн.: Первая научная сессия Академии наук Молдавской ССР. Кишинев, 1962, с. 95—111.

Кувынтаря ла Пленара КЧ ал ПК ал Молдовей. Дечембrie, 1962.— Молдова Социалистэ, 1962, 9 dec.

Речь на пленуме ЦК КП Молдавии. Декабрь, 1962. — Советская Молдавия, 1962, 9 декабря.

Кувынтул ўл аре штиинца. — Молдова Социалистэ, 1962, 6 апр.

Ын фрэция де попоаре ний тэрия, вииторул. — Молдова Социалистэ, 1962, 27 май.

Героический подвиг народов нашей Родины. — Советская Молдавия, 1962, 18 октября.

Славная историческая веха. — Советская Молдавия, 1962, 27 мая.

1963

Вступительное слово на открытии конференции. — В кн.: Из истории науки и техники. Материалы первой конференции историков естествознания и техники Молдавии (17 мая 1962). Кишинев, 1963, с. 5—6.

Гросул Я. С., Руссов Е. М. Рец. на кн.: Bezviconi G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). București, 1962. — Вопросы истории, 1963, № 9, с. 149—151.

Историография Молдавии. — В кн.: Очерки истории и исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, с. 657—663. (Совместно с Н. А. Моховым).

Историческая наука в Молдавской ССР. Период социализма. — Известия АН МССР. Сер. обществ. наук. 1963, № 2, с. 3—43. (Совместно с Н. А. Моховым).

Работа молдавских ученых в новых условиях (в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности АН СССР и академий наук союзных республик»). — Вестник АН СССР, 1963, № 9, с. 42—44.

Приближая будущее. — Наука и религия, 1963, № 11, с. 12—14.

Дезбатериле асупра дэрилор де самэ але КЧ ши Комисией де ревизие а ПК ал Молдовей (Я. С. Гросул ш. а.). — Молдова Социалистэ, 1963, 28 dec.

Прения по отчетам ЦК и Ревизионной комиссии КП Молдавии (Я. С. Гросул и др.). — Советская Молдавия, 1963, 28 декабря.

1964

История РСС Молдовенешть: Пентру шкоала медие. — Кишинэу, 1964. — 269 п. (Ын колабораре ку Н. А. Мохов ши Е. М. Руссов).

Штиинца служеште породулуй. — Комунистул Молдовей, 1964, № 10, п. 14—19.

Наука служит народу. — Коммунист Молдавии, 1964, № 10, с. 13—18. Гросул Я. С., Мохов Н. А. Рец. на кн.: Callimachi S., Georgescu-Ionescu E., Blok V. Dimitrie Cantemir. București, 1963. — Вопросы истории, 1964, № 8, с. 182—183.

Об основных направлениях исследований и структуре Академии наук Молдавской ССР (Доклад на президиуме АН СССР, прения и постановления по докладу. Декабрь, 1963). — Вестник АН СССР, 1964, № 2, с. 3—12.

Освещение аграрных отношений в Молдавии и Валахии периода перехода от феодализма к капитализму в современной историографии. — В кн.: Тезисы докладов сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Октябрь, 1964). Кишинев, 1964, с. 5—13. (Совместно с Н. А. Моховым и П. В. Советовым).

На главных магистралях. — Советская Молдавия, 1964, 10 октября.

1965

Основные этапы развития и разложения резешского землевладения в Молдавии (К истории земельных правоотношений). — Ученые записки, Кишиневский ун-т, 1965. Т. 79, с. 163—183. (Совместно с Д. М. Драгненским и П. В. Советовым).

Особенности перехода от феодализма к капитализму на Юго-Востоке Европы (В Дунайских княжествах). (Критический обзор современной историографии). — Вопросы истории, 1965, № 11, с. 53—76 (Совместно с Н. А. Моховым и П. В. Советовым).

Драйъ консэтен! Пе маржиня скрисорий «Инвигтацие ла баштина». — Култура, 1965, 17 апр.

Кувынтаря ла сесия а VI-я а Советулуй Супрем ал УРСС де лежислatura а шася. — Молдова Социалистэ, 1965, 5 окт.

Речь на VI сессии Верховного Совета СССР шестого созыва. — Советская Молдавия, 1965, 5 октября.

В Совете Союза. (Обсуждение доклада первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазурова «Об улучшении управления промышленностью»). Гросул Я. С. и др.— Известия, 1965, 2, 3 октября; Правда, 1965, 2, 3 октября.

К новому подъему науки. — Советская Молдавия, 1965, 3 декабря.

От эксперимента к широкой практике. — Советская Молдавия, 1965, 26 февраля.

1966

Кишинэул ла 500 де ань. — Коммунистул Молдовей, 1966, № 9, п. 16—25. (Ын колабораре ку В. Жуков).

Пятидесятилетие Кишинева. — Коммунист Молдавии, 1966, № 9, с. 16—25. (Совместно с В. Жуковым).

Штиинца ын фаца унор сарчинъ ной. — Коммунистул Молдовей, 1966, № 1, п. 21—26.

Наука перед лицом новых задач. — Коммунист Молдавии, 1966, № 1, с. 21—26.

Современная историография об аграрных отношениях в Молдавии и Валахии периода перехода от феодализма к капитализму. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964. Кишинев, 1966, с. 13—43. (Совместно с Н. А. Моховым и П. В. Советовым).

Дин адынкуриле вякурилор ши. пе вечие. — Молдова Социалистэ, 1966, 23 септ.

Күжетэрь ын праг де чинчинал. — Молдова Социалистэ, 1966, 23 март.

Сияйте, ленинские звезды. — Молодежь Молдавии, 1966, 4 октября.

1967

Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861). — Кишинев, 1967. — 340 с. (Совместно с И. Будаком).

Реч.: Дмитриев П. Реализаре а историографией контемпоране. — Молдова Социалистэ, 1968, 20 януар.; Сурилов А. Уп студиу де историе а продукцией материала дин Молдова. — Коммунистул Молдовей, 1968, № 11, п. 76—77; Сурилов А. Исследование по истории материального производства Молдавии. — Коммунист Молдавии, 1968, № 11, с. 75—77; Бескровный Л. К., Кабузан В. М., Шевяков А. А. — Вопросы истории, 1968, № 11, с. 170—173; Семенова Л. Е., Брысякин С. Ценный экономический труд. — Советская Молдавия, 1967, 15 декабря; История СССР, 1968, № 6, с. 165—166.

Штиинца молдовеняскэ — род ал Путерий Советиче. — Коммунистул Молдовей, 1967, № 9, п. 39—48.

Молдавская наука — детище Советской власти. — Коммунист Молдавии, 1967, № 9, с. 40—47.

Историческая наука в Молдавской ССР (период социализма). — Вопросы истории, 1967, № 2, с. 22—44 (Совместно с Н. Моховым) — Резюме на англ. яз.

Развитие науки в Молдавской ССР за годы Советской власти. — История СССР, 1967, № 5, с. 74—84.

Дэзбатериile рапортулуй, презентант де тов. И. И. Бодюл ла пленара дин фебруарие а КЧ ал ПК ал Молдовей. (Я. С. Гросул щ. а.) — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1967, 16 февр.; Молдова Социалистэ, 1967, 16 февр.; Тинеримя Молдовей, 1967, 17 февр.

Прерия по докладу тов. И. И. Бодюла на февральском пленуме ЦК КП Молдавии. Из выступлений. Гросул Я. С. и др. — Вечерний Кишинев, 1967, 16 февраля; Молодежь Молдавии, 1967, 18 февраля; Советская Молдавия, 1967, 16 февраля.

Лауреаций анулуй жубилиар. — Култура, 1967, 14 окт., п. 4—5; Молдова Социалистэ, 1967, 12 окт.

Лауреаты юбилейного года (В области литературы и искусства МССР). — Советская Молдавия, 1967, 12 октября.

Мареле Октомбрье щи ынфлоририя нацией социалисте молдовенешть. — Молдова Социалистэ, 1967, 30 ноембр.

Октябрь и расцвет молдавской социалистической нации. — Советская Молдавия, 1967, 30 ноября.

Ози де неуйтат ўш исторія попорулуй молдовенеск. — Молдова Социалистэ, 1967, 28 юни.

Незабываемый день в истории молдавского народа. — Советская Молдавия, 1967, 28 июня.

Выступление на пленуме ЦК КП Молдавии. — Вечерний Кишинев, 1967, 16 февраля.

Золотые плоды Молдавии. — Красная звезда, 1967, 26 сентября.

К новым рубежам науки. — Московская правда, 1967, 5 сентября; Советская Молдавия, 1967, 14 марта.

1968

Прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России. — Кишинев, 1968. — 20 с. (Совместно с И. Г. Будаком).

Наука в Молдавии — детище Советской власти. — В кн.: Великий Октябрь в судьбах молдавского народа. (Материалы науч. конф.). Кишинев, 1968, с. 204—221.

Спор ла мункэ, драйъ приетень! Салутаре конгресулуй IV ал ынвэцэторилор дин Молдова. — Ынвэцэторул советик, 1968, № 5, п. 10—12.

Детище Советской власти (АН МССР). — Техника молодежи, 1968, № 8, с. 1.

Енциклопедия ноастрэ. — Култура, 1968, 7 ноембр., п. 12—13.

Меридианеле штиинцей молдовенешть. — Молдова Социалистэ, 1968, 13 февр.

Маршруты молдавской науки. — Советская Молдавия, 1968, 13 февраля.

О кондиции а прогресулуй. — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1968, 13 януар.

Условие прогресса. — Вечерний Кишинев, 1968, 13 января.

Штиинца Молдовей. — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1968, 25 юлие.

Юность комсомольская. — Советская Молдавия, 1968, 18 октября.

1969

Самая молодая академия страны (О деятельности АН Молдавской ССР). — Культура и жизнь, 1969, № 5, с. 26—27.

Екзаменул ленинист ал штиинцей молдовенешть. — Молдова Социалистэ, 1969, 1 юниe.

Рапортаяэ штиинца Молдовей. — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1969, 2 юниe.

Сондаря адынчимилор. — Молдова Социалистэ, 1969, 1 юниe.

Спремой объективе але штиинцей молдовенешть. — Молдова Сочиалист, 1969, 20 фебр.

К новым рубежам науки. — Советская Молдавия, 1969, 20 февраля.

Важная проблема современности. — Советская Молдавия, 1969, 18 ноября.
Рец. на кн.: *Бодюл И. И. Важная социальная проблема коммунистического строительства*. Кишинев, 1969.

Зрелость молодой науки. — Гудок, 1969, 11 октября.

Маршруты молдавской науки. К ленинским дням науки Молдавии в Москве (Рассказ президента АН МССР). Записала М. Дмитриева. — Молдавская правда, 1969, 1 июня.

Прения по докладу депутата Е. И. Осташко «О проекте Закона Молдавской ССР об охране памятников культуры». Гросул Я. С. и др.— Советская Молдавия, 1969, 30 декабря.

Речь президента АН МССР Я. С. Гросула (На юбилейной сессии общего собрания АН УССР. Киев, май 1969). — Вістник Академии наук УССР, 1969, № 2, с. 62.

1970

О датэ ремаркабилэ ын история нородулуй молдовенеск. — Кишинэу, 1970.— 26 п. (Ын колабораре ку Б. К. Визер).

Знаменательная дата в истории молдавского народа. — Кишинев, 1970.— 25 с. (Совместно с Б. К. Визером).

Историческая наука Молдавской ССР. — М., 1970. — 125 с. (Совместно с Н. А. Моховым).

Академия де Штиинце а РСС Молдовенешть.— Ын картя: ЕСМ, вол. I. Кишинэу, 1970, п. 55—58.

Букурешть, трататул де 'паче де ла~.— Ын картя: ЕСМ, вол. I. Кишинэу, 1970, п. 512.

Наука Советской Молдавии. — В кн.: Ленин и современная наука. Кн. 2. М., 1970, с. 520—538.

Штиинца сервеште нородулуй. — Агрономика Молдовей, 1970, № 4, п. 10—13.

Наука служит народу. — Сельское хозяйство Молдавии, 1970, № 4, с. 10—13.

Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1970, 10 фебр.

Штиинца ын сервичиул нородулуй: Интервью ку президентул АШ а РССМ Я. С. Гросул. — Молдова Сочиалистэ, 1970, 27 фебр.

Ын чинствя марелуй жубилеу: Кэтре апарация примулуй волум ал ЕСМ. — Зориле Буковиней, 1970, 10 фебр.

Горизонты молдавской науки. — Советская Молдавия, 1970, 27 февраля.

Историческая веха. — Советская Молдавия, 1970, 3 апреля.

Наука на службе народа. — Советская Молдавия, 1970, 11 ноября.

От сельского учителя до академика (Об академике И. К. Вартичане.) — Советская Молдавия, 1970, 22 сентября.

1971

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру класеле 7—8 але школий медий. — Кишинэу, 1971. — 171 п. (Ын колабораре ку Н. А. Моховши Е. М. Руссов).

Летописецул приетений. — Нистру, 1971, № 9, п. 147—152. (Ын колабораре ку И. Маринеску).

Рец. на кн.: *Листая летопись дружбы. (История связи народов Молдавии и Болгарии)*. Кишинев, 1970.

Уи евенимент де маре ынсемнатэ прогресистэ. — Комунистул Молдовей, 1971, № 5, п. 31—37. (Ын колабораре ку В. Жуков).

Событие большого прогрессивного значения. — Коммунист Молдавии, 1971, № 5, с. 31—37 (Совместно с В. Жуковым).

Штиинца републичий: Интервю ку президентул АШ а РССМ Я. С. Гросул. — Комунистул Молдовей, 1971, № 3, п. 62—65; Культура, 1971, 27 март.

К новым успехам науки. (Интервью с президентом АН МССР Я. С. Гросулом о развитии науки в Молдавии). — Коммунист Молдавии, 1971, № 3, с. 61—64.

Гросул Я. С., Шевяков А. А. Рец. на кн.: Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918—1940). Кишинев, 1970. — Вопросы истории, 1971, № 7, с. 168—170.

Дезбатериле пе маржиня рапортелор КЧ ши Комиссии де ревизие але ПК ал Молдовей (Я. С. Гросул ш. а.). — Молдова Социалистэ, 1971, 28 фебр.

Прения по отчетам ЦК и Ревизионной комиссии Компартии Молдавии. Гросул Я. С. и др. — Советская Молдавия, 1971, 28 февраля.

10 ань де қаутэрь ши дескоперири: Интервю ку Я. С. Гросул, президентул АШ а РССМ. — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1971, 3 ауг.

Ориентуриле штиинци. — Молдова Социалистэ, 1971, 1 ауг.

Рубежи нашей науки. К 10-летию образования АН МССР. — Советская Молдавия, 1971, 1 августа.

Чинчинаул қоутэррилор кутеэтоаре. — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1971, 22 марта.

Пятилетие смелых поисков. — Вечерний Кишинев, 1971, 22 марта.

Наука и общественный прогресс. — Советская Молдавия, 1971, 4 декабря.

1972

Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861—1905 гг.). Кишинев, 1972. — 603 с. (Совместно с И. Г. Будаком).

Рец.: Березняков Н. Ценная книга по истории молдавской нации. — Кодры, 1972, № 5, с. 142—148; Бескровный Л. Г., Шевяков А. А. — Вопросы истории, 1973, № 2, с. 151—153; Нифонтов А. С. — История СССР, 1973, № 5, с. 198—201; Жуков В., Советов П. Исследование народного хозяйства дореволюционной Молдавии. — Советская Молдавия, 1972, 25 мая.

Развитие науки в Советской Молдавии. — Тбилиси, 1972. — 22 с. (АН ГССР. Юбилейная серия «Наука в союзных республиках»).

Историе. — Ын карти: ECM, вол. 3. Кишинэу, 1972, п. 129—130. (Ын колабораре ку И. Шлаен).

Историографие. — Ын карти: ECM, вол. 3. Кишинэу, 1972, п. 130. (Ын колабораре ку И. Шлаен).

Ынсемнэтатя прогресистэ а алипирий Басарабией ла Русия. — Комунистул Молдовей, 1972, № 5, п. 29—37. (Ын колабораре ку И. Будак).

Прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России. — Коммунист Молдавии, 1972, № 5, с. 29—37. (Совместно с И. Будаком).

Десять лет Академии наук Советской Молдавии. — Вестник АН Казахской ССР, 1972, № 3, с. 3—12.

Наука в Советской Молдавии. К 50-летию образования СССР. — Вестник АН УССР, 1972, № 11, с. 3—9; Известия АН Киргизской ССР, 1972, № 6, с. 41—46.

Советская Молдавия и ее наука. — В кн.: Наука Союза ССР. М., 1972, с. 289—307.

Создание обобщающего труда по истории науки Молдавии. — В кн.: Вопросы истории естествознания и техники. К 50-летию образования СССР. М., 1972, вып. 4 (41), с. 54—55.

Дорогой прогресса. — Знания та праця, 1972, № 6, с. 1—3. — На укр. яз.

Развитие науки в Советской Молдавии. — Кодры, 1972, № 7, с. 85—94.

Рубежи нашей науки. — Айостани ардюнаберутюн, 1972, № 4, с. 6—8. — На арм. яз.

Своим рождением наука Молдавии обязана советскому строю. — Химия и жизнь, 1972, № 7, с. 3—6. (Совместно с А. В. Абловым).

Страна передовой науки. — Техника и вооружение, 1972, № 12, с. 15—45. (Совместно с М. Лаврентьевым и Б. Патоном).

Формула прогресса. — Техника молодежи, 1972, № 3, с. 8.

А скрие пентру попор. — Кишинэу. Газета де сарэ, 1972, 1 юлие.

Писать для народа. — Вечерний Кишинев, 1972, 1 июня.

Академия де штиинце а РССМ: Нумеле кандидатilor ын мембri активу. — Молдова Социалистэ, 1972, 9 деч. (Ып колабораре ку Г. Чалый).

Де ла АШ а РССМ. Алежеря мембрилор активу: Академичиень ай АШ а РССМ. — Молдова Социалистэ, 1972, 3 деч. (Ып колабораре ку Г. Чалый).

От АН МССР. (О новом пополнении чл.-кор. АН МССР). — Советская Молдавия, 1972, 30 декабря (Совместно с Г. Чалым).

Константинеску-Яшь ла Кишинэу: Дин активитатя луй ын Басарбия. — Молдова Социалистэ, 1972, 26 ноембр. (Ып колабораре ку Н. Мохов).

Формула прогресулуй. — Тинеримя Молдовей, 1972, 8 марта.

Чинчинаул есте бусола савантулуй. — Зориле Буковиней, 1972, 6 ауг.

Пятилетка — компас ученого. — Дагестанская правда, 1972, 28 октября; Ленинградская правда, 1972, 27 сентября; Ленинська правда, 1972, 22 июля. — На укр. яз.; Наука и жизнь, 1972, № 10, с. 58—59; Приокская правда, 1972, 2 августа; Коммунист Таджикистана, 1972, 8 августа; Рахва Хяэль, 1972, 12 декабря. — На эст. яз.; Слава Севастополя, 1972, 21 ноября; Советская Калмыкия, 1972, 5 сентября; Советский Туркменистан, 1972, 2 августа. — На туркм. яз.

Богатства культуры — народу. — Хорезмская правда, 1972, 6 октября.

Диалектика единства. — Советская Молдавия, 1972, 2 июня.

Духовное единство. — Заря Востока, 1972, 20 октября.

Компас ученого. — Коммунисти (Коммунист), 1972, 17 ноября. — На груз. яз.; Индустримальное Запорожье, 1972, 2 августа; Ленинградская правда, 1972, 27 сентября; Радянська Буковина, 1972, 3 сентября. — На укр. яз.; Социалистическая индустрия, 1972, 27 сентября.

Могучий комплекс. — Рабитныча газета, 1972, 15 июня.

На главных рубежах. — Советская Молдавия, 1972, 13 декабря.

Новое пополнение Академии наук. — Советская Молдавия, 1972, 4 января.

От нуля — в стадию больших цифр. — За науку в Сибири, 1972, 18 октября, с. 1—2.

Писать для народа. — Вечерний Кишинев, 1972, 1 июня.

Пятилетка — наш компас. — Призыв (г. Владимир), 1972, 14 ноября.

Свет науки. (О создании АН МССР и о развитии науки в Молдавии). — Известия, 1972, 11 декабря.

Слово о Молдавии. — Тарибине Клайпеда, 1972, 29 июня. — (То же парал. изд. «Советская Клайпеда» — на рус. яз.)

1973

Типологические пути позднего феодализма и переходного к капитализму периода в Дунайских княжествах. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.). Кишинев, 1973, с. 126—141. (Совместно с П. В. Советовым).

О ноуз комплектаре а Академией: Ноий мембрри активу ай АШ а РССМ.— Молдова Социалистэ, 1973, 4 януар.

Новое пополнение Академии наук. — Советская Молдавия, 1973, 4 января.

От букваря по интеграла.— Советская Молдавия, 1973, 12 октября.

1974

Де ла аналфабетизм ла кулмиле штиинцей. — Комунистул Молдовей, 1974, № 9, п. 31—38.

От неграмотности до вершин науки. — Коммунист Молдавии, 1974, № 9, с. 31—38.

Институт истории. — В кн.: Академия наук Молдавской ССР. Кишинев, 1974, с. 28—47. (Совместно с И. Г. Будаком).

Наука Советской Молдавии — детище ленинской национальной политики. — Там же, с. 6—27.

Наш вклад в развитие экономики и культуры республики. — Культура и жизнь, 1974, № 11, с. 23—24.

Акт де маре валоаре. — Молдова Социалистэ, 1974, 26 март.

Род ал революцией: Мареле Октомбrie ын дестинул попорулуй молдовенеск. — Молдова Социалистэ, 1974, 6 ноембр.

Большой путь. К 60-летию А. М. Лазарева. — Советская Молдавия, 1974, 3 октября.

Крылья прогресса. (О достижениях науки Молдавии за годы Советской власти). — Молодежь Молдавии, 1974, 3 сентября; Рахва хяэль (Таллин), 1974, 1 ноября. — На эст. яз.

Наука — на службе производства. — Советская Молдавия, 1974, 14 августа.

1975

Реформа цэрэняскэ дин 1868. — Ын картя: ЕСМ, вол. 5. Кишинэу, 1975, п. 501.

Историография борьбы за власть Советов в Молдавии. — В кн.: Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии академика И. И. Минца. М., 1975, с. 401—409. (Совместно с Н. А. Моховым).

Итоги и задачи исследования проблемы социалистического и коммунистического строительства в Молдавской ССР. — История СССР, 1975, № 1, с. 70—84. (Совместно с Б. К. Визером, Л. Е. Репидой, К. В. Стратиевским).

Молдавия. — В кн.: Развитие советской исторической науки 1970—1974 гг. М., 1975, с. 404—408.

Роль Академии наук СССР в развитии академической науки Молдавии. — Известия АН МССР. Сер. обществ. наук, 1975, № 1, с. 3—12. (Совместно с О. Ю. Тарасовым).

Роль Л. В. Черепнина в становлении исторической науки Советской Молдавии. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 9—12. (Совместно с Н. А. Моховым).

О лукреце валороса деспре организаря статалэ советикэ молдовеняскэ. — Комунистул Молдовей, 1975, № 2, п. 80—84. (Ын колабораре ку Б. Н. Визер).

Важный труд о молдавской государственности. — Коммунист Молдавии, 1975, № 2, с. 80—84.

Критериул принципал — ефичиенца. — Молдова Социалистэ, 1975, 25 ноембр.

Штиинца ын чинчинал: Апортул штиинцей молдовенешть ын маря мункэ а чинчиналалуулай. Интервью. — Култура, 1975, 5 юлие, п. 3.

Гордость и слава народа. (Высказывания): Я. С. Гросул и др. Московская правда, 1975, 12, 14, 15 октября.

Дружба на все времена. — Советская Молдавия, 1975, 4 апреля.

Жизнь, отданная науке. (К 75-летию действительного члена АН МССР профессора М. Ф. Ярошенко). — Советская Молдавия, 1975, 11 июня.

Михаил Храбрый и Молдавия. — Советская Молдавия, 1975, 14 сентября (Совместно с Н. Моховым, П. Советовым).

Новые рубежи науки. — Советская Молдавия, 1975, 23 февраля.

1976

Извор ефициент ал прогресулуй. — Коммунист Молдовей, 1976, № 1, п. 44—48.

Животворный источник прогресса. — Коммунист Молдавии, 1976, № 1, с. 44—48.

Тишков В. А. Общее годичное собрание отделения истории АН МССР. (Обзор. Среди выступавших — Я. С. Гросул). — Вопросы истории, 1976, № 6, с. 137—140.

Проблемы аграрной истории Молдавии в современной историографии. — В кн.: XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников. М., 1976, с. 31—43. (Совместно с Б. К. Визером, В. И. Жуковым, М. П. Мунтяном и др.).

Деэбатериile асупра рапортулуй КЧ ши Комисией де ревизие але ПК ал Молдовей. (Гросул Я. С. ш. а.) — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1976, 2 фебр.; Молдова Социалистэ, 1976, 2 фебр.

Прения по отчетам ЦК и Ревизионной комиссии КП Молдавии (Я. С. Гросул и др.) — Советская Молдавия, 1976, 2 февраля; Вечерний Кишинев, 1976, 2 февраля.

Лучафэр штиинцифик: 15 ань де ла ыпфиинцаря АШ а РССМ. — Култура, 1976, 31 юлие, ц. 10—11.

О ноуз комплектаре а Академией (де штиинцэ а РССМ). — Молдова Социалистэ, 1976, 30 апр.

Новое пополнение Академии наук. — Советская Молдавия, 1976, 30 апреля.

Речь тов. Я. С. Гросула на 14-м съезде КП Молдавии. — Вечерний Кишинев, 1976, 2 февраля; Советская Молдавия, 1976, 2 февраля.

Спре ной трепте але штиинцей. — Култура, 1976, 14 фебр., п. 7.

На рубежах прогресса. — Советская Молдавия, 1976, 4 августа.

1977

Проблемы аграрной истории Молдавии в современной историографии. — В кн.: Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной историографии. (Материалы XVI сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории, Кишинев, 1976). Кишинев, 1977, 87—106. (Совместно с Б. К. Визером, В. И. Жуковым, М. П. Мунтяном и П. В. Советовым).

1978

Развитие капиталистических отношений в экономике. — В кн.: Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев, 1978, с. 57—73. (Совместно с И. Г. Будаком, В. И. Жуковым).

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ, ВЫШЕДШИХ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. С. ГРОСУЛА

1947

Ынсемнэрь штиинцифиче /Институтул де историе, лимбэ ши литература; База молдовеняскэ де черчетэрь штиинцифиче а АШ а Униуний РСС, вол. I.— Кишинэу, 1947.— 82 п.

1948

Ученые записки Ин-та ист., яз. и лит.; Молд. н.-и. база АН СССР. Т. 1. Кишинев, 1948.— 76 с.

1949

Малинский В. «Реформа» аграрэ дип аний 1918—1924 ын Басарабия.— Кишинэу, 1949.— 156 п.

Ученые записки Ин-та ист., яз. и лит.; Молд. н.-и. база АН СССР. Т. 2. Кишинев, 1949.— 270 с.

1950

Научные записки Ин-та ист., яз. и лит.; Молд. фил. АН СССР. Т. 3, Кишинев, 1950.— 215 с.

Ученые записки. Кишиневский гос. ун-т. Т. 2, Кишинев, 1950.— 117 с.

1951

История Молдавии. Т. 1. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. А. Д. Удальцова (отв. ред.) и Л. В. Черепнина. Кишинев, 1951.— 624 с. (Совместно с А. М. Лазаревым, Н. А. Моховым).

Рец.: *Мышко Д. И., Ткаченко Н.* — Вопросы истории, 1952, № 7, с. 134—137; *Устюгов Н. В., Яцунский В. К.* — Вопросы истории, 1952, № 7, с. 130—134; *Ипатенко П.* Уи принос ла дэзволтаря культуры молдовенешть.— Молдова Социалистэ, 1952, 2 юлие; *Ипатенко П.* Ценная книга.— Октябрь, 1952, № 1, с. 92—95; *Дмитриев С.* Нужная и ценная книга.— Советская Молдавия, 1952, 25 мая; *Дыков И.* — Октябрь, 1952, № 1, с. 86—91.

1954

История РСС Молдовенешть. Ын 2 вол. Вол. 1. Дин времуриле стрэвекъ пынэ ла Маря Революции Социалистэ дин Октомбрье /Суб ред. луй А. Д. Удальцов (ред. респ.). Л. В. Черепнин.— Кишинэу, 1954.— 699 п. (Ын колабораре ку А. М. Лазарев, Н. А. Мохов ш. а.).

1955

История РСС Молдовенешты. Ын 2 вол. Вол. 2. Де ла Маря Революции Социалистэ дин Октомбrie пынэ ын зилеле поастре /Суб. ред. луй С. П. Трапезников, Н. А. Мохов. — Кишинэу, 1955. — 473 п.

Рец.: *Воронин П.* Ценный труд по истории Молдавии. — Коммунист Молдавии, 1965, № 1, с. 59—64.

История Молдавской ССР. Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Под ред. С. П. Трапезникова (отв. ред.), Н. Мохова. Кишинев, 1955. — 436 с. (Совместно с А. М. Лазаревым, Н. А. Моховым и др.).

1957

История Молдавии. Документы и материалы. Т. 2. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшинского. Сост.: К. Л. Крыжановский, Е. М. Руссов; гл. ред.: С. Я. Афтенюк, В. А. Богдановская, Я. С. Гросул, Н. А. Мохов и др. Кишинев, 1957. — 670 с.

Проект программы курса истории Молдавии. Сост.: Н. А. Мохов, М. П. Мунтян. Кишинев, 1957. — 19 с.

Ученые записки Ин-та ист., яз. и лит.; Молд. н.-и. база АН СССР. Т. 6, Кишинев, 1957. — 313 с.

1958

История РСС Молдовенешты: Мануал пентру класа 8-а. П. I. — Кишинэу, 1958. — 72 п. (Ын колабораре ку Н. А. Мохов, Е. М. Руссов). История Молдавской ССР. Учебник для 8 кл. Ч. 1. Кишинев, 1958. — 70 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Е. М. Руссовым).

Борцы революционного подполья Молдавии. Сб. статей. Сост.: Е. Н. Буков, И. И. Довгополый, Н. Н. Романенко. Кишинев, 1958. — 274 с. (Совместно с С. Я. Афтенюком и Е. Н. Буковым).

Рец.: *Аникин П.* Образы вечно живых. — Вечерний Кишинев, 1959, 9 февраля; Книга, зовущая к подвигам. — Днестр, 1959, № 1, с. 142—143.

1959

Ученые записки Ин-та ист. Молд. фил. АН СССР. Т. 1(10). Одесса, 1959. — 249 с. (Совместно с С. Я. Афтенюком, Б. М. Иткисом и др.).

1960

Луптэторь ай мишкэрий революционаре илегале дин Молдова. Кулежере де артиколе /Алк.: Е. Н. Буков, И. И. Довгополый, Н. Н. Романенко. — Кишинэу, 1960. — 298 п. (Ын колабораре ку С. Я. Афтенюк, Е. Н. Буков ш. а.).

Реч.: *Арцару А.* Май тарь ка лейкенда. — Култура Молдовей, 1959, 12 март.

1961

История РСС Молдовенешты: Материал ажутэтор пентру класеле 8—9. Едиц. а 4-а. — Кишинэу, 1961. — 150 п.

История Молдавской ССР. Учеб. пособ. для 8—9 кл. — Изд. 3-е. Кишинев, 1961. — 143 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Е. М. Руссовым). Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27—29 ноября 1958 года. Кишинев, 1961. — 472 с. (Совместно с Н. А. Моховым).

История Молдавии. Документы и материалы. Т. 5. Крестьянское движение в Молдавии эпохи империализма. Сост.: Ю. Г. Иванов, Н. А. Мохов, И. И. Немирович и др. Кишинев, 1961. — 596 с.

Реч.: *Сабадырев И.* О ноуз кулежере де документе привитоаре ла история Молдовей. — Коммунист Молдовей, 1962, № 1, п. 80—83; *Сабадырев И.* Новый сборник документов по истории Молдавии, — Коммунист Молдавии, 1962, № 1, с. 77—80.

1962

Вопросы истории социалистического строительства в Молдавской ССР: Сб. стат. Кишинев, 1962. — 167 с.

История Молдавии. Документы и материалы. Т. 3. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861): Сб. док. Ч. 1. Сост. И. А. Анцупов и др., гл. ред. Я. С. Гросул. Кишинев, 1962.—612 с. (Ин-т ист. Центр. гос. архив МССР).

Рец.: Мунтян М. — Ученые записки. Кишиневский ун-т., 1963, т. 65, с. 123—126.

Ученые записки. Кишиневский гос. ун-т. Т. 48. Сер. ист. Кишинев, 1962. — 169 с. (Совместно с В. С. Чепурновым — отв. ред., С. К. Брысякиным и др.).

1963

История РСС Молдовешть: Мануал пеитру кл. 10.—Кишинэу, 1963.—140 п. (Ын колабораре ку Н. А. Мохов, Д. Е. Шемяков).

История Молдавской ССР. Учеб. пособ. для 10 кл. — Кишинев, 1963. — 126 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Д. Е. Шемяковым).

Из истории науки и техники: Материалы первой конференции историков естествознания и техники Молдавии (17 мая 1962). — Кишинев, 1963. — 188 с.

1964

Жуков В. И. Города Бессарабии 1812—1861 годов. Очерки социально-экономического развития. — Кишинев 1964 — 252 с. ил.

История Молдавии. Документы и материалы. Т. 4. Положение крестьян и общественно-политическое движение в Бессарабии 1861—1895 гг. — Кишинев. 1964. — 719 с.

Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. — Кишинев, 1964. — 631 с. (Совместно с И. Миндлем).

Реч.: Антонюк Д. Ун студиу прециос ку привире ла история революции социалисте дин Молдова. — Комунистул Молдовей, 1965, № 2, п. 73—77; Антонюк Д. Ценное исследование по истории социалистической революции в Молдавии. — Коммунист Молдавии, 1965, № 2, с. 73—76.

1965

История РСС Молдовенешть: Пентру шкоала медие. — Кишинэу, 1965. — 269 д.

История Молдавской ССР. Учеб. пособ. для ср. шк. Кишинев, 1965.—
250 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Е. М. Руссовым, Д. Е. Шемяковым).

Исторические связи народов ССР и Румынии в XV — начале XVIII в.
Документы и материалы. В 3-х т. Т. 1. 1408—1632. Ред. коллегия:
Я. С. Гросул, К. Н. Пушкирев (отв. ред.) и др. М., 1965. — 363 с.

Реч.: Богайчик Н. Дин история реласиilor фрэшеть. — Буковина Советіка, 1966, 22 юніе; Драгнэв Д. М., Советов П. В. Совместная публикация советских и румынских ученых. — Советские архивы, 1966, № 2, с. 108—110; Назаров В. Д. Источники по славяно-румынским связям. — Советское славяноведение, 1966, № 4, с. 83—86; Шевченко Ф. П. — Украйнський історичний журнал, 1965, № 10, с. 150—153.

История Молдавской ССР. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1965. — 659 с. (Совместно с Л. В. Черепинским — отв. ред. и др.).

Реч. А. Др.)
Реч. *Койфман И., Мунтян М.* О поуэ едицие а «Историей РСС Молдовенештъ». — Коммунистул Молдовей, 1966, № 8, п. 78—80; *Койфман И., Мунтян М.* Новое издание «Истории Молдавской ССР». — Коммунист Молдавии, 1966, № 8, с. 78—80; *Зимин А. А., Смирнов А. Ф.* О лукраре капитала. — Молдова Социалистэ, 1966, 8 сентябрь; *Зимин А. А., Смирнов А. Ф.*

нов А. Ф. — Вопросы истории, 1967, № 2, с. 163—168. *Вербицкий Е., Потлог В., Шлаен И.* О лукрате фундаменталэ де историе а Молдовей. — Нистру, 1966, № 11, п. 134—143; *Жуков Е., Черныш Е., Раевский Н.* Обобщающий труд молдавских историков. — Советская Молдавия, 1966, 15 октября; *Руссов Е., Советов П.* Ценный труд по истории молдавского народа. — Советская Молдавия, 1965, 5 ноября, *Исаевич Я. Д.* — Український історичний журнал, 1968, № 7, с. 140—142.

1966

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 год. — Кишинев, 1966. — 787 с. (Совместно с В. К. Яцунским — отв. ред., С. Д. Сказкиным).

1967

История РСС Молдовенешть. Ін 2 вол. — Едиц. а 2-а, ревзутэ ши компл. Вол. I. Дин тимпуриле челе май векъ пынэ ла Маря Революции Социалистэ дин Октомбрье. — Кишинэу, 1967. — 710 п. (Ін колабораре ку Л. В. Черепнин — ред. реценсабил, Ю. Г. Иванов).

История Молдавской ССР. Учеб. пос. для 9—10 кл. Ч. 2. Кишинев, 1967. — 120 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Д. Е. Шемяковым).

1968

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 9—10. П. 2-а. — Кишинэу, 1968. — 128 п. (Ін колабораре ку Н. А. Мохов, Д. Е. Шемяков).

История Молдавской ССР. Учеб. пос. для 9—10 кл. Ч. 2. Кишинев, 1968. — 119 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Д. Е. Шемяковым).

Дубравы центральной Молдавии. — Кишинев, 1968. — 148 с. (Совместно с Г. С. Гейдеман).

Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 2. 1633—1673 (Сост.: В. А. Костакэл, Н. А. Мохов, П. Н. Никитина и др.). — М., 1968,—446 с. (АН СССР, Ин-т ист., Акад. Соц. Респ. Румынии, Ин-т ист., АН МССР, Ин-т ист.).

Рец.: *Драгнев Д. М., Советов П. В.* Совместная документальная публикация историков. — Известия АН МССР, Сер. обществ. наук, 1971, № 3, с. 91—95; *Шевченко Ф. П.* — Український історичний журнал, 1969, № 10, с. 153—154.

История Молдавской ССР. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Кишинев, 1968. — 814 с. (Совместно с С. П. Трапезниковым и др.).

Рец.: *Исаевич Я. Д.* — Український історичний журнал, 1968, № 7, с. 140—142; *Будак И., Лисецкий А.* Новое издание истории Молдавской ССР. — Советская Молдавия, 1968, 6 июня; *Лисецкий А.* Важный вклад в историческую науку. — Советская Молдавия, 1972, 15 мая.

1969

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 9—10. П. 2. а. — Кишинэу, 1969. — 128 п.

История Молдавской ССР: Учеб. пос. для 9—10 кл. Ч. 2. Кишинев, 1969. — 116 с.

История Молдавии. Документы и материалы. Т. 3, Ч. 2. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861 гг.). Сб. док. Глав. ред. Я. С. Гросул. Кишинев, 1969. — 681 с.

1970

Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Ын 8 вол. Вол. I. А.— Ватрэ.— Кишинэу, 1970.

Реч.: *Бусуйок Л.* — Ынвэцэмбынтул публик, 1978, 29 март.; *Волосюк В.* Куньштинце де дрепт ын ЕСМ. — Молдова Социалистэ, 1973, 21 ауг.

История РСС Молдовенешть. Ын 2 вол. Едиц. а 2-а, ревэзутэ ши компл. Вол. 2. Де ла Маря Револуцие Социалистэ дин Октомбrie пынз ын зилеле ноастре. — Кишинэу, 1970. — 876 п. (Ын колабораре ку С. П. Трапезников (ред. респонсабил), С. Я. Афтенюк).

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 9—10. — Кишинэу, 1970. — 128 п.

Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII века: Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. 1673—1711. Сост.: В. А. Констэкл, Е. М. Руссов, Л. Е. Семенова. М., 1970. — 415 с.

Советский Союз. (Географическое описание). В 22-х Т. Молдавия. (И. А. Крупенников, Д. А. Мирский, М. М. Радул; Ред. коллегия С. В. Колесник — пред. и др.) — М., 1970. — 235 с. (Совместно с М. М. Радулом).

Реч.: *Уваров В.* Униуня Советикэ. Молдова. — Комунистул Молдовей, 1970, № 10, п. 75; *Ткачук Г.* Молдова ын серия «Униуня Советикэ». — Ынвэцэторул Советик, 1971, п. 57—59.

1971

Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Ын 8 вол. Вол. 2. Ватутин — Заре. — Кишинэу, 1971. — 564 п.

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 7—8 але школий медий /Трад. де Т. Магдер, О. Чербяну. — Кишинэу, 1971. — 171 п.

История Молдавской ССР. Учеб. пос. для 7—8 кл. сред. шк. Кишинев, 1971. — 160 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Е. М. Руссовым).

История Румынии 1848 — 1917, М., 1971. — 668 с. (Совместно с В. Н. Виноградовым, Ю. А. Писаревым, П. В. Советовым).

1972

Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Ын 8 вол. Вол. 3. Зарзэр—Кяг. — Кишинэу, 1972. — 575 п.

Реч.: *Волосюк В.* Куньштинце де дрепт ын ЕСМ. — Молдова Социалистэ, 1973, 21 ауг.

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 7—8 але школий медий. Едиц. а 2-а. — Кишинэу, 1972. — 171 п.

История Молдавской ССР. Учеб. пос. для 7—8 кл. сред. шк.— Изд. 2-е. Кишинев, 1972. — 160 с.

Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972. — 277 с. (Совместно с И. Г. Будаком, П. Г. Дмитриевым, П. В. Советовым).

Юго-Восточная Европа в середине века. (Ред. коллегия Я. С. Гросул — отв. ред. и др.) Кишинев, 1972. — 376 с.

1973

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру класеле 7—8. Едиц. а 3-а. /Трад. де Т. Магдер, О. Чербяну. — Кишинэу, 1973. — 172 п.

1974

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 7—8. Едиц. а 4-а, ревэзутэ. — Кишинэу, 1974. — 191 п.

Реч.: *Русу И.*, *Потлог В.* О фрумоасэ реализаре историко-педагожики-ке. — Ынвэцэторул Советик, 1974, № 9, п. 59—61.

История Молдавской ССР. Учеб. пос. для 7—8 кл. сред. шк. Изд. 4-е, перераб. Кишинев, 1974. — 176 с.

Академия наук Молдавской ССР. Сб. стат. Ред. коллегия: Я. С. Гросул, И. Г. Будак, С. С. Чиботару и др. Кишинев, 1974. — 319 с. (АН МССР. Комиссия по ист. науки и техн.)

Рец.: Все о науке. — Советская Молдавия, 1974, 1 ноября.

Известия АН МССР. Сер. обществ. наук. Кишинев, № 1, 1974. — 96 с. Иовва И. Ф. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974. — 257 с.

История народного хозяйства Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 3. 1917—1958 гг. Ред. коллегия Я. С. Гросул и др. Кишинев, 1974. — 375 с.

1975

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 7—8. Едиц. а 5-я, ревизутэ. — Кишинэу, 1975. — 190 п.

История Молдавской ССР. Учеб. пос. для 7—8 кл. сред. шк. — Изд. 5-е. Кишинев, 1975. — 176 с.

Жуков В. И. Города Бессарабии (1861—1900). Очерки социально-экономического развития. Кишинев, 1975. — 291 с.

1976

История народного хозяйства Молдавской ССР. Т. 1. С древнейших времен до 1812 г. Глав. ред. Я. С. Гросул, И. Г. Будак, А. М. Лазарев, Н. П. Фролов. Кишинев, 1976. — 435 с.

1977

История РСС Молдовенешть: Мануал пентру кл. 7—8. Едиц. а 6-я, ревизутэ. — Кишинэу, 1977. — 150 п. (Ын колабораре ку Н. А. Мохов, Е. М. Руссов).

История Молдавской ССР. Учеб. пос. для 7—8 кл. Изд. 6-е, перераб. Кишинев, 1977. — 140 с. (Совместно с Н. А. Моховым, Е. М. Руссовым).

История народного хозяйства Молдавской ССР. Т. 2. 1812—1917. Ред. коллегия: Я. С. Гросул (отв. ред.), В. И. Жуков, Н. П. Фролов. Кишинев, 1977. — 350 с.

Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. (Э. А. Рикман, И. Г. Хынку, В. С. Зеленчук и др.). Кишинев, 1977. — 459 с.

Рец.: Козлов В. И. — Советская этнография, 1978, № 4, с. 175—178. Наулько В. И. Величественная панорама братской республики. — Народна творчисть та этнография, 1977, № 6, с. 82. — На укр. яз.; Карманова С. Действительность опровергает фальсификаторов. — Советская Молдавия, 1977, 11 марта.

Тарасов О. Ю. Наука и ее организация в МССР (1966—1970). Кишинев, 1977. — 159 с.

1978

История народного хозяйства Молдавской ССР. Т. 4. 1959—1975 гг. Редкол.: Я. С. Гросул, И. Г. Будак, Н. П. Фролов, А. М. Лазарев и др. Кишинев, 1978. — 398 с.

Победа Советской власти в Молдавии. (Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко и др.) М., 1978. — 294 с. (Совместно с Минцем и др.).

1979

Бируинца Путерий Советиче ын Молдова /Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко ш. а. — Кишинэу, 1979. — 384 п. (Ын колабораре ку И. И. Минц).

Рец.: Новак А. Торжество Великого Октября в Молдавии. — Советская Молдавия, 1980, 18 мая.

ЛИТЕРАТУРА ОБ АКАДЕМИКЕ Я. С. ГРОСУЛЕ

Видный ученый (Историк Я. С. Гросул). — Советская Молдавия, 1958, 11 марта.

Гросул Я. С. — президентул АШ а РСС Молдовенешть. Биографие скуртэ. — Култура Молдовей, 1961, 3 ауг.; Молдова Социалистэ, 1961, 3 ауг.; Тинеримя Молдовей, 1961, 4 ауг.

Гросул Я. С. — президент АН Молдавской ССР. Краткая биография. — Молодежь Молдавии, 1961, 4 августа; Советская Молдавия, 3 августа.

Академицанул Я. С. Гросул: 50 де ань де ла наштере. — Култура Молдовей, 1962, 20 сент.

Кандидаций нородулуй: Деспре кандидаций ын депутатъ ай Совету-луй Супрем ал Униуний РСС З. Т. Сердюк, Я. С. Гросул ш. а. — Култура Молдовей, 1962, 4 март.

Чибогару С. С. Савант — четэцэн: Академицанул Я. С. Гросул ла 50 де ань. — Молдова Социалистэ, 1962, 22 сент.

Гросул Яким Сергеевич. — В кн.: Советская Историческая Энциклопедия. М., 1963, т. 4, с. 801.

Мохов Н. Я. С. Гросул (60 де ань де ла наштере). — Ын картия: Календар 1972. Кишинэу, 1972, п. 142—143.

Феличитэриле ноастре, фокар ал штиинцей ши ал културий! Университет «В. И. Ленин» ла ун иэттар де вяк. Деспре саванций Я. С. Гросул ши С. И. Радауцан. — Типеримя Молдовей, 1971, 17 окт.

Мохов Н. Гросул Яким Сергеевич. Президент ал АШ а РСС Молдовенешть. — Ниистру, 1972, № 9, п. 123—125.

Мохов Н. Яким Сергеевич Гросул.— Ын картия: ЕСМ, вол. 2, Кишинэу, 1972, п. 201.

Гросул Яким Сергеевич.— В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1972, т. 7, с. 352.

Лазарев А. Президент академии. К 60-летию Я. С. Гросула. — Кодры, 1972, № 9, с. 125—127.

Лазарев А. М. 60-летие Я. С. Гросула. — Вопросы истории, 1972, № 10, с. 125—127.

Вартичан И. Савант дин попор: Президентул АШ а РССМ Я. С. Гросул. — Кишинэу. Газетэ де сарэ, 1972, 21 сент., Вечерний Кишинев, 1972, 21 сент.

Дестинул савантулуй: Я. С. Гросул. — Тинеримя Молдовей, 1972, 24 сент.

Йовва И. Активитате ын плинэ десфэшураде: Я. С. Гросул. — Култура, 1972, 16 сент., п. 5.

Макаров Л. Вырста ымплинириilor: Савантул Я. С. Гросул ла 60 де ань. — Молдова Социалистэ, 1972, 21 сент.

Беленъкий Б. Товарищ президент. К 60-летию Гросула Я. С. — Советская Молдавия, 1972, 21 сентября.

Ольшевский Р. Дорога трех поколений. (С. Гросул, В. Гросул, Я. Гросул села Карагаш Слободзейского района). — Молодежь Молдавии, 1972, 16 декабря.

Мохов Н. А., Дружинин Н. М. Член-корреспондент АН СССР Яким Сергеевич Гросул. — Новая и новейшая история, 1973, № 4, с. 200—204.

Фролов Н. П., Советов П. В. Шестидесятилетие Я. С. Гросула. — История СССР, 1973, № 1, с. 223—224.

Бусуйок Л. Оптимизмул мунчий: Ынтылниря алгаторилор дин районул Резина күя Я. С. Гросул. — Культура, 1974, 25 май, п. 6.

Яким Сергеевич Гросул (1912—1976). Савант-историк. Президент ал АШ а РСС Молдовенешть. Некролог. — Вяца сатулуй, 1976, 30 сентябрь; Молдова Социалистэ, 1976, 29, 30 сентябрь.

Яким Сергеевич Гросул (Ученый-историк. 1912—1976. Некролог.). — Вестник АН СССР, 1976, № 12, с. 105—106; Вопросы истории, 1977, № 1, с. 220—221; Правда, 1976, 30 сентября; Советская Молдавия, 1976, 29, 30 сентября.

Фунерарийле луй Я. С. Гросул. — Молдова Социалистэ, 1976, 2 окт.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АКАДЕМИКА ЯКИМА СЕРГЕЕВИЧА ГРОСУЛА	7
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ БЕССАРАБИИ К РОССИИ ДЛЯ СУДЕБ МОЛДАВСКОГО НАРОДА	25
АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕССАРАБИИ (1812—1861 гг.)	52
1. Феодальное землевладение	52
2. Система феодальной эксплуатации крестьян	66
3. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве	96
АВТОНОМИЯ БЕССАРАБИИ В СОСТАВЕ РОССИИ (1812—1828 гг.)	110
Предисловие	110
Введение	132
§ 1. Управление Бессарабии в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг.	137
§ 2. Временное законодательство и управление в 1812—1816 гг.	147
§ 3. Борьба оппозиции за сохранение автономных начал. Наместничество — акт ограничения автономии	157
§ 4. Учреждение об организации внутреннего управления Бессарабской области 1818 г.	168
§ 5. Учреждение для управления Бессарабской областью 1828 г. Ликвидация автономии	193
Заключение	203
КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1868 г. В МОЛДАВИИ	235
Комментарий	247
КРЕСТЬЯНЕ БЕССАРАБИИ (1812—1875)	251
ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И РАСЦВЕТ МОЛДАВСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ	283
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Я. С. ГРОСУЛА	294
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ, ВЫШЕДШИХ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. С. ГРОСУЛА	307
ЛИТЕРАТУРА ОБ АКАДЕМИКЕ Я. С. ГРОСУЛЕ	313

Яким Сергеевич Гросул

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ МОЛДАВИИ

*Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН Молдавской ССР*

Редактор Т. Д. Мозуль

Художник В. В. Качуровский

Художественный редактор И. А. Ростова

Технический редактор Е. И. Попушой

Корректоры Т. П. Ефремова, И. В. Сперанская.

ИБ № 1877

Сдано в набор 08.02.82. Подписано к печати 21.07.82. АБ07520. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,75. Усл. кр.-отт. 15.35. Уч.-изд. л. 22,9. Тираж 690. Заказ 166. Цена 3 р. 70 к.

Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3.

Типография издательства «Штиинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.

